Э. КВИН

Р. СТАУТ

Р. МАКДОНАЛЬД

ЗАРУБЕЖНЫЙ КРИМИНАЛЬНЫЙ РОМАН

PHOTOS BY ANDREY G AKA DONUT190

ФАНТАСТИКА · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ДЕТЕКТИВ

ФАТА МОРГАНА

ФАНТАСТИКА

·

ПРИКЛЮЧЕНИЯ

·

ДЕТЕКТИВ

ЗАРУБЕЖНЫЙ КРИМИНАЛЬНЫЙ РОМАН

Э. КВИН
Р. СТАУТ
Р. МАКДОНАЛЬД

Нижегородский филиал
СП «ИКПА»
НИЖНИЙ НОВГОРОД
1991

ББК 84.7 США
З 35

З 35 **Зарубежный криминальный роман:** Э. Квин. Латунный дом; Р. Стаут. Золотые пауки; Р. Макдональд. Неукротимый враг/Пер. с англ. С. Жулидова.— Нижний Новгород: Нижегородский филиал СП «ИКПА», 1991.— 608 с.

В сборник вошли романы известных американских писателей, классиков детективного жанра.

З $\frac{4703040100—000}{339—91}$ Без объявл. ББК 84.7

© Нижегородский филиал СП «ИКПА», 1991
Переиздание. Издательство
«Уральский рабочий»,
1991 г.

Эллери Квин

Латунный дом

Перевод
с английского

ЧТО?

Ричард мечтал обязательно поехать только в Сан-Хуан или Сент-Круа, однако Джесси настояла на том, что всякая молодая жена имеет право провести свой медовый месяц на Ниагарском водопаде (слова «молодая жена» она произнесла смело, учитывая их терминологическую уместность в данном контексте). Что ж, Ниагара так Ниагара — Ричард уступил, не противясь. Он был настолько влюблен, что согласился бы и на Ханой.

Телеграмму от отца Эллери получил в номере стамбульской гостиницы и плюхнулся с нею прямо на кровать. Он странствовал по свету, устраивая себе праздники для души, выуживая у начальников полиции утонченно-изысканно-запутаннейшие преступления, но до сих пор ему еще не попалось ни одного столь из ряда вон выходящего деяния как то, о котором сообщал ему собственный отец инспектор. Первое, что пришло в голову, было: вот старые дураки; однако, прилетев в Нью-Йорк, он обнаружил, что Джесси Шервуд — вовсе не одна из тех пышно цветущих девиц, так сказать, прихоть стареющего мужчины, а живая и миловидная душечка лет под пятьдесят с обаятельным молодым голосом и юными глазами, в которых читались мягкий юмор и умение настоять на своем, а также полное отсутствие двуличия и слабости характера. С минуту Эллери и Джесси испытующе смотрели друг на друга, словно в поисках того, что их могло бы разделять, и, не найдя ничего, заключили друг друга в объятия.

Венчание происходило в небольшой церкви в деревне у Джесси, после чего Эллери закатил в их честь прием в отеле «Элгонквин» из-за смутно испытывае-

мого чувства признательности к памяти Фрэнка Кейса и Круглого Стола, в шикарном номере из нескольких комнат, заставленных первыми весенними цветами. На Джесси было отделанное ирландским кружевом голубое фиалковое платье под цвет ее синих глаз, а на инспекторе — летний смокинг (он с раздражением отмел предложение повязать индийский кушак, сделанное Эллери с чрезмерным энтузиазмом,— редчайший случай, когда Эллери «подставил» отца).

Священник в присущей для типичного служителя англиканской церкви причудливо-выспренной манере разглагольствовал о благах брачного союза «в летнюю пору жизненного пути» — это выражение очень понравилось Джесси, тогда как ее жених сердито посмотрел на «слугу господня», лет на двадцать моложе его самого, который мог поэтому позволить себе относиться к нему с легкой снисходительностью.

Однако это начало имело вполне достойное продолжение. Могучим ревом водопад выражал новобрачным свое нескончаемое приветствие, приготовив для них ослепительное солнце, переливы радуги и туман. А у толстой индианки, сидевшей у самого ограждения на корточках, они купили подушечки, набитые сосновыми иголками, которые окутали их двуспальную кровать священным ароматом.

Когда, по окончании медового месяца, хорошенько поправившись, они возвратились в город, то поехали на квартиру Квинов. Из своей Джесси выехала, сдав вещи на хранение на неопределенный срок. Им все еще казалось, будто времени для того, чтобы это обсудить, у них еще предостаточно.

— Вот мы и до-ома,— с выражением пропела Джесси вполголоса. И тут же, закашлявшись от поднятой пыли, начала возиться с окнами, пытаясь их открыть.

Инспектор с глухим стуком поставил сумки на пол:

— В самом деле?

— Что ты хочешь этим сказать, Ричард?

— А как быть с Эллери — вот и всплыл этот вопрос.

— А-а,— отмахнулась Джесси,— я уже давно решила. Эллери будет жить с нами, и все тут.— И она занялась поисками тряпки для пыли.

— Возможно, и будет,— неуверенно проговорил инспектор,— а возможно, у него есть свое мнение на этот счет. Оно у него обычно бывает.— И он начал

перебирать свою накопившуюся почту.— Там посмотрим.

— Тут и смотреть нечего,— возразила Джесси, входя в комнату,— ты не сына потерял, а приобрел жену.

— Начинает доходить,— усмехнулся он.— Ладно, будем считать, что пока договорились.

— Почему это «пока»? Где еще мы найдем в наше время квартиру, которую могли бы себе позволить? Даже если я начну работать...

— Начнешь что? — грозно переспросил отставной инспектор.

— Работать.

— Сестрой тебе больше не бывать! Мне нужна жена, а не слесарь-сантехник в проктологическом отделении. Моей полицейской пенсии и того, что я подкопил, нам вполне хватит. Я женился на тебе не за тем, чтобы смотреть, как ты таскаешь судна из-под всяких там психопаток или психопатов! Не смей забывать об этом, Джесси Квин!

— Хорошо, Ричард,— покорно ответила Джесси. А про себя подумала: «Буду работать. Нам же нужны деньги. Что тут такого?»

Он рассматривал один из конвертов:

— Адресовано мисс Джесси Шервуд. Первое письмо сюда, и даже не удосужились оказать мне любезность и написать тебе под моей фамилией.

— Переслано сюда Адресной службой. Наверное, просят взносы на благотворительные цели. Я у них числюсь в разных списках.

Но это была не просьба о пожертвованиях. Джесси посмотрела, нахмурилась, снова взглянула:

— Черт возьми!

— Что такое, Джесси?

— Взгляни-ка сюда!

Оказалось, что это стодолларовая купюра.

— А там?

Там оказалась половинка тысячедолларовой купюры.

Глядя на красивые портреты президентов, инспектор тоже нахмурился. По своему богатому опыту он уже давно знал, что окутанные тайной предприятия, сулящие поначалу легкую наживу, так или иначе скверно завершаются в самом конце, если не раньше. Чтобы заинтриговать получателя, тысячедолларовая банкнота была разрезана по портрету Гровера Кливленда зубчатыми ножницами, образуя три зигзага в стиле «оп-арт».

— Ричард, что все это значит?

Он поднес банкноты к глазам, разглядывая их на свет:

— Не фальшивые. Почем мне знать? Посмотри-ка в конверте, Джесси. Должна же быть какая-нибудь записка.

Письмо действительно имелось, и они склонились над ним, соприкоснувшись головами. Два листа веленевой почтовой бумаги с красивым и глубоким золотым тиснением выглядели весьма внушительно. Вернее — выглядели бы, если бы не бурые, «лисьи» пятна, проступившие на бумаге, которая провалялась где-то не один десяток лет. Само письмо было отпечатано на машинке, как и адрес на конверте.

— На чердаке валялось, не иначе. Читай вслух, Джесси.— Его очки для чтения лежали поодаль, у старого кожаного кресла. — Черт бы побрал мои глаза! — Он постоянно посылал к черту ту или иную часть своего стареющего [illegible] организма; в текущем сезоне это были глаза.

Нежным голосом [illegible] с чуть заметным элементом женственности, противоречащим содержанию письма, Джесси прочла:

«Дорогая мисс [illegible], так начинался листок с бурыми пятнами.— Вне всякого сомнения, вы сочтете странным тот факт, что получаете приглашение от человека, совершенно Вам не знакомого. Даю Вам слово чести, однако, что это прежде всего в Ваших интересах.

Настоящим приглашаю Вас нанести мне визит в Латунном Доме, обители моих досточтимых предков, что находится под Филлипскиллом, штат Нью-Йорк.

Прилагаемая банкнота достоинством в сто долларов предназначается для покрытия Ваших дорожных расходов. Что же касается недостающей половины тысячедолларовой банкноты, то таковая будет вручена Вам по окончании Вашего визита. Пусть она станет для Вас воспоминанием о том, что, смею уверить Вас, явится весьма необычным событием.

Такси Вы сможете взять на железнодорожных станциях либо в Тэрритауне, либо в Филлипскилле, хотя последний несколько ближе. Если Вы решите прибыть на автомобиле, то сделайте второй поворот налево, после того как минуете гостиницу «Над Старой Рекой» — по дороге на Олбани, затем — первый поворот

рот направо, обозначенный указателем «частная дорога». Что же касается водного транспорта, то старая пароходная пристань уже много лет в неудовлетворительном состоянии, и я не могу поручиться за ее безопасность.

Выражаю надежду на скорейшую встречу с Вами. Вашим ответом явятся Ваше прибытие или отсутствие. В последнем случае присланная Вам половина банкноты достоинством в тысячу долларов, само собой разумеется, окажется для Вас бесполезной. В любом случае Вы можете оставить себе стодолларовую банкноту.

С искренним почтением
Хендрик Брасс».

Подпись была сделана, как заметила Джесси, трясущейся старческой рукой. «Судя по стилю,— подумала она,— старозаветный джентльмен». Она высказала это Ричарду, который встал за спиной, чтобы прочесть еще раз самому.

— Да, правильно, старинка. И старой школы. Насколько я понимаю, никакого Хендрика Брасса ты не знаешь?

— В жизни не слыхала.

Инспектор снял телефонную трубку.

— Вэлли? — спросил он сержанта, когда ему в ухо прогремел знакомый бас.— Конечно, приехали! Прекрасно, у нее все прекрасно. Послушай-ка, Вэлли,— хорошо, передам ей — помнишь здание на Пятой авеню под названием Латунный Дом? Что в нем теперь? Что известно о человеке по имени Хендрик Брасс *? Хендрик, на конце «ик». Здорово выручишь. Конечно, при первой возможности.— Он повесил трубку. Джесси озабоченно посмотрела на него.

— Раньше Латунный Дом был первоклассным ювелирным магазином, как Тиффани или Картье. Чтобы осмелиться войти в него, надо было быть шейхом, не меньше. Насколько помню этот фирменный магазин, он специализировался на золотых изделиях — сервизы из чистого золота и все такое. Вот уже несколько лет он закрыт. Вэлли сказал, его так и не открывали. В Нью-Йорке, по крайней мере.

* Непереводимая игра слов: «латунь», «латунный» — по-английски brass, «Латунный дом» и «дом Брасса» звучит и пишется одинаково: The house of brass. (Здесь и далее прим. перев.).

— Но в письме речь идет о Латунном Доме как о жилище, Ричард.

— А разве он не называет его «обитель моих достопочтимых предков»? Думаю, он просто пользуется старым названием фирмы.

Носик у Джесси задергался, словно у кролика:

— Ей-богу, Ричард, прямо не знаю, что и делать.

— Я знаю, что делать.

— Что?

— Отослать деньги назад и забыть об этом.

— Ты серьезно? — Джесси невольно испытала сильное разочарование. Вся ее жизнь представляла собой унылую последовательность раз навсегда отснятых кинокадров: ночные дежурства, вечно хныкающие женщины, судна, источающие вонь, пациенты-мужчины, либо щиплющие тебя пониже талии, либо норовящие ущипнуть, и извечный треугольник — сестра, практикант, заведующий отделением. Чего не хватало ей в жизни, так это неожиданного, и вот сейчас ей преподносили его на серебряном блюдечке [illegible] точнее, — на бумаге с золотым тиснением. А Ричард ее дорогой молодожен, велит ей отослать деньги и обо всем забыть.

— Ах, Ричард,— услышала она, как кто-то быстро произнес ее голосом, — дорогой мой!

Он был бесподобен. Пристально посмотрел на нее из-под кустистых бровей, и вся суровость на его лице растаяла, потекла, и он обнял ее.

— Ну разве я когда-нибудь могу запретить тебе хоть что-то, любимая? Но советую разузнать побольше. Что, если позвонить этому Хендрику Брассу и выяснить, все ли у него дома. Иногда ведь это можно определить прямо по голосу. Если хочешь, я позвоню вместо тебя.

— Правда, дорогой?

— Конечно! — и он рывком снял трубку.

Однако в справочной Латунный Дом Хендрика Брасса не значился, и он сердито бросил трубку на рычаги.

— Если бы не наличные, я бы счел это заурядным розыгрышем. Джесси, мне не хочется запрещать тебе, но...

Мужчина всегда должен оставаться мужчиной, тем более — молодожен. Джесси ничуть не встревожилась. Вместо этого она поцеловала его.

— Я просто сгораю от любопытства. И ни за что не поверю, что ты — нет.

— Если ты думаешь, что я отпущу тебя туда одну...

— Об этом я даже и думать не хочу. Ах, Ричард, нас, наверняка, ждет приключение! До чего захватывающе начинается наша супружеская жизнь!

И как же она оказалась права!

Имя Де Витт Элистер звучало будто специально придуманное для второразрядной пьесы, исполняемой третьеразрядной труппой. Но как ни странно, это было настоящее имя Элистера, которым он пользовался лишь тогда, когда одурачить человека нужно было каким-то уж особо изощренным способом. Очень давно кто-то посоветовал ему использовать в своих целях имя, уходящее корнями ко временам, когда отцы-основатели высадились со своих кораблей на берега Америки,— что-нибудь наподобие Джона-Раскаяния или Ройбена-Разочарования.

А тут еще, усугубляя и без того незавидное положение, миссис Элистер, сомневавшаяся в этом предприятии с самого начала, все сыпала и сыпала соль на его саднящую рану. Причем удавалось ей это без единого слова — достижение, которое кому-то и пришлось бы по душе, но только не ее супругу, давно уже переставшему восхищаться этим ее качеством.

Вот почему взаимная гармония отнюдь не царила между супругами Элистер, когда они входили в холл захудалой, но тщетно пытавшейся выглядеть приличной гостиницы на западе Нью-Йорка в районе 60-х улиц, которая, как утверждал Элистер, соответствовала их профессиональному имиджу и которая, как только что с горькой очевидностью выяснилось, для их подлинного имиджа была никак не по карману. Рыбина схватила было наживку, но сорвалась с крючка и исчезла в стремительном течении, оставив их с пустыми желудками и вне себя от ярости. Сейчас задачей номер один было найти не столь шикарную рыбку рангом пониже и надежные снасти, чтобы отловить ее. На внушительный конверт, извлеченный ими из своей ячейки в холле, они взглянули лишь мельком. Конверты внушительного вида почтения к себе им отнюдь не внушали. Таких конвертов за свою жизнь они и сами разослали предостаточно.

Оба они были погружены в глубокие раздумья.

Поднявшись в их захудало-претенциозный номер,

Элистер швырнул конверт на кровать, рухнул в стоящее у запыленного окна кресло и углубился в раздел скачек в газете, которую прихватил только что в холле с чьего-то стула. Миссис Элистер отперла один из двух чемоданов. Она достала оттуда электроплитку, свистящий чайник без свистка, ложку, две пластмассовые чашки и почти пустую баночку растворимого кофе. Наполнив чайник из крана в ванной, она поставила его на плитку, вставила вилку в розетку за спинкой кресла, в котором развалился ее муж, и опять пошла в ванную привести в порядок свое лицо, которое было аристократически чистым и естественным, хорошо сохранившимся, всегда имело ни к чему не обязывающее выражение и прекрасно служило ее целям. Выйдя из ванной, она села перед супругом и пристально на него уставилась. Через минуту он медленно опустил газету.

— Ну, что смотришь? - голос у Де Витта Элистера был сочным, с намеком на классическое британское произношение, которое отдавало фальшью. Так оно и было на самом деле. Родился он в штате Нью-Джерси.

— Итак,— ответила Элизабет Элистер,— наши дела не ахти.— Голос ее звучал совершенно бесстрастно. Да и что ей оставалось?

— Ты опять за свое?

— Я ничего такого не сказала.

— Ты не сказала?

— А что я сказала, повтори?

— Не повторю, а лучше вырежу и наклею.

Жена, похоже, ничуть не испугалась:

— Что делать будем, Макиавелли?

— Нужно подумать,— буркнул он.

— В разделе о скачках ответа не найдешь.

— Отстань от меня.

— А деньги у нас есть?

Пожав плечами, он вновь уткнулся в газету. Миссис Элистер ложкой достала кофе, налила воды, размешала и поставила одну чашку ему на подлокотник. Затем то же самое она проделала для себя. И все это с крайне утомленным видом. За многие месяцы этот диалог был одним из самых продолжительных.

Пересев на кровать, она отхлебнула кофе, целиком погрузившись в размышления. Процесс этот был явно не из приятных, для кого-то из них он предвещал катастрофу.

Внезапно она схватила письмо и вскрыла конверт.

Что-то недовольно пробурчав про себя, Элистер перевернул газетную страницу. Он был похож на известного актера Уолтера Пиджена, только глазки у него были маленькие и злые, словно у быка во время корриды. На узкой тропинке с таким типом лучше не встречаться. И за карточным столиком — тоже.

— Де Витт!

— Господи, ну что еще? — Он взглянул на нее поверх газеты. Она демонстрировала ему новенькую стодолларовую купюру и еще что-то, весьма походившее на половинку хрустящей тысячедолларовой банкноты. Элистер моментально протянул руку. Но Элизабет отдала ему только два листа какой-то покрытой ржавчиной веленевой бумаги. Деньги же она так и держала у себя в руке.

— Мне целую,— быстро проговорил он,— половинку можешь оставить себе.

В ответ на столь откровенно высказанное желание миссис Элистер улыбнулась. Стодолларовую купюру она протянула ему, а использованную спрятала за вырез платья. Элистер посмотрел купюру на свет, затем, не сказав ни слова, положил ее себе в бумажник из искусственной кожи и взялся за письмо. Закончив читать, он аккуратно поместил его во внутренний карман.

— Что скажешь, Лиз?

— Едем.

— Не уверен.

— Хоть какой-то сдвиг,— произнесла она, вставая.

— Ничего не теряем. И там еще полштуки.

— Наживка для простаков,— задумчиво сказала она.

— А что он из нас сумеет вытянуть? В общем, клюнули. Согласна?

Она пожала плечами.

Элистер схватил трубку, спросил:

— Точное время! — выслушал ответ и положил ее.— Двенадцать минут до расчетного времени,— сказал он жене и тоже встал.

Элизабет Элистер вымыла чашки и ложку, вытерла их полотенцем для рук, уложила вместе с баночкой кофе и плиткой в чемодан поменьше и заперла его. Муж надел тирольскую шляпу, темно-серый на теплой подстежке непромокаемый плащ и взял большой чемодан. Жена подошла к шкафу и извлекла оттуда шубу из русской рыси, напоминание о давно ушед-

ших временах процветания, которую она содержала в идеальном состоянии. Аккуратно приладив бежевую велюровую шляпку на свои крашеные волосы, она осмотрелась, взяла чемодан и, словно вспомнив, газету, украденную мужем, после чего первой вышла из номера.

Никто из них даже не оглянулся.

Доктора Хьюберта Торитона как нельзя лучше характеризовало то, что пациенты Медицинской Группы Южного Корнуолла звали его просто «Док», тогда как к трем его коллегам они обращались почтительнее — «доктор». В глазах товарищей по работе это было свидетельством его слабости, за что они постоянно ему выговаривали.

— Ну, хорошо, ты, значит, добрый старый терапевт,— насмехался член их группы, специалист по сердечным и легочным заболеваниям,— но не до такой же степени, Хьюб. Из-за тебя мы выглядим какими-то алчными вымогателями.

— Я же не специально,— оправдывался Хьюб Торитон,— у меня само так получается.

— Взять хотя бы счет Андерсонов. Вот уже семь месяцев он лежит неоплаченный. Ты спишь с миссис Андерсон или что?

Торитон вспыхнул:

— У миссис Андерсон выпадение матки и язва желудка,— жестко ответил он.

— Да, но ни то, ни другое не помешало ей закупить целых два ящика шотландского и пшеничного виски на ту попойку, что они закатили в субботу. Если дамочка берет выпивку ящиками, может же она, черт подери, оплатить счет за лечение. Твоя беда, Хьюб, что ты пытаешься стать этаким южнокорнуолльским Альбертом Швейцером. А кто будет оплачивать наши счета?

— Ты прав, конечно,— и Торитон, вынув свою старую толстую авторучку, выписал Медицинской Группе свой личный чек на сумму, указанную в счете Андерсонов.

Установилась неловкая тишина.

— С меня довольно,— воскликнул педиатр и, щелкнув зубами, прикусил сигару.— У тебя прямо талант заставлять меня чувствовать себя сукиным сыном.

Хьюб. Забери свой чек.— С этими словами он разорвал его.— Ладно, дружище, подождем еще малость. Ты опять на коне, Хьюб Торнтон!

Высокий хирург с интеллигентной бородкой покачал головой:

— Хьюб, тебе надо было пойти в государственную систему здравоохранения. Ты просиживаешь в этой клинике и ездишь по ночным вызовам больше всех нас вместе взятых.

— Кто-то же должен,— слабо возразил Торнтон.

— Тебе надо было родиться в другом веке. Ты знаешь, что у тебя под глазами мешки в дюйм толщиной. А Оззи вот утверждает, что у тебя туберкулез в начальной стадии. И какого черта ты не сдашь в починку свои очки? Ты похож на бродягу из притона. А костюм почему не сменишь?

Они стали перечислять длинный перечень своих застарелых претензий к нему.

Торнтон по-прежнему молчал. Он не раз пытался выйти из группы ради обхода палат, но, к его крайнему удивлению, остальные врачи всегда набрасывались на него за это так, будто он предлагал им заняться незаконными абортами.

Ему исполнилось сорок семь, он был худой как щепка, седина, словно раковая опухоль, стала расползаться по всей шевелюре, а если бы он вздумал подстричь и подровнять свои густые усы, температура в которых была явно повышена, то на это у него ушло бы слишком много времени. «Черт,— усмехался он,— должно быть, они, плюс ко всему прочему, и впрямь придают мне сходство с доктором Швейцером». К еде он относился равнодушно, хотя вечером перед сном и мог пропустить рюмочку коньяку. Замечание насчет очков тоже имело под собой основание: дужка сломалась несколько месяцев назад, и он скрепил ее лейкопластырем — просто не смог выкроить время, чтобы отнести очки в ремонт. Что же касается его упущения по линии шедевров портновского искусства, то костюм всегда надо отдавать то гладить, то удалять с него пятна от карболки, то тратить драгоценное время на покупку нового.

Какое-то время Хьюб Торнтон сидел с рассеянным видом, а в его заросшие волосами уши влетали, никак не воспринимаясь им, разглагольствования коллег о его пороках и добродетелях, — причем добродетели, по

их мнению, уже сами по себе являлись пороками — и думал совсем о другом. В себя он пришел, услышав громко произнесенное собственное имя.

— Что? — очнулся Торнтон.

— Я говорю,— повторил педиатр,— та девица с высокой прической, которая смахивает на хроническую боль в седалищной мышце. Кладет твое письмо в мою почту. Третий раз за эту неделю.— Он перекинул ему увесистый конверт.— Может, кто-то счет оплачивает, есть же бог на свете.

Разговор перешел на гольф, и они оставили его. Доктор Торнтон вскрыл конверт. Он извлек содержимое, и в горле у него что-то булькнуло.

— Боже праведный! — воскликнул пульмокардиолог.— Деньги! Хьюб наскочил на честного пациента.

— Черта с два, на честного,— громко возразил педиатр,— просто денежки завелись. Эй, слушай, там не купюра в тысячу долларов, разрезанная пополам?

— По крайней мере, сотенная — целая,— сказал хирург.— Но кто в наше время платит наличными?

— Где?— Торнтон оторвался от письма.— Я говорю, где этот Филлипскилл?

— Неподалеку от Тэрритауна,— ответил ему пульмокардиолог.— Это вызов на дом? За такой гонорарчик я бы и сам не отказался.

— Черт меня подери! — Торнтон покачал головой.— Ради бога, прочтите это.

Два листа веленевой бумаги пошли по рукам. Коллеги давали ему советы.

— Нельзя же брать эти деньги,— сказал Торнтон.— Они ведь настоящие, похоже. По-вашему, он — псих?

Трое современно выглядящих врачей переглянулись между собой. В председательствующие себя произвел хирург.

— Хьюб,— серьезно произнес он,— это твой шанс.

— Шанс на что?

— Шанс покончить с этой проклятой текучкой. Почему бы не взять этого типа за жабры. Он, наверное, выживший из ума миллионер, который в свое время выступал за бесплатное медицинское обслуживание. Так что скажешь, Хьюб? Черт, вот это дельце!

— И потом,— сказал педиатр,— можешь наконец использовать свой отпуск.

— И непременно,— добавил пульмокардиолог,— а то я на днях, ей-богу, обнаружу у тебя в мокроте кучу

носителей микробактерий, и уж тогда мы выставим тебя в отпуск, тебе же дороже.

— Да нельзя мне ехать! Как же моя практика?

— Возьмем на твое место Джо Эдельсона, он у нас тоже добренький. А если еще что прибавится, Хьюб, возьмем на себя. Поезжай. Хоть раз в жизни поступи благоразумно. Ну чем ты рискуешь, кроме своих сумок с барахлом?

— А мои пациенты в клинике?..

— Их тоже на себя возьмем.

Им потребовалось тридцать пять минут, если судить по настенным часам, на то, чтобы уговорить Хьюба Торитона положительно отреагировать на таинственно-загадочное приглашение мистера Брасса. К этому времени приемная была уже битком набита больными, страдающими простудой, катарами верхних дыхательных путей, похмельным синдромом. Хьюб дал согласие, но только при том условии, что сегодня они дадут ему самому сходить по всем вызовам, даже если ему и придется потратить на это, подобно доктору Швейцеру, весь день до позднего вечера.

Мисс Опеншоу обнаружила квадратный конверт у себя в почтовом ящике в подъезде вместе с обычными письмами с просьбами о пожертвованиях из института для обездоленных, миссионерской школы для индейского племени Окапуса, из лепрозория и нуждающихся благотворительных организаций и начала подниматься по лестнице, сложенной из бурого камня, в свою девичью квартирку.

Ей предстояло преодолеть два лестничных пролета и, как всегда по утрам, вынести тяжкое испытание, заключающееся в том, что надо пройти мимо двери мистера Бэйли. До чего же ужасен был этот мужчина со своими более чем явными намерениями в отношении к каждой представительнице слабого пола на своем пути. Кровь застывала у нее в жилах при виде того, как эта таинственная дверь приоткрывается и хищный карий глаз плотоядно раздевает ее.

Иногда он распахивал дверь настежь специально для того, чтобы предоставить ей возможность созерцать его во всей откровенной мужской вульгарной чувственности. У него была грубая манера не застегивать рубашку, демонстрируя отвратительные волосы

на груди. Как-то раз он все-таки отважился и начал к ней приставать. Ну, конечно, он обставил все по-умному. Произнес совершенно безобидное, на первый взгляд: «Доброе утро, соседка!» Тогда-то она и услышала впервые его голос, низкий, хриплый... ах, да что тут подыскивать определения, голос был мужским! И в полнейшей растерянности, будто со стороны услышала, как кто-то ее собственным голосом приглашает его к себе на чашку чая. К себе домой! Боже, что такое с ней произошло? Каким-то чудом ей удалось ускользнуть целой и невредимой. Дело в том, что этот мужчина отказался. Она совершенно отчетливо во всех деталях представила себе, что произошло бы, прими он это ее непродуманное приглашение. Она была буквально на волоске.

Когда сегодня утром она подходила к двери мистера Бэйли, ее шаги на лестничной площадке замедлились, и как должно было произойти, она прошла мимо. Это было странно, поскольку сердце у нее колотилось, а рассудок повелевал ей торопиться, пока дверь не распахнулась и перед нею не предстал он во всей своей отталкивающей волосатости. Однако ноги не повиновались ей.

К счастью, ничего не произошло. Дверь его так и осталась закрытой, и мисс Опеншоу поднялась еще на один пролет к своей двери, прижимая к груди почту и собственные страхи.

Корнелии Опеншоу было тридцать девять лет, она была, как говорят, «нецелованной», по крайней мере, если не считать детства, да и то лишь изредка — своей матерью, которая больше любила мальчиков, но ни разу — отцом, который был от нее так же далеко, как Иегова. Она производила впечатление не столько некрасивой, сколько невостребованной. Обыкновенно она вела себя словно пугливая мышка, однако временами казалось, будто ее ударяло током — того и гляди, подпрыгнет. Лицо ее всегда было покрыто толстым слоем косметики. Корнелия часами просиживала перед зеркалом за туалетным столиком, заставленным тщательно подобранными в фирменных парфюмерных магазинах «Елена Рубинштейн» различными снадобьями. Она неизменно каждое утро совершала свой ритуальный туалет, прежде чем спуститься за почтой, минуя столь опасную площадку второго этажа.

Быстро войдя в квартиру, она заперла дверь на

все три замка, вставила цепочку в прорезь и побежала опускать штору, которая была приподнята сантиметров на десять и пропускала свет. Она ужасно боялась, что кто-нибудь начнет за ней подсматривать, хотя в последнее время со смятением все чаще замечала, что почему-то стала забывать опускать штору.

Присев на кушетку в стиле эпохи регентства, Корнелия принялась просматривать почту. Чай, который она налила, прежде чем спускаться вниз, остыл, и она встала, чтобы подогреть его. С почтой можно было не спешить — она никогда не получала ничего существенного, за исключением чеков на скромную сумму — ренту, на которую она жила. Когда чай нагрелся, она опять села на кушетку и, отпивая чай мелкими глотками, взяла первый конверт.

Он был квадратным и увесистым.

Изящная веленевая бумага вызвала в ней теплые чувства. Редко встретишь почтовую бумагу такого качества сейчас, во время поголовного засилия дешевых товаров. От кого бы это могло быть?

Когда выпали деньги, Корнелия от ужаса раскрыла рот.

Она жадно пробежала письмо.

Содержание захватило ее целиком. Кто же такой Хендрик Брасс? Имя, похоже, иностранное, а Корнелия не любила иностранных имен. «Бойся данайцев, дары приносящих...» Дары! Ну, конечно! Конфетка, чтобы подманить невинное дитя, и еще не известно, кому принадлежит рука дающего. Этот высокопарный стиль, возможно, лишь приманка. Ведь он приглашает ее в такое место, которое, весьма вероятно, если судить по названию, очень удалено от ближайшего отделения полиции, возможно, в лесистой местности, где ее тело не обнаружат еще несколько лет после того, как он совершит над нею то, что задумал.

Мисс Опеншоу питала неутолимую страсть к книгам, в которых описываются подлинные преступления, таким как «Душитель из Бостона» и «Хладнокровный убийца». Она с дрожью вчитывалась в мельчайшие подробности, пытаясь вообразить себе детали, ее воображению никак не поддающиеся.

Благоразумнее всего было бы отнести письмо и деньги прямым ходом в полицию.

Она потянулась к телефону.

Однако что-то заставило ее отдернуть руку — лю-

бенность или изрядная доля здравого смысла в той неразберихе, которую можно было именовать ее интеллектуальным багажом. Бумага была старой. Несомненно, насильник не стал бы продумывать такие детали... а разрезанная тысячедолларовая банкнота? Почему так много? Такую сумму можно объяснить только наличием крупного состояния, решила она, состояния, перешедшего по наследству, что рисовало в ее воображении гостиные, обставленные в викторианском стиле, и высокого красивого смуглого джентльмена, неизменно переодевающегося к обеду.

Чем больше мисс Опеншоу размышляла над предложением Хендрика Брасса, тем менее рискованной ей виделась перспектива.

Наконец, сверкая разгоревшимися от возбуждения колючими голубыми глазками, она решила ринуться навстречу опасности.

Но как бы там ни было, вести себя безрассудно не имело смысла. Встав с кушетки, Корнелия Опеншоу подошла к письменному столу эпохи королевы Анны. Сев за него, она выписала чек на оплату квартиры за три месяца, вложила его в конверт, написала адрес, наклеила марку и положила в сумочку, чтобы отправить сразу же. Затем взяла лист почтовой бумаги фирмы «Тиффани» и приготовилась писать.

Спустя двадцать минут, наполнив корзину для бумаг смятыми листами, она перечитала не поддающийся более сокращению окончательный и минимальный по объему текст:

«Если не вернусь к следующему сроку внесения квартирной платы, пожалуйста, немедленно сообщите в ФБР. Корнелия Опеншоу».

Липкой лентой она приклеила записку к золоченой рамке своего зеркала, на видном месте прикрепила к зеркалу письмо Хендрика Брасса, уложила в чемодан крокодиловой кожи свои платья с оборками и рюшами и особенно тщательно — тончайшее белье, положила целую и разрезанную купюры в сумочку и пустилась на поиски ужасных приключений.

Подобно всем демобилизованным ветеранам, с того времени, как на земле начались войны, Кит Палмер пребывал в состоянии неопределенности, когда ему пришло письмо. Он уже совершил путешествие во Вьет-

нам, а то, что вернулся оттуда с головой на плечах, никакого отношения к делу не имело. Он все еще не забыл своих сослуживцев в вертолетах.

Сначала его сунули на какой-то важный пункт на базу в пяти милях от Дананга, и это было бы здорово, если бы не вьетконговские обстрелы из минометов по ночам, когда не видишь ничего, кроме разрывов. Потом по непробиваемой военной логике его посадили пулеметным стрелком на вертушку без единого тренировочного полета. После этого одна за другой пошли аварийные посадки. Какая-то логика в этом все же была, поскольку до призыва в армию Кит занимался небольшим бизнесом, связанным со сбором макулатуры и металлолома. Такая логика, однако, оказалась бы чересчур железной, и, конечно же, это было ничем иным, как совпадением.

И все же его пронесло. В одной из аварий ему посчастливилось и он лишь растянул лодыжку. Из всего экипажа уцелел он один, и спасательная команда подобрала его ровно через шестнадцать минут, на этом его везение кончилось.

Четверо парней, с которыми он еще «салагой» служил в штате Теннесси, были отправлены домой в ящиках, покрытых американским флагом. Одному что-то там ампутировали, а пятый подцепил дурную болезнь во время краткосрочного отпуска в Гонконге. Единственное, что Кит привез, так это самого себя. Ну, конечно, его еще ждала Джоанна и маленький Шмули, как называл его Билл Перлберг, но это уже совсем другая история.

Неопределенность заключалась в том, что после Вьетнама и аварий вертушек бизнес, связанный с металлоломом, как-то утратил всю свою привлекательность, а другого на горизонте ничего не появлялось. Словно в калейдоскопе, чередовались какие-то дурацкие работенки, а однажды произошел один промежуточный эпизод, когда он спрятался в товарном вагоне, который шел в неизвестном направлении, как-то позабыв, что у него есть жена с ребенком (после чего Джоанна решительно заявила, что, когда такое случится в следующий раз, снимется она сама с малюткой Самом, но уже не в товарняке) так что как сыр в масле он не катался. Что же было делать? Вот над чем ломал голову Кит, когда ему пришло письмо из Филлипсвилла, штат Нью-Йорк.

Он недоверчиво вертел в руках хрустящую сотенную и отрезанную половинку тысячной купюры, сидя в крошечной конторе, над входной дверью в которую до сих пор качалась вывеска «Палмер и Перлберг». (Билл, его бывший компаньон, вернулся из Вьетнама, все еще питая какие-то надежды.) Кит специально зашел, чтобы показать ему письмо от Хендрика Брасса, а также потому, что было поганое субботнее утро, и дома сидела Джоанна, и он уже шесть раз сменил из-под Шмули пеленки, и Джоанна опять разнылась: «Ну займись же, наконец, хоть каким-нибудь делом!»

— Что скажешь, Билл?

Билл, как всегда обстоятельно, обдумывал прочитанное:

— По-моему, бред какой-то.

— А по-моему, нет,— возразил Кит.

Со стороны это были славные опрятные двадцатипятилетние американские парни, точь-в-точь из второго состава футбольной команды *.

— На мой взгляд, это нечто из английского романа.

Билл покачал головой:

— Англичане денежками не швыряются. Этот «бред» наверняка американский. Что собираешься делать?

— А как бы ты поступил, Билл?

— Черт его знает. Сумма-то, конечно, кругленькая, но ведь мне надо нашим делом заправлять.

— Я тебе уже сказал, что я больше к нему отношения не имею! Во всяком случае...

— «Случая» тут два: Джоанна и Шмули. Со своей фрау уже обговорил?

— Я смылся, она ничего не знает.

— Я гляжу, у вас не жизнь, а ад кромешный. В чем дело?

— В том, что она — работающая жена. Ты думаешь, на что мы живем? Нам же не протянуть на те гроши, что мне платят в муниципальном дорожном управлении. А вкалывать приходится будь здоров.

— Я с ней поговорю.

— Ты ей не муж.

— Я никому не муж,— запальчиво отрезал Билл,— заруби это на носу.

---

* Имеется в виду не европейский, а американский футбол — игра, в которую, спорта, занимаются которым, как правило, люди атлетического телосложения.

— Не могу же я вот так взять и уйти и отправиться за второй половиной этой купюры, а она еще, может, фальшивая, почем я знаю. Или могу?

— Ну вот, уже и заговорил, как тот придурок Гамлет.

— Еще одна моя такая самоволка у Джоанны не пройдет. Она и так думает, что я то и дело сачкую.

— Вот и ответ.

— С другой стороны, как же можно совсем не ехать?— сказал Кит, массируя костяшки пальцев.— Такое шикарное дельце.

— За чем именно ехать? Вот в чем вопрос.

— Точно, как раз в этом. Потому и шикарное.

— Слушай, старик, тебе все же надо разобраться в своих мыслях.

— Потому я к тебе и обратился, не понимаешь, что ли? — с горечью в голосе спросил Кит Палмер своего закадычного дружка.

От Линн О'Нил веяло неизъяснимой свободой, особенно когда она смеялась, что она и делала в эту минуту. Глядя на нее, вспоминались героини фильмов о «диком Западе» с длинными каштановыми волосами, развеваемыми ветром прерий, сидящие в длинных фургонах с ружьями на коленях, закрытых длинными юбками. С утра ветерок разносил исходящий от нее аромат свежескошенной травы. Все это создавалось за туалетным столиком перед зеркалом, ибо Линн, девушка семидесятых годов, была дитя своего века. Когда она ездила верхом последний раз, лошадь взбрыкнула и сбросила ее, сломав ей при этом три ребра. Вот такие это были семидесятые.

Она смеялась, открывая квадратный конверт, но, конечно же, не над тем, что из него выпало, тут она вскрикнула, а над такой забавной штукой, как страхование жизни. Нет, нет, она ничего не имела против самого по себе страхования жизни, но она намеревалась прожить никак не менее ста лет или, по крайней мере, до пятидесяти, да и как бы там ни было, кому она оставила бы страховку? Но даже будь у нее желание к такого рода сделке, она, разумеется, и думать бы не стала о том, чтобы страховаться у Тома, или Лика, или... нет... его звали Гарри. Считать он умел. Линн никогда бы не назначила ему и делового сви-

дания, не говоря уже о любовном, окажись он даже единственным здоровым мужчиной в Вэгон Спрингс. Из носа у него росли рыжие волосы, а глаза были как у каракатицы, тошнотворного ядовито-зеленого цвета.

— Эй! — воскликнул Гарри.— Мисс О'Нил, вы разбрасываетесь банковскими билетами Соединенных Штатов.

— Они просто выпали,— ответила Линн, уж простите мне мое прегрешение. Я никогда не читаю писем, когда с кем-то разговариваю, но это такое необычное, что я просто сгораю от любопытства.

— Не торопитесь,— сказал Гарри, проделывая чудеса акробатики своей костлявой шеей.

Линн прочла письмо от Хендрика Брасса. Прочла во второй раз. Затем округлила губки в идеальную букву «О» и произнесал: «О!» и «Боже!» и прочла его в третий раз.

— Кто-то оставил вам кучу денег? — шумно задышал Гарри.

— Не совсем. Точнее — совсем нет. Ах, просто не знаю, что делать.

— Дайте-ка сюда,— и к ее вящему удивлению, он выхватил у нее оба листка веленевой бумаги и начал читать ее письмо.

— Эй! — сверкнула Линн глазами, как топазами.— Это письмо адресовано мне.

— Советую деньги оставить себе, а письмо выбросить. Теперь о страховке...

— Как-нибудь в другой раз,— отрезала Линн, вставая.

— Что ж, утро вечера мудренее.

— Для вас — может быть, Гарри, а я уже решила,— и Линн, вне себя от такого обращения со своим письмом, стремительно направилась к двери. Когда она вернулась, Гарри уже ретировался. Она взяла стодолларовую банкноту и разрезанную тысячную и перечитала письмо в четвертый раз. На Западе, где мужчины были мужчинами, Линн накопила большой опыт по борьбе с соблазнами. Может, этот Брасс — искатель любовных приключений. Судя по письму, он староват, но это вовсе не означает, что его надо сбрасывать с крючка, как раз старички-то держатся на нем лучше всего. С другой стороны, его стиль отличается каким-то приятным юмором, исключающим наглое приставание

В конце концов все это может оказаться пустой болтовней.

Окончательное решение Лини приняла по экономическим соображениям. Переживания и треволнения никогда не составляли существенную часть ее натуры, а вот потребность в питании — да. Дело же заключалось в том, что она являлась одной из тех служащих с небольшим стажем, которые только накануне получили выходное пособие в сопровождении обычного в таких случаях отпечатанного на машинке казенного выражения сожаления.

Ввиду географической удаленности ее города от Филлипсвилла, штат Нью-Йорк — где бы он там ни находился,— полет на самолете и даже поездка на отходящей в прошлое железной дороге исчерпали бы все ее скудные накопления. Она не знала, хватит ли ей на дорогу ста долларов, но она прекрасно знала, что дешевле всего ехать автобусом, поэтому она позвонила на автобусную станцию, выяснила необходимые данные и цифры и принялась выпутываться из создавшегося затруднительного положения.

«Смелее на Восток, девушка,— подбодрила себя Лини О'Нил, укладывая вещи,— поглядишь, что же собой представляет этот Хендрик Брасс».

ГДЕ?

Ричард и Джесси Квин удобно расположились в резво мчавшемся «мустанге».

Сменив фамилию, Джесси позволила себе одно дорогое удовольствие — продала свой старенький «додж» в счет покупки нового автомобиля, красного, как пожарное ведро, с ярко-красными сиденьями и со всевозможными техническими усовершенствованиями и новинками в духе мистера Форда, так и бросающимися в глаза. Ричард, заботу о потребностях в передвижении которого до его отставки брал на себя муниципалитет города Нью-Йорка, обрадовался машине новой марки как восьмилетний мальчуган, обнаруживший рождественским утром у себя под подушкой желанный подарок.

Будучи человеком старомодным, он и маршрут избрал старомодный — парковую дорогу вдоль реки Гудзон, мимо лесопильни. Возможно, был и другой

путь, но старая лесопильня в течение многих лет служила ему ориентиром, так пусть же послужит и на этот раз.

Денек выдался свежий и бодрящий, и инспектор вынужден был признаться самому себе, что и кровь у него в жилах тоже будто потрескивала. Потрескивание это лишь отчасти приглушалось некоторым набором фактов, собранных им в библиотеке на Сорок второй улице и в редакционном архиве одной газеты, где работал его приятель.

— Задумался,— упрекнула его Джесси,— о чем же?

— Да все об этих шутниках Брассах.

— Так не пора ли поделиться со мною тем, что ты выяснил, Ричард? Письмо-то ведь пришло мне.

— Их предки эмигрировали из Голландии. Сначала фамилия у них была Ван ден Брас или Ван дер Брас. В конечном счете буква «с» удвоилась, а все эти приставки отпали.

Джесси поудобнее устроилась на сиденьи, почти свернувшись калачиком. Необычность этой загадки уже стала вызывать у нее не просто любопытство, а чувство тревоги. В сотый раз она подытоживала преимущества своего союза с этим бесподобным мужчиной. И как только она жила без него раньше?

— Продолжай,— сказала Джесси.

— Первые эмигранты,— продолжал «бесподобный мужчина»,— поселились здесь два века назад. Уже тогда Брассы занимались обработкой металлов. Обосновавшись в своем поместье, дарованном им губернатором штата Нью-Йорк как голландцам — членам Вест-Индской компании, они уже тогда были вполне обеспечены и весьма скоро разбогатели. Разбогатев, они и отстроили это имение, в местечке между Тэрритауном и Филлипскиллом — в ту пору маленькими деревнями. Но дом этот вскоре стал для них тесен. За несколько десятков лет он разросся до огромных размеров, а одно крыло было полностью отведено под мастерские. Вполне закономерно, что в их изделиях стали появляться и драгоценные камешки. Однако больше всего Брассы прославились изделиями из золота и серебра, а позже — платины.

Джим Фиске, как утверждали, вложил в Латунный Лом не менее пятисот тысяч долларов из украденных им денег с помощью компаньона Джози Мэнсфилда — подставного лица. Согласно этому же досье Босс

Тоид почти столько же выложил на свадебные подарки своей дочери. Однако, как правило, клиентами Дома были такие респектабельные денежные тузы, как закаленный в финансовых битвах Джон Пирпойнт Морган-старший.

— Тогда эти Брассы должны быть мультимиллионерами,— с видимым облегчением заметила Джесси, как будто обладание многими миллионами само по себе уже давало ей абсолютную гарантию от злодеяний.

«Мустанг» во весь опор несся по шоссе, и инспектор улучил минутку, чтобы полюбоваться видом на Гудзон в это самое прекрасное время года.

— Вполне могут быть,— сказал он,— ведь лишиться таких денег вдруг — трудновато. Хотя у меня такое чувство, что эта семейка вылетела в трубу. Доподлинно известно, что на сегодня в ящик не сыграл лишь один из них, этот самый Хендрик, по крайней мере здесь, в Филлипскилле. Живет он всего с одним слугой вот уже больше десятка лет. Что-то вроде отшельничества.

— На такой дом и только один слуга?

— Так написано в газетах, которые я раскопал. Якобы он ухаживает за стариком и выполняет всю работу по дому.

— Сколько ему лет?

— Кому, Брассу? Должно уже семьдесят шесть стукнуть.

— Так они вдвоем живут в огромном замке?

— И это еще не предел скопидомства. Недавно один репортер попросил кое-кого из местных разузнать обстановку, и ему рассказали, что почти ни из одной трубы дома не идет дым, даже зимой, в самые сильные холода. Но утверждают, что дым всегда виден из трубы в том крыле, где мастерские.

— Прямо средневековая загадка какая-то,— неуверенно улыбнулась Джесси.— Готова спорить, что он расхаживает в меховой мантии, расшитой звездами, а на голове — колпак.

— Как бы там ни было, не нравится мне все это,— заявил Ричард Квин тоном видавшего виды инспектора полиции.— Ты, значит, точно решила ввязаться в это дело?

— Я согласна с тобой, Ричард,— Джесси удалось даже изобразить трепет, что в такой ситуации оказа-

...ь совсем не трудным. Но сейчас, когда мы уже ехали так далеко, ничего страшного, если мы просто посмотрим, правда ведь? Мы всегда можем сказать: «Нет, спасибо» и уехать.

Он фыркнул и начал внимательно следить, когда появится поворот на Почтовую дорогу в сторону Олбани. Наконец он свернул, и они поехали в сгустившейся тишине.

— Вот она, эта гостиница, Ричард.

Гостиница «Над Старой Рекой» возникла совершенно неожиданно. Это было большое строение из бурого камня и кирпича с деревянной галереей, провисшей, словно дряблый живот у старухи.

— Он, кажется, пишет, второй поворот налево после этой гостиницы?

— А черт его знает, посмотри в письме.

Джесси прочла и кивнула:

— Второй налево.

Съехав с Почтовой дороги, они обнаружили, что стремительно погружаются в прошлое. Асфальт исчез, дорога стала совершенно непредсказуемой, с обеих сторон их будто пытались схватить переплетенные ветви деревьев. В одном месте они выехали на взявшийся откуда ни возьмись ненадежный деревянный мостик над почерневшей водой. Вот уж поистине — Сонная лощина. Без особого труда Джесси представила себе, как Всадник Без Головы в «самый колдовской ночной час» преследует перепуганного до смерти Икабода Крэйна, окутанного дымом от выстрелов старинным порохом *.

— Ричард, ты едва не проехал! Он пишет, первый поворот направо. Вон туда, где знак «частная дорога».

Вырулив, инспектор свернул на проселочную дорогу. Вокруг росли деревья с неухоженными, хищно раскинутыми ветвями, дорога то и дело сужалась, все вокруг было в полном запустении... но вот резкий поворот, и... наконец перед ними предстал кусочек старой Европы, перенесенный в американский ландшафт.

Латунный Дом состоял из нескольких строений, притулившихся друг к другу, как щенки, прильнувшие к соскам матери. Основное здание было приземистым

---

* Речь идет о рассказе американского романтика Вашингтона Ирвинга «Легенда Сонной лощины».

и удлиненным, стены — каменные, а верхний этаж был покрыт двускатной гонтовой крышей, плавно нисходящей по обе стороны от высокого конькового бруса; основной склон крыши был пронизан строго упорядоченной линией слуховых окон. Торцы шипцов были обшиты досками.

От этого основного здания отходило целое семейство пристроек, каждая из которых представляла собой как бы самостоятельный дом под отдельной двускатной крышей, частично из песчаника, а частично из дранки, и даже из кирпича. Две крыши образовывали внизу желобы, то ли для того, чтобы не загораживать льющийся в окна свет, то ли для отвода ливневых стоков. А на всех крышах, словно после небывалого грибного урожая, громоздились побеленные трубы различной высоты и размеров — высокие, тонкие, короткие, толстые, резко выделяясь на фоне неба. Похоже, что в каждой комнате этого громоздкого обиталища имелся отдельный камин. Труб было не менее тридцати.

Парадная дверь основного здания оказалась совершенно необыкновенной. Она была отлита из цельного куска ослепительно сверкающей латуни. Еще не затормозив, они из машины увидели, что латунь была тщательно изукрашена рисунком, напоминающим средневековый гобелен. Латунь! Ну, конечно! Кто-то, если не сам Хендрик Брасс, то один из его предков, проявил свое чувство юмора в этой своеобразной игре слов с архитектурно-строительным оттенком.

Джесси радостно сообщила об этом мужу, пока они ставили машину, но в ответ тот лишь что-то невнятно буркнул. Всю свою жизнь инспектор посвятил борьбе со злом, и у него выработался автоматизм брать под подозрение все, что хоть немного отклонялось от нормы. Лично для него огромная латунная дверь явилась лишь кульминационным пунктом в целой цепи отклонений. И Джесси, уже успевшая хорошо узнать его, вздохнула, опасаясь, как бы его хмурый вид не превратился в постоянное выражение на дорогом ей лице.

Не наблюдалось никаких признаков жизни.

— Знаешь, дорогой,— сказала Джесси, высунув из машины и распрямив ноги, которыми так восхищался ее муж,— когда-то давно здесь наверняка было очаровательно.

— Когда-то,— ответил он,— чертовски давно!

Все находилось в запустении, кроме латунной двери, сиявшей так, будто ее тщательно надраили до неимоверного блеска сегодня утром. Даже виноград, карабкающийся вверх по стенам, выглядел каким-то рахитичным. А земля, на которой когда-то цвели ухоженные голландские сады, теперь поросла сорняками.

Тяжело ступая, инспектор прошагал по почерневшим красным кирпичам, которыми была вымощена подъездная дорожка, взялся за огромное дверное кольцо и громко постучал им о дверь. В ожидании ответа он разглядел, что напоминающий гобелен рисунок на латунной двери изображал различные сочетания весов, тиглей, молоточков для работы по золоту, граверных инструментов и тому подобных предметов. Даже дверное кольцо было украшено ими.

Джесси, которую в эту минуту не интересовали ни двери, ни дверные кольца, откинулась на спинку сиденья, ожидая чего угодно и не надеясь больше ни на что, разве только на какой-нибудь предлог, чтобы развернуться и уехать прочь.

Дверь дрогнула, будто птица, изготовившаяся к полету. И возник он — Джесси было подумала о нем как о неодушевленном предмете — оно, непонятно кто, заслонив собою почти весь дверной проем, невероятных размеров фигура человека, которого можно было бы назвать величественным и импозантным, если бы он не производил впечатления какого-то совершенно сверхъестественного кретинизма.

К ужасу своему в эту самую минуту Джесси услышала собственный смех. Это было уж слишком чрезмерным, и она никак не могла взять в толк, похож ли он на ужасное чудовище из романа Мэри Шелли* или на дворецкого Лэрча из ежедневного телесериала о жизни старинного семейства Адамсов.

За то время, что Джесси проработала медицинской сестрой, ей приходилось иметь дело с пациентами, страдавшими от нарушения функции гипофиза, однако обычно изменение состояния ограничивалось у них увеличением костей черепа и мягких тканей на кистях и ступнях, остальные же части тела сохранялись относительно нормальными. Но у этого человека акромегалия распространилась на весь организм. Он, разумеется,

---

* Фантастический роман Мэри Шелли «Франкенштейн, или современный Прометей» (1818 г.), многократно экранизированный

ется, был в этом не виноват, однако болезнь его отнюдь не украшала. Джесси на минуту закрыла глаза, чтобы обрести свое профессиональное самообладание. Открыв их, она увидела, что человек внимательно изучает ее поверх головы Ричарда.

«Боже,— подумала Джесси,— он все видел». И она решительно подошла к инспектору, встав рядом с ним, пытаясь вселить уверенность в мужа и самое себя.

У человека был низкий лоб, из-под которого на вас смотрели маленькие, ничего не выражающие, но свидетельствующие о слабоумии глазки тускло-зеленоватого цвета, словно дешевые мраморные шарики, пообтертые в мальчишеском кармане. «Это только глаза,— милосердно рассудила Джесси,— придают ему такой придурковатый вид». Поверх запылившегося черного костюма на нем был надет обыкновенный передник в полоску, а узелок маленького черного галстука почти совсем скрылся под выступающим подбородком. Наверняка — доверенный слуга Хендрика Брасса.

Что о доверенном слуге Хендрика Брасса подумал Ричард Квин, смог бы определить, пожалуй, лишь эксперт. Однако Джесси, быстро приобретавшей квалификацию эксперта, явственно послышалось в его интонации: «Вот, говорил же я тебе!»

— Наша фамилия Квин.

— Квин? — голос у человека был квакающий, с нарастающей вибрацией, похожий на басы рояля, не настраивавшегося годами. Пятнистая лапа полезла в карман передника, достав оттуда немнущийся листок — та же самая бумага, подметила Джесси, на которой Брасс разослал приглашения.— Квинов тут нет.

Он отступил назад, явно намереваясь захлопнуть дверь у них перед носом.

— Постойте,— остановил его инспектор.— Я забыл. Я хочу сказать, у вас там должно стоять «Шервуд».

— Шервуд? — зеленоватые мраморные глазки вновь пробежали листок: — Да, Джесси Шервуд.

Он сделал шаг в сторону. Джесси и Ричард взошли на крыльцо. Великан моментально всей своей тушей преградил путь Ричарду.

— Не вы,— сказал он,— она.

— Но, пожалуйста, выслушайте меня,— вступилась Джесси. — Нет, дорогой, я сама. Мистер Брасс, по-видимому, не знал, что я вышла замуж. Я не хожу без своего мужа. Если мистеру Брассу нужна

ч, то ему придется принять и мистера Квина. Ступайте же и передайте это мистеру Брассу.

Гипертрофированной величины губы скривились:

Пойду узнаю, — и он захлопнул за собой дверь. Им пришлось сойти вниз.

И ты по-прежнему намереваешься пройти все это до конца, Джесси? — спросил ее Ричард угрожающе мягким тоном.

— Ах, Ричард, но ведь бедняга же не виноват. Таким уж он уродился. Давай подождем и посмотрим, что собой представляет Хендрик Брасс.

— Всякий, кто держит такого типа, чтобы встречать гостей, сам наверняка не в своем уме. Помни мои слова, ты впутываешься в передрягу, о которой потом сильно пожалеешь.

— Ну, милый, ты же обещал...

— А возможно, мы уже сейчас здорово рискуем. Эта громадина фунтов на полтораста тяжелее меня *.

— Да он, скорее всего, самое безобидное существо на свете, милый. Я знала столько страдавших акромегалией. Они такие кроткие.

— И смышленые?

— Да.

— Ну, этот не из тех. В башке у него что угодно, только не мозги. Точно тебе говорю, предвидеть, что подобный тип может выкинуть, невозможно.

— В ваших словах слышится отсутствие какой бы то ни было терпимости и сострадания, Ричард Квин! Не лучше ли подождать и все увидеть самим?

Латунная дверь с лязгом отворилась внутрь, заставив их вздрогнуть.

— Проходите.

— Вдвоем? — В голосе инспектора послышалось разочарование.

Человек кивнул и посторонился.

— Вот видишь, Ричард? — сказала Джесси.— Действительно, мне следовало сообщить мистеру Брассу, что со мной придешь ты. С моей стороны это было бы проявлением вежливости.

Инспектор пробурчал что-то, выразив свое отношение к вежливости, и они ступили на территорию Нью-Амстердама. Точнее, на то, что могло бы быть Нью-Амстердамом, если бы не латунь.

* 150 фунтов = ок. 68 кг.

Латунь мерцала и вспыхивала бликами повсюду. Вещи, которые можно было бы считать подлинными голландскими образцами эпохи средневековья и промышленной революции, она преобразила в предметы, лишенные как подлинности, так и красоты, излучающие только латунный блеск. Латунные ручки были приделаны даже к старым щеткам для волос и метелкам. Они заметили плетеную корзину, ивовые прутья которой стали лишь обрамлением к латунному контейнеру.

Ричард и Джесси стояли в просторном коридоре, протянувшемся на глубину всего дома. Передний зал был почти целиком виден через широкий дверной проем слева. Сразу бросался в глаза камин в человеческий рост, передняя и задняя стенки которого были облицованы латунью. Видимо, подумали они, хозяин дома, помешавшийся на латуни, не стал покрывать ею старую голландскую кирпичную кладку и чугунную дверцу единственно из практических соображений. Но весь каминный инструмент был из латуни; ею же был обит и деревянный ящик для этого инструмента.

Слуга Брасса, неожиданно представившийся как Гуго, ушел к машине за их багажом. Стоя перед ними, обхватив каждой из своих обезьяньих лапищ по сумке, он кивком позвал их за собой, идя к лестнице первым. Лестница тоже была голландской, с балюстрадой. В свое время верхние этажи служили для хранения продовольствия, сена, прядильных и ткацких материалов и, следовательно, по мнению бюргера, не требовали отопления. Балюстрада была, разумеется, тоже обита тонкой листовой латунью. Поручни, которые когда-то были, вероятно, красного дерева, были заменены латунными. Стойки перил лестничных маршей, первоначально тонкой работы, были теперь тоже латунными. К ступеням были прикручены латунные плиты, истертые за долгие годы ногами. А портреты, по видимости изображавшие предков, примитивно намалеванные вполне заслуженно позабытыми живописцами, с исполненными достоинства физиономиями владельцев поместья, изборожденные мелкой сеткой потрескавшейся краски, были развешены вдоль лестницы снизу вверх и сопровождали поднимающихся по ней посетителей, причем каждый портрет был заключен в массивную раму из узорчатой латуни.

Коридор наверху представлял собой узкий проход

с затемненными поворотами там, где он сужался, переходя в пристройку. Это место наводило на мысль о том, что где-то здесь находилась спальня, приготовленная людоедом для Мальчика-с-Пальчик. Однако разочарованы они не были. Следуя за Гуго и проходя мимо распахнутых дверей — некоторые двери были закрыты,— они заглядывали в пустые, темные крохотные спальни, замечательные лишь своим латунным интерьером: дверные ручки, кровати, лампы, каминный инструмент, канделябры, бра, щипцы для снятия нагара со свечей, маятники часов, карнизы и люстры (некоторые переделанные в электрические, а остальные все еще с газовыми рожками) — всё, всё из латуни.

Толчком ноги Гуго открыл дверь и зашагал внутрь, подав своей огромной головой знак «следуйте за мной». Они оказались в крошечной гостиной, облицованной латунью с пола до потолка. Металл был испещрен теми же рисунками, что они видели и на парадной двери. Комната была обставлена разваливающейся голландской мебелью. Стулья походили на строгие церковные скамьи.

Великан протиснулся еще в одну дверь, согнулся при этом и выронил их сумки. Супруги Квин молча проследовали за ним в спальню. Комната эта производила впечатление битком набитой — и оттого, что в ней стояло слишком много мебели, и оттого, что она была небольшой. Та же отслужившая свой срок мебель, что и везде.

Двуспальная латунная кровать с пышно взбитой периной казалась мягкой, но несвежей. Здесь все выглядело недостаточно чистым. Сердце у Джесси заныло. Нескольким отважным лучикам солнца удалось пробиться сквозь оконные ставни, сколоченные на голландский манер с пропиленными отверстиями в виде полумесяцев, сердечек и цветочных горшочков.

К своему облегчению, Джесси обнаружила, что к латунной люстре подведено электричество. По крайней мере, им не придется портить зрение, если захочется почитать перед сном. Однако осмотревшись, она не обнаружила ни книги, ни даже журнала. А им и в голову не пришло взять с собой что-нибудь почитать. «Ах да ладно,— подумала Джесси,— съезжу через тот мостик, когда Ричард пообвыкнет».

В одном углу стояла огромная жестяная банка полировочной пасты для латуни и валялся ворох

грязных тряпок. Своим приездом они, вероятно, оторвали Гуго от работы.

— Ты эту пасту, должно быть, банками закупаешь, Гуго,— заметил Ричард Квин с нарастающей угрозой в голосе.— К чему это мистеру Брассу столько латуни?

— Я,— горделиво ответил Гуго,— сделал латунь.

— Ты? Сделал всю латунь?

— Почти всю. Мистер Хендрик научил меня. Там внизу,— огромная ручища опустилась, словно топор,— в мастерской.

— Ну, я посмотрю,— сказал инспектор.— Ладно. Когда же мы увидим твоего мистера Хендрика?

Гуго закачал невероятных размеров головой:

— Я не должен отвечать на вопросы. Мистер Хендрик велел сказать, он примет вас всех попозже, сегодня днем. А вы пока устраивайтесь и отдыхайте.

— Примет нас всех? Кого это всех?

— Всех гостей мистера Хендрика. Вы — последние.

— Сколько же нас тут? Машин во дворе я не видел.

— Я завел их в каретный сарай. И вашу поставлю. Ключ! — И он протянул свою невообразимо огромную руку.

На лице инспектора появилось упрямое выражение. Но, поймав успокаивающий взгляд жены, он отдал ключ зажигания. Гуго сгреб тряпки, взял банку с пастой и вышел.

Муж и жена обменялись взглядами, напоминающими удары шпаг. Джесси решила осуществить диверсию в стратегических целях:

— Боже, но ведь молодой жене необходима ванная комната. И мне было бы в высшей степени неприятно пользоваться «удобствами во дворе».— И она обследовала другую дверь, которая, как она уже догадалась, наверняка вела в ванную. Так оно и вышло: ванная оказалась на удивление большой, потолок был настолько высоким, что она ощутила себя героем рассказа, очутившемся в колодце, в котором раскачивался тяжелый отточенный маятник *. Сама ванна, в длину всей комнаты, была облицована латунью до самых изогнутых ножек, предметы из латуни находились и там и тут. Она закрыла за собой дверь, пожалев, что не вышла замуж достаточно давно, чтобы привыкнуть преодолевать обычное в таких случаях стеснение.

---

* Рассказ Эдгара По «Колодец и маятник».

Ричард стоял, не зная, чем заняться, по ту [illegible] двери.

Черт бы все это подрал, Джесси, чем больше я наблюдаю эту обстановочку, тем меньше она мне по душе. Что скажешь? Будь умницей, давай уедем отсюда ко всем чертям.

— Так и не повидав мистера Брасса, — спросила Джесси через дверь,— Ричард?

Ответ Ричарда был заглушен шумом спускаемой воды.

Когда она вышла, он, наклонившись, осматривал ближайшую к нему ножку кровати.

— Взгляни-ка сюда,— пробормотал он.— Эти ножки привинчены к полу, черт бы их подрал. Я же тебе говорил, что у этого Брасса не все в порядке с головой.

— Да брось ты. Знаешь, если учесть, сколько этому дому лет, то он еще в прекрасном состоянии. Полы нисколечко не прогибаются и не скрипят. И потолки на вид такие крепкие...— Ей хотелось хоть как-то умиротворить его, поэтому она оставила эту тему и произнесла уступая:

— Но здесь, конечно, жутковато.

— Вот в этом ты чертовски права!

— Ну зачем же чертыхаться по каждому поводу, милый? — Джесси присела на кровать. Стеганое покрывало под ней глубоко вдавилось в перину, подняв столб пыли.— Фу-у. На этом спать нельзя, Ричард. Распахни ставни и открой окна, а я вытряхну и проветрю всю постель, а потом... Что это ты делаешь?

Он сражался с одной из представительниц рода Ван ден Брас, свирепо взирающей на них с портрета, вставленного в раму из вездесущей латуни. Сражение было им проиграно.

— Картина тоже привинчена.

— Знаю, дорогой, знаю,— проговорила Джесси тоном, каким она успокаивала молоденьких женщин во время родов, хотя никаких шурупов в стене она не заметила, и заставила его заняться окнами, чтобы отвлечь его мысли от Хендрика Брасса.

Но первое, что увидел Ричард, распахнув ставень, это их новенький «мустанг», едущий будто сам по себе и исчезающий с роковой неизбежностью за самой дальней пристройкой.

И это привнесло еще одну зловещую ноту.

В какое же место они попали?

Джесси лежала в проветренной и чистой постели, вытянув ноги, когда вдруг раздался резкий громоподобный звук. Перед сном она сняла платье и облачилась в пеньюар из своего обширного приданого, но это изделие из тонкой, как паутина, ткани распахнулось, когда она поворачивалась во сне, и Ричард стоял над нею, любуясь грудью, длинными ресницами и прочими ее замечательными атрибутами. Гром заставил ее раскрыть глаза, в которых отразился ужас, а его — метнуться к двери с проворством, которое сделало бы честь мужчине вдвое моложе его.

— Ради бога, что это? — прошептала Джесси.

Инспектор отошел от двери.

— Китайский гонг. Латунь, что же еще? Чует мое сердце, сейчас мы увидим главного закоперщика.

— Все в зал,— проревел Гуго.

Спустившись по лестнице вниз, они обнаружили, что, кроме них, собралось еще шестеро. Гуго исчез.

Инспектор произвел осмотр. По возрасту ни один из троих мужчин не мог быть Хендриком Брассом. Первому — крупному, устрашающего вида мужчине, обладавшему цветом лица землевладельца, постоянно живущего в деревне, и немигающими маленькими глазками,— неискушенный человек дал бы лет шестьдесят, однако инспектору, судившему о людях по образу их жизни, было ясно, что этот краснолицый значительно моложе: нелегкое и жалкое существование оставило на его внешности свои преждевременные следы. Второй — сутулый и худой, футов шести * ростом, с рыжими усами и в роговых очках, одна дужка которых держалась на лейкопластыре, был средних лет, не более. Третий, сложением напоминающий футболиста, оставшегося не у дел,— был лет двадцати пяти — двадцати восьми.

Джесси основное внимание уделила трем женщинам. При виде той, что сидела в кресле, за которым стоял «землевладелец», ей стало немного не по себе. Женщине было лет за сорок, она была стройной и элегантной, правда, элегантность эта слегка поблекла, а на ее чересчур тщательно уложенных крашеных светло-каштановых волосах была прилажена велюровая шляп-

* 1 фут = 30,5 см. 6 футов = около 183 см.

с широкими полями, придававшая ей надменный вид, и по всему ее лицу было разлито какое-то мертвенное умиротворенное спокойствие. Джесси интуитивно поняла, что они с землевладельцем — пара, неважно, супружеская или нет. Они ей решительно не понравились.

Второй женщине было лет тридцать семь — тридцать восемь. Слой косметики на ее лице был настолько густым, что придавал ей гротескный вид. То, что она, едва они вошли в зал, моментально оценивающе оглядела Ричарда и столь же моментально отвергла его, вызвало у Джесси неудержимое желание подойти и залепить ей пощечину. Эта странная особа тут же возобновила свое занятие, которым, очевидно, и была поглощена до их появления, хищно пожирая глазами молодого человека, сложенного как футболист. Джесси сразу определила, что это — женщина с заторможенной психикой, вероятно, старая дева и уж безусловно сексуально озабоченная.

Третью женщину вернее было бы назвать девушкой. Джесси решила, что полюбит ее. Она была миловидной, глаза топазового цвета смотрели открыто и ясно, а копну ее натуральных каштановых волос явно не помешало бы взбить и уложить. Молодой человек проявлял к ней явную заинтересованность, а по тому, как девушка «не замечала» этого, Джесси поняла, что проявление такого интереса к собственной персоне не осталось незамеченным и не было ей противно.

— Добро пожаловать в наш клуб,— объявил молодой человек, протягивая руку.— Я видел из своего окна, как вы приехали вдвоем. Меня зовут Кит Палмер.

— Ричард Квин,— представился инспектор, энергично пожимая протянутую руку Палмера, из чего Джесси заключила, что молодой человек проверку выдержал.— Моя жена Джесси.

— Миссис Квин, позвольте представить вам мистера и миссис Элистер.— Он указал на женщину с мертвенно-спокойным лицом в дальнем кресле и на цветущего мужчину, стоящего рядом.— Мисс Корнелия Опеншоу. («Та самая пылкая мисс,— мысленно кивнула себе Джесси,— незамужняя, так я и думала».) Мисс Линн О'Нил. («Девушка с открытым лицом».) И доктор Хьюберт Тритон.— Им оказался высокий сутулый мужчина в очках со сломанной дужкой.

Вы-то хоть знаете, что тут будет?

Инспектор покачал головой:

— Моя жена получила от этого Брасса письмо с деньгами и указаниями — вот и все, что нам известно.

— Мы все их получили,— воскликнула юная Линн О'Нил.— Мы сравнивали письма, они идентичны, кроме адресов.

— Был ли кто-нибудь из находящихся здесь знаком между собой до сегодняшнего дня? — спросила Джесси.

Никто из присутствующих не ответил утвердительно.

— Не знаю, зачем я приехал,— доктор Торнтон прикурил новую сигарету от уже догоравшей и швырнул окурок в камин, где ярко горело толстое полено.— Мне все это напоминает вещество, устраняемое со стенок артериальных сосудов. Надо было мне развернуться и укатить назад в Южный Корнуолл.

— Ну, не так категорично,— возразил ему Элистер, стоявший за креслом жены. Все его лицо лучилось улыбкой, все, за исключением глаз.— Тут пахнет деньгами, а кому они не нужны?

Миссис Элистер не проронила ни слова. «Она только наблюдает,— решил инспектор.— Не уверена, всплывут ли здесь деньги, но уж если да — то еще вопрос, кто первый их загребет: она или ее муженек».

— Кто-нибудь еще должен приехать, не знаете? — поинтересовался он.

— Гуго говорит, мы здесь все,— ответил Палмер.— Где же все-таки этот Брасс? Что он, так и будет нас тут мариновать?

— Старые фокусы,— внезапно произнесла миссис Элистер. Затем ее узкие губы сомкнулись в ниточку, будто она заметила за собой проявленную неучтивость.

— А вот и Гуго,— сказала Линн О'Нил, встряхнув головой.— Кто еще может так шагать, словно великан из сказки о Джеке Горошинке.

— Как, интересно, выглядит мистер Брасс? — мечтательно проговорила мисс Опеншоу.

Все повернули головы.

Словно гигантский призрак появился Гуго. Уцепившись за его руку, шел крошечный старикашка на тоненьких ножках и с такими же ручками. На маленьком землистого цвета личике выделялся крючковатый нос, который, казалось, вот-вот коснется выступающего заостренного подбородка. Голова удерживалась на длинной шейке, в которой, похоже, не осталось сил носить

...на плечах. Он опирался на трясущуюся [illegible] латунную трость. На нем был вышитый [illegible] красного бархата с парчовыми лацканами, на плечах висел изъеденный молью шерстяной шарф, на ногах старые войлочные тапки. Несколько белых [illegible] на голом черепе обращали на себя внимание, [illegible] отважные солдаты, оставшиеся от разбитого [illegible]. Но самой отличительной чертой во внешности Хендрика Брасса являлись глаза, вернее их отсутствие. Они были не видны за дымчатыми стеклами плотно [illegible] ющих очков, больше подошедших бы какой-нибудь девице в бикини на пляже. Они скрывали полови... его личика.

— Так, так,— пропищал Хендрик Брасс. И действительно, его голос, как и все остальное в нем, наводил на мысль о старой птичке.— Все здесь, Гуго? — Казалось, он вглядывался в их лица.

— Да, мистер Хендрик.

— Хорошо. Я буду называть ваши имена, друзья мои. Пожалуйста, отзывайтесь. Сделаем перекличку. Мистер Элистер.

— Здесь,— сразу же откликнулся Элистер.

— Нет, нет, мистер Элистер, скажите еще что-нибудь. Повторите свое имя полностью.

— Меня зовут Де Витт Элистер. Так правильно?

Брасс кивнул, и латунная трость резко дернулась.

— Полагаю, ваша жена с вами, сэр?

— Мое имя Элизабет Элистер,— произнесла миссис Элистер. Она пристально разглядывала его, будто была озадачена.

— Доктор Торнтон.

Рыжеусый доктор отозвался:

— Я Хьюберт Торнтон, мистер Брасс.— Явно, что его это тоже озадачило, однако это было замешательством врача, столкнувшегося с клинической трудностью.

— Мисс Корнелия Опеншоу? Мистер Кит Палмер? Мисс Линн О'Нил? Мисс Джесси Шервуд? Прошу прощения, миссис Ричард Квин, как я понимаю. И мистер Квин? — Один за другим, каждый по-своему, они откликнулись.— Хорошо, хорошо, что все приехали. Не могли устоять, а? Что ж, вы узнаете, в чем дело, прямо сейчас. Я вовсе не собираюсь окутывать все покровом тайны.— Он пищал, словно воробышек, который решил расхохотаться. («И довольно злобный

воробышек»,— взволнованно подумала Джесси.)— Гуго, дубина ты этакая, мне что здесь, все время стоять? Мое кресло!

Гуго бросился к камину, одной рукой схватил предназначенное для главы семейства замысловатой конструкции кресло с чрезмерно набитым сиденьем (набивка в некоторых местах, как подметила Джесси, вылезала наружу) и стремительно отнес его назад, к двери. Он поставил его точно сзади старикашки, и Хендрик Брасс уселся на краешек, зажав трость между коленями. В этом положении он сидел лицом ко всем, но, казалось, смотрел скорее на огонь, нежели на них, поскольку голова у него совершенно не двигалась во время всего, что происходило затем, даже когда кто-либо начинал говорить.

— Дело это очень простое,— начал он.— Из всего семейства Брассов в живых остался я один. Наследников у меня нет. Я стар, я болен и я богат. У меня шесть миллионов долларов. Слышите? Шесть миллионов. Я был бы гораздо богаче,— злобно прочирикал он,— если бы правительство не отхватило у меня несколько солидных кусков и не раздало бы их своре грязных иностранцев. Черта с два им достанется все остальное после моей смерти.

Гуго стоял на страже позади кресла, положив на него руку, словно наготове, на тот случай, если оно вдруг развалится, что, судя по его виду, было весьма вероятно. На услышанное сообщение никто ничего не сказал. Известие о шести миллионах долларов нужно было переварить. На лице у Кита Палмера было написано недоверие, у доктора Торнтона — задумчивость, у мисс Опеншоу — восторг, у Линн О'Нил — изумление, только супруги Элистер сохраняли высокомерное выражение, будто принюхиваясь и отказываясь верить своему нюху.

— Итак,— продолжал Хендрик Брасс, причмокнув посиневшими губками,— из восьми присутствующих я разыскал шестерых: вы, миссис Элистер, и вы, мистер Квин, находитесь здесь лишь благодаря вашим супругам. На самом же деле, друзья мои, я поручил установить местонахождение девяти человек. По полученным мною данным, двоих из них нет в живых, а девятого, некоего Хардинга Бойла, никак не могут отыскать. Все понятно?

С этими словами он наклонил голову. Ответом ему

Это невнятное бормотанье, прямо не ответил никто. Да и что на это можно было внятно сказать? Либо у старинной мебели в прогрессирующей стадии, либо все они стали коллективным объектом шутки старого маразматика. Когда-то все это имущество, должно быть, выглядело внушительно, однако то, что они видели до сих пор, обветшало и пришло в негодность от изношенности и запустения. Для того чтобы представить себе этого убогого семидесятилетнего старика, повязанного побитым молью шарфом и в стоптанных войлочных тапках, обладателем шести миллионов долларов, требовалось принять услышанное ими исключительно на веру.

— Ну а теперь почему же я отобрал вас шестерых из двухсот миллионов человек для того, чтобы вы встали в очередь за моими денежками? — продолжал хозяин дома.— Хороший вопрос? Тот самый, что вы сейчас задаете себе? Я отвечу почему. Дело в том, друзья мои, что каждый из вас является либо сыном, либо дочерью того, кто протянул мне руку помощи в трудную пору моей жизни. А ведь никто из вас и слышать-то обо мне никогда не слыхивал. Правильно? Отвечайте.

Никто не ответил. Все они превратились в ребятишек, набивших рот жевательной резинкой, надувших из нее пузыри, а теперь боявшихся дышать, чтобы они не лопнули. Было нечто фантастическое в Хендрике Брассе и в его чириканье, чему, без сомнения, способствовало мерцание огромных языков пламени и сияние довлеющей надо всем латуни, благодаря чему старинный голландский зал походил на мизансцену, а каждый ее участник — на персонажа пьесы, постановщиком и режиссером которой был сам Брасс.

Их молчание старый Хендрик принял, очевидно, за аплодисменты.

— А верно ли, что у всех вас родители умерли? Мне сообщили, что да, в противном же случае обещаю, что вместо вас здесь находились бы они. Да воздастся детям за благодеяния отцов их, а? — и он причмокнул губами в ответ на собственную остроту.

Вдруг, словно отважившись на смертельно опасный прыжок в пропасть, Де Витт Элистер произнес:

— Мистер Брасс.

— Это будет мистер Элистер,— сказал старичок, пристально глядя в огонь. И тут инспектор разрешил

ему из загадок, испытывая раздражение против самого себя: Хендрик Брасс — слепой. Он должен был догадаться об этом сразу же — по трости, дымчатым очкам, фиксированному положению головы старика и по тому, что тот заставил каждого из них что-то сказать.— Да, мистер Элистер?

Здоровяк продолжил вкрадчиво своим зычным голосом:

— Вы выразились, что мы шестеро «стоим в очереди» за вашими деньгами. Что вы имели в виду?

— То, что вы стоите в очереди, мистер Элистер, вы ждете. И не знаете, дойдете ли вы до кассового окошечка, прежде чем оно захлопнется. Я могу принять решение завещать свое состояние одному из вас, двоим из вас или всем вам, а может — и никому из вас. Все зависит...

— От чего, мистер Брасс? — с подозрением в голосе спросила Корнелия Опеншоу.

— Оставайтесь самими собой, вот и весь мой вам совет, мисс Опеншоу. Предупреждаю, провести меня нелегко.— Он помахал тростью, и латунный отблеск пламени сверкнул в ней, будто это был меч.— Поскольку никто из вас не знает ни меня, ни моих отношений с вашими родителями или одним из них, я расскажу вам об этом.— Он ткнул тростью в направлении Джесси: — Вот вы, Джесси Шервуд, извините, миссис Квин, ваш отец был врачом. Доктор Шервуд спас мне жизнь, когда я был тяжело болен. Я этого не забыл.

На лице Джесси отразился испуг. Она уже хотела что-то сказать, но Ричард, положив руку ей на плечо, не дал ей этого сделать.

— В вашем случае, доктор Торнтон, это была ваша мать, благослови ее господь. В тяжелую пору моей жизни она поставила меня на ноги, вновь вселила в меня уверенность в себе. Если вы хотя бы наполовину такой, какой была ваша мать, доктор, считайте, что вам крупно повезло.

— Мистер Элистер,— продолжал старик,— мне приятно сообщить вам, что однажды, когда я испытывал серьезные финансовые затруднения и исчерпал все возможные источники помощи, ваш отец одолжил мне сумму, в которой я нуждался. Разумеется, я выплатил ему долг, но мне никогда не забыть, что он протянул мне руку, когда все остальные отвернулись от меня.

Человек с обманчивой внешностью «землевладель-

ца» явно был весьма удивлен, да и инспектор — не намного меньше.

— Мисс О'Нил,— обратился Брасс к миловидной девушке.— В своей жизни мне пришлось несколько лет провести на Западе, и вышло так, что меня обвинили в краже лошади. Шериф спас меня от суда Линча. Более того, он позаботился о том, чтобы я предстал перед непредвзятым судом, то есть фактически доказал мою невиновность, ради чего ему пришлось пойти против общественного мнения. Этим шерифом, мисс О'Нил, и был ваш отец. Я не могу не вспоминать о нем с благодарностью.

Линн О'Нил нахмурилась. Но не произнесла ни слова.

— Кит Палмер,— старик заколебался.— Нет, подробностей своих отношений с вашей матерью я приводить не буду. Наша с ней, скажем так, дружба многое значила для меня, очень многое. Этого достаточно.

— На что вы такое намекаете, мистер Брасс? — переспросил Кит.

Инспектор усмехнулся про себя. Палмер пытался представить себе этого божьего одуванчика молодым повесой, соблазняющим честную девушку, и эта попытка явно давалась ему с трудом.

— Остались вы, мисс Опеншоу.

— Да? Да? — только и вымолвила Корнелия Опеншоу, застыв с раскрытым ртом.

— В молодости я находился однажды в состоянии глубокой депрессии. Я твердо решил покончить с собой. И пытался сделать это. Ваши родители спасли мне жизнь. Таких людей невозможно забыть даже спустя полвека.

Глаза мисс Опеншоу затуманились.

— У меня был прекрасный отец,— проговорила она.

Старый Хендрик кивнул головой. Все ждали. Наконец он сделал движение.

— Вот почему я и вызвал вас сюда...

— На какой срок, мистер Брасс? — спросил Элистер.

— На такой, какой мне понадобится для принятия решения. Можете называть его испытательным. Понаблюдаю за вами; годы на это не уйдут. Разумеется, вы вольны уехать в любое время, и когда будете уезжать — независимо от того, приму я решение или нет,— вы в любом случае получите недостающую поло-

вину тысячедолларовой купюры. Вам понятно, что, если кто-то из вас уедет прежде, чем я приду к решению, он может не рассчитывать на получение своей доли моего состояния. Игра, ставка в которой по меньшей мере шестая часть суммы в шесть миллионов долларов, стоит того, чтобы пожертвовать несколькими неделями.

— А после того, как вы примете решение? — уточнила Элизабет Элистер.

— Тогда, миссис Элистер, я составлю завещание. Тем временем, друзья мои, мы постараемся, чтобы вам было как можно удобнее, насколько это возможно в этом старом доме. Днем ко мне приходят помогать убираться, приготовлением пищи займется Гуго. Спрашивайте у него все, что пожелаете. Так, так,— с раздражением произнес Хендрик Брасс,— помоги-ка мне встать, Гуго! Все эти разговоры меня утомили. Гуго, слышишь меня, идиот? — Он повернулся в кресле и ударил того несколько раз тростью. Гуго обратил на эти удары не больше внимания, чем если бы они были нанесены соломинкой. Он мягко поставил старика на ноги, а затем, так и не закрыв рот с отвалившейся челюстью, будто огромный послушный пес, вывел своего хозяина из зала и повел вверх по лестнице, пока оба персонажа этой интермедии не скрылись из виду.

Перловый суп с овощами был почти холодный, свинина — непрожаренной, а овощи — недоваренными.

— Если сегодняшний ужин Гуго приготовил как обычно,— проворчал инспектор, когда он и Джесси вошли, наконец, в свою комнату,— то мы умрем от несварения желудка, прежде чем этот божий одуванчик примет решение. Хорошо бы запастись содой от изжоги.

— Ричард,— сказала Джесси. Голос ее был таким несчастным, что он встревожился.— Мне нужно тебе что-то объяснить.

— Знаю,— воскликнул он.— Я понял это в ту самую минуту, когда он говорил с тобой!

— По правде говоря, я не знаю, что теперь делать. Произошла какая-то ошибка.

— Какая ошибка, Джесси?

— Ричард, мой отец никогда не был врачом. Всю свою жизнь он был служащим — работал на почте до самой пенсии. Я как раз собиралась сказать об этом мистеру Брассу, когда ты остановил меня.

Спутали,— пробормотал он.— Тот, кто работал на мистера Брасса, разыскал не ту Джесси Шервуд... Что ж, имя и фамилия не такие уж редкие. Но интересно...

— Что, Ричард?

— Одна ли ты такая?

Джесси с удивлением воззрилась на него:

— Хочешь сказать, всех остальных тоже с кем-то спутали?

— А почему бы и нет? Если то, что произошло с тобой, не исключение, то ведь и всех остальных, кого Брасс поручил разыскать, тогда тоже никто не удосужился расспросить. По мне, смахивает на задание, выполненное в спешке тем, кому на все это было решительно наплевать. Как старик узнает разницу? И еще одно. Как могло получиться, что Хардинга Бойла, о котором упоминал старикан, вообще не смогли отыскать? Это становится интересным.

— Да ну тебя с твоими полицейскими штучками,— простонала Джесси.— Вопрос в том, что мне делать. Не вижу другого выхода. Мне придется рассказать мистеру Брассу, что я не та Джесси Шервуд, за которую он меня принимает.

— Ну разумеется,— ответил инспектор.— Но, может быть, не прямо сейчас?

— Хочешь сказать, мы остаемся несмотря на...

— В этом дельце что-то нечисто, Джесси. И мне бы хотелось выяснить, что именно.

— Отказываюсь понимать тебя! Сначала ты не желал, чтобы я сюда ехала. Потом, когда приехала, ты мне всю плешь проел с отъездом. И вот теперь, когда ты знаешь, что у меня вообще нет никакого права оставаться здесь, ты хочешь, чтобы я осталась!

— Разве не может человек передумать? Послушай, дорогая, ты выглядишь усталой. Почему бы тебе не прилечь?

— А ты что собираешься делать?

Внешним видом и голосом инспектору удалось стать похожим на своего сына, находящегося отсюда за тридевять земель.

— Думать.

Джесси быстро прошла в ванную.

Воспользовавшись случаем, Ричард Квин, крадучись, пока ей было ничего не видно и не слышно, запер дверь на замок и задвинул засов.

Пуховая перина оказала столь глубоко деморализующее действие, что сон приходил поздно, а пробуждение наступало рано. Инспектор, всегда живший как аскет, привык к жесткому матрацу, а Джесси в свое время пришлось массировать слишком много больных спин, чтобы одобрять мягкую перину. Утренний свет слепил им глаза. Джесси думала, что Ричард спит, а Ричард думал, что спит Джесси, и каждый из них осторожно поворачивался, стараясь не побеспокоить другого, хотя как раз беспокойство-то и принесло бы облегчение.

Так что оба они совершенно проснулись и, хотя прошло целых два часа, уже стояли по обе стороны кровати, когда раздался первый истошный вопль. За этим воплем, принадлежавшим женщине, быстро последовал приглушенный крик, который, как они сообразили, уже продолжался некоторое время. Потом послышался топот бегущих тяжелых ног, кто-то споткнулся, что, как стало ясно, также предшествовало воплю. Затем раздался второй истошный вопль, изданный тем же женским голосом, и кто-то шмякнулся на пол, причем кто это был, мужчина или женщина, различить по звуку было невозможно.

— Я так и знал! — рявкнул инспектор, хотя, что именно знал, не пояснил даже себе самому. Он схватил свой халат.

— Джесси, запри за мной дверь!

— Ни за что в жизни! — воскликнула Джесси, прерывисто дыша.— Ты же не оставишь меня здесь одну, Ричард Квин!

Он пошел первым, увлекая ее за собой и не пуская вперед. У него создалось впечатление, что из дверей, выходящих в коридор, высовывались всклокоченные головы и оглядывались, однако длилось это не дольше, чем фотовспышка, поскольку внимание его моментально переключилось на Гуго, метавшегося то вверх, то вниз, словно взбесившийся слон, трубя что есть силы:

— Он умер! Умер! На помощь! На помощь!

А черты его непропорционально огромного лица совершенно несогласованно складывались в беспорядочный мимический рисунок. Объект падения был немедленно идентифицирован. Мисс Опеншоу лежала у порога своей комнаты в одной черной ночной рубашке, полупрозрачной и наполовину обнажавшей ее увядшую, нетронутую девственную грудь; глаза у нее были закрыты, сетка для волос, в которой она спала, съехала на

один глаз; губы, а также обнажившиеся короткие и толстые ноги слегка посинели. Молодой Палмер в пижаме, по счастью непрозрачной, опустился на колени, хлопая ее по щеке одной рукой, а другой — пытаясь остановить проносившегося мимо великана Гуго. (Позднее они выяснили, что мисс Опеншоу открыла свою дверь на рев Гуго, расслышала слово «умер», завизжала, спросила, кто умер, получила ответ, издала еще один вопль и упала в обморок.)

Умер, похоже, не кто иной, как Хендрик Брасс. Инспектор, который в прыжке преградил Гуго дорогу и остановил его исключительно силой воли, смог выяснить только это и не более.

— Где этот доктор? — прогремел инспектор.

Доктор Торнтон вышел из одного из многочисленных коридоров пристройки, пальто было наброшено прямо на ночную рубашку, глаза его лихорадочно блестели.

— Ради бога, что тут у вас?

— Гуго говорит, что старик Брасс умер. Пойдемте лучше со мною вместе.— Инспектор остановился.— Куда идти? — спросил он.— Я даже не знаю, где он спит внизу. Гуго, где спальня мистера Брасса?

Гуго уставился на него разинув рот.

— Я знаю где.— Де Витт вдруг побежал. Остановился он у самой лестничной площадки.— Это здесь.— Тычок своего мясистого указательного пальца он не сопроводил ни единым движением.

Миссис Элистер осталась стоять немного поодаль, сосредоточенно-настороженная, как кошка на дереве. На ней был потертый, лоснящийся от многократного глажения фланелевый халат и расшитые золотистой ниткой домашние туфли, причем несколько нитей вылезло. Линн О'Нил и Джесси помогали Корнелии Опеншоу подняться на ноги. Старая дева прижалась к ним, трясясь при виде бедняги Гуго, который, казалось, находился в шоковом состоянии. Кит Палмер побежал по коридору к инспектору и доктору Торнтону посмотреть, что произошло.

Сияние латуни ослепило их, поэтому они не сразу увидели в кровати старика. Он лежал наискосок на окровавленной подушке, запавшие глаза были закрыты, лицо было самого что ни на есть землистого оттенка в местах, где не было залито кровью. Доктор Торнтон взял лежащую на покрывале худую руку, нащупывая пульс.

Гуго стоял в дверях и квакал:

— Он умер, умер,— и голос его, напоминающий лягушачий концерт, утробный и печальный, передавал глубокое потрясение.

Доктор посмотрел на них.

— Ничего подобного,— резко проговорил он.— Пульс у него хороший.— Его взгляд профессионально скользнул по все еще кровоточащей голове старика.— Кто-нибудь принесите из гаража мой медицинский саквояж. Он на заднем сиденьи моей машины.

Молодой Палмер вызвался:

— Я сбегаю, доктор,— и загремел вниз по лестнице.

— Кто-нибудь из женщин принесите горячей воды.

Джесси, стоявшая в дверях, сказала:

— Займитесь этим, мисс О'Нил. Я больше пригожусь здесь,— она вошла в спальню и пояснила: — Я дипломированная медицинская сестра, доктор.— Она двигалась спокойно, словно парусник в безветренный день, и Ричард ощутил приятное тепло внутри. Затем он задал работу своим глазам.

Спальня была очень похожа на комнату, выделенную для них, заставленная рухлядью, только с еще большим количеством латуни, если это вообще было возможно. Имелся камин с обилием каминного инструмента, выложенный потрескавшимися и потускневшими голландскими изразцовыми плитками. Однако его интересовало не состояние фамильных вещей Хендрика Брасса. Он пытался произвести иную оценку.

Когда Палмер вернулся с черным саквояжем, доктор тщательно осматривал голову старика. Джесси схватила саквояж и начала извлекать содержимое, заранее зная, что именно понадобится доктору Торнтону. Работали они молча.

Вошла Лиин О'Нил с кипящим чайником в руке. Джесси взяла его и шепнула ей, чтобы та уходила. В эту минуту на глаза ей попался муж.

— Что ты делаешь, Ричард?

Он стоял на коленях, оттопырив тощий зад, у кровати, на которой распростерся Брасс, и осторожно приподнимал уголок раскинутого по всей кровати покрывала, залитого пятнами крови.

— Вот его чем.— На полу валялась длинная латунная кочерга, наполовину засунутая под кровать. Конец ее выглядел так, будто его погружали в земляничное варенье. Ричард взглянул на камин: среди

инструмента кочерги не было. Его ударили по голове, вероятнее всего, во сне. Сколько у него ран, доктор?

— Три. В живых он остался только потому, что голова лежала на подушке, и она смягчила силу ударов. На самом же деле он не так плох, как кажется. От этих ран в голову всегда бывает много крови.

— Череп не проломлен?

— Я, во всяком случае, пролома не обнаружил. Ей-богу, старик скоро придет в себя. Одно из двух: либо он крепок, как конь, либо родился под счастливой звездой.

Веки на незрячих глазах затрепетали от боли, причиняемой доктором, который накладывал швы.

— К кочерге никому не прикасаться. Гуго, что произошло? — инспектору пришлось задать вопрос дважды. Гуго всего трясло, словно побитого пса.

— Каждое утро я подаю мистеру Хендрику в постель завтрак. Увидел его всего в крови. Подумал, что он...

Инспектор кивнул.

— Где телефон?

— Телефонов нет. Мистер Хендрик их не любит.

— А зря! — Инспектор направился к двери.

— Для чего тебе телефон, Ричард? — Джесси тампоном удаляла кровь с лица пострадавшего, в то время как доктор Торнтон бинтовал лысую голову.

— Нужно позвонить.— Он покачал ей головой, и она кивнула ему как все понимающая жена. «Какая пара из нас вышла бы лет двадцать пять назад!» — подумал он.— Лучше пригляди, чтобы никто ни к чему не прикасался.

Он притворил за собой дверь и стал протискиваться через обступивших его людей. На их вопросы он отвечал коротко:

— Не умер. Несчастный случай. Пройдя в свою с Джесси спальню, он торопливо переоделся. Затем быстро пошел к перестроенному каретному сараю, вывел машину, выехал со двора и поехал назад по той самой дороге, по которой они приехали сюда вчера, к гостинице «Над Старой Рекой». Она была еще закрыта, но он нашел телефонную будку с боковой стороны здания.

— Дайте отделение полиции в Филлипсвиле, — попросил он телефонистку. Когда его соединили, он сказал: — Примите сообщение о нападении на мистера

Хендрика Брасса,— назвал свое имя, высказал свои предположения, вышел из будки, сел в машину и направился назад с сумрачным выражением лица.

Невероятно, но он обнаружил, что старик уже сидел в кровати, требуя себе завтрак. Брасс водрузил на лицо очки, а забинтованная голова делала его похожим на какого-то древнего правонарушителя, только что принявшего участие в потасовке. Доктор Торнтон и Джесси пытались урезонить его, но за требованием подать завтрак, насчет которого переубедить им его не удалось, последовал категорический отказ даже слушать уговоры Торнтона обратиться в ближайшую больницу, чтобы сделать рентгеновский снимок головы и провериться на случай возможного сотрясения мозга.

Ричард оставил их в разгар спора, выскользнув из дома и внимательно оглядел все вокруг. Он все еще осматривал двери и окна, когда подъехала полицейская машина и из нее вышли двое в форме. Один нес чемоданчик с инструментарием для снятия отпечатков пальцев, а на голубой форме второго был отличительный знак начальника полиции.

— Это вы звонили в полицию? — спросил обладатель знака. Он был крупным краснолицым человеком, похожим на фермера, живот у него заметно выпирал. Я — начальник полиции Виктор Флек.

Инспектор кивнул:

— Я — Ричард Квин, инспектор полиции в отставке из Нью-Йорка.

Похоже было, что известие это особой радости начальнику полиции Флеку не доставило.

— Что вы тут делаете?

Инспектор рассказал, перечислив всех гостей Хендрика Брасса и изложив события сегодняшнего утра.

— По-моему, тот, кто нанес старику удары, думал, что убил его. Нанес три удара, старик был весь в крови и кровать тоже. Я бы квалифицировал это как покушение на убийство.

Флек проворчал:

— Не удивлюсь. Все, что этот старый сумасброд, по вашим словам, вытворяет, и должно было к этому привести.

— В доме хоть раз были, шеф?

— Нет.

— Развалюха,— сказал инспектор.

Прежде, чем я войду в дом, Квин, давайте условимся. Вам понятно, что даже если бы вы и не были в отставке, никаких полномочий у вас здесь нет? Я считаю так: дело это мое, а вы тут всего-навсего человек со стороны, по имени, скажем, Джо — ни больше и ни меньше.— подозреваемый, как и остальные. Верно?

— Верно.

— Ну раз уж мы тут с вами разговариваем — что-нибудь пропало? Могла это быть кража со взломом?

— Не знаю. Доктор Торнтон только что привел старика в сознание, и допросить его возможности у меня не было.— Инспектор посмотрел ему в глаза.

— Чем вы занимались, когда я подъехал? Я имею в виду вот здесь?

— Искал следы взлома. Их нет.

— Преступление совершено кем-то из находившихся в доме?

— По-моему, да.

— Кого-нибудь подозреваете?

Ричард покачал головой.

— Ни малейшего представления.— Что-то подсказывало ему, что самой вероятной кандидатурой из покушавшегося является Де Витт Элистер, но это была голая интуиция. Пусть Флек сам расследует, если сможет. Таких флеков он повидал на своем веку. Этим начальникам полиции в маленьких городках распутать что-либо более сложное, чем дела о водителях, сбивших пешехода и удравших с места наезда, просто не под силу.

— Да, и еще,— повернулся к нему Флек, стоя уже у двери.— Зачем вы посоветовали привезти инструмент для снятия отпечатков?

— Кочерга,— тихо произнес Ричард Квин.

— А-а,— понял Флек, и все трое вошли в дом.

Они увидели, как Гуго кормит с вилки старика, перед которым был водружен полный поднос еды. Инспектор вспомнил слова Брасса о том, что тот болен. Любопытно, чем? К пищеварению его болезнь явно не имела никакого отношения. На подносе он увидел нарезанный кусок ветчины, толщиной в полдюйма, глазунью из трех яиц, горку поджаренных ломтиков хлеба с маслом и кофейник. Тот, кто поглощал все это, с жадностью хватал очередную подносимую ему на вилке порцию, издавая при этом громкое чавканье.

Джесси и доктор Торнтон стояли в замешательстве, не веря своим глазам.

Услышав топот ног троих человек, Брасс застыл с набитым ртом.

— Кто тут? — пробубнил он.— Вас здесь трое.

— Я — Квин, мистер Брасс,— ответил инспектор. Со мной начальник полиции Филлипскилла Флек и один из его подчиненных.

— Кто, кто? — прохрипел Хендрик Брасс, при этом изо рта у него вылетели кусочки глазуньи.— Кто уполномочил вас вызывать полицию? Вышвырнуть их из моего дома!

— Мистер Брасс,— возразил пораженный инспектор,— кто-то пытался убить вас.

— А кому какое до этого дело? Если мне понадобится полиция, я сам вызову. Моя семья жила в этом поместье двести лет и ни разу еще никого о помощи не попросила, никакое правительство! Даже в стародавние времена, когда шла война. Пусть убираются.

— Минуточку, мистер Брасс,— примирительно сказал Флек.— Если на вас совершено нападение, мой долг заняться этим...

— Кто заявил, что совершено нападение?

— Да как же, вот этот человек, Квин.

— А что ему известно об этом? Он что, видел, как это случилось?

— Ведь кочерга не могла ударить вас по голове сама, мистер Брасс?— съязвил инспектор.— Если только вы сами это не сделали.

К их изумлению, старик громко расхохотался:

— Да, сэр. Именно это и произошло, точно, я ударил себя по голове. Докажите, что это не так.— Он вдруг сорвался на крик: — Убирайтесь, я сказал! Вон из моего дома!

Гуго торопливо сунул ему в рот ветчины.

Начальник полиции Флек побагровел. Доктор Торнтон торопливо подошел к нему и прошептал:

— Советую пока оставить его, джентльмены. Хотя бы выйдите из спальни. У него, возможно, сотрясение мозга, и ему нельзя волноваться.

— Вы и есть тот самый доктор, о котором мне говорил Квин?

— Я — доктор Торнтон.

— Тогда почему бы вам не выписать этой старой

ровалие медицинское свидетельство? Любому видно, что ни голова ему отбивную сделали. Бобби, ты кончил с этой кочергой?

Полицейский поставил на пол кочергу и отложил свои инструменты.

Никаких отпечатков, Вик. Наверняка стерты.

А ну его к черту! Флек заговорил громко: Послушайте, мистер Брасс, я здесь по вызову и должен что-то зафиксировать для журнала регистрации. Вы не будете выдвигать обвинений против кого-либо или подавать иск?

Именно так.

Мне все ясно. Начальник полиции кивнул инспектору, который вышел за ним и его подчиненным в коридор. Могу предположить, что этим дело не кончится, Квин. Вы это знаете, и я это знаю.

— Боюсь, что да.

Если он отрицает факт нападения и не хочет подавать иск, то я ничего поделать не могу. Но если с ним что-то случится, я хочу быть в курсе. Ясно?

Как день,— буркнул инспектор, - я бы бросил все это дело.

- Значит, не остаетесь? Не могу вас задерживать.

Инспектор пожал плечами:

— Вы прекрасно знаете, что остаюсь. Не имею понятия, во что тут впутывают меня и мою жену, но я еще в достаточной степени полицейский и хочу докопаться.

— Так я и думал,— сказал, натужно ухмыляясь, Флек.— Потому-то я и предупреждаю вас, Квин. Если тут что произойдет, я не буду стоять в сторонке и спокойно наблюдать, как отставной полицейский из Нью-Йорка затевает всю рекламную шумиху по этому делу только вокруг своей персоны. Я уже сказал весь этот медвежий угол мой.

— Что бы ни случилось, шеф, клятвенно заверил его Ричард,— обещаю, с репортерами говорить будете только вы.

Здоровяк полицейский, похоже, уловил иронию, прозвучавшую в его голосе.

— Все в порядке, Квин, — резко ответил он, пока мы понимаем друг друга.

Оба полицейских застучали ботинками, спускаясь по лестнице, а минуту спустя он услышал, как их машина отъехала.

Инспектор вернулся в спальню. Доктор Торнтон наполнял шприц, а Джесси протирала старику иссохшую руку. Гуго собирался уносить поднос, но инспектор взял поднос у него из рук.

— Я снесу его вниз. У меня для тебя задание.

На лице у Гуго появилось глуповатое выражение.

— Ты знаешь, кто хотел убить мистера Хендрика?

Массивная голова отрицательно закачалась.

— Задание, которое я хочу тебе поручить, состоит в том, чтобы ты охранял его. Чтобы никто больше не смог подойти и ударить его. Понимаешь меня? Не выходи из этой комнаты ни на минуту. Заметишь что-нибудь подозрительное, кричи.

— А готовить...— начал было Гуго.

— Этим займутся женщины.

На лице Гуго отразилось отчаяние. Но, подумав, он кивнул. Джесси взяла у Ричарда поднос, и он вышел вслед за ней и доктором Торнтоном. Последнее, что он увидел, прежде чем закрыть за собой дверь, был Гуго, который устраивался в ногах у старика на латунной кровати, не спуская своих маленьких глазок со своего хозяина.

Пока Джесси одевалась, инспектор спустился вниз выпить чашечку кофе и побыть наедине со своими мыслями.

Он был в высшей степени озадачен. Нападение на Хендрика Брасса не имело никакого смысла. По словам Брасса, завещания он еще не составил. Он изверяка не успел определить своих наследников или наследника. Весь смысл этих приглашений в том и состоял, чтобы дать ему возможность взвесить, сопоставить кандидатуры отобранных шестерых лиц и отделить от них недостойных, и процедура эта едва лишь началась. Старик Брасс сказал: «несколько недель».

Для чего кому-то — предположительно, из находящихся в доме — покушаться на курицу прежде, чем та снесла золотое яичко? Единственно, кто остался бы не внакладе, если бы покушение удалось, так это финансовое управление штата Нью-Йорк.

И все-таки какой-то смысл в этом должен быть. Если только нападавший не свихнулся, как сам Хендрик, то за этим должен скрываться какой ни на есть мотив, имеющий отношение хотя бы к одному из гостей. Мотив, который перевешивает один миллион долларов.

Он попытался представить себе такой мотив. Возможно, кто-то один из них богат — настолько богат, что один миллион долларов для него мало что значит. Чей-то миллион означает лишь то, что деньги эти тратит кто-то другой. Но размышляя об остальных пятерых гостях, не считая Джесси, замешанных здесь, он не рискнул бы назвать ни одного, кто обладал бы столь значительным состоянием.

Отбросив этот вариант, инспектор подумал с ожесточением, что, кто бы ни совершил нападение, это — псих, как и сам старый Хендрик. Логика психов непостижима, она понятна разве что для таких же психов. Это было единственное объяснение, неудовлетворительное само по себе, которое он мог подыскать для столь бессмысленного преступления в столь неподходящее время.

Это была также одна из тех трудноразрешимых головоломок, которая притянула бы к себе Эллери, как сеттера на охоте, почуявшего первый трепет птичьего крыла. Но Эллери уже улетел назад, в Турцию.

«Я вылитый сын, весь в него»,— решил Ричард, скорчив гримасу.

Он допил кофе и разложил на подносе завтрак для Джесси — любезность, против которой она неизменно протестовала, но в душе обожала ее.

Даже сам Конгресс Соединенных Штатов не заставил бы его вернуться в Нью-Йорк.

— Начинать нужно с главного, Джесси,— заявил он.

Джесси оторвалась от яичницы с колбасой. Он уже успел запереть двери и теперь говорил голосом, уловить который могло бы только самое новейшее электронное подслушивающее устройство.

— С чего, главного? — спросила Джесси.

— С чего-то нужно начать. И единственный факт, из которого мы должны исходить, это то, что ты не та Джесси Шервуд, которую разыскивает Брасс. Поэтому надо дать ответ на вопрос: кто еще из них не тот, за кого его принимает Брасс? Я не могу оставить тебя здесь одну и отправиться выяснять, да если бы и мог, на это ушла бы уйма времени. Нам необходима помощь.

— Но чья, Ричард?

— Моих коллег в отставке с Восемьдесят седьмой улицы,— усмехнулся инспектор.— Так что, дорогая, удерживай эту неприступную крепость одна. Мне опять нужно в ту гостиницу, позвоню кое-куда.

Огромный каменный камин в гостинице «Над Старой Рекой» уже давным-давно забился и вышел из строя. Его заменили вонючей плитой, [illegible] чадом которой отдавала вся готовящаяся на ней пища, а напитки приобретали стойкий ароматический букет креозота. Во всем же прочем просторная, с низкими потолками столовая мало изменилась с той поры, когда по реке Гудзон еще ходили пароходы, а капитаны и команды «Бена Франклина» и «Мэри [illegible] ствовали здесь во время остановок в пути. Однако из шестерых мужчин, сидевших за обшарпанным и выцветшим круглым столом, стоящим посреди столовой, ни один не испытывал ностальгии по прошлому. Инспектор настоял на том, что угостит своих пятерых приглашенных друзей лучшим из того, что могут приготовить в гостинице, а чтобы пища была повкуснее, он выставил бутылочку доброго ирландского виски, перед тем как перейти к делу, ради которого он их собрал. И [illegible] сейчас они жадно впитывали в себя информацию.

Молча, как и подобает профессионалам, пятеро пожилых мужчин слушали инспектора, который излагал происходящее «в этом дурдоме»— наименее колоритная характеристика места действия.

В прошлом они были служащими Нью-Йоркского управления полиции, которые вышли в отставку в положенном возрасте — в шестьдесят три года. Вез Полонский, крупный мужчина с приплюснутым носом, был в свое время первоклассным розыскником в отделе по борьбе с угонами автомобилей, подделками документов и карманными кражами. Пит Анджело, старый товарищ Полонского по работе, еще крупнее его, всегда был грозой для хулиганов-громил. Полонский, сам умевший постоять за себя, утверждал, что в драке Анджело и сейчас еще согнет двоих-троих в бараний рог. Эл Мэрфи, рыжие волосы которого никак не брала седина, служил сержантом на патрульной машине с рацией в шестнадцатом участке, откуда он и ушел на пенсию. У Хью Гиффина, раньше служившего в главном отделе, были разбиты костяшки пальцев, а лицо пересекал ножевой шрам; у него был очень мягкий характер, ничуть не мешавший ему, однако, демонстрировать свою храбрость, иногда требовавшуюся на такой работе. Пятый бывший полицейский, Джонни Крине, служил в чине лейтенанта в отделе по расследованию убийств. Очки в темной оправе и мягкие

седые волосы делали его похожим на учителя или библиотекаря.

— План, что созрел у меня в голове, — говорил инспектор,— заставит вас поработать ногами и, возможно, не так уж и мало. Все мы не молодеем...

— Кончай трепаться, Дик, — оборвал его Нит Анджело.— Ты не стал бы бросать нам этот спасательный круг, если бы думал, что у нас не хватит силенок его удержать.

— Я за своими ногами слежу что надо, инспектор,— быстро проговорил Полонский. Из всей пятерки над ним время проделало самую разрушительную работу: рука, державшая сигарету, подрагивала, а на белках глаз явственно проступали красные прожилки.— Насчет нас можешь не волноваться.

Инспектор колебался. Их всех выперли на пенсию исключительно по возрасту — время бежит неумолимо быстро, но большинство из них и сейчас не ударят в грязь лицом. Сомнения одолевали его именно насчет Полонского. Однако бросить старика Веза одного за бортом — немыслимо. И он решил все-таки дать Большому Полу самое легкое задание, разумеется не показывая вида.

— Вез, займешься Элистерами. Готов спорить, наследили они за собой порядком и в самых разных местах. На них обязательно должно что-то быть. Покопайся в полицейских досье, поговори с ребятами — в общем, информации раздобудь как можно больше. Мне чутье подсказывает, что они гастролировали еще и под вымышленными именами. Сам Элистер, по-моему, мошенник чистейшей воды, а эта его жена, белокурая бестия, наверняка у него на подхвате. Если она ему жена.

— Будет сделано,— сверкнул налитыми кровью глазами старик Полонский.

— Мэрфи, займешься этим доктором Тритоном из Южного Корнуолла. Кажется, у него практика и еще работает в клинике. Выясни особенно о его матери, была ли у нее когда-то давно связь с Брассом.

Поросшая рыжими волосами рука Эла Мэрфи потянулась к бутылке виски.

— По делам установления отцовства я спец,— усмехнулся он.— Помню, однажды...

На него зашикали, и он замолчал.

Ты, Хьюги, возьми на себя Корнелию Опенхоу, — обратился инспектор к Гиффину. Это сексуально оза-

сочинила старая дева, ее родители якобы удержали Брасса от самоубийства.— Пальцем он толкнул к нему по столу плотный листок с ее адресом, и обезображенный косым шрамом ветеран главного отдела спрятал его в карман.— Хочу выяснить, правда ли это.

Анджело выжидающе смотрел на него.

О'кэй, Пит, тебе поручаю этого крошку Палмера, Кита Палмера.— Он протянул ему другой листок.— Брасс утверждает, что мать Палмера была когда-то его «хорошим другом». По тому, как старик сказал это, выходит, что она путалась с ним, когда на него можно было смотреть без позывов ко рвоте. Тут, возможно, потребуется тонкая работа. Не хочу, чтобы это хоть какой-то стороной дошло до Палмера, поэтому упор сделай на ее биографию.

— Положись на меня, Дик.

— Ну а Линн О'Нил — тебе, Джонни,— повернулся он к Крипсу.— Тут надо будет поработать. Девушка из Вайоминга, и ее отец — тот самый человек, по словам Брасса, который вытащил его из петли,— был шерифом в тех местах. Возможно, придется даже полететь туда.

— Дай сначала позвоню по междугородному,— сказал бывший лейтенант отдела по расследованию убийств.— Как раз перед самой пенсией мне довелось забирать из кабинета шерифа в Шайенне * одного подозреваемого в убийстве, подлежащего выдаче властям штата Нью-Йорк. Там я неплохо поладил с заместителем начальника полиции, так что, может, раскопаю все и по телефону.

— Хорошо, но если не сумеешь и придется лететь, то билет оплачиваю я.

— Я вовсе не имел это в виду, Дик,— лицо Крипса приобрело кирпичный оттенок.— Сейчас, правда, мне приходится жить поэкономнее...

— Дело это затеял я, и все расходы оплачиваю тоже я. Имейте все в виду. Дадите мне знать обо всех расходах. А может, кому-то из вас нужен аванс?..

— Ты что, инспектор, уже на миллион напал? — прорычал Полонский.— Послушай, я так чертовски рад, что хоть такой малостью могу заняться...

Оставшееся время ушло на дружескую дискуссию и на то, что еще оставалось от бутылки ирландского виски. Наконец они расстались, условившись встретить-

* Шайенн - столица штата Вайоминг.

в той же гостинице со своими отчетами. После этого Ричард Квин отправился назад в Латунный Дом в гораздо лучшем расположении духа, чем когда уезжал оттуда.

ЧТО?

Линн О'Нил и Кит Палмер были единственными молодыми людьми на много миль вокруг, поэтому вполне естественно, что их потянуло друг к другу.

Царившая вокруг атмосфера препятствием не являлась. В самом доме и даже в его обитателях было нечто такое, что человеку становилось не по себе, когда он оставался наедине с собой. Если бы не вездесущая латунь с ее ослепительным сиянием, то Латунный Дом был бы таким же мрачным и зловещим, как какой-нибудь таинственный замок в Трансильвании *, скрытый от глаз людских. Особенно Линн терпеть не могла то время, когда надо было ложиться спать: приходилось запираться и предстояла долгая ночь в одиночестве. Она едва дожидалась утра, когда снова могла видеть грубоватое и — она была уверена в этом (впрочем, была ли?) — славное молодое лицо Кита Палмера.

— Я толком и не знаю, что я тут делаю,— призналась Линн Киту утром, через день после нападения на Хендрика Брасса. Они прогуливались по сосняку за постройками. Кит ногой отшвырнул в сторону сухие ветки, Линн с трудом пробиралась по завалам сушняка, стараясь не сломать ногу. Земля у Брасса была столь же запущенной, как и его дом.— Надо домой ехать.

— Надеюсь, ты не уедешь прямо сейчас?

— Почему бы и нет?

— Потому что, ну, это нападение...

— Это единственная причина? — спросила Линн, метнув в его сторону взгляд, сверкнувший топазовым блеском.

— Ну-у, нет.

— А какая еще?

— Ну-у, ты.

— А-а, — протянула Линн и многозначительно замолчала, ожидая дальнейшего.

* В Трансильвании жил граф Дракула, герой одноименного романа В. Стокера.

— Хочу сказать, ты чертовски красивая.

— Господи, — вздохнула Линн,— я так боялась, что ты скажешь что-нибудь именно в этом роде.

— Почему боялась?

— А что мне, от счастья прыгать? Да любая девица моего возраста покажется аппетитной в этих четырех стенах. Кому тут со мной тягаться? Корнелии Опеншоу? Нет, нет, она-то, конечно, была бы не прочь. Вон как она тебя глазами сверлит — это же сплошная порнография. А может, миссис Элистер? Заниматься любовью с нею — то же самое, что с дикой пантерой, могу себе представить! Конечно, остается эта милая женщина, миссис Квин...

— Да послушай, все дело в тебе!

— Не понимаю, что вы имели в виду, мистер Палмер.

— То, что тебе обязательно нужно участвовать в конкурсе красоты на звание «Мисс Америка» в Атлантик-Сити на этой неделе!

— Гм, спасибо, — буркнула Линн.

— Да и что тебе делать-то в твоем Вайоминге?

— Искать новую работу. Со старой меня выставили.

— Вот видишь?

Они бесцельно побродили еще немного, глубоко вдыхая свежий воздух. «Когда Линн рядом,— подумал Кит,— все вокруг становится так здорово». Да и денек выдался на славу. Ярко светило солнце, и все такое. Чем дальше они удалялись от «склепа» Брассов, тем ярче светило солнышко и тем сильнее ветер трепал свитер на Линн.

— И еще одно,— вдруг сказала Линн,— что-то здесь не то.

— Что не то?

— Да все. Мне начинает казаться... Линн осеклась.— А-а, ладно.

— Ну уж теперь выкладывай. Что ты хотела сказать?

— Скажешь, что это мещанство.

— А ты попробуй!

— Это... зло,— Линн испытующе посмотрела ему в глаза. Но он не улыбался, и она приободрилась.— Дело даже не в этом жутком старике и его чудище-слуге. Почти все они — Элистеры, это посмешище Опеншоу, вечно куда-то исчезающий мистер Квин... Единственно, что вселяет в меня хоть какое-то чувство надежности,— это доктор Торитон и миссис Квин, но и в них я иногда не уверена.

— А как насчет меня? — беспечно [illegible] Кит
Линн присела на гладкий валун [illegible] самой
кромки. Когда она садилась, ее [illegible] брюки так
обтянули ей бедра, что это повергло его в трепет
— Как насчет тебя, Кит?
— Да, я задал этот вопрос.
— А можно, я тебя спрошу? Никакого права на
это у меня нет, так что можешь не отвечать. Ты женат?
Кит был поражен. Он застыл на месте.
— Так я и знала,- сказала Линн. Солнечные лучи,
пробивающиеся сквозь ветви сосен, почему-то сразу же
потускнели. «Везет тебе, Линн!»— подумалось ей.
— Постой, — пробормотал Кит.— Не гони лошадей.
Ты задала вопрос, так дай же подумать, как тебе
ответить...
— Ах, перестань, Кит. Сколько ответов можно дать
на такой вопрос? Либо да, либо нет, вот и все. Конечно,
меня это не касается.
— А мне хотелось бы, чтобы тебя это касалось.
— Да?
— Ты спросила, женат ли я, и сказала, что ответов
на этот вопрос может быть только два: да или нет.
Так вот, это не единственно возможные ответы, Линн.
Поэтому я и не ответил тебе с ходу.
— Не единственно? — иронически переспросила
Линн.— Хорошо, мистер Палмер, так дайте же мне
другой возможный ответ.
— И да, и нет.
Линн раскрыла рот и вскочила на ноги.
— Да знаешь ли ты, что это самая что ни на есть
оскорбительная двойная бухгалтерия! Вы все больше
перестаете мне нравиться, мистер Палмер.
— Но это сущая правда! — запротестовал он. Ка-
кие-то темные неведомые силы терзали его. — В одном
смысле я женат, в другом — нет. Я... ну... подробнее
сейчас не могу объяснить. Пока не могу. Я хочу ска-
зать...
— Комедию ломаешь? Можешь не утруждать себя и
не провожать меня в этот дом ужасов, благодарю по-
корно. За дуру меня принимаешь?
Линн убежала. Он стоял, глядя ей вслед и надеясь,
что она подвернет ногу, и у него будет предлог поспе-
шать за нею, не теряя при этом лица. Однако Линн
проворно скакала, как белка, и скоро ее юная соблаз-
нительная фигурка затерялась среди сосен.

Кит Палмер с размаху яростно поддал по валуну ногой. К сожалению, тот даже не дрогнул. Он сел на него, проклиная свою ногу, проклиная Кита Палмера и все его дела, включая жену по имени Джоанна и мальчишку по имени Сэм, или иначе — Шмули.

Вечером, за ужином, спустя четыре дня после того, как крепость черепной коробки Хендрика Брасса прошла проверку кочергой, Ричард Квин постучал ножом по своей все еще полной рюмке, которую Гуго наполнил отвратительным шабли.

— Если не возражаете, мистер Брасс,— громко объявил Ричард,— я хотел бы, чтобы все собрались в зале. Непременно включая вас, сэр.

— О! — воскликнул Брасс.— А если я возражаю, мистер Квин? Вам не кажется, что вы чересчур много позволяете себе в моем доме?

— Кое-кто чересчур много позволил себе в отношении вашего черепа несколько дней назад,— парировал инспектор,— и вы, похоже, не очень-то против этого возражали. Так что меня удивляет ваша нелюбовь к возражениям, уж простите великодушно за каламбур. Однако покоя мне не дает совсем другое, мистер Брасс. Другая ваша странность, если позволите так выразиться.

— И что же это? — приветливо спросил старик, словно они с Квином были закадычными друзьями.— Мы можем побеседовать и здесь. Что тревожит вас?

— То, что тревожит меня, мистер Брасс, и то, что встревожит каждого из сидящих за этим столом, когда я продолжу, так это то обстоятельство, что вы один из самых отъявленных лгунов, каких только земля держит.

Элистеры синхронно, словно две дрессированные черепахи, втянули головы. Затем они переглянулись, после чего переключили все внимание на Хендрика Брасса. У Лини О'Нил округлились глаза. У Кита Палмера они сузились. Лицо доктора Торнтона выражало настороженность, которая, казалось, все более охватывала его. Только на Корнелию Опеншоу сказанное не произвело никакого впечатления. Она продолжала пожирать глазами молодого Палмера, сидящего наискосок от нее, и пережевывать по кусочку каждую видимую часть его тела.

— Я лгун? — спокойно переспросил старик Брасс.— В самом деле? И в чем же я солгал?

— Вы утверждаете, что отец Джесси Шервуд, доктор Шервуд, спас вам жизнь, когда вы были очень больны. Так вы говорили?

— Именно так.

— Так вот, доктор Шервуд не только не спас вам жизнь, он чуть было не стал причиной вашей смерти. Он поставил неверный диагноз и назначил лечение, от которого вы едва не умерли. И если бы не был вызван специалист, который поставил правильный диагноз и назначил нужный курс лечения, вы бы умерли. Выздоровев, вы направились к адвокату и уже начали возбуждать иск против доктора Шервуда за его преступную профессиональную халатность. И только то, что специалист отказался давать показания против своего коллеги, вынудило вас отозвать исковое заявление. Вот какое у вас основание испытывать чувство благодарности к доктору Шервуду!

— Понятно,— произнес Хендрик Брасс и откашлялся.— Понятно,— повторил он, улыбнувшись.— У вас все, мистер Квин?

— Я только начал. Возьмем отца Де Витта Элистера.— Цветущий вид Элистера заметно померк, однако Элизабет Элистер сумела овладеть собой и собраться в почти видимый комок мышц.— По вашим словам, однажды вы оказались в весьма затруднительном финансовом положении и ни единая душа не пришла вам на помощь. Отец Элистера якобы дал вам взаймы сумму, необходимую, чтобы спасти вас от разорения. Вы случаем ничего не перепутали, мистер Брасс? Отец Элистера и не думал спешить вам на выручку. Он не одалживал вам ни цента. На самом же деле за вами остался огромный карточный долг, и его отец отравил вам всю жизнь, пытаясь заставить вас выплатить эту сумму. Как раз его требования об уплате и довели вас почти до разорения. Вот что сделал для вас отец Элистера, мистер Брасс, при одном только воспоминании о котором у вас, как вы говорили, встает комок в горле!

То, что полный неописуемой злобы взгляд Де Витта Элистер бросил не на Хендрика Брасса, а на инспектора, лишний раз свидетельствовало о том, что ему надоело было написано заниматься всякого рода изощренными махинациями. Воздействию подобных взглядов, однако, Ричард Квин подвергался и раньше, и он попросту не придал ему никакого значения. Что же до Элизабет Элистер, то она прикрыла веками свои бесстрастные глаза, словно инспектор налогового управления

— Продолжайте же,— сказал Брасс,— насколько я понимаю, у вас еще не все.

Инспектор огляделся, будто давая себе передышку, и остановился на красивом лице Линн.

— Мисс О'Нил еще одна жертва вашего вранья. Ее отец не спасал вас от линчевания. И не выступал в вашу защиту на суде. Он поймал вас на месте преступления с украденной лошадью и был главным свидетелем обвинения против вас. Единственной причиной, почему вы не попали за решетку, явилось то, что он совершил юридическую погрешность — обыск и арест без ордера,— а председательствующий судья, как оказалось, любил придираться к мелочам. Если уж у вас и есть основание вспоминать кого-то с благодарностью, так того судью, а никак не шерифа О'Нила. Он был до такой степени огорчен тем, что вам удалось так легко отделаться, что выгнал вас за пределы своего округа, угрожая вздернуть вас лично, если еще раз поймает на конокрадстве.

Длинная тощая шейка Хендрика Брасса вытянулась, он высунул посеревший язык и издал шипящий звук. Завершилось это хихиканьем.

— Вы выполнили большое домашнее задание, мистер Квин. У вас есть еще что-то?

— О, да,— ответил инспектор, отворачиваясь от Линн, старавшейся не привлекать к себе внимания. На лице у нее было написано: «Плакал мой миллион». — Переходим к Киту Палмеру. Вы утверждали, что были весьма близки с его матерью. Знаете, как близка была ваша мать этому человеку? — обратился он к Киту. — Она терпеть его не могла. Она воспрепятствовала, когда он пытался жениться на ее лучшей подруге, доказав девушке, что Брасс — подлец, оставивший за собой целый вагон разбитых сердец, и что ухаживал он за нею лишь потому, что жаждал завладеть деньгами ее отца. А он еще имел наглость намекать на то, что между ним и вашей матерью была связь!

— Это правда, мистер Брасс? — спросил Кит у старика.— Господи, чего же ради вам понадобилось выдумывать всю эту историю?

— Слово взял мистер Квин,— ответил ему Хендрик Брасс, обнажая вставные зубы, — пусть он и отвечает на ваш вопрос.

Следующий случай,— произнес инспектор, не желая отступать.— Речь пойдет о вас, доктор Торнтон. Мать ваша якобы поставила его на ноги в мрачную пору его жизни и вернула ему веру в себя, так, кажется, ...

он вырвался. Доктор, ваша мать прине[illegible]
ску пользы столько же, сколько и мать. На[illegible]
пытался склонить ее к замужеству и прельщ[illegible]
свои не худо грунтовые штабную [illegible]
ных действий, длившуюся полгода, один раз ей [illegible]
даже обратиться в полицию, чтобы он [illegible]
Наконец она от него отделалась, выпи[illegible]
отца, но и после этого ваш отец грозился [illegible]
ему ноги, если он не отстанет от нее.

Доктор Торнтон, похоже, был вне [illegible]
Он рассматривал Брасса через свои сильные [illegible]
старик являлся исследуемой бактерией у [illegible]
роскопом.

На этот раз старик не проронил ни слова [illegible]
отмахнулся от инспектора своей землистой и [illegible]
рукой. На губах его по-прежнему играла кривая у[illegible]
мешка.

Перехожу наконец к мисс Опеншоу...

— Прекратите! Не желаю вас слушать! [illegible]
кнула Корнелия Опеншоу. Повествование Квина [illegible]
тило ее настолько, что она и думать забыла о Кит. Палмере. Демонстративно она заткнула себе уши.

— Сожалею, но сейчас вы тоже являетесь нашей неотъемлемой частью, мисс Опеншоу, и ради справедливости по отношению к остальным присутствующим я не могу обойти молчанием вас. В вашем случае результат отрицательный. Брасс утверждает, что ваши родители спасли ему жизнь, когда он пытался покончить с собой. В подтверждение этого не обнаружилось никаких-либо фактов, ни воспоминаний людей, которым могло быть хоть что-то известно. В свете того, что удалось выяснить о родителях остальных, целесообразно предположить, что какими бы ни были взаимоотношения ваших отца и матери с этим человеком, он испытывал к ним не благодарность, а ненависть, которую взлелеивает десятки лет.

— У вас нет доказательств, — отрывисто проговорила старая дева. — Я, со своей стороны, готова поверить каждому слову мистера Брасса.

— Ну, это уж ваши проблемы. Итак, Брасс, таковы факты. Желаете внести поправки?

— Так вот для чего вы совершали все эти поездки в гостиницу «Над Старой Рекой», — хихикнул старик. — Гуго интересовался этим, да и я тоже.

— Послушайте, Брасс, вас уличили в самой [illegible]

на есть беспардонной лжи по меньшей мере пять раз. Настало время что-то сказать в свое оправдание. Родители всех присутствующих умерли, так что на них отыграться вы уже не можете. Но остались их дети. Если вы из тех, кто способен затаить ненависть, то вы их ненавидите. Для чего же в таком случае вы пригласили их сюда? Сделать их своими наследниками, как вы утверждаете? После того, что я раскопал о вас, никто в своем здравом уме этому не поверит. И среди этих людей есть один, кто не верил с самого начала,— тот, кто хотел вышибить вам мозги. Если вас интересует мое мнение, то он считал, что прикончил вас! Так в чем же все-таки дело, Брасс? А может, вы их собрали тут затем, чтобы ваш Гуго постепенно подсыпал им определенными дозами мышьяк в отвратительную пищу, которую он готовит? Судя по его кулинарным способностям разницу мы все равно не заметим. Выкладывайте начистоту!

Старый Брасс, уютно, словно в гнездышке, устроившийся в своем огромном кресле, стоявшем во главе стола, подался немного вперед и вверх, в результате чего стал возвышаться над краем стола — вся эта процедура походила на сцену из фильма ужасов, когда мумия, пролежавшая в своем саркофаге три тысячи лет, внезапно приняла сидячее положение.

— Гуго! — резко скомандовал он.— Еще кофе!

Гуго дернулся, неуклюже шагнул вперед с кофейником и налил кофе в чашку старика. Он остался стоять за креслом, держа в руке кофейник, от которого тянулся электрический провод, и со стороны всем своим видом походил на включенного в сеть робота.

— Ах, да,— Брасс ловко поставил чашку на блюдце.— Вы задали мне вопрос, мистер Квин, и вы заслужили ответ. Вся эта беготня отсюда в гостиницу и обратно, встречи с вашими наемниками — если это наемники,— получение от них сообщений и так далее — все это, доложу я вам, целый букет неумелых, некомпетентных действий, поскольку они установили правильно все факты, за исключением одного, которым-то и является единственно существенным.

— О чем это вы? — на лице инспектора отразилась тревога.— Что именно они установили неверно?

— Ну, они раздобыли факты не о том Хендрике Брассе.

Смешок перешел в смех, за которым последовал спазм,

старик поперхнулся. Пока он пытался восстановить дыхание, за столом царила напряженная тишина.

— Что значит «не о том Хендрике Брассе»? — проревел Ричард Квин.— Не городите-ка вздор! Хотите убедить нас, что существует несколько Хендриков Брассов? Могли бы придумать что-нибудь похитрее!

— Это очень легко проверить, — проговорил, все еще задыхаясь, Брасс, и инспектор с отвращением заметил, как один незрячий глаз моргнул и веко цвета березовой коры прикрыло его.— И вы установите, что я говорю правду. Хендриков Брассов больше, чем пальцев у вас на руках. Такова семейная традиция.

— Какая еще семейная традиция?

— Даже две. Первая: семейный бизнес всегда наследовал старший сын. Все остальные сыновья довольствовались крохами. Вторая: старшим сыновьям всегда давалось имя Хендрик в честь основателя династии Брассов. У моего отца сыновей было двое. Я — младший. Мой старший брат был крещен как Хендрик Виллем — иногда старшему давали и второе имя, необязательное, можно сказать. Но первым всегда было Хендрик. Когда родился я, меня нарекли Саймон.

— Почему же тогда вы называете себя Хендриком?

— Потому что Хенк умер — я всегда называл Хендрика Хенком. Остался один я, как видите. Вот я и поручил своему адвокату обратиться в суд, чтобы законным порядком изменить мое имя на Хендрика Саймона Брасса. С той поры меня зовут Хендрик Саймон.

— Постойте! Так вы утверждаете, что Хендрик, о котором я говорил, тот, кто изводил родителей присутствующих здесь людей, был вашим старшим братом?

— Именно так, — старик усмехнулся мерзкими сморщенными губами.— А уж и необузданный он был в молодые-то годы, когда отец был еще жив и все дела вел сам. Почти такой же необузданный, как и я. Уж и поколесил по стране Хендрик Виллем, это точно... Но когда отец скончался, Хенк вернулся домой и обосновался здесь. В работу, осел этакий, ушел с головой, точь-в-точь как отец. Работа, работа и работа — вот что такое Хенк. Даже на женитьбу времени не выкроил, хотя в молодости с женщинами покрутил изрядно. Ну и в один прекрасный день Хенк надорвался и умер, а бизнес, деньги и вся вот эта недвижимость перешли ко мне. И вот мы все здесь. Удовлетворил вас мой ответ, мистер Квин?

Инспектор смотрел на него во все глаза. У Полонского, Анджело, Мэрфи, Гиффина и Криса, разумеется, не было решительно никаких оснований подозревать о существовании другого Хендрика Брасса. Такое и в голову никому не могло прийти. И все же...

— Но вы же ровным счетом ничего не прояснили, мистер Брасс. Все по-прежнему запутано и скручено, как моя тетушка Минни артритом, даже сильнее. Выходит, все эти поступки совершил ваш брат? Но ведь сначала вы хотели убедить нас в том, что их совершили вы. Немыслимо представить себе, что во всех описанных случаях замешаны оба из вас, даже если вы и покуролесили в молодости. Две почти роковые ошибки одного и того же врача, одна — в случае с вами, другая — с вашим братом? Два задержания одних и тех же братьев за конокрадство одним и тем же шерифом в Вайоминге в разное время? Ну и так далее. Детские сказочки, Брасс. А может, вы хотите, чтобы мы поверили в ваши россказни о том, что добрые дела все эти люди совершили по отношению к вам, а дурные — по отношению к вашему брату? Одни и те же люди? Ну, это уж сказочка сверхволшебная. Как я себе представляю это, Брасс, у вас лично не было никаких контактов с родителями тех, кто собрался здесь. А раз так, то сами вы вообще не можете испытывать к ним никаких чувств — ни благодарности, ни даже ненависти. А может быть, это кровная месть — за вашего брата?

— А вот это уж,— усмехнулся Брасс,— предстоит выяснить вам.

— Ну, на такую сказочку меня не купишь. Кровная месть давно канула в Лету. Так для чего же вы пригласили этих людей сюда? Все по-прежнему сводится к одному и тому же: что это означает?

— Да, такой вопрос тянет на шесть миллионов долларов, не правда ли, инспектор? – с ехидцей произнес старик.— Господи, я ведь выдал ваш секрет, выпустил кота из мешка, не так ли? Полагаю, о вашем звании здесь не знает никто, кроме вашей супруги. А вы и не знали, что мне известно, что вы — отставной инспектор из Нью-Йорка, ведь так?

— Нет,— ответил инспектор, и в голосе его послышалось нечто, отдаленно напоминающее уважение.— Не знал.

Услышанное заставило всех присутствующих внимательно и по-новому посмотреть на него, особенно

[illegible] в глазах которых было такое выражение, [illegible] они только что сдвинули с места гору, а ребята [illegible] как всегда неутешительные — маленькая мышка.

— Может быть, я и слеп, — сдавленно засмеялся Брасс, — но с головой у меня все в порядке, слышите? И с моими источниками информации — тоже. Что ж, инспектор Квин, у вас накоплен солидный опыт решения всевозможных загадок, возможно, вы решите и эту. Выясните-ка, что все это значит, а? Что, что вы сказали?

И вдруг вся его веселость исчезла. Лицо его исказила гримаса, он топнул ногой и вскрикнул:

— Для одного вечера забав мне предостаточно. Гуго, ты, бочонок рыбьих потрохов, трость мне!

КАКОЙ?

«Источники информации» Хендрика Брасса объявились на следующее утро, причем в единственном числе.

Произошло это в то время, когда доктор Торнтон пытался перевязать старику голову в его латунной спальне. Джесси находилась там потому, что помогала доктору. Ричард Квин находился там потому, что там была Джесси, а Гуго находился там по все еще не отмененному приказу Ричарда, стоя ссутулившись в углу, свободном в эту минуту, а его глазки через всю комнату внимательно следили за бинтами, обнажающими старческий череп, словно за ними сейчас откроется нечто редкое и прекрасное.

— Перекись, пожалуйста, — попросил Торнтон.

Сестра Квин подала пузырек, доктор капнул несколько капель на бинт, присохший к ране. Подождал, пока перекись пропитает бинт и размягчит запекшуюся кровь и только потом снял его. После вчерашней вспышки Хендрик Брасс лежал с умиротворенным, как у мумии, лицом, его запавшие глаза были закрыты. Когда доктор осторожно снял бинт, который легко, словно заколдованный, отстал от раны, глаза у старика открылись и он проговорил в потолок:

— У вас руки исцелителя, доктор.

— Благодарю вас, — ответил доктор Торнтон. Я лишь перевязал рану. Исцелил ее господь.

По лицу старикашки пробежала тень замешательства.

— Что?

— Я где-то прочел это.

— Бог? Я не верю в бога!

Рана выглядела ужасно. Морщинистая кожа была рассечена и по всей длине шва сильно вспухла, натянув стежки кетгута так, что голый череп напоминал футбольный мяч со шнуровкой.

— Думаю, перевязку делать не будем. Пусть поступает воздух. Через день-два сниму швы. А сейчас удалим запекшуюся кровь. Голова у вас побаливает или же боль наступает приступами? Головокружение? Слабость?

— Нет.

— Бог, в которого вы не верите, хорошо отнесся к вам, мистер Брасс.

Доктор и Джесси стали удалять кровь, запекшуюся по краям раны, и Ричард, залюбовавшись плавными движениями рук своей жены, вздрогнул, услышав громкий голос Гуго:

— Человек здесь, человек здесь!

Гуго прокричал эти слова таким яростным громоподобным басом, что инспектору, стремительно рванувшемуся было к двери, пришли на ум слова людоеда из сказки: «Фу-фу-фу! Английским духом пахнет!» И тут он увидел этого человека.

Тот стоял в дверях, небрежно привалившись к косяку, руки в карманах и с улыбочкой, представляющей собой смесь глумливой усмешки и презрительной ухмылки, на которую тошно было смотреть. Трудно было определить, что же именно забавляет его — то ли рык Гуго, то ли балетно-воздушная поступь инспектора, то ли рана на черепе Брасса.

Гуго шагнул ему навстречу.

— Спокойнее, крошка,— предупредил человек в дверях.— Я, может, и не такая громадина, как ты, но могу поспорить, что ногами шевелю быстрее. Не говоря уж о руках.

Гуго сделал второй шаг. Незнакомец не двинулся ни назад, ни вперед. Но инспектор заметил, как весь он подобрался.

— Я ему не нравлюсь. Думаю, дуэта на сцене из нас не выйдет.

— Кто вы? — требовательно осведомился инспектор.

— Меня зовут Воун, отец.— Он не сводил глаз с Гуго.

— Как, как? — вскричал с постели старый Хендрик.— Воун?

— Точно, мистер Брасс.

— Гуго,— язвительно произнес старик. — Я же тебе в прошлый раз говорил. Стой.

Гуго остановился. Человек выпрямился и не спеша прошел в спальню.

Инспектор был человеком мирным, но во вновь прибывшем было нечто такое, за что не терпелось дернуть его по физиономии. С одной стороны, в самой его походке, скользящей и самодовольной, заключался вызов. Такая поступь словно вырабатывалась специально, чтобы либо внезапно налететь, либо ударить, смотря по обстоятельствам. С другой — своим липким взглядом он обшарил Джесси так, будто прощупал ее всепроникающим лучом лазера, раздев ее донага и, что еще хуже, отвергнув ее с презрительным сожалением, как бы произнеся вслух: «Лет двадцать назад, цыпочка... еще может быть».

«Ты и я,— мысленно объявил ему инспектор, – заклятые враги!»

И он пристально, профессиональным взглядом осмотрел Воуна.

То ли сшитый на заказ костюм в тонкую полоску был ему слишком мал, то ли сам он чересчур раздался и пополнел, но эта одежда скорее подчеркивала, чем скрывала, его фигуру, казавшуюся чрезмерно мускулистой. Жесткие рыжеватые волосы были коротко подстрижены. Маленькие серые глазки посверкивали, словно алмазная стружка. Если бы не приплюснутый нос, лицо его можно было бы назвать худощавым. Возможно, именно его челюсть навела инспектора на мысль о карикатуре, поскольку выдавалась вперед, точь-в-точь как мусоросбрасыватель образца 1925 года. Кожа на лице была неприятно рябой, покрытой неестественным солнечным загаром. Инспектор не удивился бы, вытащи тот афишу скачек или вырезку из журнала с изображением соблазнительной красотки. На голове у него сидела шляпа берсальерского покроя («Стрелок он отменный, это точно»,— подумал инспектор), которую он не удосужился снять. Рубашка была темно-синяя, а галстук светло-желтый. Кисти рук — крупные и в шрамах. И однако же в его постоянно что-то выслеживающих глазках светился ум, а точнее — житейская хитрость, приобретенная в задних комнатах и темных переулках. Не возможно было вообразить приличного человека, кото рому такой субъект мог бы внушить доверие, или жен щину, способную потерять из-за него голову.

С какой стороны на него ни посмотреть — так и этак выходило плохо.

— Что это у вас с котелком? — спросил Воун, словно следователь, производящий дознание.

Старик ответил с раздражением:

— Мы обсудим это с вами потом, мистер Воун.

— Надо было связаться со мной. Этот здоровенный кретин вам не защитник. Слепому и то ясно, что у него не башка, а кочан капусты на плечах.

— Вы, вы...— возмутилась Джесси,— дурно воспитаны!

— Это верно, куколка,— ответил Воун и отвернулся от нее.

— Пожалуйста,— проговорил старик,— все остальные — уходите.

— Позвольте,— усы у инспектора ощетинились.— Моя жена, не говоря о других, имеет законное право знать, что происходит в этом доме. Я хочу знать, кто этот человек и зачем вы пригласили его сюда.

— Вы говорите точно полицейский,— сказал Воун, прежде чем Брасс успел ответить.— А-а, понял: вас зовут Квин и вы пристегнуты к Джесси Шервуд — наверное, вот эта баба. Точно, отец?

— Точно, сынок, и никто не называл еще мою жену бабой. Никто!

— Ну, папаша, ты даешь! — и он вызывающе повернулся к инспектору спиной, что по-настоящему разозлило того. Но Джесси положила руку ему на плечо.— А ты, с моржовыми усами, ты кто будешь?

Рыжие усы доктора тоже ощетинились:

— Я — доктор Торнтон.

— А, ну да. Так, ладно, вы слышали, что велел мистер Брасс? Всем выйти отсюда!

— Не уйду из этой комнаты, пока не получу ответа,— заявил инспектор.— Кто этот хулиган, мистер Брасс?

— Все в порядке, Воун,— сказал Хендрик Брасс,— я передумал, пусть знают. В чем дело, инспектор? Мистер Воун — частный детектив, которого я нанял для поиска вашей жены и всех остальных. Он также и адвокат. Составит завещание, когда я решу, кому оставить мои деньги.

— Адвокат! Какое же учебное заведение вы окончили, Воун?

— Ну, Гарвард, Йэйл, курсы парикмахеров — какая разница? Желаешь видеть мой диплом, отец?

— Желаю видеть разрешение на ношение револьвера у тебя под мышкой в наплечной кобуре.

— Надо же, а я-то думал, этот костюм на заказ, что мне в три сотняги влетел, скрывает мою пушку. Обязательно сменю портного. Выкинь это из своей седой головки, инспектор. Разрешение имеется. А заодно, если уж тебя любопытство одолело, и лицензия нью-йоркского детективного агентства.

— В Нью-Йорке теперь стали разрешать работать кому попало. Хорошо, мистер Брасс, раз уж это ваше личное гестапо в одном лице, поделать я ничего не могу, но хочу, чтоб ему стало ясно: хамить пусть прекращает. Особенно дамам. Таких субъектов я навидался.

Воун пожал плечами:

— А в чем дело, дед? Свадебные колокола больше не звонят? Слушай, если хочешь войну — воюй, только я выбираю свою дорожку. И все равно мы поймем друг друга, хоть я и «хам». Бывший полицейский против меня ничто.— Он не дал инспектору ответить.— Сколько времени уйдет на эту работенку, мистер Брасс?

— Столько, сколько нужно,— на лице старика появилось хитрое выражение.— Сколько времени вы можете отсутствовать на своей службе?

— Вам решать, ведь платите вы. Пока наш уговор действует, и раз уж мне придется ошиваться здесь, вы же не позволите охранять вас этой громадине, а? Если удар, который вы схлопотали по черепу, хоть что-то говорит вам о качестве его работы, то наймите себе кого-то другого.

— Именно это я и имел в виду, мистер Воун. Вы становитесь также и моим телохранителем.

Гуго шевельнулся.

— Не я? — На его лице был написан ужас.

— Проваливай, убогий,— приказал Воун. — Слышал своего хозяина и господина?

— Не я? — опять произнес Гуго. Казалось, что он вот-вот заплачет.

— Нет,— буркнул старик.— Ступай опять полировать, Гуго. И учти, делай все, что скажет мистер Воун.

Плечи Гуго поникли.

Слушаюсь, мистер Хендрик. Он вышел из спальни. Джесси готова была разрыдаться из-за него.

Ну всё, люди. Время вышло. — Молоткообразным большим пальцем он ткнул в сторону двери. — С мистером Брассом надо кое о чем побеседовать.

Открыв дверь, Ричард пропустил вперёд Джесси и кипящего от ярости доктора Торнтона. Он уже хотел было выйти за ними вслед, как вдруг, к своему изумлению, увидел, что Воун достает из заднего кармана плоскую серебряную фляжку и отвинчивает колпачок. Последний раз он видел такие фляжки во время сухого закона, лет сорок назад. Может, они вновь входили в моду? Или Воун начитался романов о том времени? Если он вообще умеет читать. Последнее, что увидел инспектор, закрывая за собой дверь, был Воун, который надолго приложился к горлышку.

— Знатное тут у вас местечко, мистер Брасс,— услышал он голос частного сыщика.— Но, как я сказал, это далеко не Акапулько.

До появления Воуна жизнь в старом доме стабилизировалась, и установился беспокойный, но заведенный порядок дня: завтрак между восемью и девятью часами, поездки в Филлипскилл или Тэрритаун за газетами, журналами, книгами (библиотека Брасса в ее теперешнем виде перестала пополняться с начала века), сигаретами или туалетными принадлежностями. Затем в полдень ленч, после чего одни отправлялись на прогулку неподалеку от дома, спускаясь к полузатопленной пристани, а другие занимались своими делами: Джесси вязала пуловер Ричарду, спицы и пряжу она купила в Филлипскилле; Элистеры резались в покер на зубочистки, иногда же миссис Элистер сидела в одиночестве, сверкая глазами, словно хищница, пока ее муж изучал разделы о скачках в газетах, купленных в Тэрритауне; доктор Торнтон читал последние номера «Плейбоя», даже не притрагиваясь к двум медицинским журналам, пересылаемым ему из Южного Корнуолла; молодой человек и девушка читали книги в мягких обложках, подчеркнуто избегая друг друга во всем, только не в мыслях. Линн смотрела на Кита пренебрежительно и свысока, а Кит воспринимал это как совершенно неопытный юнец и выглядел столь жалко, что Линн хотелось обвить его шею руками, уверяя его, что все в полном порядке, но это было бы нелепо, ибо все обстояло как раз плохо; Корнелия Опеншоу поджаривала Кита своими пламенными взорами, а все ее поведение и манера держаться говорили о безраздельном праве собственности на него. И над всеми ними царил вездесущий старый лис Квин.

появляясь то там, то тут, но всегда держась [illegible] от хозяина дома, который смешивался со своими гостями и все же был как-то в стороне, держа уши на макушке, улавливая ими малейшие нюансы, словно опытный старый дирижер, слушающий новый оркестр со своей инфернальной усмешкой на губах. Все это не способствовало спокойствию их духа, а мечту о миллионах делало и вовсе несбыточной. Но даже и это превратилось в рутину, и спустя некоторое время большинство из них уже не обращали на Хендрика Брасса никакого внимания, за исключением тех моментов, когда он непосредственно обращался к кому-либо. Тогда они, оставив все, внимательно выслушивали его просьбу или вопрос с тревогой на лице, улыбаясь ему, будто зрячему.

Появление в доме Воуна качественно изменило степень их дискомфорта. Теперь их словно поместили под огромный колпак в виде презрительной усмешки, из-под которого невозможно выбраться.

Как и инспектор, Воун, по всей видимости, понял, что собой представляют муж и жена Элистеры. Он проводил с ними небольшие семинары по фактам мошенничества, которые ему когда-то доводилось распутывать, притворялся, что забывал некоторые особенно щепетильные моменты, и обращался к ним за помощью. Это повергало чету в полнейшее смятение, поскольку к их квалифицированной помощи Воун прибегал тогда, когда в пределах слышимости находился старый Брасс, слушавший их в загадочном молчании.

На доктора Горитона Воун извергал всю свою желчную неприязнь к представителям медицинской профессии. Все врачи, по его словам,— мясники и шарлатаны, загребающие деньгу лопатой. Доктор с достоинством переносил эти мучения. Однако стоическая невозмутимость час от часу давалась ему все труднее, особенно когда Воун взял за привычку негромко издавать при его приближении хрюкающие звуки. Горитон начинал тогда изо всех сил теребить свои усы, показывая прокуренные зубы, и стискивать их, сжимая кулаки. Но все же Воун никогда не накалял обстановку до такой степени, на которой предохранители Горитона перегорели бы. Очевидно, так он забавлялся.

Его обращение с Корнелией Опеншоу было однообразным — он рассказывал ей похабные анекдоты. Поначалу она сразу же надменно выходила из комнаты или же начинала что-то бессвязно бормотать. Однако после

[illegible] заметил, что по прошествии определенного времени [illegible] его возмущения поднимался все выше, в конце [illegible] в ее пронзительные уходы и [illegible] прекратились, и она выслушивала его с совершенно [illegible] видом, [illegible]

По отношению к Палмеру Воун [illegible] как мужчина с мужчиной. Заключалось это в том, что он неожиданно и несильно тыкал его в ребра [illegible] произнося знаки препинания:

— Ну, ты меня понял, парень! — тычок — восклицательный знак: либо со всего маху хлопал его по плечу, от чего Кит покачивался, хоть и был [illegible] парнем: — Что ты сказал, приятель? — хлопок — вопросительный знак: либо твердым указательным пальцем стучал Киту в грудь, как будто строчил на машинке:— Можешь спорить на что угодно, дружище...— стук, стук, стук — многоточие... причем все это произносилось и делалось в самой что ни на есть приятельской манере, поэтому обижаться было бы просто невежливо. При таком обращении Кит не знал, что ему говорить. Спустя некоторое время всем остальным стало неловко наблюдать, как при приближении Воуна Кит отступал или отходил в сторону, словно давно потерявший форму боксер, которого внезапно поставили на ринг. Оставалось неясным, сколько времени он будет еще позволять Воуну изводить себя.

А вот Линн О'Нил стала серьезным объектом посягновений со стороны Воуна. С ней он усвоил такую манеру: не замечал ее, пока она не оказывалась совсем рядом, вздрагивал, словно от приятной неожиданности, затем начинал пристально оглядывать ее всю — от [illegible] каштановых волос и далее, с севера на юг, точно с помощью фотоэлементов выискивая спрятанные на ней сокровища, замедляя движение на уже обнаруженных, и кончая туфлями, потом направление движения менялось, и все повторялось с юга на север. Он почти не разговаривал с нею, за него говорили глаза. Поскольку все его выходки были только визуальными, Линн не могла подыскать достаточно веского предлога, чтобы надавать ему по щекам. Она начала периодически заливаться краской стыда, что приводило ее в ярость, и при его приближении всегда старалась как можно быстрее выйти из комнаты.

— Бедная девушка, — возмущалась Джесси. А Ричард пояснял: — Это он клинья под нее подбивает.

Что ты имеешь в виду?

Нужно быть стойкой девицей, чтобы противостоять такой лести.

— Лести?

— Ну да, он льстит ее физической привлекательности. Сама видишь, разве Кит Палмер добился от нее чего-нибудь своими потупленными взорами? Женщине нравится тот мужчина, который желает ее, не правда ли?

— Ну уж, только не такой мужчина!

— Ты совершенно неправа,— возразил ей Ричард, и между новобрачными возник определенный холодок, длившийся всю лучшую часть того утра.

Ричард вынужден был признать, что свои каждодневные обязанности Воун выполнял безукоризненно. Днем он почти всегда находился на расстоянии вытянутой руки от Хендрика, а когда на ночь старик отправлялся в свою спальню, Воун ставил свою раскладушку прямо в коридоре, преграждая вход в спальню. Если где-то вдруг открывалась дверь, раздавался чей-то голос или слышались чьи-то шаги, рука Воуна машинально оказывалась на кобуре, а его самого как пружиной подбрасывало с раскладушки либо узнать, что происходит, либо замереть и прислушаться. Успокаивался он только убедившись, что звуки эти не таят в себе никакой угрозы для его подопечного. Принимал ванну и переодевался он днем в спальне Брасса, когда слепой старик ложился вздремнуть, причем только заперев входную дверь и задвинув ее на засов.

Не происходило никаких инцидентов, только отношения приобретали более ярко выраженный характер. Чета Элистеров по-прежнему составляла неразлучный дуэт — расставались они редко. Однажды Элистер поехал в гостиницу «Над Старой Рекой», чтобы, как он сказал, позвонить, и его жена вышагивала по всему залу, пока он не вернулся. После ужина они обычно играли в карты, не обращая внимания на остальных. Хендрик Брасс и Воун держались вдвоем, а Гуго молча, неуклюже бродил поодаль. Остальные, за исключением, пожалуй, Корнелии Опеншоу, образовали самую многочисленную группу. Мисс Опеншоу, похоже, никак не могла решиться, к какому кругу примкнуть: к группе Брасс — Воун — Гуго или к той, куда входил молодой Палмер. Она металась от одной к другой, словно пчела, потерявшая ориентацию.

Как-то вечером после ужина старая дева подошла

к старому радиоприемнику и начала от нечего делать нажимать на клавиши. Ничего необычного в этом не было, поскольку инспектор и раньше видел ее за этим занятием по меньшей мере раза два.

Боже, приемник и тот не работает, — сказала мисс Опеншоу. — Мистер Палмер, не могли бы вы отвезти меня в гостиницу. Там у них телевизор.

Она явно подбиралась к своей добыче. Лино у Кита выскользнуло.

Я бы охотно, мисс Опеншоу, но мы с мисс О'Нил уже договорились пойти прогуляться. Правда, Лини?

Он уже приготовился выслушать резкую и язвительную отповедь. Но вместо этого Лини ответила:

Конечно, Кит. Извините, мисс Опеншоу. Мистер Палмер наверняка охотно отвезет вас как-нибудь в другой раз. Пошли, Кит.

Во дворе Кит, торопливая Лини, выпалил:

Тысячу раз спасибо. Это единственное, что я сумел придумать.

Лини хихикнула:

А она к тебе неравнодушна.

— У меня всю жизнь так. Те, кто мне нравятся, на меня ноль внимания. А те, кому нравлюсь я,— не девушки, а мымры какие-то.

— Ну, быть того не может. Ты разве не говорил мне, что женат — «в некотором роде», что бы это там ни означало. Или ты женился на «мымре»? Ничего себе, словечко!

— Нет! Я имею в виду... Послушай, Лини, взволнованно заговорил Кит,— насчет этого дела с женитьбой... А-а, черт, я просто не могу объяснить! Ну, понимаешь, все, что я могу тебе сказать, так это то, что я не могу одновременно с двумя. Не в моем это характере. Лини, верь мне. Я хочу узнать тебя...

— Для чего?— отстраненно спросила Лини — уже не так отстраненно, как во время их последней прогулки, но все же достаточно отстраненно, чтобы дать ему понять, что на нее не очень-то действуют медоточивые речи, расточаемые женатыми мужчинами с вполне определенной целью.

— Для того... черт! Ну для чего парень обычно хочет узнать девушку?

Ты и впрямь хочешь, чтобы я дала тебе исчерпывающий ответ?

Ну, само собой, это тоже имеет значение...

Само собой?

Ну, не все значение, и даже не самое главное...

— А-а, не знаю,— сказала Линн.— Все же весьма веское. Как бы там ни было, давай-ка сменим пластинку и полюбуемся этим лесом. Красивые тут места, верно? Совсем не так, как в Вайоминге.

Они поведали друг другу о себе, и им стало лучше. Линн родилась в шахтерском городке, который захирел после того, как весь уголь выработали.

— В восточных штатах считают, что на Западе мы все ковбои. А знаешь, в Вайоминге овец больше, чем коров и буйволов, а там, где я росла, ни тех, ни других вообще не было. Папа умер, когда мне тринадцать лет было, а мама — несколько лет назад. Уж я бы придумала, как найти применение этому миллиону долларов. У меня и работы-то нет.

— Ты,— в голосе Кита послышалась нежность,— могла бы устроиться в Голливуде, и уж точно не в сфере обслуживания.

— Мистер Палмер! Старо, как мир, придумайте что-нибудь пооригинальнее,— выговорила ему Линн деланно усталым тоном. В душе она была польщена, он произнес эти слова почти совершенно серьезно и даже, пожалуй, безо всяких «почти», а на полном серьезе.— Ну, поведайте и вы мне о своем странствии земном.

Он взял себя в руки и принялся долго и нудно рассказывать, опуская детали, о своем участии в бизнесе, связанном с металлоломом и с «великолепным парнем по имени Билл Перлберг», затем о Вьетнаме и сайгонских барах, коварных вьетконговцах и так далее. И нигде в его повествовании не всплывали имена Джоанны и крошки Сэма или даже слова «жена» и «сын», которые можно было бы объяснить стремлением к краткости изложения, но Линн, разумеется, не знала этого, хотя и подозревала всякое. Что до Кита, то он постарался сменить тему.

Линн придирчиво слушала, вынашивая свою оценку услышанному, и наконец решила высказать ее:

— Ты кое-что опускаешь,— произнесла она тоном, с каким Золя мог бы огласить свое известное «Я обвиняю» *.— С чего бы это, Кит, а?

Его спасло неожиданно раздавшееся мягкое сопрано.

— Ах, мистер Па-алмер! Мистер Палмер!

* Памфлет Э. Золя в защиту Дрейфуса.

В прочем, спасло ли? Ибо это оказалась мисс Опеншоу, подбежавшая к ним сзади:

— Ах, вот вы где! Вообще-то я ищу мисс О'Нил.

— Меня? — удивилась Линн.

— Вас хочет видеть миссис Квин. Прямо сейчас.

— Я провожу тебя, Линн,— выпалил Кит.

— Нет, мистер Палмер. Миссис Квин хочет видеть не вас. Почему бы вам не составить компанию мне, пока мисс О'Нил не вернется? Мисс О'Нил, миссис Квин ждет вас,— с этими словами она дружески подтолкнула Линн, тут же повиснув у Кита на руке.

— Ах, я так рада, что выбралась из этого дома, мистер Палмер. Этот старик, у меня от него мурашки по всему телу. Знаете, у меня иногда такое ощущение, что он смотрит на меня. Я знаю, этот ужасный мужлан Боун наверняка...

Линн пришлось вынести изучающий взгляд Боуна, когда она проходила мимо, в то время как он уводил Хендрика из зала в спальню. На этот раз кое-что прибавилось. Он слегка задел ее, коснувшись ее каким-то образом своей лапищей ниже талии. Она чуть было не закричала на него, как он вдруг вежливо извинился:

— Простите меня, мисс О'Нил,— и стал подниматься по лестнице, причем даже его спина как будто выражала издевку.

Возмущенная Линн быстрыми шагами влетела в зал.

— Мисс Опеншоу сказала, что вы хотите видеть меня, миссис Квин.

Джесси вязала, инспектор читал вчерашнюю нью-йоркскую «Дейли Ньюс». Оба уставились на нее.

— Э-э, я всегда рада видеть вас, дорогая,— озадаченно проговорила Джесси.— Но...

— Моя жена хочет сказать, мисс О'Нил, — усмехнулся инспектор, – что она громко спросила, не пойдет ли кто-нибудь пить чай, и заметила при этом, что не видит здесь вас. Для мисс Опеншоу этого оказалось вполне достаточным. Прежде чем успели упомянуть имя Кита Палмера, она унеслась.

Довольно осторожно Линн произнесла:

— Она такая эмоциональная.

— Но настырная,— буркнул доктор Торитон. Он читал научную статью с сердитым выражением на лице.— Мой вам совет, мисс О'Нил, не очень-то сочувствуйте им. Женщины такого типа могут стать опасными. На вашем месте я бы посоветовал Палмеру держаться от нее подальше.

— Четыре туза!— объявил жене Де Вит, мистер [illegible] за целых [illegible] лет.

В тот вечер инспектор решил воспользоваться [illegible] в которые ушло уже слишком много времени. А [illegible] напомнил ему, что времени у них [illegible]

— Вы, по всей вероятности, являетесь председателем этого совета, инспектор Квин,— поинтересовался старый Брасс со своей будто приклеенной усмешкой.— Какова цель этого совещания?

Он сидел, как на насесте, на самом краешке своего кресла отца семейства, словно какой-нибудь король Лилипутии, посасывая кончик трости, а отблески латуни падали на его лысину со шнуровкой, как на футбольном мяче. Воун и Гуго стояли по бокам. В сборе были все. Впервые инспектор вызывал у них больший интерес, нежели их благодетель. Голос Квина звучал словно набат, раздававшийся в этом трухлявом доме, как последний решающий довод.

Я буду краток, мистер Брасс! — отчеканил инспектор.— Вы держите здесь всех этих людей, рассказав им сказку о том, что вы будто бы стоите шесть миллионов долларов...

Сказку? — перебил его старик. Он посасывал трость, лицо его от волнения подергивалось, а сам он насторожился, всем своим видом выражая нетерпеливое ожидание.

Сказку, — повторил инспектор. Потому что мои люди проверили ее целых десять дней. В Филадельфии. В Трэрритауне. Во всем Уэстчестерском округе. В Нью-Йорке. В Бостоне и Филадельфии, где хранятся и инвестируются крупные вклады. В Нью-Йорке, Бостоне и Филадельфии я поручил расследование одному надежному агентству. Работа мне требовалась скорая, но тщательная, а мои люди не могли бы проделать все одни. И вот что удалось установить.

Лица собравшихся застыли в напряжении.

— Мои люди нигде не обнаружили ни одного теку-

щего или сберегательного счета, либо абонируемого для хранения ценностей сейфа на имя Хендрика Брасса. Никаких следов акционерных бумаг или облигаций, или каких-либо финансовых активов. Они не обнаружили никаких следов недвижимости, за исключением этого дома и прилегающей к нему земли. Местные чиновники из управления по недвижимости считают, что этот дом представляет собой имущество, владелец которого может на нем разориться, а стоимость земли покрывается суммой денег, входящих в выданные за нее неоплаченные закладные, которых две. Другими словами, ваш Латунный Дом не стоит решительно ничего.

— В самом деле,— весело произнес старик,— как я погляжу, вязанием здесь занималась не только ваша жена.

— О своем вязании я еще не досказал,— парировал инспектор.— Мои люди установили также тот факт, что вы по уши в долгах у торговцев и лавочников в Филлипскилле и Тэрритауне. У мясников и бакалейщиков лежат не оплаченные вами счета не менее чем за полгода. Вы еще не оплатили счета за отопление с прошлой зимы, и, как я себе представляю, в эту зиму вам либо придется платить, либо отапливать всю эту рухлядь способом, которым это делали ваши досточтимые предки. Вот уже третий месяц вы не платите за электроэнергию, и если вы не рассчитаетесь с компанией, они со дня на день отключат здесь электричество. А ваша нелюбовь к телефонам объясняется тем, что телефонная компания уже отключила ваш номер восемь месяцев назад за неуплату. Итак, сколько же у вас миллионов, мистер Брасс? И где они? Судя по тому, как дела обстоят сейчас, единственное состояние, которое можно унаследовать после вас,— это кипа долговых расписок.

Присутствующие выглядели так, будто им объявили, что гостеприимство им оказывают в тифозном бараке.

— Итак, мистер Брасс?

— По поводу неоплаченных счетов,— спокойно отвечал старик.— А к чему мне торопиться? Да, кое-кто из них проявляет нетерпение, ну и пусть. Переживут. А вы и не знали, что для них выгоднее задолжавший им богатый, чем аккуратно оплачивающий счета бедняк? Ведь к счетам набегают пени. А что до телефонной компании, то кому он нужен, этот телефон? Годами я оплачивал их счета, а за что, спрашивается? В девяно-

...х процентах случаев телефонные разговоры — пустая трата времени, болтовня. Вы удовлетворены моим ответом, инспектор?

— Он не удовлетворил бы и младенца. Однако суммы, которые вы задолжали, это еще пустяки. А как насчет денег, которыми вы якобы располагаете? На это вы не ответили.

Старческий рот раскрылся, и Брасс вынужден был рукой придержать свою вставную челюсть. Казалось, он в восторге от самого себя и, что еще хуже, от Ричарда Квина, будто инспектор, как мальчишка, притащил ему какое-то сокровище, приглашая им полюбоваться. Он рассмеялся фальцетом, и его дребезжащий смех заполнил весь зал с его мерцающим освещением и пропыленной мебелью и рикошетом отскочил от растрескавшихся портретов мужской половины рода Брассов с широченными галстуками и женской половины — в кринолинах. Собравшимся оставалось лишь смотреть на него широко раскрыв глаза, словно он вот-вот собирался объявить им, что является волшебником из сказочной страны.

Хендрик Брасс промокнул свои незрячие глаза протершимся носовым платком.

— Вы крайне обрадовали меня, инспектор Квин,— однако теперь голос его был злобным и жестким.— Я даже рад, что вы вмешались не в свое дело. Это придает нашей маленькой игре изюминку, знаете ли? Наверное, думаете, поймали старого прохвоста, а? Ну, что же, может быть, так оно и есть? Предоставляю все решать самим этим достойным людям. Кому вы поверите, леди и джентльмены? Этому человеку, утверждающему, что я — нищий лгун, или мне? Подумайте, друзья мои. Решайте: либо я без гроша в кармане, и в этом случае можете уехать из моего дома хоть завтра утром, получив недостающие половинки тысячедолларовых банкнот, как я и обещал; либо я — миллионер, и вы остаетесь. Вам решать! — Он поднялся и приказал повелительным тоном: — Ну, ты, чучело, руку! Воун, за мной!

— Ну, отец, ты и даешь,— восхищенно произнес Воун.

Когда вся троица удалилась и их шаги по лестнице затихли, в зале воцарилась тишина. Прошло немало времени, прежде чем она была нарушена. Затем инспектор сказал:

— Как заявил этот старый негодяй, решать вам.

Доктор Горитон покачал головой:

— Не знаю. Просто не знаю, оставаться мне или уезжать.

— А как вы считаете, что нам следует делать, инспектор? — с тревогой в голосе спросила Корнелия Опеншоу.— Что вы посоветуете своей жене?

— Я? Не уехал бы, предложи мне в десять раз больше тех миллионов, которыми он трясет у всех вас перед носом.

— Но, по-моему, вы сказали...

— Здесь творится что-то неладное, мисс Опеншоу, и я остаюсь, пока не выясню, что же именно.

— Ясно,— на лице у мисс Опеншоу появилось страдальческое выражение.

Линн О'Нил тряхнула своими каштановыми локонами.

— Просто не понимаю, из-за чего мы паникуем. Ведь инспектор Квин и его друзья могли что-то и упустить из виду. Возможно, миллионы мистера Брасса хранятся на вкладе или инвестированы во что-то. Я читала, что богатые часто держат свои деньги в швейцарских банках или еще где-нибудь за границей. На вашем месте я бы осталась, доктор. Только вообразите, каково вам будет, если вы узнаете, что прошли мимо миллиона долларов.

— Это и есть его приманка,— пробормотал Горитон.— Но должен признать, что если состояние все же существует... На один миллион я смог бы расширить нашу клинику, приобрести новейшее оборудование, увеличить диапазон медицинского обслуживания... Думаю, что останусь. А вы, Кит?

Молодой Палмер усмехнулся.

— Пожар и наводнение не выжили бы меня отсюда. Мне все равно, что вы там выяснили или нет, инспектор. Как я себе это представляю, он играет с нами в покер. Когда такая ставка, нельзя вот так просто встать и выйти из-за стола.

— Даже если,— сухо осведомился инспектор,— вы подозреваете, что колода подтасована?

— Все мои карты — это время. А его у меня предостаточно.

Инспектор проворчал что-то о мошенниках и поколении молокососов, но услышала это только его жена.

— А может, у него есть скрытые активы? — вне-

...выпалила Джесси. - Вся эта латунь, к примеру.

А что, действительно,— взвизгнула Корнелия.— И ведь никому из нас в голову не пришло, только миссис Квин. Эта латунь — наверняка — целое состояние!

— Ты говорил, что занимался когда-то металлоломом, Кит,— воскликнула Линн.— Тебе известно что-нибудь о латуни?

— Кое-что,— Кит поднял ивовую корзину, обшитую латунью, и внимательно осмотрел ее. Затем тщательно обследовал одну из латунных ламп, несколько раз приподняв ее на вес. Потом точно так же — старинную голландскую раскладушку, обитую вездесущей латунью и служившую журнальным столиком. Он покачал головой:

— По-моему, все это обыкновенная латунь, среднего состава, веса и обработки. Может, даже и ниже среднего.

— Даже если и так,— возразил доктор Торнтон,— тут ее целые тонны.

Кит опять покачал головой:

— Думаю, что общая стоимость — не более нескольких тысяч долларов. На что еще годится эта латунь всех размеров и форм? Снять ее и пустить в переплавку.

— Думаю, мы не должны терять надежду,— заявила Корнелия.— Ведь прислал же нам мистер Брасс эти банкноты, а будь он нищим, где бы он их взял? Разве не вы уверяли нас, что они настоящие, инспектор Квин?

— Те, что получила моя жена,— да.

— Ну вот видите.

Инспектор пожал плечами.

— Одну... минуту,— огляделась Линн вокруг себя.— В этом доме полно антиквариата. Вероятно, какие-то предметы редкостные.

— Если у него тут и было что-либо стоящее, мисс О'Нил, то он все испортил, обив этой латунью. Во всяком случае все здесь — рухлядь.

Наступила тишина.

Постойте,— воскликнул Кит. — Латунный Дом имел дело еще и с драгоценностями, камнями и прочим, ведь так? А может быть, все свои миллионы он перевел в драгоценности? Алмазы и все такое - это ведь не займет много места, если их припрятать. Вдруг они у нас под носом?

— Возможно,— в голосе инспектора волнения не

прозвучало.— Единственно,— медленно продолжал он,— кто не высказал своего мнения, это вы двое.— Он пристально посмотрел на Элистеров.— Что намерены делать вы? Остаетесь или уезжаете?

Де Витт Элистер разомкнул губы.

— Остаемся,— ответила его жена и резким жестом придвинула к себе целое состояние в зубочистках.

Прошел один день, за ним другой. Кит и Линн, исследовавшие смахивавший на пещеру погреб, который был полон толстенных пауков, сломанной мебели, а все полки его были завалены старыми керосиновыми лампами, проржавевшими трубами, пустыми винными бутылками, ящиками ржавых гвоздей, шурупов и прочего хлама — вероятно Хендрик Брасс никогда ничего не выбрасывал,— обнаружили не сокровища, а покрытый слоем плесени настольный проигрыватель и целую коробку старых пластинок, некоторые из них — неповрежденные. Аппарат был одним из первых поколений патефонов, заводившихся вручную, а пластинки — из толстой пластмассы с красными наклейками и со звуковыми бороздками лишь на одной стороне: Карузо, Мельба, Шуман-Хэйнк, Луиза Гомер, Джеральдина Фаррар, Титта Руффо, Мэри Гарден, Альма Глюк — кто-то из покойных Брассов, очевидно, любил оперную музыку — и несколько пластинок с легкой музыкой.

То волоком, то на себе они дотащили старинный агрегат лишь до середины лестницы, ведущей из погреба, где Гуго, постоянно наблюдавший за всем, происходящим в доме, и обнаружил их. Он донес проигрыватель сам с такой легкостью, словно это было индейское каноэ самого Гайаваты.

Гуго водрузил проигрыватель на стол и разыскал банку смазки. Пластинки и банку он принес в зал, и Кит принялся чистить и смазывать основные узлы. Тем временем Линн просмотрела все пластинки, рассортировав их и очистив от пыли. В коробке нашелся даже пакетик стальных иголок для звукоснимателя, как ни странно, нераспечатанный. Кит несколько раз крутанул заводную ручку.

— «По следу Тамиами»,— прочла Линн на одной наклейке.— Ни разу не слышала.

— А я слышал,— сказал Ричард. И когда из раструба порохом полилась песня, звучащая как бы в отда-

...вин, он произнес официальным голосом: — Миссис Квин, позвольте пригласить вас.

Не успела Джесси встать, как музыка, превратившись в хрипение, затихла, и возмущенный Ричард, обернувшись, увидел, как склонившийся к проигрывателю Воун выпрямился и теперь ухмылялся совершенному им насилию, будто вандал, в то время как старый Хендрик, улыбаясь, стоял в дверях. Под мышкой у него был зажат тощий портфель.

— Вам придется отложить танцы до следующего раза, инспектор. На этот раз совещание созываю я.

Он ощупью подошел к своему любимому креслу и уселся. Перед креслом Гуго поставил низкий столик, нащупав который старик кивнул и положил на него портфель. В каком-то зловещем молчании Воун и Гуго встали по бокам от кресла.

— Прошло две недели или что-то около этого с момента, когда на мою жизнь было совершено покушение, как выразился бы инспектор Квин, неопознанными лицами или лицом,— начал старик, причмокивая по своему обыкновению губами,— а перед вами вот он я, жив-здоров, как говорится, и вы все еще здесь, ждете решения старого сумасшедшего. Ну что ж, решение я принял.

Де Витт Элистер наклонил голову, точно прислушиваясь к отдаленной барабанной дроби. Элизабет Элистер сохраняла неподвижность, как индейский вождь, но инспектор заметил, что она затаила дыхание. Что ж, ведь и она всего-навсего человек.

— Я ничего не слышу,— сказал старик.— Любопытствуете, что это старый дуралей собирается нам объявить? Скольким из нас? А? Кому из нас? Кто получит? А кто нет? Так вот, леди и джентльмены, я пришел к заключению, что особенно выбирать между вами — нечего.

«Удушлив смрад злодейства моего» *,— беззвучно продекламировал Ричард Квин, ведя беззвучный диалог с самим собой. Элистер — тот еще тип, а миссис Элистер почти столь же привлекательна, как супруга питекантропа. Утверждать же, что нечего выбирать — скажем, между Линн О'Нил и Корнелией Опеншоу — значило являть собою ярчайший образчик слепоты, который он, Ричард, когда-либо встречал у незрячего.

* У. Шекспир. Гамлет. Акт 3, сцена 3. Перевод Б. Пастернака

Брасс постучал тростью об пол.

— Я отдал распоряжение мистеру Воуну, находящемуся здесь в качестве адвоката Воуна, составить и оформить мое завещание, что он и сделал.

— Да? — вырвалось у мисс Опеншоу, и она поднесла ко рту руку с ярко-накрашенными ногтями.

— А-а, моя дорогая, не терпится? Понимаю. Видите, каким полезным оказалось ваше вмешательство, инспектор? Так вот, леди и джентльмены, все свое состояние — оцениваемое, как я и объявил вам, в шесть миллионов долларов,— я завещал всем шестерым поровну. Каково?

Раздались вздохи, выражающие благодарность. Инспектор испытал разочарование. Минутой раньше в голову ему пришла невероятная мысль, что старик хочет стравить своих узников, исключив кого-нибудь из завещания, чтобы те вцепились в глотку друг другу, но кто же, за исключением разве что де Витта Элистера, станет негодовать теперь по поводу того, что ему предстоит поделиться свалившимся на него даровым состоянием с остальными пятью, да еще при том, что доля каждого — равная и составляет один миллион долларов?

— Однако,— сказал старик и выдержал паузу.

«Ага»,— насторожился инспектор.

— Имеется одно условие. Я говорил вам, что мистер Воун не смог установить местонахождение еще одного из моих кандидатов, человека по имени Хардинг Бойл. Так вот, если Бойл объявится не позднее, чем через месяц после моей смерти, он тоже станет законным наследником, следовательно, состояние в этом случае будет поделено на семь, а не на шесть частей. Ах, да — специальный пункт в своем завещании я отвел мистеру Зарбусу.

— Кому? — переспросил инспектор.

— Зарбусу. Гуго Зарбусу. «Слуга мой преданный и верный»... как там дальше? Вот этой дубине стоеросовой. Впрочем, на ваших долях сильно это не отразится. Вы можете позволить себе такую щедрость.

«Ну почему я не верю ни единому слову этого старого негодяя? — в отчаянии вопрошал себя инспектор.— Может быть, это результат того, что я совершенно неверно судил о нем по внешним признакам: обманчивая манера старого Брасса причмокивать, посасывать, неловко «разглядывать» собеседника, насмешливо фыркать и хихикать? Могло ли оказаться, что эта фальши-

ка не имеет ничего общего с его натурой? В конце концов он вознаграждает человека, готовившего ему пищу, полировавшего для него тонны латуни, ухаживавшего за ним по естественным надобностям, терпевшего его грубое обращение с собой на протяжении долгих лет. - Инспектор покачал головой. Он просто не мог представить себе, что Хендрик Брасс был способен быть благодарным кому-либо и за что-либо. Нет, за всем этим что-то кроется. Вот только что?»

Что же касалось Гуго Зарбуса, то несмотря на известие о неожиданно свалившемся на него счастье вид у него был точно такой же придурковатый, как и всегда.

Старик открыл портфель. Он достал из него лист бумаги, синий с одной стороны, и расправил его на столике.

— Мистер Воун, попросите сюда, пожалуйста, Сару и Эмму Готалинг.

Воун, ничего не ответив, молча вышел в присущей ему гадкой манере. Вернулся он с двумя женщинами, которых Брасс нанял на время пребывания своих гостей. Сестры Готалинг были две старые девы из Филлипскилла, словно от рождения чем-то напуганные. Они крадучись ходили по всему дому, застилая постели и делая вид, что стирают пыль, и убегали тотчас же, вымыв посуду после ужина. После их ухода всегда оставалось впечатление, что больше они не вернутся. Однако же возвращались. Поэтому Брасс, должно быть, платил им. Но откуда он брал деньги? Наверное, какая-то сумма была у него припрятана, возможно, в том же самом тайнике, откуда он извлекал сто- и тысячедолларовые банкноты.

— Ручку, мистер Воун.

Воун достал шариковую ручку и вложил ее в старческую руку.

— Направьте мою руку на нужную строку.

Частный детектив-адвокат проделал это.

— Сара и Эмма, — объявил Хендрик Брасс, — сейчас я подпишу свое завещание. Прошу вас засвидетельствовать его. Вам понятно, о чем я говорю?

Обе женщины испуганно кивнули.

Он тщательно расписался. Стояла тишина, только слышно было, как стержень ходит по бумаге.

— А теперь, мистер Воун, покажите мисс Готалинг, где они должны расписаться как свидетели.

Сестры с ужасом написали свою фамилию там, куда Воун показывал пальцем.

Ей-богу, — протянул он, — они даже писать умеют.

Они закончили, мистер Воун?

Угу.

В таком случае, благодарю вас, леди. Это все.

Воспользовавшись уходом сестер, инспектор пересек комнату, чтобы взглянуть на завещание. Воун с усмешкой наблюдал за ним. Вне всякого сомнения, однако, два слова «Хендрик Брасс», которые старик только что вывел трясущейся рукой, были написаны тем же почерком, что и подпись в письме-приглашении, полученном Джесси.

Достаточно, отец,— сказал Воун и убрал завещание. А то дырку на бумаге проглядишь. Еще что-нибудь, мистер Брасс?

Только одно. Вам всем не стоит торопиться с отъездом. Мне бы, вообще-то, хотелось, чтобы вы остались. Ешьте! Пейте! Веселитесь! Ведь кто знает? Завтра старик может умереть, и вам придется сюда возвращаться. Но тут уж будет совсем другое дело, а? Богатыми! Мысли об этом согревают мне сердце. Да, как приятно отдавать! Вопрос в том, а что получу я?

На сей раз зубоскалил он долго. Говорил он, точно как колдун в сказке «Ганс и Гретель», которую инспектор подарил когда-то первенцу дочери Веза Полонского.

— Разумеется, если вам захочется уехать...

Инспектору показалось, что замешкался Брасс специально: «Если вам захочется уехать...», то что тогда?

— Послушайте, мистер Брасс,— обратился к нему инспектор,— не самое ли сейчас время объявить людям, где же именно находятся ваши деньги? Если они у вас где-то спрятаны, то искать их будет довольно хлопотно. Я не веду речь о вашей смерти, но вы ведь сами затронули эту тему.

Он готов был поклясться, что запавшие глаза в этих прожелтевших впадинах смотрят на его.

— Что, не по себе вам, инспектор? Так вот, сэр, я предпочитаю не сообщать вам об этом. Нет, сэр. Что вы на это скажете? — Он хихикнул и протянул руку в сторону Гуго.

Им было слышно, как, поднимаясь по лестнице в приложении Воуна, старик сварливо сетовал, что Гуго идет то слишком быстро, то слишком медленно, то

...ником неуклюже, пока капризный голос не затих за хлопнувшей дверью.

— Итак, — осведомился Ричард,— вы уезжаете или остаетесь?

Молодой Палмер потер руки.

— Похоже, он хочет, чтобы мы остались. По-моему, старый Хендрик уже не причинит нам вреда, особенно после сегодняшнего дня. А ты как, Лини?

— Ехать я могу только в никуда, а я туда не спешу,— Лини потянулась.— Боже! Целый миллион долларов!

— Интересно,— спросила Корнелия, и глазки у нее сузились, словно у китаянки, — где же он их прячет?

— Это и есть его крючок, — утомленно проговорил инспектор.— Он играет с вами, как с рыбками. У него есть какая-то заковыристая причина удерживать вас здесь. Уже одно это, по-моему, достаточно веский довод за то, чтобы уехать немедленно.

— Стало быть, вы уезжаете? — спросил доктор Торнтон.

— Кто-то ведь должен присматривать за вами, как за малыми детьми. Откуда известно, что у него на уме.

— Я обратил внимание на то, что он не сказал в этот раз, что отдаст нам половинки тысячедолларовых купюр, если мы уедем,— пробормотал доктор.— Что же, раз уж я потратил столько времени, можно побыть здесь еще несколько дней.

— Вы, Элистер?

Здоровяк ответил, не колеблясь:

— Будь я при деньгах, я бы назвал все это бредовым надувательством. Но мы с Лиз... ну, в общем... на мели. Я не выхожу из игры.

— В таком случае, — сказал Ричард своей лучшей половине, сидевшей рядом и дрожавшей от одной только мысли о том, в какую переделку они попали по ее милости, — вернемся к тому, с чего мы начали. Мисс О'Нил, включите, пожалуйста, проигрыватель.

И под шипящую мелодию «По следу Гамлина» он обнял Джесси за талию, вывел ее на середину зала, и они с увлечением начали танцевать старый добрый фокстрот.

— Пойдемте-ка лучше назад, мистер Палмер, — предложила Лини.— А то луна вон как на вас действует

Кит промычал что-то нечленораздельное. Выключив свой транзистор, купленный в Тэрритауне, он неохотно поднялся на ноги. Лунная дорожка пересекала водную гладь Гудзона и уходила вдаль к полузатопленной пристани. Но ведь лунный свет падал и на Линн. А может, у нее против лунного света иммунитет? Они направились к дому, и Линн поудобнее взяла его под руку.

Он пожалел, что она сделала это. Опять они прикоснулись друг к другу. Разумеется, прикосновения-то он и желал больше всего на свете, но что толку от прикосновений без тесного контакта?

Так он и шагал, весь напрягшись. Линн, казалось, ничего не замечала. Она что-то щебетала о каком-то парне из страхового агентства по имени Гарри, о чудесных совместных обедах и прочей чепухе, вспоминая свой городок. Последний поцелуй получился у них что надо. Но по тому, как Линн себя сейчас вела, сомнительно, что он вообще был. А может, музыка звучала неподходящая? Играли какой-то дурацкий марш. Кит тогда выругался про себя, он хотел было поймать по транзистору какую-нибудь балдежную песенку про любовь, но ничего не нашел.

— Ты что? — спросил Кит. Она уже убрала руку, и он испытал чувство невосполнимой потери.

— Там, у пристани, я забыла сумочку, черт возьми! Придется возвращаться.

— А-а, я сбегаю. Жди тут.— И он исчез в темноте со своим фонариком. «Несчастный,— подумала Линн,— оставил меня в лесу без фонаря. Это он из-за меня такой нервный».

Она наткнулась на большущий камень и села на него, потирая ногу.

Во тьме.

В кромешной тьме.

Внезапно стало так темно, что Линн охватила ярость. Поддразнивать и возбуждать его было здорово, но в ответ на это последовала мелкая мужская месть совсем не по правилам хорошего тона. «Он мне заплатит за это»,— подумала Линн, и ей сразу стало легче.

Свет ослепил ее.

— Привет, детка,— раздалось у нее за спиной.

Голос Воуна.

Линн вскочила. Но он оказался куда проворнее. Она мгновенно ощутила, что ее стиснули, дышать стало нечем, что ей не шевельнуть ни ногой, ни рукой и что

...ы скверна. Его руки были повсюду. Она из... ...телом, стараясь пнуть его по... ...ться. Дыхание у него даже не участилось.

— Угу,— сказал Воун,— на ощупь ты даже лучше, чем я думал.

Линн попыталась вскрикнуть, но предплечьем он уже нажимал ей на горло.

— Ты брось это, крошка,— проговорил Воун. Он начал запрокидывать ее назад. — Откинь-ка голову. Мне так больше нравится.

— Прекрати!

— Чего сопротивляешься, детка? Если расстилаешься перед этим сосунком, представь, что такое настоящий мужчина.

«На чем-то его можно подловить»,— лихорадочно соображала Линн.

— Я думала... у вас сейчас... работа, охраняете мистера Брасса.

— Спит кре-епким сном взаперти. Ну, кончай жаться, цыпка, и пое-е-ехали.

Потом Линн оказалась навзничь на земле, а он оседлал ее, возвышаясь над нею. Она набрала как можно больше воздуха и крикнула что есть силы:

— Ки-и-ит!

Кит бежал назад. Она слышала, как под его тяжелыми ногами ломаются кусты. Ослепительный луч света запрыгал в ее направлении. Линн перевернулась и откатилась в сторону. Воун выругался, хохотнул и выключил свой фонарь. Линн зажмурилась. «Бедняга Кит. Теперь, помимо всего прочего, он будет еще и избит. Из-за нее. Воун разорвет его пополам. Как он возненавидит ее. Эх ты, Линн!» Она спряталась за деревом, припав к земле, боясь смотреть на происходящее.

До нее донеслись звуки. Звуки, издаваемые кулаками, носами, ногами, легкими и, наконец,— целыми телами. Затем все звуки разом стихли.

«Лучше убегу отсюда»,— тупо подумала Линн.

Но к дереву подошел мужчина и грубо схватил ее за руку со словами:

— Этот крутой тип тебя больше не тронет. Я кое-что обнаружил.

Слава богу!

— Ах, Кит, он разбил тебе нос.

— Да нет, черт. Ударился о дерево, когда бежал по тропинке.

— Обнаружил? — и тут Лини обнаружила, что крепко обнимает его.— Обнаружил что?

Но Кит отвечал равнодушно, в лучшем мужском стиле:

— У этого типа хрупкая челюсть.

Вечером, как только Ричард запер дверь и задвинул засов, Джесси сказала ему:

— Ричард, я хочу покончить с этим. Серьезно.

— Палмер врезал ему,— проговорил ее муж, качая головой.— Черт бы меня побрал.

— Завтра же утром я иду к этому старику и сообщаю ему, что его мужлан Воун в моем случае допустил ошибку. Затем, милый, мы уедем.

— Что? Ах, нет, дорогая,— он нахмурился.— Нельзя. По крайней мере, мне. А вот тебе хорошо бы.

— Ричард Квин! Поводом для вашего присутствия здесь являюсь я. Вам известно, что без вас я отсюда ни шагу.

— Ты упрямая женщина.

— А ты, ты — полицейский!

— Дорогая, думаю, что время для нас наступает опасное. Это завещание, которое Брасс заставил составить Воуна,— серьезная ошибка. Он сам напрашивается.

— Напрашивается на что?

— На деревянный ящик и шесть квадратных футов земли в округе Уэстчестер. Попомни мои слова, Джесси. В такой обстановке завещание, которое этот старый идиот подписал сегодня, превратится в его смертный приговор.

Спустя два дня его слова оказались пророческими.

КТО?

Предыдущий вечер запомнился только одним событием. Супруги Квин повстречали Гуго, возвращаясь из леса со своей обычной прогулки перед ужином. Зрелище он представлял собой необычное. На нем был костюм из голубого сержа, сидевший, словно пальто, от которого при движении несло нафталином, огромные туфли цвета бычьей крови, а на голове то, что во времена молодости инспектора называли «железной шляпой» —

котелок. Он съехал с дорожки на тарахтящем видавшем виды мотоцикле «Хонда».

— [illegible] и инспектор строго спросил его. — Куда направился таким щеголем? На свидание? — Инспектор не мог представить себе существо женского пола, способное принять приглашение Гуго, и не сумел.

— Сегодня вечером у меня выходной, мистер Квин,— гордо заявил Гуго.— Мистер Хендрик дает мне четыре свободных вечера в год.

— И ему не жалко?

— Приятного тебе отдыха,— пожелала Джесси.

Гуго поправил котелок и уехал.

— Бедняга. Как же так, Ричард, ведь это форменное рабство.

— Должно быть, ему сколько-то платят, раз он может позволить себе поездку в городок. Интересно, куда он поехал? И зачем?

— А как мало мистер Брасс ему платит, — грустно сказала Джесси.

За ужином мистер Брасс был не в настроении. Инспектор объяснил это отсутствием Гуго. Сегодня старик не гримасничал и не хихикал, а главным образом жевал в полном молчании, нащупывая пищу рукой. Время от времени Воун, у которого слева на челюсти все еще виднелась красноватая отметина, подавал ему ускользающий кусок мяса. Внезапно Брасс раздраженно потребовал вина. Воун спустился в погреб и вернулся, неся высокую с удлиненным горлышком темного стекла бутылку, всю в пыли и паутине. Старик ощупал ее и обнюхал пробку.

— Это бордо постарше меня будет,— проскрипел он.— Все хотел приберечь для торжественного случая. А-а, ладно, как знать? Налейте-ка мне рюмочку, мистер Воун. И всем остальным тоже.

Все выпили за здоровье Хендрика Брасса. Казалось, что это доставило ему удовольствие, и он злобно поворачивал голову по направлению каждого из них, опять становясь похожим на самого себя. Бордо давно превратилось в уксус, и никто свою рюмку не допил. Вскоре Воун отвел старика спать. В мерцании свечей вино, оставшееся в рюмках, искрилось, словно свежая кровь.

Инспектор обнаружил, что сидит в кровати, каждый нерв у него был напряжен. Рядом спала Джесси. Он прислушался, сам еще не понимая, к чему. От порывов ветра ветви деревьев во дворе шумели, а старый дом

поскрипывал. Никто не кричал — он был уверен. И все-таки что-то его разбудило.

Накинув халат и сунув ноги в тапочки, он бесшумно отпер дверь, отодвинул засов и вышел в прохладный коридор. Красная ночная лампа отбрасывала неясные тени. В полумраке он напряг зрение и слух и различил крупное расплывчатое пятно у двери в спальню Хендрика Брасса — это спал Воун на своей раскладушке.

Затем он явственно расслышал звук. Храп исходил от Воуна. Человеку необходим сон, и инспектор не проронил ни слова. «И все-таки,— подумал он,— к нему сейчас легко можно бы подкрасться и вывести из строя, прежде чем он успеет выхватить свой револьвер. Мощным ударом в челюсть Кит, должно быть, выбил из него всю энергию и живость — после той стычки в лесу Воун заметно сник».

И вдруг коротко остриженные волосы встали на голове инспектора дыбом, а на спине выступил холодный пот. То, что доносилось до него, не было храпом. Это были хриплые, прерывистые, судорожные звуки, издаваемые человеком, тщетно пытающимся сделать вдох.

Инспектор побежал.

И вновь доктору Торитону и Джесси Шервуд-Квин пришлось ухаживать за пациентом, удалять запекшуюся кровь, делать уколы, накладывать швы на рану и забинтовывать ее.

— Повезло ему,— сказал Торитон.— Несмотря на свое пьянство он еще хорошо держится. Поправится.

Линн О'Нил, завороженно смотревшая на своего неподвижно распростертого несостоявшегося насильника, спросила:

— А мистер Брасс? — и провела языком по пересохшим губам.

— Мистер Брасс,— невнятно пробормотал доктор Торитон,— мертв.

— Линн, пойдем отсюда,— предложил Кит Палмер и увел ее. Остальные находились в коридоре, как приказал им начальник полиции Флек.

У Флека губы тоже пересохли, и он облизнул их. В его глазах светились и триумф, и предвкушение, и надежда на многочисленные толпы репортеров. Он спросил радостным голосом:

— А не мог этот Воун зарезаться сам?

Торитон покачал головой.

Невозможно,— ответил инспектор — У
ром нанесено ранение, показывает, что
ном сзади, когда он лежал на боку
вошел под лопатку под углом вверх
не смог бы сделать это, будь он даже акробат.

Джесси закрепила последнюю полоску
ря на обнаженной мужской волосатой
положили на кушетку в гостиной старого Брасса
мыкающей к ней спальне последний из
мертвый возлежал на своей высокой латунной
Вне всякого сомнения, на ней он и умер. Вне
сомнения также, на ней его и убили.

Начальник полиции Филлипскилла прошел в спальню взглянуть на труп еще раз. Ричард и доктор Торнтон пошли с ним вместе, оставив Джесси рядом с неподвижным Воуном.

Глаза Хендрика Брасса были устремлены в растрескавшийся потолок, такие же незрячие в смерти, как и в жизни. Рот был раскрыт, обнажив его десны — вставные челюсти находились в стакане у изголовья — землисто-синего цвета, как и лицо. Инспектору показалось, что мертвец улыбается, словно продолжая испытывать удовольствие от собственной шутки даже после конца. Нож, проткнувший его окровавленную ночную рубашку и тело, был вогнан по рукоятку.

— Судебно-медицинский эксперт нашего округа, доктор медицины, давно уже должен быть здесь,— проворчал Флек.— Ваше мнение, доктор Торнтон?

— Я мог бы сказать больше, если бы извлек нож.

— Тогда сделайте это. Я разрешаю вам. Осторожнее с отпечатками пальцев.

На руках у Торнтона все еще были хирургические перчатки. Он взял нож за кончики усиков, не касаясь рукоятки, и осторожно потянул. Из сердца Хендрика Брасса нож вышел, словно из масла. Капелька крови покатилась по лезвию и остановилась.

— Латунный,— произнес Ричард,— какой же сил

Нож был целиком из латуни, короткий, и вместе с тем достаточной длины,— на лезвии и на рукоятке был нанесен рисунок в виде крошечных гиглей и других символов, от которых покойный хозяин дома был без ума. Торнтон изучал лезвие, его длину и форму.

Полагаю, что этим же ножом был ранен Воун. И, конечно, им же зарезали Брасса, хотя окончательно

причину смерти установит вскрытие. Если только побли
зости не валяется еще один такой же.

— Я видел этот нож, или точно такой, внизу, у Брасса на столе вчера вечером, — заявил инспектор.

Подчиненный Флека, осматривавший спальню в поисках отпечатков пальцев, был послан вниз. Вернувшись, он покачал головой:

— Его там нет, Вик.

— Тогда этот самый, точно. Интересно, что это за нож. Не видал ничего подобного.— С этими словами Флек пытливо взглянул Ричарду Квину в глаза, после чего отвел свои глазки.

— Эта штучка для вскрытия писем. Лежала у него на столе, на виду. Взять мог кто угодно.

— Тогда скорее всего это проделано одним из тех, кто находится в доме, как и пару недель назад, когда его ударили по голове.— Начальник полиции оглянулся.— А, доктор,— сказал он с облегчением.— Похоже, я напал наконец на крупное дело.

Инспектор тоже знал, что Флек не имел никакого намерения передавать это дело в высшие инстанции. По всей вероятности, Флек не отправил уведомления в полицию штата — никаких других полицейских видно не было. «Интересно,— подумал он,— сделает ли Флек заявку в нашу лабораторию криминалистики? В это дельце он вцепится ногтями и зубами. Уже видит, поди, как после газетной шумихи его назначают шерифом».

Ричард повернулся лицом к вошедшему в спальню. Судебно-медицинским экспертом оказался бодрый лысеющий молодой человек с усталым взглядом, судя по всему, давно знающий Флека. Ничего не сказав, он коротко кивнул и приступил к осмотру. На присутствующих он не обратил ровно никакого внимания.

Сотрудник Флека оторвал взгляд от ножа.

— Отпечатков обнаружить не могу, Вик. То ли они не держатся на такой гравировке, то ли убийца был в перчатках.

— Забери для нашей картотеки, Боб, после того как его осмотрит доктор Эш. Дельце, по-моему, запутанное.

Прибывший врач выпрямился.

— Тот самый нож?

— Вытащили у него из груди.

Доктор Эш осмотрел нож:

— Возьму с собой для сопоставления при вскрытии, но определенно похоже, что убили им. О транспортировке тела договорюсь.

— А что, нужно везти его в округ?

— Где же прикажете производить вскрытие, шеф, на этой кровати? Конечно, нужно.

— Ну, ладно.

— Доктор Эш,— обратился к нему инспектор

- Да?

– Когда, по-вашему, наступила смерть?

— Да-да,— тут же спохватился Флек, — когда, док?

— Более точно станет известно после вскрытия, а предварительно могу сказать, что смерть наступила между четырьмя и шестью часами утра. Он поднял простыню на лицо трупа и порывисто вышел.

— А вы что скажете, Горитон? – требовательным тоном спросил Флек.

— Верно, между четырьмя и шестью.

– Тогда мне все ясно. Посреди ночи Воун спал на раскладушке у дверей. Преступник напал на Воуна, ударил его ножом, вытащил, проник в спальню Брасса и прикончил старика этим же ножом. Что скажете на это, Квин?

— Звучит правдоподобно.

Частного детектива они увидели сидящим на кушетке. Джесси тяжело дышала от негодования.

— Он не выполняет ничего из того, что я велю ему, доктор,— возмущалась она. – Уже намеревается вставать!

Воун оторвался от своей плоской фляжки и выругался:

- Она говорит, старика замочили. Прямо в сердце. Что за дьявол пролез в спальню мимо меня?

— На этот вопрос вам самому лучше бы ответить, мистер!

— А ты еще кто? Местный легаш, должно. Ну... мне знать, кто. Я подушку давил. – Руки у него ... гнулись, и он сморщился от боли. Когда я ... этого шутника, что в меня перо загнал...

— Подозреваете кого-нибудь, кто мог сделать это?

— Откуда я знаю? Я спал, говорю же тебе ...

— Спал, да еще пьяный, доложу я вам,— ... инспектор. – Сколько хватанули вчера вечером?

Воун предпочел не удостаивать его ответом

— Слушай, легаш,— обратился он к Флеку.— Старик Брасс — это было мое задание. Уматывай-ка к себе в Филлипскилл выписывать туристам квиточки за превышение скорости. А это дельце оставь мне. Когда поймаю его, привезу прямо тебе в клюв. Если, конечно, у тебя хватит мозгов сообразить что к чему.

Пунцовое лицо Флека побагровело.

— Хочешь узнать насчет моих мозгов? Знай, как открывать свою пасть, когда говоришь со мной!

— Слушай,— ухмыльнулся Воун,— я случайно адвокат и специализируюсь на делах по незаконным задержаниям. Так что охолони, парень. А, черт, Торнтон, от этих бинтов разит. Чую, опять из меня кровь потекла.

— Если бы вы не двигались, как и велела миссис Квин,— отрезал доктор,— не потекла бы. Придется делать перевязку. Все в порядке, шеф, я с ним справлюсь. Если будет упрямиться, надавлю ему как следует на шов.

Они оставили Воуна с Торнтоном и Джесси. Флек был вне себя от ярости. Рявкнув, он подозвал еще одного своего подчиненного, косоглазого полицейского, которого он называл Лу, и приказал тому глаз не спускать с Воуна.

— Будет досаждать тебе, наденешь ему браслеты.

— Что собираетесь теперь делать, шеф? — спросил инспектор. Ему и в самом деле было интересно.

— Выяснить, кто где находился,— ответил начальник, вызывающе глядя ему в глаза.— Начиная с вас.

Люди, которых Флек собрал внизу, выглядели настороженными. Все, кроме Палмера, были в халатах. На лице было написано недоверие. Все обращались друг к другу с доброжелательной предупредительностью. В отделанном сверкающей латунью зале витал дух шести миллионов долларов. Кто-то из присутствующих приблизил тот великий день, когда он — или она, или они — неразоблаченный, в полной мере насладится полученным вознаграждением. Будучи крайне чувствительным к такого рода атмосферам, инспектор ощущал ее каждой клеточкой. Бедной Джесси оставалось лишь сидеть, дрожа от утренней свежести.

— Между четырьмя и шестью? — переспросил отец Эллери.— Плохое время для доказательства алиби. Находился в кровати рядом с женой. Все уже произошло к тому времени, когда я встал, чтобы выяснить, что же меня разбудило. Миссис Квин спала.

Когда ты встал с кровати, уже нет, — сказала Джесси.— Проработав столько лет сестрой, я всегда сплю вполглаза. Я видела, как мой муж встал и вышел, шеф.

Сколько было времени? — поинтересовался Флек. Вы, наверное, не посмотрели?

Посмотрел. Я всегда сплю с часами на руке, и, как видите, они со светящимся циферблатом. Тоже привычка со службы. Было семь минут седьмого.

Флек хмыкнул.

— А вы, мисс О'Нил?

Лиин сердито посмотрела на него.

К сожалению, я не могу доказать, что спала. И все же я спала. Спала без задних ног, я всегда так сплю. Даже и не знала, что там что-то случилось, пока не начали шуметь и не разбудили.

— Вы, Палмер?

— Спал,— ответил Кит.— Шум и меня разбудил. Инспектор Квин попросил меня доехать до телефона-автомата и вызвать вас, поэтому я оделся и поехал. Вот и все, что мне известно.

— Мисс Опеншоу? Можете ли вы доказать, где вы находились между четырьмя и шестью часами утра?

— За кого вы меня принимаете? — визгливо возмутилась Корнелия.— Находилась в своей постели, одна. Где же еще мне быть? Я порядочная женщина! И докажу вам это!

— Тоже нет алиби. Вы, мистер Элистер?

На какую-то долю секунду быстрее, чем нужно, Элистер ответил:

— Мы с женой, шеф, как и Квины, находились в постели.

— Наглая ложь! — заявил Хьюб Торитон.

Миссис Элистер взглянула на Торитона так, что Ричард подумал, что тот немедленно рухнет на пол к их ногам. Но доктор лишь пояснил Флеку:

— Сон у меня некрепкий, я проснулся часа в три. Чтобы заснуть, решил почитать медицинский журнал. Около половины четвертого услышал шум, доносившийся из комнаты Элистеров, которая рядом с моей. Несколько минут спустя слышу, дверь у них открылась и закрылась. Мне стало интересно, что происходит, я встал с кровати и открыл свою дверь. Смотрю, Элистер, крадучись, идет по коридору. Вскоре он скрылся за поворотом, и я опять лег.

— Ага! воскликнул Флек.

Инспектор не верил своим ушам.

— Почему же вы не закричали?

— А чего ради? Я же не видел, что он что-то делает, к тому же я знал, что дверь в спальню Брасса охраняется Воуном. Он ведь каждую ночь там спал. Но я определенно видел, как Элистер выходил из своей комнаты.

— Так, значит, вы солгали! — закричал Флек на Элистера.— Это дорого вам обойдется, уважаемый!

«Землевладелец» утратил весь свой цветущий вид. Но отвечал он убедительно:

— Не хотелось оказаться замешанным в этом деле, шеф. Вы понимаете меня, после всего, что случилось. Это была ошибка, теперь я вижу. Простите.

— Куда ходили?

— Я всю жизнь страдаю бессонницей. Этой ночью было особенно тяжко. Поэтому я встал, надел халат, тапочки и вышел подышать. В этом чертовом доме, как в могиле.

— Что делали, когда вышли?

— Просто гулял. По лесу. Дошел до пристани. Сидел и курил, пока не начало светать. Вернулся без нескольких минут шесть и сразу же уснул. Проснулся, только когда жена растолкала меня и рассказала о случившемся.

Скользкая, словно змея, Элизабет Элистер сказала:

— Я слышала, как мой муж встал, и слышала, как вернулся. Сплю я тоже чутко. Все было так, как рассказал Де Витт.

— Вот только доказать, что он все время просидел у пристани, вы не можете,— заметил Флек.— А сами-то вы где были, миссис Элистер?

— В постели.

— Одна. Между четырьмя и шестью. Алиби нет ни у кого, даже у вас, Квин, вы сами знаете, что полиция не предоставляет отдельную комнату мужу с женой для того, чтобы они подтверждали алиби друг друга. Единственный, кто пойман на грубой лжи,— это Элистер, и я занесу это, уважаемый, в свою черненькую книжечку.

По лицу Элистера пробежала тень недовольства, лицо же его супруги было непроницаемо.

— А-а, Гуго. Как самочувствие? Получше стало.

Флек, должно быть, спросил об этом из мужской грубоватой солидарности со своим земляком. Гуго вы-

[illegible] выглядел так, будто провел перед этим ночь, [illegible] ему крепко запомниться. Котелок [illegible] но он по прежнему был в костюме [illegible] серых и в темно красных туфлях. Костюм был помят и испачкан, от него исходил сильный пивной запах, туфли ободрались, один шнурок развязался и волочился по полу. Его маленькие глазки вылезали из орбит и налились кровью, огромная челюсть отвисла и подрагивала.

Он страдал и от похмелья и от горя. Его найдя растянувшимся на кровати в одежде, хранившего полное молчание, от него несло, как от пивной бочки после ночи, проведенной в городке. Флек уже допрашивал его, но тот ничего не помнил. Зашел в пивную на окраине Филлипскилла и выпил огромное количество пива. Не помнил, ни когда ушел из пивной, ни как добирался домой, ни где его «Хонда» (мотоцикл обнаружили в самом начале владений Брасса, где Гуго и свалился с него). А что касается времени, то такое понятие для него вообще не существовало.

На вопрос Флека Гуго ответил не сразу. Он долго тер свою заросшую щетиной челюсть, словно у него болели зубы, а потом протрубил дрожащим басом:

— Мистер Хендрик умер! Ах, он умер! — И только после этого ответил на вопрос.— У меня так болит голова!

— Оставляю здесь двух сотрудников, пока не закончу расследование,— объявил Флек перед своим отъездом.— И пусть только кто вздумает что-нибудь выкинуть, меры буду принимать самые жесткие. Никуда отсюда не уезжать, а если кому что-то понадобится купить в городе, пусть съездит одна из дам. Да, и если кто захочет вдруг что-то сообщить мне, передайте через одного из моих сотрудников. Хорошо? - после чего он удалился едва не бегом.

Осмотр ничего не дал. Ни одного постороннего отпечатка пальцев не было обнаружено ни в гостиной, ни в спальне Брасса, ни на двери, охранявшейся Воуном. Преступник попросту взял да и заточил их в этих четырех стенах, и инспектор чувствовал себя так, словно ему бросили вызов.

Но, Ричард, милый,— протестовала Джесси, — нам достаточно только сказать начальнику полиции Фле-

ку, что я — не та Джесси Шервуд, и он нас отпустит. Он поймет, что уж мы-то никак не можем быть замешаны в эту историю с шестью миллионами. Не вижу никаких оснований оставаться здесь. Даже этому бедняге старику мы ничем уже не можем помочь.

На эти слова супруг взял ее руки в свои и ответил:

— Дорогая, я должен услышать, когда вывернут на пол и второй снятый ботинок. Один из этих людей убил старого Хендрика. Кто? Пока не выясню, уехать не могу.

Вот почему ей оставалось лишь стоять у окна своей спальни, наблюдая за тем, как грузовая машина для перевозки мяса увозила останки загадочного хозяина дома прямиком на разделочный стол в морге. В другие окна смотрели другие лица, и все мрачные. Даже если бы покойный Хендрик скончался под ободряющие молитвы голландской реформаторской церкви (которую, как он заявил им с присущим ему злорадством, он не посещал шестьдесят лет), они не чувствовали бы себя спокойно. По крайней мере, до тех пор, пока с Латунного Дома не будет смыто пятно убийства, или пока, к их вящему облегчению и прекращению страданий ни в чем не повинных наследников, эти шесть миллионов ненайденных долларов не будут поделены между счастливчиками.

Однако до этого было еще очень и очень далеко, ибо Воун, пользуясь своими юридическими полномочиями, объявил им, что закон запрещает приступать к разделу имущества в течение шестимесячного срока. Делая это объявление, он явно испытывал удовольствие.

И некоторых из них внезапно осенило: действительность претерпела магическую метаморфозу — вместо одного мучителя они обрели другого.

И ОПЯТЬ — ГДЕ?

Похороны должны были состояться на семейном кладбище неподалеку от дома, в полном соответствии с последней волей Хендрика Брасса.

— Позвольте осведомиться,— спросил мистер Пилинг, совладелец похоронной фирмы «Пилинг и Пилинг»,— оставил ли покойный какие-либо средства?..

— Если хочешь сказать, что дрожишь за свой кусок хлеба, парень,— отрезал Воун,— то памятник из перво-

[illegible] ставить не советую. С деньгами небольшая заминка. Лучшее из того, что я могу тебе обещать прямо сейчас, это то, что свой счет ты будешь вправе предъявить как претензию кредитора на имущество.

— И никаких страховых полисов, мистер Воун?

— Никаких полисов, никаких страховок.

Мистер Пилинг вздохнул.

— Ну что ж, мой отец похоронил его отца, а дед похоронил его деда, поэтому думаю, уж что-что, а похоронить я его похороню. А если для оплаты счета имущества не хватит, то недостающее спишем на добрую волю всевышнего,— и мистер Пилинг позволил себе улыбнуться своей шутке.

— Отродясь не встречал ни одного гробовщика, который бы не трясся над остатками бальзама в своем паршивом ведерке. Не дрожи, удержишь эти деньги из своего подоходного налога.

Мистер Пилинг попятился.

— Ну почему вы так грубите всем, мистер Воун! укоризненно спросила Джесси.— Ведь мистер Пилл предложил это от всего сердца.

— Ну да, noblesse oblige * и прочая чепуха? — расхохотался Воун и занялся своим делом, состоящим в данную минуту в том, чтобы сделать жизнь Гуго еще более невыносимой.

Старая церковь Сонной лощины была уже несколько лет закрыта и открывалась, к неудовольствию Джесси, только на ежегодное богослужение, однако начальник полиции запретил проводить церковный обряд, и вынос тела производился из дома. Скромный гроб не открывали. Единственными посторонними были священник из Тэрритауна, мистер Пилинг с помощником и косоглазый полицейский Лу, подчиненный Флека. Небольшое фамильное кладбище Брассов в лощине у дороги представляло собой участок, буйно заросший сорняками с покосившимися надгробными памятниками, некоторые из которых были украшены херувимами, застывшими в скоробной грусти. Вход в единственный полуразвалившийся склеп зарос диким сумахом. Священник отслужил обычную панихиду, проследил, как Гуго и помощник гробовщика опустили гроб в могилу, пожал всем руки и удалился. Остальные отправились вслед за ним, за исключением Ричарда с Джесси, которые

* Положение обязывает (франц.).

еще походили между могильными памятниками, пере
глядывая через окончательно повалившиеся, читая полу
стертые эпитафии, и наконец крепко взялись за руки,
чтобы ощутить близость друг друга.

Памятник, увидев который они побыстрей захотели
уйти в дом, являл собой тонкую плоскую плиту из
бурого песчаника, на которой были выбиты слова: «Пом
ней, Верный До Смертного Часа». Как заметила Джес-
си, этим Помнеем вполне могла оказаться и лошадь.

Флек уже ждал их в зале вместе со всеми остальными. Инспектор усмехнулся. Начальник полиции все обставлял, чтобы было шито-крыто. Не появился ни один репортер, в местных газетах сообщалось не об убийстве Брасса, а только о его смерти. До поры Флек придерживал эту новость, приберегая известие об убийстве до того исторического дня, когда он сможет объявить не только о том, что оно произошло, но и о том, что раскрыл его он.

Начальник полиции очень спокойно сидел у самого огня, словно надеясь, что размеры камина скрадывают его массивную фигуру. В том, что происходило, участия он не принимал.

Воун объявил:

— Устраивайтесь поудобнее, мальчики и девочки. Вино подано. Остатки этого поганого бордо мы уже прикончили, сегодня раздавим последние бутылочки портвейна, а то, что там останется, не пойдет даже на приправу к винегрету. Желает кто-нибудь выслушать последние засвидетельствованные слова усопшего?

Поверх бинтов он натянул грязноватую майку-футболку. Лишь небольшое бурое пятно как раз под правой лопаткой и некоторая скованность в движениях напоминали о его ранении. Наплечная кобура с выпирающим из нее револьвером тридцать восьмого калибра * выдавалась особенно заметно. Он вскрыл завещание, написанное на бумаге с синей каемкой.

Начиналось оно так: «Я, Хендрик Саймон Брасс, холостяк, из города Филлипскилла, округ Уэстчестер, штат Нью-Йорк, будучи совершенно дееспособным и в здравом рассудке, однако отдавая себе отчет в бренности земного существования...»

* То есть 0,38 дюйма - 9,65 мм.

«Это Брасс диктовал сам,— решил инспектор, стиль его, точно». Он заметил, что к портвейну никто не притронулся.

Воун читал, постоянно прерываясь и прикладываясь к своему бокалу. Спустя некоторое время он перешел к мясному блюду и сделал паузу, словно для того, чтобы у остальных началось слюноотделение.

«...Моему слуге Гуго Зарбусу я завещаю свой дом и земельный надел в городе Филлипскилле.

Все прочее свое имущество я завещаю и оставляю Де Витту Элистеру, Линн О'Нил, Корнелии Опеншоу, Киту Палмеру, Джесси Шервуд и Хьюберту Тритону равными долями, в случае, если они доживут до моей кончины.

Если по истечении одного месяца после моей смерти некто Хардинг Бойл, местонахождение которого мне неизвестно, объявится лично и выразит притязание на участие в наследовании моего имущества, то он должен получить равную долю с остальными шестью наследниками, поименованными в предыдущем абзаце. Распорядитель моего имущества будет обладать всеми полномочиями идентифицировать личность поименованного Хардинга Бойла, равно как и удостоверить его притязание, либо отвергнуть оное.

По истечении одного месяца, упомянутого выше, содержимое моего дома и прилегающих строений будет распродано на открытом аукционе для передачи полученных сумм наследникам очищенного от долгов и завещательных отказов имущества.

Настоящим назначаю и утверждаю в качестве распорядителя моего имущества, свободного от долговых обязательств, моего адвоката Воуна Дж. Воуна...»

Когда Воун Дж. Воун закончил, в зале воцарилось завороженное молчание. Его нарушил Ричард Квин:

— Завещаньице — первый сорт, Воун. Что вы только за адвокат? Ни слова об уплате долгов. Ни слова о стоимости имущества, очищенного от долгов и завещательных отказов, или, что более важно, из чего оно состоит...

— Или где оно находится! — воскликнула Корнелия Опеншоу.— Вы же составитель. Где оно?

Воун налил себе портвейна, пожал плечами, крякнул и опрокинул бокал.

— Меня можешь не спрашивать, крошка.

— Не смейте называть меня крошкой! Я желаю

...ать, что имению унаследовала. Я имею право знать. Распорядителем он назначил вас. Вы обязаны это знать.

— Я знаю только то, что прочел в этом документе.

Элистера била крупная дрожь. Глуховатым осипшим голосом он произнес:

— Послушайте, Воун, вы же знаете, как велика здесь ставка...

— Конечно, знаете,— вмешалась Лини. — Не хотите же вы сказать, что мистер Брасс не сообщил вам, где находится его имущество.

— Брасс был упрямый старый осел. Он настоял на том, чтобы завещание было записано так, как есть, слово в слово. Когда я предложил дополнить завещание обычным приложением к нему, Брасс и слушать об этом не хотел. Когда я попросил уточнить, из чего состоит его имущество и где находится та часть, которая оценивается в шесть миллионов долларов, он захихикал и прекратил разговор. Если вы хотите еще что-либо узнать, друзья, обратитесь к магическому кристаллу. Кто хочет поиграть им в теннис?

В эту минуту вошел Лу и что-то шепотом доложил на ухо своему начальнику. Тяжело поднявшись, Флек вышел из зала и через некоторое время вернулся в сопровождении двух человек. Один был толстый, другой — тонкий. Крысиные глазки у обоих бегали в разные стороны.

— Мистер Флуэл и мистер Ченнинг,— представил их Флек.— Адвокаты из Филлипскилла. Можете выслушать их прямо сейчас.— И он опять втиснулся в кресло перед камином.

Мистер Флуэл провозгласил густым басом:

— Я представляю кредиторов покойного мистера Брасса в Филлипскилле.

Мистер Ченнинг провозгласил тоненьким голоском:

— Это я представляю кредиторов покойного Хендрика Брасса в Филлипскилле.

Мистер Флуэл свирепо воззрился на мистера Ченнинга:

— Времени не теряли, сразу прикатили.

Мистер Ченнинг парировал:

— Вы тоже!

— Хорош, девушки! — сказал Воун.— Я распорядитель покойного и так далее. Вы тут сейчас перегрызетесь, как шакалы. Где счета и на какую сумму?

Каждый адвокат раскрыл свой дипломат, полный [illegible]ков. Они положили их прямо Воуну перед носом. Воун [illegible] запустил руку в ворох бумажек.

Газ, электричество, скобяные изделия, мясо, хлеб... Тут наверняка было бы и за изготовление подсвечников, не делай их Брасс сам. Ну и так далее до бесконечности. И на сколько же тут в монете? Толстяк?

Мистер Флуэл ответил:

— Три тысячи двадцать долларов одиннадцать центов.

— Худышка?

Мистер Чеппинг выпалил:

Четыре тысячи четыреста сорок три доллара тринадцать центов.

Воун отставил бокал в сторону, достал свою фляжку, отвинтил колпачок и запрокинул голову. Когда она приняла прежнее положение, он сказал:

— Мой калькулятор выдает, что всего тут на семь тысяч четыреста шестьдесят три доллара двадцать четыре цента, так, ребята? Что же, все законные притязания будут удовлетворены полностью, когда вон тот тупоголовый начальник полиции выпустит меня отсюда, чтобы я смог официально представить это завещание. Разумеется, если для их покрытия окажется достаточно средств, в чем у упомянутого распорядителя уверенности нет ровным счетом никакой. Еще замечания имеются? Можете и не утруждать себя! Гуго, выстави этих прохвостов вон.

Гуго захлопал глазами. Затем, как гора, он стал надвигаться на обоих адвокатов. Те удалились со всей скоростью, которую только можно набрать прямо с места.

Воун опять приложился к своей неиссякаемой фляжке («Должно быть, привез с собой целый ящик», подумал инспектор.)

— Ну, давайте, киски, что вы тут сидите, как в одной корзиночке? Валяйте. Кто начнет по делу выступать?

Я начну,— ответил Ричард.— Хочу подчеркнуть, что в завещании не оговариваются эксплуатация дома и наше пребывание в нем в течение одного месяца ожидания. Никаких кредитов магазины нам больше, наверняка, не предоставят, особенно после того, что услышали сейчас эти адвокаты. Если мы останемся

здесь, нам придется пользоваться электричеством и чем-то питаться. По-моему, ничего не остается, как расколоться самим.

— Если мы останемся,— съязвила Корнелия,— и если Гуго не против. Дом-то теперь его.

— По крайней мере, уж он-то знает, что унаследовал,— заметил Кит.

— Что унаследовал Гуго,— пояснил инспектор, так это сомнительные ценные бумаги на дважды заложенную собственность, которую никто и даром не возьмет. Ты не против, Гуго?

На лице Гуго отразился испуг.

— Против, мистер Квин? Против чего?

— Хватит тратить время на этого кретина,— вклинился Воун.— В любом случае, ничего никому не принадлежит до тех пор, пока завещание не будет официально утверждено и пока не будут удовлетворены все притязания на имущество, а на это уйдет полгода, не меньше, как я и говорил, а скорее всего год. Если у вас, ребята, есть лишние бабки на содержание этой халупы, то мне все равно, конечно, но я вам советую сматываться по домам и ждать там, что решит судья по делам о наследстве или сам аллах.

— Совет был бы хорош,— заметил инспектор,— если бы не два нюанса.

— Первый, отец?

— Брасс убит— Флек не выпустит нас.

Начальник полиции заворочался в кресле и осторожно кивнул.

— А второй?

— Я не верю, что Брасс ничего не сказал о местонахождении этих таинственных шести миллионов.

— Я тоже,— заявил доктор Торнтон.— Он чересчур забавлялся, мистифицируя нас, и не мог не оставить хоть какого-то ключа, пусть даже и зашифрованного.

— Водите нас за нос, Воун? — голос Элистера сел еще больше.

— А-а, черт,— вдруг сморщился Воун. («Явно лицемерит,— безжалостно подумал инспектор,— притворяется, что боли усилились».) — Эта дырка в спине, боль адская! Ты точно не зубной факультет кончал, док?

— Скажи спасибо, что вообще на ногах стоишь,— прорычал Торнтон.— И не увиливай от ответа! Что конкретно сказал старик?

— Я же говорю, ничего. Ничего значащего.

[illegible] Что
[illegible] тряхнул головой и снова смор[illegible]
— Сказал, что где-то здесь, в здании.
— В этом здании? — воскликнул [illegible]
— В этом здании.
— Но где же? — требовательно спросила Корнелия Опеншоу.
— Я спрашивал. Но он не ответил. - Воун поднялся.— Док, эта спина меня доконает. Есть что-нибудь болеутоляющее? Я ведь даже травку не курю.
— Черт бы подрал эту клятву Гиппократа,— пробормотал доктор Торитон.— Гуго, помоги мне довести этого субъекта наверх.

Когда Торитон вернулся, инспектор обратился к нему:

— Мы ждали вас, доктор. Мы договорились, что надо предпринимать какие-то действия. Начальник полиции, разумеется, вправе согласиться или нет с тем, что мы решим. Он сказал, что в любом случае выслушает нас. Так, шеф?

Флек подозрительно посмотрел на него. Сначала он спросил:

— Да? — Затем подтвердил: — Да.— Потом уточнил:— Смотря что за действия.

— Уж я-то знаю, как поступила бы,— злобно сказала Корнелия.— Вам, мужчинам, нужно спустить этого типа в подвал и дать ему там как следует. Он знает больше, чем говорит. Выбейте из него все!

— Смотря что за действия,— повторил Флек.

- Одно нужно предпринять немедленно, – заявил Ричард.— По словам Воуна, Брасс сказал, что шесть миллионов, в какой бы форме они ни были, находятся где-то в этом доме. Нам следует обыскать дом.— Поднимая руку, он остановил возгласы энтузиазма. Эта работа не для дилетантов. Если ее, конечно, выполнять правильно. Шеф, у меня есть пятеро дружков, в отставке, как и я, которые помогают мне разобраться в этой кутерьме. С вашего позволения, я бы хотел сформировать поисковую группу из себя, вас, ваших сотрудников и моих пятерых приятелей. Они профессионалы и полицией горести не преследуют, просто стосковались по живому делу. Что вы на это скажете?

Начальник полиции смотрел на него, мучительно размышляя.

— Ну, а если из-за этого возникнут какие-то осложнения с Воуном,— добавил инспектор так беспомощно, что Джесси захотелось немедленно разоблачить его изощренную хитрость,— то почему бы вам, шеф, не взять его на себя?

И Флек сразу же ответил:

— Уж я возьму!

Еще ни одно строение столь сложной конструкции не обыскивалось с такой тщательностью. Они детально обследовали каждый укромный уголок, каждый чулан и шкаф, каждую щель, всю мебель и каждый предмет утвари, вскрыли все матрацы и покрывала, заглянули под все коврики и ковры, простукали все полы, потолки, латунную облицовку и стены дюйм за дюймом, осмотрели заваленный вещами подвал и все печи. Осмотрели все бачки в туалетах, дымоходы и печные трубы. Взбирались на стремянки, чтобы заглянуть в люстры. Отвинтили сетки старых газовых рожков. Удалили обивку с дверцы холодильника. Обследовали чердаки и всю накопившуюся там рухлядь. Они обнаружили два сейфа, комбинацию цифр к которым найти нигде не удалось, и вскрыли их, словно это были два ящика с хрустящим печеньем. В одном из них находился кассовый ящик со 187 долларами в мелких купюрах и 65 центами в монетах («Боже мой!— воскликнул Де Витт Элистер.— Неужели это все, что осталось от денег, на которые он содержал дом?»), не считая других малозначащих предметов. Они промеряли каждую комнату до последнего кубического дюйма, а затем все коридоры, пытаясь обнаружить арифметические несовпадения, но тщетно.

Нельзя сказать, что их поиски совсем не принесли результатов. К наиболее экзотическим находкам можно было отнести обветшавшие долговые расписки на велневой бумаге, покрытой «лисьими» пятнами, небольшую коробочку с жемчужинами неправильной формы, вогнутую оловянную мисочку для каши с изящно выгравированной надписью «Милой крошке, 1827», нелегально ввезенную в США книгу «Моя тайная жизнь», изданную в Англии, и рисунки обнаженной натуры художника Обри Бердсли, причем и книга и рисунки выглядели словно после наводнения во Флоренции, а также

три испорченные американские двухцентовые монеты и похожий на пышку камень, по утверждению Джонни Крипса, – денежная единица на одном из островов в южной части Тихого океана. Они обнаружили (в сейфе с кассовым ящиком, в котором хранились пожелтевшие долговые расписки и коробка с третьесортными жемчужинами) несколько брошюр с зашифрованным толкованием масонских ритуалов, сначала вызвавшее оживление, но завершившееся смертельным ужасом, когда инспектор расшифровал его и пояснил, что это именно зашифрованные масонские ритуалы. Был найден также бархатный турнюр бурого цвета, каперское свидетельство, хромофотокопия письма Авраама Линкольна к миссис Биксби, денежные знаки времен Конфедерации одиннадцати южных штатов на сумму десять тысяч долларов и бутылка самогона с плавающими в ней муравьями. Но наиболее крупной – по объему — находкой были изношенные формы для литья латуни, их были сотни и сотни... Вот и все. Вот и все, что они нашли.

— Что ж,— сказал инспектор,— поработали мы, конечно, здорово. Спасибо, ребята,— обратился он к Гиффину, Полонскому, Крипсу, Анджело и Мэрфи.— Не удивляйтесь, если еще раз обращусь к вам.

Пятеро пожилых мужчин на прощание пожали всем руки, даже начальнику полиции Флеку, который внимательно следил за каждым их движением во время обыска, и уехали домой с довольными лицами.

— И что теперь? — спросила Джесси. После смерти Хендрика Брасса она перестала сбивать с толку Ричарда своими просьбами об отъезде. Вместо этого она постоянно ходила за ним по дому во время поисков, будто она действительно была наследницей. Что дальше?

— Дом нужно разнести на части.— Это был Де Вит Элистер. Сейчас, отбросив всякую маскировку, он стал самим собой, точно оголодавший зверь, готовый на броситься и искусать.

— Вы имеете в виду — буквально, Элистер? – спросил доктор Торитон.

— Старик сказал Воупу, что деньги, или что там еще, находятся в доме. Интуиция подсказывает мне, что это либо заложено кирпичной кладкой, либо забетонировано в стенах.

— Возможно, как раз поэтому простукивание ниче-

го и не дало,— сказал Кит в присущей ему замедленной манере.— В словах Элистера что-то есть.

Инспектор нахмурился.

— Я как раз надеялся, что именно с этим нам не придется иметь дело. Но должен признать, что ничего другого мне в голову не идет. А вам?

Однако тут были сложности, и все они упирались в закон. Сама постройка была отписана Гуго. И что еще существеннее, имеются две закладные на имущество — первая, принадлежащая Ассоциации сбережений и займов города Филлипскилла, и вторая, принадлежавшая Компании «Гудзон Вэлли Траст» города Тэрритауна. По закону, подчеркнул Воун, приоритет принадлежит держателям закладных.

Были приглашены президент банка Филлипскилла, человек с веселыми глазами, по имени Джекобс, и вице-президент банка Тэрритауна, человек с печальными глазами, по имени Клеффи. Их совместное заключение сводилось к тому, что никакой рыночной стоимостью эти постройки не обладают. Вряд ли можно ожидать, что кто-либо, находясь в здравом уме, купит такую рухлядь (к тому же наполовину источенную термитами, на чем инспектор сделал основной упор) как помещение для жилья. Различного рода ограничения исключали возможность продажи зданий под какое-либо учреждение. Как выразился Джекобс, все строение это латунный динозавр.

— Когда мы первоначально предоставляли заем,— пояснил президент банка Филлипскилла,— дом еще представлял кое-какую ценность, ну и конечно, земельный участок. Сам дом, возможно, не окупит даже стоимость взрывных работ, которые в любом случае надо производить ввиду резко подскочивших цен на земельные участки.

Мистер Клеффи из банка в Тэрритауне нахмурился, услышав допущенное Джекобсом высказывание, нарушающее все нормы банкирской этики.

— Вопрос заключается в том, обладает ли земля достаточной стоимостью, чтобы возместить задолженность по имуществу.

— Давайте откроем карты, джентльмены,— резко вступил в разговор Ричард.— Вы не только не возражаете против того, чтобы разрушить этот дом, но и приветствуете это, не правда ли? Потому что в конечном счете вам пришлось бы это делать самим, а если

[illegible] на себя, то вы [illegible]
[illegible]. За последние годы здесь рез[illegible] возросли
[illegible] на землю, особенно на участки у реки. Даже если
в настоящее время стоимость земли и не превышает
стоимости закладных — что я исключаю,— эт[illegible] все раз-
но будет золотой жилой, учитывая потребность в земле
для жилищного строительства, для автострад, а также
и то, что Филлипскилл получает все больший доступ
к нью-йоркским коммутаторам. Уверен, что в ваших
интересах не только согласиться на разрушение дома,
но и выплатить мистеру Зарбусу компенсацию за него,
поскольку наверняка стоимость работ по демонтажу
тоже ведь со временем возрастет. Что вы на это ска-
жете?

— Согласие мистера Зарбуса, безусловно, потребу-
ется,— осторожно проговорил Клеффи. — И я полагаю,
не должно быть сомнений в том, что мы выплатим
ему некоторую сумму, а, Джекобс?

Джекобс кивнул, также весьма осторожно.

— Устроит ли это вас, мистер Зарбус?

Мистер Зарбус мысленно был далеко отсюда. Он
изумленно уставился на них. Воун отрывисто и грубо
рявкнул:

— Я этому кретину растолкую!

После чего банкиры приуныли. В конце концов они
уединились с Воуном и Гуго, и когда они уходили, по их
кислым физиономиям инспектор понял, что Воун за-
ключил неплохую сделку, не столько в пользу Гуго,
сколько в ущерб Клеффи и Джекобсу. К банковскому
делу Воун, судя по всему, относился с еще большим
презрением, чем к медицине. Он прямо так и заяв-
вил без обиняков. Банкирам в лицо, когда те уе-
жали.

Следующим пунктом повестки дня был демонтаж
дома.

— Нет необходимости стирать его с лица земли,—
сказал инспектор. — Наша цель — отыскать тайник. Все
внутренние стены нужно разобрать до стоек, все полы —
поднять и опять настелить: будем по ним ходить, пока
не уедем. Старинные кирпичи из каминов можно из-
влечь, не ломая дымоходов, ну и так далее. От дома
останется лишь каркас, но им, по крайней мере, мы смо
жем пользоваться как временным пристанищем, спаль-
ни можно будет отгородить, к примеру, одеялами,
чтобы хоть как-то уединиться. Есть возражения?

— Лишь бы рабочие ничего не пропустили,— заме тил Элистер.

— А это уж наша забота — проследить за этим.

Нескольким фирмам были сделаны запросы предста вить свои сметные расчеты. Самая низкая смета посту пила от одной небольшой фирмы из Уайт-Плейнс представлял которую человек крупного телосложения, по имени Трафуцци.

— Оплата повременная и сдельная,— объявил им Трафуцци.— Учитывая, что именно требуется, это не просто обычный демонтаж. Все обойдется в три тысячи долларов. Может, столько и не набежит, но исходить вам нужно из такой суммы.

Он отошел в сторонку, давая им возможность все обговорить.

— Есть у кого-нибудь три куска? — спросил Воун, обращаясь сразу ко всем.— Ну, смелей, вы, миллионе ры! Тряхните мошной! Или нечем?

Наступившее молчание было более чем красноре чивым ответом.

— А нельзя нам взять ссуду в банке? — поинте ресовался наконец Кит.

— Под чей текущий счет? — ощерился Воун.— Элистера, что ли?

Элистер метнул в его сторону убийственный взгляд. Вслед за чем миссис Элистер своим взглядом расчле нила труп на мелкие кусочки.

Все сошлись на том, что о банковской ссуде не может быть и речи. У Элистеров текущего счета не было. Линн заявила, что у нее тоже нет. Кит заявил, что и у него нет. Корнелия Опеншоу заявила, что у нее есть, но что она и пальцем не пошевелит: расходы должны распределяться между всеми, так же как и наследство, на поиски которого они предназначены. Справедливость этого тезиса была столь самоочевидной, что Джесси вообще была избавлена от необходимости отвечать, равно как и доктор Торнтон.

Воун, однако, был не из тех, кто мог упустить такой шикарный случай поглумиться над человеком.

— Что это у вас рот на замке, док? Уж у вас-то, коновалов, денег куры не клюют, да еще из государст венных субсидий сколько к пальцам прилипает, не говоря уж о том, сколько из своих жертв выкачи вете.

Доктор Торнтон рассмеялся. Смешок был коротким

и совсем не веселым, но поскольку он засмеялся хотя бы так, но впервые за несколько недель, все были сильно удивлены.

— Это сколько же я взял с вас, Воун? — и он беззвучно выругался.

Альберт Швейцер из Южного Корнуолла уже длительное время вызывал у Ричарда тревогу. Он казался чем-то обеспокоенным, словно боролся с какой-то неприятной для себя трудностью. Инспектора удивляло, что Торнтон столь надолго оставил свою практику. Тот уже звонил несколько раз своим коллегам, возвращаясь раз от разу все с более несчастным видом. И это являлось второй стороной загадки.

— У нас есть эти половинки тысячедолларовых банкнот,— вдруг вспомнила Линн.

Воун, начавший с той ночной стычки проявлять к ней относительное уважение, подмигнул ей:

— Полбанкноты — это то же самое, что вообще никакой. Для казначейства Соединенных Штатов — это не деньги. Еще какие предложения?

— Минутку,— тихо сказал инспектор.— В словах мисс О'Нил, возможно, что-то есть. Об этих банкнотах я и забыл.

— Но я же только что сказал, отец...

— Я велел вам прекратить называть меня отцом! — отчеканил инспектор уже совсем не тихо.— Мне бы хотелось посмотреть на все эти шесть половинок одновременно.

— Зачем? — мгновенно отреагировала Белокурая Бестия.

— Считайте это интуицией, миссис Элистер.

Как и ожидал инспектор, наследники сразу же извлекли разрезанные портреты Гровера Кливленда из разных мест, в зависимости от своей анатомии. Инспектор посмотрел на Джесси, и та протянула присланную ей половину банкноты, не скрывая своей радости от того, что избавляется от нее. Ричард подошел к столу, и все окружили его, протягивая каждый свою половину.

— Я не собираюсь забирать их у вас. Хочу просто проделать опыт. Положите их, пожалуйста, на стол.

Воун околачивался неподалеку, вытягивая голову.

— Смотри, приятель, — обратился он к Элистеру. — У старого сыщика в запасе есть еще пара-тройка при

емчиков. Четыре остается на столе, а две прилипают к ладошке.

И действительно, старый сыщик был занят чем-то вроде азартной игры на деньги, прикладывая половинки друг к другу то так, то эдак, но все время соединяя две — в одну купюру. В конце концов воцарилась ужасная тишина. Ему удалось расположить все шесть половинок так, что зигзагообразные кромки каждой из них точно совмещались с соседней половинкой, образуя три идеально ровные банкноты.

— Мысль об этом пришла мне в голову после того, как мы не сумели найти те шесть половинок, которые Брасс якобы оставил для вас — я хочу сказать, при обыске дома,— сказал инспектор.— Мы имеем, да и всегда имели, не шесть половинок шести разных банкнот. Старый плут сделал вот что: разрезал пополам три банкноты и разослал по одной половинке каждому из шестерых так, будто всего банкнот было шесть. Поэтому весь фокус обошелся ему не в шесть тысяч, а в три. Великолепно!

— Это бесчестно! — воскликнула Корнелия.

— А старик и был бесчестным человеком,— тяжело произнес доктор Торнтон.— За ним числится кое-что и похуже.— И он добавил с поразившей всех свирепостью в голосе: — Земля без него стала чище!

— Как бы там ни было, но тремя тысячами долларов мы располагаем,— сказала Линн,— а это ровно столько, сколько просит мистер Трафуцци. Знаете, а мне жутко. Как будто мистер Брасс все это предвидел.

— И мне сдается, что без него тут не обошлось,— буркнул Кит.— Но вопрос в том, выкладываем мы эти денежки или нет? Я — за.

Элистер взглянул на миссис Элистер, та едва заметно, на полдюйма, не больше, наклонила голову, и он быстро сказал:

— Я тоже.

Линн была за. Корнелия, полная душевных мук, тоже дала согласие. Доктор Торнтон с усталым видом вышел. Джесси, разумеется, пришлось сыграть свою роль.

Мистера Трафуцци подозвали вновь

Возникло дополнительное соображение. Во время демонтажа им пришлось бы находиться под открытым

небом. Все они были, пожалуй, единодушны в том, что провести несколько ночей, завернувшись в протертые покрывала, не способствовало бы установлению поистине добрососедства. Решение было предложено Ричардом. По словам Воуна, Брасс указал лишь на дом, как на место, где скрыт тайник с сокровищами. Поэтому каретный сарай, на верхнем нежилом этаже которого имелось пять комнатушек, надлежало освободить от нескольких слоев пыли и паутины, а также засохших насекомых, скопившихся там за несколько поколений. Инспектор предложил взяться и очистить эти комнатки, взять напрокат несколько раскладушек и переехать туда, пока люди мистера Трафуции будут заниматься главным зданием. Лини и Корнелия, Кит и доктор Торитон, Воун и Гуго могли бы занять вдвоем по комнате, а оставшиеся две достались бы Элистерам и ему с Джесси. Женщинам пришлось бы готовить во дворе, но только до тех пор, пока все опять не переедут в демонтированный дом, вернее – его каркас. Кухонные принадлежности и бытовые приборы будут вполне пригодны для использования.

Голосование прошло в атмосфере все нарастающего возбуждения. Решение было принято единогласно, и все приступили к работе, даже Элистеры. Воун своим зорким оком частного детектива следил за вещами, то и дело прикладываясь к своей фляжке. Гуго околачивался с растерянным видом, без пользы, как ребенок, пока из чувства сострадания Джесси не попросила его помочь ей что-то поднести. После этого он с радостным видом все время ходил за нею по пятам.

В тот вечер в старинной душной столовой произошел инцидент. Инспектор давно ожидал чего-то подобного: нервы у всех были на пределе. Воун развлекал собравшихся, рассказывая о своем внепрофессиональном времяпрепровождении с женами тех мужей, которые нанимали его в бракоразводных целях для сбора нужных улик. Наконец терпение Корнелии Опеншоу лопнуло.

— Неужели нельзя говорить, прожевав сначала, мистер Воун? Вы отвратительны!

На что последовал ответ Воуна, произнесенный с набитым ртом:

– Тебе не сидится не от того, что у меня во рту Корни, а от того, что вылетает из него, так ведь? Бьюсь об заклад, Корни, тебе в постель мужика хорошего

надо. Сроду еще не попадалась бабенка в годах, чтоб вечно не мечтала об этом деле.

В результате чего разыгралась сцена, завершившаяся тем, что Джесси увела бьющуюся в истерике миссис Опеншоу наверх. После ужина Кит предложил Воуну выйти, чтобы еще раз поучить его, как надо вести себя с порядочными женщинами, на что тот резко ответил, ухмыляясь:

— Не вздумай махаться, приятель. Если бы не дырка у меня в спине...

А между Элистерами разгорелся ожесточенный спор из-за груды зубочисток, сопровождавшийся взаимными обвинениями в нечестной игре.

В общем, следующее утро все встретили с облегчением, увидев, как мистер Трафуцци и приехавшие с ним рабочие с лихими возгласами принялись выламывать внутренности из Латунного Дома под наблюдением нескольких пар напряженных глаз, включая и глаза начальника полиции Флека, который уже начал приходить в отчаяние. Насколько Ричард мог судить, этот страж порядка из Филлипскилла еще решительно ничего не предпринял для раскрытия убийства Хендрика Брасса, а только слонялся повсюду, словно ожидая, будто само провидение ниспошлет ему признание виновного с небес прямиком в руки. «Да, брат,— молча говорил он Флеку,— в таком положеньице и с такой командой долговато ждать тебе придется».

В тот же день после обеда по вызову инспектора приехали отставники с Восемьдесят седьмой улицы и принялись за дело, вооружась электродрелью, металлоискателем, кирками, лопатами и другим инструментом, которое он велел им взять напрокат в городе. В то время, как люди Трафуцци работали внутри дома, отставники выламывали кирпичную кладку из дорожки, вплотную примыкающей к дому, чтобы обследовать фундамент. Затем они перешли в погреб, взломали бетонный пол и вырыли под ним яму глубиной в несколько футов. В погребе и вокруг фундамента они пользовались металлоискателем. Ночью все пятеро спали в своих машинах, а на рассвете следующего дня опять взялись за работу. Вез Полонский стал проявлять признаки усталости, Пит Анджело творил чудеса, остальные трудились в поте лица, досадуя на свой уже сказывающийся возраст.

Порученную работу они, однако, выполнили, и вот

они нашли в награду за свои труды: пять индейских наконечников для стрел и кропящуюся индейскую трубку мира; автомобильный номер 1915 года, изъеденный ржавчиной железный горшок для китовой ворвани, скелет собачонки, паровой котел с парохода «Стэнли Стимер», металлический ящик, полный изготовленных вручную железных гвоздей, сплавленных в бесформенную массу, и целый набор предметов неизвестного предназначения, за которые даже самый левый из художников, подвизавшихся в стиле «оп-арт», не дал бы и пяти центов.

А вот что нашли мистер Графуцци и его люди: кусок штукатурки и несколько крысиных нор, в одной из которых находилась потемневшая от времени страница, вырванная из «Дамского Журнала» за ноябрь 1844 года.

В эту ночь у костра для приготовления пищи, разведенного на том, что еще оставалось от кирпичной дорожки, были слышны звуки, исходящие лишь от братьев наших меньших. Венцы же творения утратили дар речи.

Наконец Линн воскликнула в отчаянии:

— Это самое бессовестное надувательство, вот что это такое! Старикашка дурил нам головы! Никаких шести миллионов долларов нет и в помине! Нет даже шести сотен долларов!

— Не могу поверить,— хныкала Корнелия.— Не могу.

— В общем-то,— пробормотал Кит, – я тоже не могу. Наверное, потому, что не хочу верить.

— Они здесь!— сквозь зубы процедил Де Витт Элистер.— Должны быть здесь!

— Надеюсь...— начал было доктор Торнтон и умолк.

Миссис Элистер напряженно смотрела на пламя, словно бросая ему вызов, угрожая загасить голыми руками.

Когда жена Ричарда Квина обеспокоенно посмотрела на него, тот пробормотал:

— У меня почему-то тоже ощущение, что они здесь. Но черт бы его побрал совсем, где же?

Они вновь переселились в то, что еще уцелело от дома. Срок в один месяц, установленный Хендриком Брассом, истекал через два дня.

И ОПЯТЬ — ПОЧЕМУ?

Они ждали, сами не зная, чего. Да, конечно, близились торги, но что можно было ожидать от этого аукциона? Оставалось почти на семь с половиной тысяч долларов только известных долгов, а когда истечет оговоренное законом время после публикации объявления, сумма наверняка возрастет. И тем не менее, место это накрепко, словно магнитом, притягивало их к себе. (Об убийстве все будто забыли, оно уже казалось чем-то несущественным. Только мрачная физиономия начальника полиции Флека время от времени напоминала им об этом.)

Оно, разумеется, накрепко притягивало и Линн с Китом. Но магнит, притягивающий их, был куда древнее, чем Хендрик Брасс или его неуловимые миллионы. Именно это притяжение и привело к самой последней bizarrerie *.

На докторе Торнтоне уже давно можно было изучать закономерности поведения, не поддающегося разумному истолкованию. У него появилась привычка совершать длительные прогулки в полном одиночестве — руки за спину, взор, устремленный вниз, брови нахмурены, словно у философа, углубленного в размышления о загадках мироздания, или — у заключенного, томящегося в неволе. В первом случае он никак не мог сформулировать свою концепцию, а во втором — разработать план побега. И в том и в другом варианте или в обоих сразу он явно оставался глубоко несчастным. Было ли дело в том, что им никак не удавалось разгадать секрет тайника Брасса, а ему — осуществить свое швейцеровское намерение, точнее — потребность приобрести богатства, которые принесли бы столько пользы стольким людям? Инспектор так не считал. Отчасти — возможно, но только лишь отчасти. Нет, тут было что-то другое.

Что именно — выяснилось вечером, накануне назначенного аукциона. Выйдя погулять по лесу, Ричард и Джесси увидели, что доктор Торнтон сидит, как всегда, один на валуне, подперев рукой подбородок. Он давно перестал заботиться о своем внешнем виде, превзойдя в этом даже самого себя: шея поросла рыжеватыми волосами, словно густая щетка, рыжие усы висели

* Bizarrerie — здесь: неожиданность, странность (фр.).

очками, сняли на губы, он был невери[illegible] и всегда по-юношески, стал просто неприличным. Ни[illegible] очки отключены, и концы [illegible] сами скрепили сломанные концы, и доктор даже не удосужился замотать его.

О! — произнес он, близоруко всматриваясь в [illegible] пруди, и нелепо приветал.

Привет! — сказал Ричард, собравшись было идти дальше, как Джесси вдруг предложила

Почему бы вам не пойти с нами, доктор? Ветер сегодня прямо специально для прогулок, луна и все такое. Если, конечно, вам не хочется побыть одному.

Боже, совсем нет, — ответил Торитон и пошел рядом с ними.

Но шел он молча, и Джесси никак не удавалось разговорить его, чтобы он поделился своими юношескими впечатлениями о Гвинее, где он в числе первых изучал фрамбезию — одно из самых дорогих его сердцу воспоминаний. Спустя некоторое время Квины оставили свои попытки, и все трое в тишине медленно шагали к Гудзону.

На Лини и Кита они наткнулись, как всегда натыкаешься на что-то самое лучшее, — и на худшее тоже — с поразительной неожиданностью. Озаренные лунным светом, молодые люди лежали в развалинах пристани, сомкнув страстные объятия. Пылкое стаккато их прерывистого дыхания и яростный танец рук не оставляли никакого сомнения в том, чем вот-вот завершится это бурное па-де-де их тел, и Ричард с Джесси в смущении отскочили, ожидая, что и доктор Торитон последует их примеру. Но, к их изумлению, изумивший их доктор выдавил «Нет!» и с криком: «Остановитесь, пожалуйста, остановитесь!» — бросился вперед.

Джесси была готова провалиться сквозь землю. Молодые люди стремительно вскочили на ноги, лихорадочно озираясь. Лини одергивала юбку, а Кит заправлял рубашку,— оба пунцово-красные в лунном свете

— Мы-мы, вы-вы...— мычал, запинаясь, Кит.

— Мы-мы смотрели...— только и смогла вымолвить Лини.

Они стояли, как приговоренные.

Прошу извинить меня, – доктор Торитон дышал, словно астматик. — Прошу вас, простите меня великодушно. Но вы не знаете. Не можете знать. В целом свете меня ничто бы не заставило...— и он вновь умолк.

будто его попытка прибегнуть к помощи слов лишний раз доказывала, насколько прав он был в своем молчании. Затем, проделав усилие над собой, он сказал: Я зашел чересчур далеко. Чтобы теперь отступать, имею в виду. Вы сразу простите меня, когда услышите, что я вам скажу. Нам лучше вернуться в дом. Хотите верьте, хотите нет, но это касается всех.

Джесси смутно помнила, как они возвращались в расчлененную конструкцию, которую теперь представляли собой Латунный Дом. Ей вспоминалось лишь, как хрустели сухие ветки под ногами пяти человек — особенно тех двоих, что бежали первыми: Лини, а за ним Кит. Потом Джесси очутилась в порушенном зале, вокруг нее были одни глаза, Ричард поддерживал ее сзади за плечо, и виновная парочка в дверном проеме, все еще одергивающая юбку Лини и оглаживающий себя Кит — оба делали это бессознательно с побелевшими от ярости лицами, которые только что были пунцово-красными.

— Ну и из-за чего шум? — спросил Воун, отрываясь от своей фляжки и посмотрев ее на свет.— А-а, хиппари, что ли, трахались?

— Заткни свою вонючую пасть! — приказал ему Тритон, и, как ни странно, тот подчинился.

Представитель Южного Корнуолла решительно повернулся к молодой паре; он уже лег на курс против ветра и теперь не собирался держать нос по ветру.

— Мисс О'Нил Лини, если вы позволите мне так вас называть, и Палмер Кит, сначала вы не поймете, почему я вот так на людях собираюсь говорить о ваших глубоко интимных чувствах. Но поверьте, пожалуйста, что вы простите мне это, прежде чем я закончу.

— Мне пришлось нелегко,— продолжал он,— очень нелегко, наблюдать, как углубляются ваши отношения. Вмешиваться я не решался. Надеялся, не дойдет до этого...

— Да вам-то какое дело, доктор? — возмутился Кит, плотно, в нитку сжав губы.— Или еще кому? Мы с Лини и не думали скрывать своего влечения друг к другу. Вы считаете, мы совершали преступление?

— Почти уже начали.

— Да вы что, доктор, только вчера родились?

— Нет, нет, вы не понимаете...

Я все-таки никак не могу поверить, что такой достойный человек, как вы, доктор, смогли поступить сегодня подобным образом, — проговорила Линн очень уравновешенным тоном. Но от Джесси не укрылось, как дрожат у нее руки. — Очевидно, вы имеете в виду то, что существуют миссис Кит Палмер и маленький Палмер по имени Сэм. Так вот, дело в том, что я все о них знаю. Он рассказал мне.

— Не знаю, о чем вы говорите, Линн, — ответил ей Торитон. Если Кит женат и у него есть ребенок, то мне это было неизвестно.

— Вас это не касается! — прорычал Кит.

— Будьте добры, Кит, позвольте мне продолжить. Тот факт, что вы женаты и, возможно, планируете развестись, чтобы жениться на Линн, если таково ваше намерение...

— Именно таково его намерение, — отчеканила Линн. — Да, доктор. Ведь так, Кит?

— Ну-у, — протянул Кит, — да. Да, конечно. Разумеется. Что же еще?

— ...ничуть не меняет того, что я обязан вам сообщить. Разве что делает мое сообщение еще больше необходимым. Могу я продолжать?

Квины увидели, как молодые переглянулись. Гнев их схлынул, теперь они немного успокоились.

— Хорошо, доктор, — сказал Кит. Как ни странно, но он, похоже, полностью овладел собой. Линн заметила это, и на ее торжествующее лицо набежала легкая тень. — Говорите, что вы хотели.

Торитон зашагал по залу, выстраивая свои мысли по порядку. Элистеры были встревожены, Воун насторожился, Корнелия Опеншоу с высокомерным выражением на лице вся напряглась, будто наткнулась на непристойную книжонку и сейчас торопливо поглощала ее, прежде чем отнести в полицию.

— Даже не знаю, с чего начать, — приступил Торитон, однако он знал или нашел ответ, по мере того, как говорил, ибо резко продолжил, взяв с места в карьер: — С самого приезда сюда мы все вовлечены в тайну, точнее — в три тайны.

Первая: почему Брасс сделал шестерых человек, которых он не знает — и никогда раньше не видел, — своими наследниками?

Вторая: существует ли шестимиллионное состояние? Если да, то в каком виде и где именно?

И третья — кто из нас убил его за это?

Инспектор, напряженно слушавший его, кивнул. Торитон был совершенно прав. Именно эти три загадки. Если поразмыслить, то было вполне естественно, что доктор столь отчетливо разграничил их и сформулировал в такой сжатой форме. Этот человек умел наблюдать факты и анализировать их.

— Я не детектив. На второй и третий вопросы ответить не могу. Но, к сожалению, я могу пролить свет на первый.

Гуго затопил камин — весенними ночами от реки веяло свежестью — и отсветы пламени, как обычно, плясали на латуни. Блики освещали лохматую голову Торитона, делая его фигуру огромной и по-своему угрожающей.

— В течение некоторого времени я не мог решиться — говорить вам или нет то, что знаю я, что я узнал с того самого вечера, когда Брасс сообщил нам, что при крещении ему было дано имя Саймон, а не Хендрик. Сегодня вечером,— он в отчаянии посмотрел на Линн и Кита и перевел взгляд,— меня вынудили к этому. Я просто не могу позволить вам, двум молодым людям, продолжать свой роман. Перед смертью моя мать поведала мне то, что полжизни лежало камнем на ее совести, что она хранила в тайне ото всех, даже от моего отца... от человека, который, как мне внушили, был моим отцом. В общем, внешне он им и не казался. И мать назвала мне имя моего настоящего отца.

Доктор Торитон выдержал паузу, и они тоже затаили дыхание вместе с ним, с нетерпением ожидая откровения.

— И кто же это, доктор? — спросил инспектор, словно не догадываясь.

— Саймон Брасс, человек, известный вам под именем Хендрик Саймон Брасс.— И доктор заторопился, будто стремился как можно скорее добраться до конечного пункта, на котором можно передохнуть.— Видите ли, все это означает... единственное разумное объяснение, почему Хендрик Саймон Брасс собрал здесь шестерых человек и завещал им свое состояние в равных долях, это то, что вы пятеро — как и я — все также являетесь незаконными детьми Саймона Брасса. И этот [illegible] я весьма и весьма огорчен, что мне приходится говорить об этом — целиком и полностью относится к

...Линн, и к вам, Кит. Вы — единые кровные родственники. Вы сводные брат и сестра. По отцу.

Его крупные, грубоватые руки рабочего, вопреки к... ...ому, словно в молитвенном экстазе, осенило ... ...ие, и он рухнул в кресло, в котором, старясь не при... ...екать к себе внимания, любил сидеть начальник по... ...лиции Флек.

Итак, урок патологии завершился. Природа забол... ...вания стала известна.

Казалось, Линн О'Нил ничего не понимает. Джесси ...итала выражение лица девушки, как историю болезни. Сначала та побелела — шок, полное непонимание. Затем ее глаза приобрели блеск, появлявшийся у всех, у кого за мгновение до того отлетела жизнь и кому Джесси закрывала лицо простыней. И наконец — ...хлестнувшее ее осознание, а вместе с ним ужас, стыд, душевное потрясение — осколки от происшедшего в природе катаклизма.

Самый нечеловеческий вопль, из тех, что когда-либо исторгал человек, оглушил ошеломленную Джесси. Линн стремительно выбежала из зала, едва не опрокинув кресло с сидящим в нем Торигоном на своем пути.

Кит, словно верный пес по тревоге, бросился за нею.

И к вящему удивлению Джесси, вслед за Китом выбежал Ричард.

«Какие же люди свиньи,— думала Джесси, даже я».

Все время на протяжении возникшего вслед за этим гвалта — яростных протестов Корнелии Опеншоу, не допускавшей даже мысли о том, что ее изумительный отец мог оказаться рогоносцем; манера Де Витта Элистера плеваться (в камин, прямо мимо лица доктора Торитона), его грубый отказ допустить самую возможность грехопадения своей матери (и это Элистер, которой Джесси готова была поклясться — сыновнюю предан... ...ность и любовь никогда не ставил ни в грош) — все это время Джесси сидела с закрытыми глазами, раз... ...рываясь между страданиями из-за Линн и собствен... ...ными благодарными молитвами за то, что она — не ... Джесси Шервуд, которая появилась на свет об... ...судьбе и Хендрику Брассу. Мать ее всегда при...

вался викторианских убеждений, полагая, что жены должны принадлежать исключительно мужьям своим, а ее отец, если бы хоть раз и отважился с вожделением посмотреть на другую женщину, то рухнул бы на колени перед господом, которому он ревностно поклонялся неделями напролет, не исключая и воскресений, а поднялся бы только полностью очищенный от греха.

Протесты уже дошли до своей кульминации и перешли в невразумительное бормотанье, когда неожиданно возвратился Ричард, ведя за собой Лини О'Нил и Кита Палмера. Он оберегал их, аки пастырь, а они — что казалось совершенно невероятным — вели себя покойно и невозмутимо, аки агницы. Лини ожила. Она была смущена, что верно, то верно, но она ожила. И даже более того. Кит же походил на приговоренного узника, сразу же после того, как ему объявили об отсрочке смертного приговора. Оба они спокойно стояли в сторонке, взявшись за руки.

Инспектор прошел в середину зала и отрывисто произнес:

— Доктор Торитон.

— Сэр? — поднял голову Торитон.

— То, что младший брат, Саймон, тот, который известен нам под именем Хендрик, находился в связи с каждой из тех женщин, что с презрением отвергли его старшего брата, было бы совершенно невероятным совпадением. Я лично ни на минуту не могу поверить в это.

— Да я ему то же самое твержу! — воскликнул Элистер.

— Взять хотя бы ваших родителей, Элистер. Вез Полонский, наводивший для меня справки о вашей семье и обнаруживший, что настоящего Хендрика Хендрика Виллема — ваш отец припер к стене из-за карточного долга, выяснил, что младший Брасс, Саймон,— наш Хендрик — являлся членом Старого Лаун-Теннисного Клуба примерно в то же время, что и ваша мать. Однако нет никаких свидетельств, что они даже знали друг друга. А если и да, то, что их знакомство не было только шапочным.

— Стало быть, в одном случае вышла ошибка, признал Торитон и прикусил губу, избегая встречаться взглядом с молодыми людьми, жизнь которых он только что подкосил под основание, но которые чудом вновь обрели ее.

допустим, доктор. Но у меня имеется убедитель
ное доказательство по меньшей мере еще в одном слу
чае, слава богу. Джонни Крипс наводил для меня до
полнительные справки о Саймоне и выяснил, что во
то время, пока Хендрик Виллем вел веселую жизнь
на Западе и влип в ту историю с шерифом О'Нилом —
и сумел выпутаться из нее благодаря судейской ошиб-
ке — Саймон находился здесь, уже вернувшись на Во-
сток. По правде говоря, есть основания полагать, что
за всю свою жизнь Саймон никогда не был в Вайо-
минге. Мисс О'Нил, о чем я спросил, когда догнал
вас?

— Жила ли когда-нибудь моя мать где-либо, кроме Вайоминга,— словно в полусне проговорила Лини.

— И что вы мне ответили?

— Что она родилась и умерла там. Прожила там всю свою жизнь.

— Вот что остается от вашей теории, доктор, насчет того, будто все вы незаконные дети Брасса. В вашем случае мы вынуждены принять это как факт, поскольку ваша мать поведала вам об этом на смертном одре. Однако верить в то, что то же самое было в случае с кем-либо из остальных, я не вижу никаких оснований.

— Тогда я опять спрошу вас,— стоял на своем Торнтон,— если все мы не его незаконнорожденные дети, то почему он пригласил нас сюда? Почему сделал нас своими наследниками?

— Да потому, что он считал себя отцом всех шестерых. На мой взгляд, доктор, Брасс впал в старческий маразм. Вы же наблюдали его поведение. Возможно, он находился уже на грани — какие-то явления вспоминались ему вполне отчетливо, а какие-то вызывали у него галлюцинации. Не мне рассказывать вам о галлюцинациях на сексуальной почве как одном из проявлений старческого маразма. В голове у него, очевидно, перемешались воспоминания о разгульных деньках своего старшего брата, он просто вспомнил об этом да и переложил на себя, все начисто перепутав и исказив. Мои люди доказали: все то, что Хендрик Саймон утверждал применительно к своему старшему брату, в каждом случае носило совершенно противоположный характер. Между прочим, хоть я и не психолог, быть может, я выскажу существует связь между тем, что Саймон отождествлял свою жизнь с жизнью брата и попыт-

менно последовал семейной традиции, взяв имя Хендрика, после смерти настоящего Хендрика.

— Возможно,— сказал Тритон, но уверенности в его голосе не прозвучало.— Во всяком случае, инспектор, одно вы установили наверняка — изо всех шестерых только Линн вне подозрений.

— И я,— прорычал Элистер.

— А вы — нет, Элистер. Если хотите знать мое мнение, то ваш случай следует отнести к разряду сомнительных. Да, кстати, Линн, я чрезвычайно рад тому, что друг инспектора выяснил о вас. Это устраняет все преграды, стоящие между вами и Китом.

— Да,— подтвердила Линн.— О, да!

— «О, да»? — язвительно переспросила ее Корнелия.— А его жена и ребенок? «Все преграды!». В жизни не сталкивалась с таким бессовестным поведением. Уж будьте уверены, мистер Палмер, я расскажу вашей супруге обо всем, что творилось здесь!

Мистер Палмер ничего не ответил ей.

— Согласен с тобой, детка,— поддержал ее Воун. Он встал, потянулся, зевнул, скорчил рожу и спросил:

— Как насчет того, чтобы червячка заморить, ребята? Или Гуго уже на кухне? Я голоден, как волк.

— Судя по всему, волк вы здесь не единственный, мистер Воун,— моментально прореагировала Корнелия, равномерно распределяя щедроты своей души.

К счастью, появился Гуго. Из какого-то древнего сундука и по совершенно неведомому поводу он извлек ливрею дворецкого, позеленевшую от старости.

— Обед подан,— объявил им наследник Латунного Дома вибрирующим басом.

Обед хоть и был подан, но был он все таким же несъедобным и гнетущим в этой тускло освещенной столовой с мерцающим камином и толстыми свечами, расставленными по всему столу в латунных подсвечниках. Ни у кого не было аппетита, кроме Воуна, который поглощал пищу жадно, по-волчьи, как и обещал. После кофе (десерта не было, по поводу чего Воун выразился в присущей ему весьма раскованной манере) все укрылись в своих отгороженных одеялами полуразрушенных спальнях. Все было покрыто пылью от штукатурки. Белье и одеяла, образующие перегородки, были приколоты булавками неплотно, виднелись про-

ХХИ, поэтому Джесси раздевалась в темноте. Ее муж ходил на ощупь, натыкаясь на предметы.

— Ах, Ричард,— прошептала Джесси (после того, как выломали стены, приходилось только перешептываться),— я так горжусь тобой.

— О чем ты?

— Хочу сказать, ты так здорово прояснил эту ужасную ситуацию с Линн и Китом. Бедное дитя. Получить такой удар в лоб... Но тут появляешься ты и все улаживаешь. Мне хотелось обнять тебя прямо там. Я сейчас.— И, найдя его в темноте, Джесси прижалась к нему.

Ему это не было неприятно. Но, оставаясь Ричардом Квином, он проворчал:

— Есть вещи и поважнее, нашла, о чем волноваться... Ладно,— произнес он в темноту,— выходит, что Хендрик Брасс — незаконный отец, по крайней мере, одного из них, а может, и еще кого-нибудь. Но наверняка — не всех. Во всяком случае, сам он думал, что — всех, потому-то и пригласил их сюда, завещав им шесть миллионов долларов, которые мы никак не можем отыскать. А как быть с другими «почему»? Не говоря уже о многочисленных «что?» и «где?». Как на них ответить?

— Ричард, ты куда?

— Поищу в каретном сарае. Надо было раньше. Может, старый безбожник соврал Воуну, сказав, что его состояние спрятано в главном здании?

Полночи потратил инспектор, обыскивая каретный сарай сверху донизу.

Он не нашел ничего.

И ОПЯТЬ ЧТО?

Зовут меня Келлер, всем привет, - протарабанил длинноносый человек, поигрывая масонской эмблемой, свисавшей у него на цепочке до самого живота. Этого аукциониера из Тэрритауна порекомендовал Воуну начальник полиции Флек. С лица у Келлера не сходило сонливое выражение, но инспектор знал, что это лишь маска, ему уже доводилось иметь дела с аукционистами.— Лучше подождем чуть подольше, пока публика не разогреется до того, чтоб поднялись этот курятник.— и он рассмеялся.

Никто не разделял его хорошего настроения. Все мелкое содержимое Латунного Дома было разбросано по двору, и хотя оно сверкало на солнце, это была унылая сцена с унылыми актерами. Единственной светлой минутой для них в то утро было, когда инспектор отметил, что «некий Хардинг Бойл» так и не объявился в течение тридцати дней, оговоренных в завещании, и что поэтому потенциальный седьмой наследник автоматически исключается из участия в дележе состояния Брасса. «Какого там состояния?»— проскулила Корнелия Опеншоу. Так что и эта минута тоже была подпорчена.

Приехали охотники за антиквариатом из других штатов, в основном из Коннектикута, но их была лишь горстка, а также местные, которых, похоже, привело сюда скорее любопытство, нежели стремление заполучить какой-либо предмет из драгоценной утвари покойного Хендрика Брасса. Не показался ни один корреспондент из центральных газет, а два представителя местной печати были нештатными сотрудниками, получающими гонорар построчно. Позевывающий полицейский поставил свою машину на дороге. Все наличные силы полиции Филлипскилла, пока он находился здесь, были, таким образом, на виду.

Среди остальных присутствующих были наследники Брасса. Квины, миссис Элистер, Гуго и Воун, которые держались одной группой; Флуэл с Ченнингом, представлявшие интересы кредиторов, и Джекобс с Клеффи, представлявшие интересы владельцев закладных, составляли другую группу; заметно особняком держался какой-то человек с лисьими глазками, подозрительно оглядывавшийся вокруг — судебный исполнитель, догадался инспектор,— которого, судя по всему, никто не знал. Он углубился в напечатанный через копирку перечень продаваемых предметов, составленный и розданный Келлером.

— Так, ну вроде больше никто не приедет,— скороговоркой проговорил Келлер.— Давайте-ка начинать.— Он быстро поднялся на импровизированный подиум, взял протянутый ему помощником предмет с болтающейся биркой и поднял на всеобщее обозрение изделие, принесенное из зала.— Вот предмет номер один — по вашему перечню старая голландская скамейка, может быть использована как элегантный торцевой столик — настоящий антиквариат, датируется при-

мерно 1780 годом, обшита латунью, но ее можно снять, [illegible] можно, сочтете нужным окрасить синим черным и разные цвета, восстановив первоначальные краски, кто торги начнет первым и даст пятьдесят долларов, кто дает пятьдесят?...

Женский голос отчетливо произнес:

— Два доллара!

— Леди изволит шутить. Кто дает сорок пять, сорок пять, сорок пять...

Придав своему лицу обиженное выражение, аукционер замолчал, поскольку все собравшиеся отвернулись от него и смотрели в сторону. По дорожке мчался ярко-красный пикап, бешено сигналя и распугивая людей. За рулем сидел крупный человек с багровым лицом. Заглушив мотор, он выскочил из машины и бросился к Келлеру, словно желая разорвать его на части своими ручищами.

— Стойте, стойте! — завопил он.

Наступило смятение. Начальник полиции быстро вмешался, чтобы навести порядок. Задав несколько вопросов вновь прибывшему, он представил его Воуну как некоего мистера Сиднея Картэна Слоуна, строительного подрядчика из Филлипскилла.

— Переговоры с Сидом будет вести Воун,— объявил Флек.— Он распорядитель имущества старого психа.

— Чего шумишь, парень? — спросил Воун.

— Да вы только послушайте, мистер Воун. Только возвращаюсь из круиза по Карибскому морю, слышу, что Брасс сыграл в ящик, и устраивают аукцион. Черта с два, еще чего захотели! Отменяйте все и кончайте с этой распродажей, прикажите деньги вернуть моей фирме, чтоб по-честному выплатили наши же затраты...

— Ты кончай мне в морду эти бумажки тыкать,— оборвал его Воун.— Что это у тебя?

Выяснилось, что несколько лет назад Хендрик Брасс предложил Слоуну составить смету на установку «дополнительных стальных перекрытий и стоек», как пояснил Слоун, «для предотвращения возможного обрушивания» полов и потолков главного здания. Подрядчик представил Брассу смету «примерно» на восемь тысяч долларов, с которой старик согласился, и работы были произведены.

— Точная сумма составила 8.327 долларов. Он выдал мне аванс пятьсот долларов...

— Чеком? — быстро спросил Квин.

Здоровяк с удивлением воззрился на него.

— Вы кто? Нет, наличными. Спросите тут любого он всегда платил наличными. Когда платил.

В ответ на это собравшиеся насмешливо закивали головами вслед за адвокатами Флуэлом и Ченнингом.

— Работу сделали, он платит мне еще две тысячи. Я жду. Через какое-то время выдает еще пятьсот. Еще через какое-то — триста двадцать семь. «Остаюсь вам должен круглую сумму — пять тысяч»,— заявляет мне.— «Люблю круглые цифры, а вы?» Ну, я сказал, ладно, кто-то там, может, и боится, а я — нет, все путем. Так знаете, больше старик мне ни цента так и не заплатил! Все откладывал, жаловался, что работа неважно сделана, полы где-то прогибаются, ну и так далее. Что я мог поделать? В суд на него подавать? Хорошенькое дело — я подаю на Брасса! Думал, дам ему еще время, он — миллионер и все такое. И вот он умер, а мне нужны мои пять тысяч. Вот подряд, подписанный им, а здесь его подпись под тем, что работы выполнены. И не говорите мне, что у вас какие-то там долговые расписки, по которым выходит, что он мне выплатил больше, чем три тысячи триста двадцать семь, потому что их не может у вас быть, а если есть, то это фиктивные...

— Кончай орать про фиктивные расписки, парень, пока хоть одну сам не увидишь. Постой, я взгляну на документы по имуществу.

— Я с вами пойду,— упрямо сказал Слоун.

Воун пошел в дом, подрядчик — за ним по пятам Начальник полиции не отходил от инспектора ни на шаг. Какие-то два человека сердито вышли на дорогу сели в разные машины и уехали.

Письменный стол Брасса, больше напоминавший комод, все еще стоял в зале. Это был один из самых тяжелых предметов, оставленных Келлером на конец аукциона. Воун отпер ящик, извлек из него распухший портфель и начал перебирать бумаги.

— Вот они,— сказал он.— Угу, сметы, подряд и ваши расписки за те бабки, что, как ты говоришь, он тебе выдал. Я-то думал, что он расплатился, ведь столько лет прошло, а у него в бумагах сам черт не разберется.

— Тогда я хочу получить свои деньги,— повторил Слоун.

— Все не так просто, приятель.

Минутку, — вмешался инспектор. Вытянув шею, он заглядывал через плечо Воуна. — Что там стоит насчет ремонта дымовых труб в первоначальной смете? Про трубы вы ничего не говорили.

— Потому что я их и не ремонтировал. Смотрите, тут же отдельная смета. У старика несколько труб разрушило ураганом, и он из себя выходил, так хотел, чтоб кто-то взялся и починил их. Он и меня просил назвать сумму. Цифру-то я ему назвал, но он хоть и признал, что у меня — самая низкая, все равно, сказал, что я заломил чересчур. В общем, дешевле я взять с него не мог, и он в конце концов решил поручить мне только те самые перекрытия и стойки. Мне бы сразу догадаться,— с горечью продолжал подрядчик,— но я купился на эту фамилию, Брасс. Короче, мистер Воун, получаю я свои пять тысяч?

— Перед тобой длинноющая очередь, парень,— ответил Воун.— Судя по этим документам, твои претензии вполне законны, только там целая толпа других кредиторов.

— Мне нужны мои пять тысяч! — вскричал мистер Слоун, походивший теперь на поджаренный баклажан.

— Найми себе адвоката, приятель. А сейчас ступай охладись парой пива или еще чем, а то аукцион задерживаешь.

Но мистер Слоун ничего не задерживал. Когда они вышли во двор, аукционер Келлер суетливо расхваливал редкостные качества какого-то истертого старинного американского красного коврика, за который он назначил первоначальную цену в двести долларов.

— Великолепный образец периода, а если не сможете использовать целиком, то почему не разрезать его на несколько штук, ха-ха, что я слышу, один пятьдесят?

— Один доллар пятьдесят центов! — выкрикнул один из местных жителей.

— Одна сотня пятьдесят...

— За сколько пошла та церковная скамейка? — вполголоса поинтересовался инспектор у Джесси.

— За три доллара пятьдесят. Ах, Ричард, весь этот хлам не принесет нам решительно ничего!

— Кто-нибудь торгуется специально?

— Вон тот человечек,— Джесси показала на незнакомца с лисьими глазками, которого Ричард ошибочно принял было за судебного исполнителя.— За гроши. Какой стыд!

Коврик достался человечку.

— Продано мистеру Филу Дж. Гаррету за 23 доллара,— объявил Келлер, стукнув молотком и закатив глаза, переходя к следующему предмету.

Инспектор внимательно присмотрелся к странному мистеру Филу Дж. Гаррету. Сильно задумался. Затем стал нервно расхаживать взад и вперед.

Было объявлено и продано еще несколько ковриков, потом — сервиз дымчатого стекла, когда-то состоявший из множества предметов, в плохом состоянии, потом — набор старинного китайского фарфора, в основном с отбитыми краями — и все тому же самому мистеру Гаррету по ценам, которые, согласно мистеру Келлеру, являлись позорными для честного и благородного занятия. Келлер уже подогревал себя, готовясь приступить к следующему пункту перечня — хозяйственному набору скобяных изделий, от формочек для домашнего печенья до изъеденных ржавчиной утюгов и сковородок с длинными ручками, когда Ричард Квин оборвал его разглагольствования, причем, обрывая, тоже сделал движение. Его рука взметнулась вверх, остановив аукционера на полуслове.

— Я не кончил еще описывать набор,— загавкал на него было Келлер, словно инспектор совершил антиобщественный поступок.— Что еще в этот раз, бога ради?

— Остановите! — прокричал инспектор.— Остановите аукцион!

Он позвал наследников в разломанный дом, тем временем уехали еще два человека. Келлер уселся в кресло отца семейства, принадлежавшее когда-то Брассу, а теперь сиротливо стоящее на дорожке, и принялся вытирать шею красным платком. Начальник полиции последовал за ними, твердо ступая на каблуки и придав своему лицу грозное выражение. Воун послушал несколько минут, постоял, пожал плечами и побрел наполнять свою фляжку, которую, несмотря на раннее утро, он уже успел опустошить. Гуго топтался позади, усиленно моргая глазами.

— Возможно, я напал на след,— отрывисто заявил инспектор.— Одной из трех загадок, стоящих перед нами, по вашему определению, доктор, является следующая: существует ли состояние, и если да, то в каком

виде и где? Считаю, что состояние существует, и пола-
ю, что знаю, по крайней мере, в каком виде.

Раздались громкие крики, походившие на мощный хор.

Стойте, стойте! — он поднял руку, и восхищен-
ная Джесси почувствовала, как ее затопила волна любви к нему.

— Несколько лет назад старый Хендрик пригласил этого самого подрядчика Слоуна и договорился об уста-
новке дополнительных стальных перекрытий и стоек. Объяснение, которое Брасс дал Слоуну, состояло в том, что полы и стены могут рухнуть.

Ну и что, инспектор? — прервал его Кит Пал-
мер.— Этому дому лет двести, а то и больше. Стран-
но, что он вообще давным-давно не развалился.

— Не сомневаюсь, что эти работы были необходимы. Вот почему я не увидел ничего странного в том, что, когда Трафуцци ломал дом, перекрытия и стойки в стенах и полах оказались совсем новыми. Я просто решил, что старый дом нужно было укреплять. Но ведь в смете Слоуна используется термин «дополнительные перекрытия и стойки». Почему дополнительные?

— Но, инспектор,— пояснила Лиин,— «дополни-
тельные», это чтобы отличить их от уже имевшихся перекрытий. Что же еще это может означать?

— Более чем необходимы! — подчеркнул инспектор и выдержал паузу.

— Не понимаю,— нахмурился Элистер.

— Совершенно,— добавила его жена.

— Слушайте. Предположим, что Брасс установил в этом доме нечто такое, что весит больше того, на что были рассчитаны первоначальные опоры. Настолько больше, что требуется дополнительная опора, дабы не-
обычная тяжесть не обрушила здание.

Инспектор опять помолчал, чем-то напоминая в эту минуту Эллери.

— Ничего не понимаю,— сказала Корнелия Опен-
шоу, раздраженно барабаня по столу пальцами с ярко-
красными ногтями.

По-моему, никто из нас ничего не понимает,— заметил доктор Торитон.

Ведь мы пытаемся найти состояние, не так ли? Огромное состояние. Быть может, настолько огромное что за деревьями мы не видим леса, все время блуждая по нему? Как в том рассказе у По, когда письмо

которое искали и не могли найти, все время лежало у сыщика перед носом *.

— На что вы намекаете, инспектор? — спросил Элистер.

— Вы полагаете, что состояние размером в шесть миллионов долларов существует в виде бумажных денег, биржевых бумаг, акций, драгоценностей — то есть предметов легких. Но если состояние находится в виде чего-то тяжелого, настолько тяжелого, что для его удержания требуются «дополнительные» стальные перекрытия, то что вы скажете насчет?..

— Золота,— вскричал Кит.— Ей-богу, знаете, ведь возможно, он прав.

Гуго широко разинул рот. Но Лини захлопала в ладоши.

— Шесть миллионов долларов золотом!

— Золотом? — хриплыми голосами произнесли одновременно Элистер и его жена.

— Золото! — взвизгнула Корнелия.

— Золото,— пробормотал Торнтон.

— Золото? — переспросил начальник полиции, разинувший рот, как и Гуго.

— Золото,— кивнул инспектор.— А чем же еще битком набит этот дом, нам-то это хорошо известно. Это даже похоже на золото.

И они закричали все вместе хором так громко, что словно волшебный сказочный вихрь пронесся по залу:

— Лату-у-у-у-унь!

Они набросились на беднягу Гуго. Старик научил его, и почти со всей латунью, что была в доме, работал он. Латунь ли это? Или же — золото?

— Выкладывай, недоумок,— рявкнул Элистер, стискивая кулаки. Он хоть и был крупным мужчиной, но, вытанцовывая перед Голиафом, все же походил на Давида.— Это все золото? Этот металл? Так? Или нет? Та-а-ак?

На лице Гуго отразилось нечто, напоминающее возмущение.

— Латунь,— ответил он.

— Лжет он! — завизжала Корнелия.— Лжет!

— Латунь,— стоял на своем Гуго.— Мистер Хендрик сказал, латунь.

---

* Рассказ основоположника детективного жанра, американского писателя Эдгара По «Украденное письмо».

Гуго звал мистер Хендрик! Ах, да что толку говорить с этим... с этим...

Кит? — спросил доктор Горитон. — Вам что-нибудь известно о драгоценных металлах?

— Когда-то я посещал курсы по металлургии, — ответил Кит и вросился вон из дома и спрыгнул с нескольких ступенек и ленивно вормочущих людей.

Аукционер по прежнему сидел в кресле Хендрика Брасса, человечек по имени Гаррет, несостоявшиеся покупатели и зеваки стояли и сидели на истоптанной траве. Кит пронесся мимо них, слепо спотыкаясь, и схватил первый попавшийся под руку предмет из латуни, им оказался подпос с нанесенной по всей его поверхности хорошо знакомой им символикой Латунного Дома. Кит взвесил его на руке, подумал, взвесил еще раз, нахмурился, раскрыл свой складной нож, процарапал подпос и стал поворачивать царапину то так, то этак на солнце.

После этого произнес:

— Чистая латунь.

Отшвырнув подпос, он схватил изделие, которое они использовали как пепельницу и которое, очевидно, служило когда-то кастрюлей для варки риса неизвестно кому и было бы неизвестно где, если бы не та же самая символика Брассов. Взвесив на руке, он провел ножом, опять посмотрел, опять взвесил...

— Чистая латунь, — сказал Кит.

Подняв старинное, девятнадцатого века пожарное ведро, он поскоблил его ножом и проделал все то же, что и раньше, в то время как Корнелия поскуливала по-собачьи, Элистеры пожирали его глазами, оскалив зубы, доктор Горитон и Лини стояли понурившись. Гуго находился рядом с выражением вновь обретенного достоинства на тупом лице, а инспектор все плотнее сжимал губы, и у Джесси сердце обливалось кровью от боли за него.

— Чистая латунь, — опять сказал Кит. Он хватал предмет за предметом, не обращая внимания на протесты Келлера, мечась по двору, будто Джек Потрошитель, царапая изделия ножом, осматривая и отбрасывая их в сторону до тех пор, пока и трава и дорожки не стали усеяны исцарапанными останками изделий, бывшими когда-то собственностью Хендрика Брасса, и пока среди них не осталось ни одной не подвергшейся насилию жертвы.

— Латунь, — произнес Кит,— одна латунь, везде, везде.

— Да, смекалка уже не та, Квин,— сказал Де Витт Элистер.— Какого черта вам не перебраться в богадельню для престарелых?

Услышав столь вопиющую несправедливость, Джесси уже готова была броситься на него, но Ричард остановил ее, невнятно пробормотав: «А может, он и прав, дорогая», после чего нависла тишина, куда более тяжелая, чем латунь, окажись она золотом, и тишина эта не полегчала, когда до них донесся ненавистный издевательски насмешливый голос Воуна:

— Ну, что, детки, наигрались? — после чего он заорал: — Эй, ты, аукционер чертов! Пошевеливайся! На сегодня мы свое уже отсмеялись.— И он хохотал и хохотал, а Джесси хотелось вцепиться ему в горло и задушить.

Им оставалось лишь стоять и слушать, как Келлер возобновил свой речитатив. Мистер Фил Дж. Гаррет по-прежнему назначал самые высокие цены, хотя теперь, когда с изделий был соскоблен слой латуни, они упали еще ниже. Люди продолжали разъезжаться. Приезжали другие. Среди уехавших и двое внештатных сотрудников местных газет.

Так что второй из трех вопросов доктора Торитона также оставался тайной.

В чем же состояло богатство?

В каком виде?

Если оно вообще существовало.

ЧТО И ГДЕ?

Но вдруг Ричард Квин сказал наследникам:

— Мне хотелось бы поговорить с вами без свидетелей.

— Опять? — невежливо произнесла миссис Элистер.

— Вы хотите найти эти шесть миллионов или нет?

Вопрос был риторический. Вместе с инспектором они собрались в зале. Была неувязка с начальником полиции Флеком, но инспектор отвел его в сторону и что-то сказал ему, причем, судя по выражению лица своего любимого, Джесси была уверена, что он лгал. Но так ли, был там ни было, это сработало, ибо Флек кивнул и остался, где стоял. Воун с усмешкой смотрел.

[illegible] инспектора: Ва[illegible]
[illegible]ение у него прекрасное.

Ричард произнес небольшую речь перед собравшимися.

— Я чувствую, что просто обязан проверить и такой вариант,— закончил он. Считайте это интуицией. Но, даже если этот вариант и ошибочен, никаких санкций к я вас не подвергаю. Любая неприятность [illegible] и я [illegible] нести заслуженное наказание. Вам это не будет стоить ни цента.

— Но, милый...— начала было Джесси. На [illegible] отразилась тревога.

— Положись на меня, дорогая.

Все собравшиеся вышли за ним во двор. За время их отсутствия подъехало еще пять машин, которые стояли четко выстроившись в ряд. Пятеро отставников стояли неподалеку.

— Для чего вы вернулись? — спросил инспектор.

— Мы посоветовались,— ответил за всех Эл Мэрфи,— и решили, что пожилой человек нуждается в некотором пожилом подкреплении.

— Пробудем здесь столько, сколько понадобится,— добавил Джонни Крипс.

— Отказ будет отклонен,— заявил Хью Гиффин.

— Да ради бога,— ответил Ричард Квин и подошел к аукционеру, который говорил нараспев:

— ...а если эти формочки для теста и кастрюлька для варки яиц не нужны вам самим, то только вообразите себе, какой это прекрасный подарок для детского дома или для церкви по вашему усмотрению...

Ричард громко оборвал его:

— Кончайте, Келлер.

Раздался мужской голос.

— Да вышвырните его отсюда! Что это за аукцион?

— Ну, а сейчас в чем дело?— грубо спросил Келлер.

— Наследники Хендрика Брасса только что посовещались и уполномочили меня выступить, представляя их интересы. От их имени я готов назначить на аукционе одну общую цену за все содержимое дома.

— Постойте, постойте, но некоторые изделия уже проданы, и я не могу по закону...

— Хорошо, эти предметы мы исключаем. Моя общая сумма распространяется на все, что еще не продано, включая и вещи, находящиеся в доме.

— На такую сделку я не соглашусь! — вскричал

мистер Флуэл.— Мои клиенты имеют притязания...

— И мои тоже,— закричал мистер Чеппинг.— Я категорически отказываюсь от участия в любой операции, которая подвергает опасности законные притязания моей клиентуры.

— И я отказываюсь,— крикнул Флуэл.

— Понимаю вас, господа,— сказал инспектор.— Мы намерены охранять ваши притязания, равно как и притязание подрядчика Слоупа. Все данные вам долговые обязательства, включая и обязательство, данное Слоуну на пять тысяч, составляют общую сумму приблизительно двенадцать тысяч пятьсот долларов, фактически чуть меньше. По поручению наследников предлагаю двенадцать тысяч пятьсот долларов за все содержимое дома, исключая уже распроданные предметы.

— Ничего не выйдет,— скороговоркой произнес аукционер.— Сюда не входит мой законный гонорар.

— Мы гарантируем оплату вашего гонорара, Келлер, помимо этих двенадцати пятисот.

— Ну, если так,— ответил Келлер уже совершенно спокойно.— Вы согласны с этим, господа?— спросил он обоих адвокатов.

Флуэл и Чеппинг поспешно согласились.

— Единственное, что нас беспокоит, это — выплата долгов нашим клиентам. Мы согласны.

«Еще бы вы были не согласны,— подумал инспектор,— по тому, как проходит аукцион, денег не набралось бы и на уплату по самым просроченным долгам, а тут вам дается гарантия на полную выплату».

— Сбавьте-ка обороты,— подошел Воун.— Как распорядитель имущества, я тоже должен сказать свое слово.

— Черта с два — должен,— возразил Ричард.— В завещании Брасса говорится только то, что вся домашняя утварь распродается на открытом публичном аукционе. Оно не исключает участия в нем наследников, они ведь тоже — публика. И если они также захотят торговаться за всю эту утварь, Воун, то по этому поводу никакого слова вы ни черта не должны сказать.

К вящему удивлению Джесси Воун сразу же согласился:

— Ну, что ж, папочка, пожалуй, ты прав,— и опять отправился заливать свою фляжку.

Инспектор покачал головой и продолжил ведение боевых действий.

...ый джентльменская публика, я полагаю, что мы ... — спросил Келлер.

...предлагает двенадцать тысяч, пол... ...ее имущество, вместе взятое, и ... ...ухлое на всех кочениях уже подержанного Ра... ..., что предлагает более высокую цену, мистер Гаррет, я чувствую, вы не можете позволить, чтобы ... ...коллекция голландских и раннеамери... ...ских изделий пошла за столь ничтожную...

Все время, пока Келлер разглагольствовал, мистер Гаррет то привставал на цыпочки в своих мальчиковых ботинках, то опять опускался. Глаза его бегали, как у только что вытащенного из воды карася.

— Тринадцать тысяч,— первым произнес он.

Инспектор не сводил с него глаз.

— Тринадцать тысяч сто!— сказал он.

— Тринадцать двести! — выкрикнул странный человечек.

— Тринадцать пятьсот, — сказал инспектор.

— Четырнадцать!

— Даю,— заявил Ричард Квин,— пятнадцать тысяч долларов.

Джесси побелела сильнее, чем усы у ее мужа.

— Ричард,— прошептала она.— Куда же это нас заведет?

Сжав ее руку, он продолжал пристально смотреть на человечка, который теперь вытирал себе лоб быстро намокавшим платком.

— Пятнадцать тысяч долларов, слышу ли я, шестнадцать, вы же не исчерпали свои финансовые ресурсы, мистер Гаррет, поглядите-ка еще раз на этот список, не спешите, сэр, но и не медлите, ха-ха-ха, пятнадцать тысяч... — мистер Келлер, очевидно, уже представлял себе окончательную сумму, намного превосходящую первоначально ожидаемую им, — пятнадцать тысяч — раз

Гаррет лихорадочно озирался. И вдруг весь его панический страх как рукой сняло. Он отчетливо проговорил:

— Шестнадцать тысяч.

— Шестнадцать тысяч, — с энтузиазмом воскликнул Келлер,— готов принять ваше предложение на семнадцать тысяч, мистер Квин, слышу ли я, семнадцать

— Восемнадцать тысяч долларов,— объявил мистер Квин.

— Двадцать! — тявкнул человечек.

— Двадцать один.

— Двадцать два.

— Двадцать три,— сказал мистер Квин.

Гаррет заколебался. Его взор устремлялся то ввысь, то вниз и наконец остановился на лосином зубе, подрагивающем на цепочке Келлера.

— Двадцать четыре тысячи,— сказал он.

— Двадцать пять тысяч долларов,— заявил Ричард Квин.

Человечек раскрыл рот.

— Одну минуту, мистер Гаррет. Вы намерены повысить ставку?

— Почему вы спрашиваете?— Голос у человечка заскрипел, словно в какой-то части его говорящего механизма пересохла смазка.

— Потому что в этом случае я попросил бы сделать перерыв и удалиться на совещание с моими поручителями.

— Нет, нет и нет! — воскликнул мистер Гаррет.— Возражаю, мистер Келлер. Я имею право...

— Кто ведет этот аукцион, мистер Гаррет?— задал вопрос человечек, стоящий на подиуме.—Я согласно предоставленным мне полномочиям должен извлечь максимальную сумму — не могу никому препятствовать — мистер Квин, объявляется требуемый вами перерыв — сколько времени вы просите?

— Сколько понадобится,— ответил инспектор и, кивнув своим ошарашенным «поручителям», направился к дому. На этот раз за ним последовали не только наследники и Джесси, но также и начальник полиции Флек, Воун Дж. Воун и, замыкая шествие, пятеро ветеранов, оставивших на стоянке свои пять ветеранских автомобилей.

— Да, я и забыл,— сказал инспектор, задержавшись в дверях,— мистер Гаррет, вы тоже пожалуйте сюда.

Маленькая челюсть мистера Гаррета отвисла.

— Я?

— Да, вы.

Мистер Гаррет двинулся таким шагом, будто его пригласили в главное управление гестапо. Возможно, причиной тому послужили пятеро отставников, взявших его в тесный кружок.

Внутри разоренного дома шаги гулко стучали по

...ся со спящими ковровыми дорожками, а от голосов ...лилось звонкое эхо. Инспектор произнес:

Мистер Гаррет, пришло время поставить вопрос ребром: вы совершаете эту покупку лично для себя или для кого-то еще?

На одних лицах отразилось удивление, на других нет. Но инспектор в эту минуту занимался не физиогномикой. Все его внимание было сосредоточено на человечке, который переступил с ноги на ногу, смущенно поежился, прикусил губу и наконец сказал:

— Я не обязан вам отвечать.

— Не обязаны,— неожиданно вмешался начальник полиции,— но я представляю здесь закон, и вы проявили бы к нему лояльность, если бы ответили.

— Что ж. Хорошо. Я полагаю... Вы действуете по поручению, сэр,— обратился он к инспектору. – Я тоже Да.

— Так я и думал,— сказал инспектор.— Но у вас передо мною преимущество, мистер Гаррет. Вам известны люди, поручившие мне это, но мне неизвестно, кто поручил это в а м. Кто же?

– А вот это уже,— сказал человечек, вновь мгновенно обретший достоинство,— вопрос, на который я решительно не намерен отвечать. Он затрагивает конфиденциальные отношения. Нет, сэр, я не скажу вам, кто мой клиент.

Воун опустил свою фляжку.

— Ну что, может, продолжим аукцион?

Инспектор заявил:

— Я не закончил.

— Да с чем? — спросил Флек.— На что вы тут намекаете, Квин?

— Пойдемте все со мной.— Казалось, его совершенно не огорчил отказ Гаррета.

Он первым прошел на лестничную площадку и в помещение, которое раньше называлось спальней Хенрика Брасса. Там не осталось ничего, кроме остова кровати, который люди Трафуцци опять привинтили к полу, когда вновь настилали его перед отъездом, и пустой портретной рамы, привинченной к стойкам стены, к которой она и была прикручена раньше. Сам же семейный портрет, висевший в раме, давно уже находился вместе со своими братьями, сестрами, дядьями и тетками в переносном ящике, стоя...ем теперь рядом с подиумом Келлера.

Ну и что тут? — спросил начальник полиции, оглядываясь.

Перед вами два ключа к разгадке смерти старого Брасса, — сказал инспектор, — которые проморгали все, в том числе и я.

Что? Где? Единственное, что я вижу, это кровать да латунная рама на стене. Можете не уверять меня, будто бы это ценный антиквариат...

Ценного антиквариата тут нет вообще, — отрезал инспектор. — Если у Брасса что и было, то он, должно быть, распродал все много лет назад. А если что и осталось, он испортил все этой латунной обшивкой. Все, что осталось, — утиль. Приподнимите-ка эту кровать, шеф, и сами посмотрите.

Как это «приподнимите»? — сердито взглянул на него Флек. — Она же привинчена к полу.

Тогда сдвиньте вон ту раму на стене.

— Она тоже привинчена. О чем вы говорите?

— О ключах к разгадке, о которых я упоминал. И та и другая привинчены. Именно так. Как и все портретные рамы. Не говоря уже о латунной обшивке, прибитой гвоздями почти ко всем стенам. Для чего старику понадобилось привинчивать шурупами медные кровати и медные рамы для портретов, а стены, вместо обоев, обшивать латунью?

— Потому что он рехнулся, — быстро ответил Воун.

— Да, конечно. Но даже сумасшедшие ничего не делают без причины. В чем же заключалась причина? Чего добивался этим Брасс?

Ответа ни от кого не последовало, даже от Джесси, отчаянно стремившейся мысленно выиграть это необъявленное сражение за честь и достоинство своего мужа.

— Причина очевидна сама собой. Старик добился этим того, что все вещи стали неподвижными. А для чего он это сделал?

От умственного напряжения собравшиеся даже сморщились, словно у каждого из них только что вырвали по зубу. И только один Кит решил задачу. Не снимая руки с талии Лиши, он медленно проговорил:

— Чтобы никто не мог случайно сдвинуть их с места... приподнять их. А единственная причина для этого — скрыть их вес.

Выслушав объяснение Кита, Ричард Квин удовлетворенно кивнул.

— Брасс, может, и был сумасшедшим, но сумасшед-

[illegible] проницательным. Старик рассуждал. Что если [illegible] придет в голову, что его латунь — это не [illegible] то первое, что он сделает, будет то, что и про[illegible] Кит взвесит эту латунь, чтобы определить, [illegible] вес. Но что взвешивал Кит? Незакрепленные предме[illegible]ты. И что же он выяснил? Что незакрепленные пред[illegible]мия — из латуни. Это и есть ложный след, по которому пустил нас старик. Что же тогда он скрывал, закреп[illegible]ляя намертво другие предметы из латуни? Он скрывал тот факт, что они вовсе не из латуни. Все рамы для портретов, все остовы кроватей, все эти тяжеловесные старинные ванны викторианской эпохи, весь тот металл, что люди Трафуции ободрали со стен и бросили в подвал, когда они превращали дом в каркас, — все это покрытое латунью золото. Вот оно, ваше состояние, вот и джентльмены. Снимайте это покрытие, и шесть миллионов долларов Хендрика Брасса — ваши.

Вот что. И вот где.

ИЗ-ЗА ЧЕГО ЖЕ?

Все уже собрались было бежать в подвал, чтобы извлечь оттуда восхитительно тяжеловесную наполненную золотом стенную обшивку, сваленную там людьми, и не подозревавшими об этом, однако инспектор сказал:

— С тем можно и подождать. А вот с этим — Нет. — И он повернулся к странному человечку. — Но, а теперь, мистер Гаррет, быть может, вы изменит свое решение и поведаете нам, кто же ваш клиент?

— Прежде всего вам необходимо совершенно определенно и однозначно понять следующее, — быстро проговорил мистер Гаррет, — мне ничего не было известно ни о каком золоте, покрытом латунью. Меня просто наняли для участия в аукционе, где должно было распродаваться содержимое...

— Вы будете говорить или нет?

— Но я не могу! Это конфиденциально. Это то же самое, как если бы я был священником...

Инспектор с отвращением хмыкнул.

Вел Полонски сказал:

— Можно вас на минутку, инспектор?

Ричард вышел в коридор со своими пятью друзьями и сержантами.

— Мы как раз обговаривали это, Дик,— сказал Джонни Крипс.— Я наверняка помню этого типа.

— И я тоже,— поддержал его Хью Гиффин.— И если он тот, за кого я его принимаю, то он либо организует подпольные аборты, либо относится к тем адвокатишкам, которые навязывают свои услуги любому, у кого возникли нелады с законом. Короче, настоящий спец по грязным делишкам, за деньги что угодно сделает.

— Короче,— спросил Вез Полонский,— что если мы немного поднажмем на этого субчика?

— Оставьте меня с ним наедине минутки на три,— предложил Пит,— и я вам даю гарантию, он запоет на самой высокой ноте, пока будет ползти еще за одной скорой помощью.

А Эл Мэрфи вставил:

— Я тоже приложусь как следует.

— А не будет ли это проявлением жестокости со стороны бывших полицейских? — усмехнулся инспектор.— Нет, ребята, пожалуй, я поступлю, как Эллери. И тем не менее спасибо вам. Черт подери, жаль, что его нет здесь! Что же, раз нет, придется самому.

— Но как же ты собираешься расколоть его, Дик? — спросил Крипс.

— Я уже сказал. Как сын, так и отец. Все сделаю по-божески. Быть может, в моем исполнении все получится как надо, и я преподам этому Гаррету хороший урок религии.

На их лицах читалось сомнение, когда они возвращались вслед за ним в спальню.

— Итак,— требовательно осведомился начальник полиции,— возобновляем аукцион или как?

— Или как,— ответил инспектор.— Дело в том, шеф, что никакого аукциона может больше не быть.

— Спятил, что ли, отец? — рассмеялся Воун.— Аукцион должен состояться. Так стоит в завещании.

— Возможно, как распорядитель упомянутого завещания вы измените свое мнение, узнав, что я собираюсь сообщить мистеру Филу Дж. Гаррету. Потому что сейчас я скажу этому прыщу плюгавому, кто нанял его для участия в распродаже на аукционе содержимого дома Брасса, включая и покрытое латунью золото, о котором никто не подозревал.

— И как же вы это сделаете? Зеркальце в него вставите?

Дедукцией!

Чем?

Слушайте и мотайте на ус, Воун. Дело в том [illegible] я сейчас не только выведу дедуктивным методом, кто напал Гаррета. Я также докажу, кто убил Хендрика Брасса.

Мочки ушей у мистера Гаррета стали зеленеть. Остальные к этому времени уже настолько опешили, что удивление на их лицах прочитать было просто невозможно. На лицах всех, за исключением начальника полиции Флека, который прямо-таки затрепетал всеми своими двумястами сорока пятью фунтами живого веса *.

— Вы сделаете это, Квин, - проговорил он. - Ей-богу, вы сделаете это! — И он загородил всей своей массой дверной проем, поправив на себе форму, словно уже приготовясь позировать перед всей мировой прессой.

Ричард Квин излагал свои мысли размеренно, сурово и отстраненно, словно глас божий, вещающий Моисею из пылающего куста. Джесси, не сводившая с него глаз, услышала, как у нее заурчало в животе — одна из досадных хронических неполадок ее организма, всегда что-то предвещающих. Эта — всегда предвещала неприятности. «Боже милостивый,— умоляла она,— на коленях прошу тебя, пусть в этот раз он окажется прав!».

Он начал с первого преступления, напомнив всем, что убийство Хендрика Брасса ножом было не единственным нападением на старика. Было еще одно — с применением каминной кочерги из спальни,— которое не принесло желаемого результата.

— Каков же был мотив первого покушения на жизнь Брасса? — сформулировал вопрос инспектор [illegible]. Ясно, что не из-за денег: к тому времени старик даже еще не составил завещания. Помните, он тогда сказал нам, что законных наследников у него нет. Так что если бы удары кочергой оказались смертельными, Брасс стал бы покойником, не оставившим завещания, и все его имущество целиком отошло бы штату Нью-Йорк.

Поэтому покушавшимся двигали не материальные мотивы.

Если же мотивом первого покушения были не деньги, то что им могло быть? Что мы в конечном счете выяснили? Что, по крайней мере, один из тех, кого

* 245 фунтов = 110 кг

Брасс прочил себе в наследники, является его незаконным сыном. Незаконнорожденный, брошенный своим отцом во младенчестве, не может питать к нему нежных чувств. Но он может испытывать к нему чувство ненависти и жажду мести. Так что, исходя логически, месть из ненависти могла явиться причиной первого покушения на жизнь старика. Ненависть, жажда мести настолько захватили покушавшегося, что он просто не мог ждать, пока его отец составит завещание и, возможно, выделит ему какую-то часть шестимиллионного состояния. Нет, ему нужна кровь. Ничто другое не может удовлетворить его.

— Но тогда выходит, что это — доктор Торнтон — воскликнула Корнелия Опеншоу.— Ведь только прошлого года, доктор узнал, что мистер Брасс — его отец. Он сам сказал нам об этом. И никто из остальных не знал, что...

— Последнее является лишь предположением, мисс Опеншоу,— сказал инспектор,— но не фактом. Любой из нас, кроме Линн О'Нил, также может быть незаконным ребенком Брасса и лишь притворяться, что не знает об этом. Сам тот факт, что доктор Торнтон раскрыл нам тайну своего рождения, когда ему можно было всего-навсего держать язык за зубами, с психологической точки зрения снимает с него всякое подозрение в убийстве. Не расскажи он нам об этом, никому из нас и в голову не пришло бы, что ключом к раскрытию преступления может являться внебрачное рождение. Так что подозрение совсем не обязательно падает на Торнтона; оно падает на всех, кроме Линн.

Доктор поднес ко рту носовой платок. Его загорелое мужественное лицо побледнело. Но когда инспектор сделал ударение, щеки доктора опять немного порозовели. Он осторожно положил платок в карман.

— Теперь смотрите, что происходит,— продолжал инспектор,— после неудавшегося покушения. Проходят недели. Неделя. Другая. Предпринимает ли покушавшийся вторую попытку свести счеты с Брассом? Не предпринимает. А почему?

— Я тебе отвечу, отец,— сказал Воун.— По тому самому, что тут как раз и появляется на сцене Воун Кеннеди с пушкой 38-го калибра, специально нанятый Брассом старого прохвоста. Вот почему.

— И сработали лучше некуда,— резюмировал Квин.— Квин — так, что в один прекрасный

[illegible], спящего вынесли из строя, перешагнули через ваше распростертое тело, беспрепятственно вошли в спальню старика и всадили ему нож в сердце. Ваше поведение ниже всякой критики, Воун. А ваше прибытие лишь осложнило задачу убийцы, только и всего. К тому же не так уж сильно и осложнило: подготовившись как следует, он сумел зарезать старого Брасса, словно вас там и не было.

На лице Воуна пробежала было усмешка, но тут же исчезла. Он посмотрел на инспектора с нескрываемой злобой, но, кроме язвительной фразы: «Я гляжу, ты сегодня в ударе, отец, а?»— ничего не сказал.

— Интересно отметить,— продолжал инспектор,— что за время, прошедшее между покушением и последовавшим за ним убийством, преступник вполне мог предпринять еще одну попытку убить старика. Однако не предпринял. Имеется лишь одно возможное объяснение того, почему он не сделал этого. После неудавшегося покушения он решил ждать.

Почему же?

Смотрите, что произошло на самом деле. Когда он совершил убийство? Он убил старого Брасса после того, как тот составил завещание. Следовательно, именно этого и дожидался убийца.

Он изменил свое намерение убить старика только из чувства ненависти, чтобы отомстить ему. Отложив убийство до того времени, когда он стал наследником, согласно завещанию, он получил не только возможность отомстить, но одновременно завладеть своей долей состояния. Если бы в завещании его имя оказалось неупомянутым, то он в любое время мог бы вернуться к своему первоначальному плану действий — убийства из чувства мести. Однако, как видите, в голову ему приходит и другая мысль. Почему бы одним выстрелом не убить двух зайцев? Так он, по всей видимости, и рассчитал. Это единственное объяснение, почему он отложил свое преступление.

Темп повествования инспектора ускорился:

— Теперь убийце, который хотел выждать по одной причине, приходится выжидать по другой. Ведь он, решившийся на убийство, не является профессиональным преступником, привыкшим умерщвлять людей. Это — обычный человек, оказавшийся в водовороте необычных событий и критических ситуаций. Обычные люди испытывают больший страх перед наказанием, нежели про-

фессиональные убийцы. Если только убийство совершается ими не в состоянии аффекта, они, как правило, владеют собой и ищут наименее безопасный способ решения стоящих перед ними проблем. Особенно, когда на первый план выходят материальные соображения. Что толку от миллиона долларов, если тебя схватят и приговорят к пожизненному заключению? В данном случае у нашего убийцы есть очень хороший предлог вообще отказаться от задуманного преступления. Хендрику Брассу уже семьдесят шесть лет. По его собственным словам, человек он больной. Долго ли он проживет? Все, что нужно делать нашему убийце, это — ждать, предоставив событиям развиваться своим естественным путем. Тогда он унаследует свой миллион по закону, не ставя под угрозу предоставившуюся ему возможность свободно насладиться своим богатством.

Однако вопреки всем разумным доводам в пользу того, чтобы просто затаиться и выждать, после того как его включили в завещание, этот человек поступает совершенно иначе. Он осуществляет задуманное и убивает больного старика. Неужели он настолько ослеплен ненавистью к своему родному отцу или охвачен жадностью к деньгам, что лишается всякого здравого смысла? Возможно. Однако, как мне представляется,— и на этот счет я мог бы кое-что добавить,— существует более правдоподобное объяснение.

Инспектор намеренно выдержал паузу. Свое чувство времени Эллери унаследовал явно не от матери. В комнате установилась полнейшая тишина. Полнейшая. И тут Ричард Квин внезапно заявил:

— За время, прошедшее между первым неудавшимся покушением и подписанием завещания Хендриком Брассом, убийца смог проделать то, чего не удалось никому из остальных — он разгадал тайну состояния Хендрика Брасса, то есть, вычислил, где оно находится и в каком виде.

Чеканя каждый слог, инспектор добился того, что все собравшиеся затаили дыхание. Человечек по имени Гаррет, главный объект воздействия инспектора, буквально оцепенел. Начальник полиции Флек раскрыл свой толстогубый рот, из которого с шумом вырывалось дыхание.

— Видите, к чему это нас приводит? — продолжал инспектор.— Естественный страх убийцы перед преступлением, грозящим ему возмездием, и невозмож-

...ность воспользоваться результатом убийства был о...
...ладен новым фактором — обнаруженным состоянием
...Судя по нашим действиям, он, должно быть, был на
...верняка, что никто из нас этой тайны не разгадал.
Но теперь он испытывает сильнейшее внутреннее на-
пряжение: чем больший жизненный срок он отпускает
Хендрику Брассу, тем больше вероятность того, что
кто-то из нас тоже разгадает эту тайну. Но вот если
Хендрик Брасс умрет как можно быстрее, убийца будет
единственным, кому известно местонахождение золота,
и вот тогда-то он станет реко играть на повышение,
причем на такое, которое сразу же перешибет все ос-
тальные соображения: он сам сумеет завладеть всем
состоянием, а не довольствоваться всего-навсего одной
шестой частью. Все, что ему нужно сделать, это
стать законным обладателем содержимого дома и
находящегося в нем золота — так, чтобы никто не дога-
дался, для чего он это делает, или даже, как и оказа-
лось, что он вообще это делает.

– Был только один человек, — раскаты его голоса звучали все мощнее,- - готовый заплатить до смешного непомерную цену за содержимое дома, которое всем нам представлялось ничего не стоящим хламом. Это — тот самый человек, который нанял Гаррета для участия в аукционе, чтобы тот вздувал для него цену до — и выше — невероятной суммы в двадцать пять тысяч долларов, на что я намеренно вынудил Гаррета. Когда я проделывал этот фокус, вы все видели, как Гаррет посмотрел вокруг и затем неожиданно начал, как сумасшедший, взвинчивать цену. С таким же успехом он мог бы нам прямо сказать, что ждал кивка от того, на кого работает, в знак разрешения повышать цену до тех пор, пока я не отступлюсь. И он дождался этого кивка, ибо именно это он и начал делать. Вам нужны более убедительные доказательства?

— Я показал вам, что убийца разгадал тайну состояния. И нам теперь известно, что человек, нанявший Гаррета для участия в торгах, должен был знать эту тайну. Таким образом, убийца и человек, стоящий за Гарретом,— одно и то же лицо. Человек, нанявший Гаррета, и есть тот, кто убил Хендрика Брасса.

А сейчас ваш черед говорить, — инспектор на ко... луках повернулся к Гарретту, и каждое произносимое им слово опускалось, как молот на наковальню, — если вы не хотите, чтобы вас привлекли за соучастие в уби...

стве. Кто нанял вас, Гаррет? Отвечайте, иначе начальник полиции арестует вас на месте!

Мистер Фил Дж. Гаррет, мелкий неразборчивый адвокатишка либо специалист по криминальным абортам, человечек с куриными мозгами, хрустя своими побелевшими пальчиками, отступил, насколько это было возможно, то есть к самому окну, покрытому пылью.

Он приоткрыл рот, готовясь ответить. Обретя наконец дар речи, Гаррет сказал:

— Об убийстве ничего не знаю. Я не взялся бы за эту работу за те гроши, которые...

— Кто? — прогремел инспектор, и от его голоса у всех задрожали барабанные перепонки.

Трясущийся указательный палец с трудом поднялся.

— Вот тот человек. Мистер Воун.

КТО ЕСТЬ КТО?

Ричард Квин никак не ожидал, что в поисках подставного лица Воун Дж. Воун опустится до такого субъекта, как Гаррет. Несмотря на свою оказавшуюся хрупкой челюсть, частный сыщик был человеком весьма напористым, трезво оценивающим людей и обстановку, умеющим собрать необходимую информацию. Когда в бой вступал блестящий аналитик Эллери, то своими мощными ударами он всегда вынуждал своего соперника в последнем раунде выбрасывать полотенце, однако с типами, подобными Воуну, Эллери даже не стал бы связываться. Так что Квин-отец ждал, что его противник покинет ринг.

Однако Воун лишь коснулся пола коленями и психологически еще вполне держался на ногах.

— Чушь,— преспокойно изрек он.— Все это чушь, сэр. Тоже мне, устроил дикую сцену. Она была бы уместна в кабинете у окружного прокурора или на суде. Но, да. Ты здорово высек этого недоумка — ему только в коридорным работать, двери отпирать, а потом башкой об эту же дверь и стучать — но я-то профессионал, сынка. Меня-то на мякине не проведешь.

Инспектор не стал ничего отвечать. Он выжидал, когда его соперник на ринге опять раскроется.

— Прокрути ты эту пластинку окружному прокурору, он за порог тебя выставит. Ему улики нужны, а не обидные словеса.

Инспектору показалось, что Воун раскрылся.

— То, что Гаррет указал на вас,— это не красивые словеса. Или вы отрицаете, что наняли его для участия в аукционе в своих собственных интересах?

— Отрицаю? А кто это отрицает? Ясное дело, нанял подонка. Лично сам я никогда не ввязываюсь, если есть такая возможность. Теперь вы знаете, ну и что? Ничего противозаконного тут нет.

— Ничего нет? — вскрикнула Корнелия Опеншоу,— а как вы назовете попытку выкрасть шесть миллионов долларов?

— Ничего я не собирался красть, куколка. Это все дед наговорил. Вот пускай и доказывает на суде.

В проходе возникла фигура запыхавшегося аукциониста Келлера. На этот раз он говорил, расставляя знаки препинания:

— Послушайте-ка. Когда все это кончится? Я же не могу больше задерживать здесь людей. Будут мистер Гаррет и мистер Квин продолжать торговаться или как? Мне нужно заканчивать аукцион.

— Окончания аукциона не будет,— прорычал начальник полиции.— Я его отменяю.

— Кто уполномочил вас? — вскричал адвокат.

— Я сам. Всплыло кое-что такое, что, по-моему — а я представляю здесь закон,— требует дальнейшего расследования. С аукционом придется обождать.

Сделав большой глоток, Воун опустил фляжку.

— Судья по наследственным делам тоже кое-что выскажет на этот счет.

— Угрожаешь мне? — взревел начальник полиции.

— Я-то? Да боже упаси. Но через пару деньков, шеф, всю эту кутерьму тебе припомнят. И здорово.

— А мой гонорар? — резко спросил Келлер.

— Выпишите себе обычный счет или что-то в этом роде. А теперь убирайтесь отсюда.

Аукционер убрался, взывая к законам, установленным богом и человеком.

Мистер Фил Дж. Гаррет, крадучись, бочком направился за ним. Когда человечек увидел, что никто не обращает на него внимания, он бросился на крыльцо и загремел вниз по лестнице, выбежав из дома во двор, очевидно, устремляясь в свой обжитой мир, где можно пуститься на поиски сомнительных клиентов, чтобы навязать им свои услуги, будучи вполне уверенным в конечном результате.

— И вновь мы возвращаемся к тому же вопросу,— подытожил инспектор.— Вы утверждаете, Воун, что ваши действия по найму этого подставного лица для повышения ставок на аукционе в собственных интересах являются законными. Этот ваш закон дурно пахнет. Согласно положению, распорядитель несет ответственность за вверенное ему состояние, которая заключается в том, чтобы оно не было никем похищено. Эта ответственность распространяется и на него самого. Вы здорово влипли, Воун. Мисс Опеншоу права: вы пытались присвоить эти шесть миллионов. В моем окружении это всегда именовалось попыткой совершения хищения в крупных размерах.

Частный сыщик задумался. Казалось, он взвешивал внешнюю оболочку аргументации инспектора, пытаясь определить, не содержится ли под нею золото.

— Допустим, принимаю,— произнес он наконец,— хотя это все для птенцов неопытных, как говорится, и готов исходить из такого допущения чисто теоретически. Единственное «но» здесь, отец, это то, что я ничегошеньки не знаю ни о каком золоте, покрытом латунью. И не знал никогда. Все, что я сделал, это — запряг какого-то Гаррета.

— Говорите нормальным языком.

— Я нанял Гаррета по указанию некоего лица, нанявшего меня для того, чтобы я нанял его.

— Опять непонятно.

— Я — посредник. Между мелкой сошкой и крупной шишкой. Так что ваш лакомый кусочек ой-ой как высоко.

Инспектор овладел собой.

— И кто же он?

Воун опять приложился к фляжке.

— Кто нанял вас, чтобы вы наняли Гаррета?

— Что ж, я вам отвечу,— Воун вытер губы тыльной стороной ладони,— раз уж мне тут бросают обвинения в крупных хищениях. Это наш старый друг-приятель. Вот он. Элистер.

Глаза всех присутствующих устремились на Де Витта Элистера, который своими узкими щелочками сверлил Воуна Дж. Воуна со всем «дружелюбием» el toro *.

* Быка (исп.)

...видевшего перед собой блеснувшее ...вье и страда... в момент истины. Лицо его жены было про... ...ажено.

— Грязный подонок! — вскричал Элистер. - Мерзкий предатель, вонючая крыса! Вот уж не знал, что твоим обещаниям хранить все в тайне верить нельзя ни на грош!

— Sauve qui put **, приятель,— отмахнулся от него Воун.— Я не собираюсь получать по шее за какого-нибудь жирного кота, особенно вроде тебя.

— Прекрасно,— на лице инспектора засияла широкая улыбка.— Похоже, что мы наконец к чему-то приходим. Стало быть, именно вы, Элистер, вычислили, где находится золото, и попытались завладеть им с помощью двух посредников. Или ваша жена? Хотя если подумать хорошенько, у вас не хватило бы сообразительности. Вычисления наверняка производила миссис Элистер. Ведь правда, вы, миссис Элистер?

Узкие щелочки миссис Элистер прожгли его насквозь.

— Мой вам совет,— добродушно проговорил инспектор,— то ли одному, то ли обоим, отвечать поживее. Скажите им, шеф.

Флек приказал отнюдь не добродушно:

— Отвечайте!

Между двумя парами глаз супругов Элистер произошел молчаливый диалог, в ходе которого вопрос был решен. Отвечал Элистер, не с горечью, не воинственно, а неуверенно, запинаясь, словно его специально держали для этой цели в багажном отделении фешенебельного вокзала.

— Лиз, моя жена, вычислила. Да. Как-то ночью ее точно осенило. Разбудила меня. Я сразу понял: за что-то она зацепилась. В общем, мы встали и отвинтили одну из портретных рам. Сошлись на том, что рама не латунная, а гораздо тяжелее. Золото. Наверняка — золото.

— Стало быть, вы заключили сделку с Воуном, который заключил сделку с Гарретом насчет участия в распродаже содержимого дома, - сказал Ричард, а от остальных решили избавиться, как от слепых котят. Великолепная комбинация!

---

* Шпага (исп.).
** Спасайся, кто может! (искаж. франц.)

Между Элистерами опять состоялся виртуальный ди
лог. На этот раз, как бы не доверяя мужу принимать
участие в этом разоблачительстве, показания стала давать
миссис Элистер.

Допустим, включили.

В таком случае, кто-то один из вас или вы оба
толкнули Хендрика Брасса.

Ну, этого вы нам не припишете.

Я доказал это, миссис Элистер.

Отвечу вам словами Воупа: не в суде.

Пусть так. Но уж в это дело вы двое влипли по уши.

Ни во что мы не влипли. И уж во всяком случае, не двое, а трое.

Что? Как вы сказали? — удивился Ричард Квин.

У нас был сообщник. И раз уж вы с такой легкостью швыряетесь обвинениями в убийстве, вам придется включить и его. — Такая речь была чересчур длинной для Элизабет Элистер. Она замолчала, тяжело дыша.

Этот удар послал инспектора в нокдаун, но он тут же вскочил на ноги и вновь ринулся в бой.

— Давайте-ка уточним позиции. Значит, вы и ваш муж захотели присвоить все шесть миллионов долларов и подключили к этому сообщника? А зачем?

— Затем, что у нас нет денег, чтобы осилить все самим, — быстро ответил Де Витт.

— Вот как? Но вы уверяли нас, что денег у вас вообще нет.

— Ну... кое-что у нас отложено, неприкосновенный запас. На случай, если всплывет крупное дельце. А это нам показалось настоящей золотой жилой. Решили рискнуть. А денег не хватало. Вот и пришлось сделать предложение ему, чтобы уж наверняка одержать победу на аукционе, если ставки пойдут резко вверх.

— Сделать предложение кому? — требовательно спросил инспектор.

— Доктору Торнтону.

Глаза всех собравшихся ошеломленно уставились на «Альберта Швейцера» из Южного Корнуолла. Целитель страданий человеческих опустился на кровать покойного Хендрика Брасса, жалобно скрипнувшую пружинами, словно издав погребальный аккорд, и скрыл лицо от своих могильщиков.

Вы, доктор? — раскрыла рот Лина О'Нил. — Вы

хотели оставить нас ни с чем? Я теперь в жизни ни одному человеку не буду верить.

У Элиши Джесси оставалось лишь... [illegible] ...ющая урчание в животе.

Что до ее супруга, то теперь он, поверженный уже без чувств распластался на ринге, и можно было вполне не начинать счет. Доктор Торитон — бесчестный обманщик! Вынести такой удар было явно не под силу. Удар этот не оставлял камня на камне от веры инспектора в свои способности судить о людях; веры, основанной на том, что всю свою жизнь он проводил исследования в лаборатории по изучению странностей и отклонений в поведении человека.

— Это правда, доктор? — Он все еще никак не мог поверить своим ушам.

Доктор Торнтон жевал свои усы, словно проголодавшийся морж. Когда он поднял глаза, Ричард понял, что лучше бы ему их не видеть.

— Да, инспектор, — произнес доктор, задыхаясь. Я так давно хотел создать что-нибудь стоящее. Имею в виду — в нашей клинике. На три миллиона... Я не для себя, видит бог. Хочу сказать, не для своего материального благополучия... Знаю, это не оправдание...

— Быть может, вы сочли, что, являясь сыном Брасса, вы имеете право на все его состояние? — Инспектор все еще пытался отыскать какую-нибудь уважительную причину поведения Торнтона, то ли ради него, то ли ради самого себя.

Нет. Дело было не в этом. Они все могли оказаться его детьми и обладать таким же правом... насколько я знал... Теперь-то я понимаю, как пользующийся абсолютным доверием банковский кассир, честно проработавший двадцать лет, может в один прекрасный день украсть целый чемодан чужих денег. Я [illegible] виноват перед вами, Лини... Кит... Мисс Опеншоу.

Может, из-за того, что он разочаровался в Торитоне, может, из-за того, что он представил себе, как выглядит в глазах Джесси, но инспектор был вне себя от гнева.

- Я всю жизнь прослужил в полиции, но такой [illegible] ненькой компании еще не встречал. Черт побери, что за люди? Одна половина предпринимает все, что в ее силах, чтобы надуть другую...

Давайте уж не будем о плутовстве, а [illegible]

резко взмахнула рукой Элизабет Элистер.— Вы сами-то кто такой, что считаете себя святее папы римского?

Джесси закрыла глаза. «Вот оно»,— подумалось ей.

— Что? Что вы имеете в виду? — оскорбленно спросил Ричард, повернувшись на каблуках.

— Имею в виду, что рыльце и у вас в пушку, инспектор Квин!

— Это уж точно,— ухмыльнулся ее муж. А вы и не знали, что мы знаем, а?

— Что знаете?

— Мы слышали, как вы с вашей женой обсуждали это. Дважды. Через стенку в спальне.

— Обсуждали что? — Лицо его только начинало наливаться краской, а вот Джесси уже побледнела.

— Что ваша жена — не настоящая Джесси Шервуд, вот что!— Элистер обратился ко всем присутствующим: — А вы не знали об этом? Она не та, за кого себя выдает. И насколько мне известно, он тоже. Инспектор! Эта женщина не может претендовать на наследство, Воун. Вы совершили ошибку, когда разыскивали Джесси Шервуд, нужную старику Брассу. Я слышал, как она сама говорила об этом. Отец у нее не был врачом, он был почтальоном.

— Не почтальоном. Он... он работал на почте! — единственное, что могла возразить Джесси.

— Как говорил бессмертный Фиорелло, «прекрасны все ошибки, свершаемые мною».— Воун вновь обрел утраченное было прекрасное настроение.— Так, так, значит, и вы, Квины, тоже мошенники. Ну, что стоишь, разинув рот, шеф? Надень на них браслеты.

Ричарду Квину и пяти отставникам потребовалось пятнадцать минут, чтобы убедить начальника полиции, что Квин — действительно бывший инспектор нью-йоркской полиции, и еще десять — чтобы разъяснить, по крайней мере Флеку, почему Ричард не раскрыл ошибку, допущенную Воуном.

— В этом случае нам пришлось бы уехать, Флек,— взмолился инспектор. — Войдите в положение, в котором я оказался. Все эти обстоятельства меня так заинтриговали...

— Хорошо же, — начальник полиции был явно раздражен.— Но ведь ни один из вас не подошел и не сказал честно. По крайней мере, мне! — Он говорил всем им прямо в лицо. — Итак, с чистосердечными признаниями покончено? Или еще кто скрывает от меня хоть

то-то? Даю вам последнюю возможность, если Палмер [illegible] знаю, то, клянусь всем на свете, вы об этом горько пожалеете! Ну?

Линн О'Нил и Кит Палмер посмотрели в глаза друг другу, и Линн чуть заметно кивнула. Кит повернулся к начальнику полиции. Он мертвенно побледнел, но в остальном держался твердо и уверенно, как подстоящий мужчина.

Кит Палмер отважно произнес:

— Я не Кит Палмер.

Начальник полиции Флек взвыл:

— Не Па-алмер?! Так кто же вы, черт вас возьми?

— Меня зовут Билл Перлберг,— сознался подставной Кит Палмер.— Кит — мой лучший друг, у нас с ним общий бизнес: металлолом, ну, там утиль. Вместе росли, вместе служили во Вьетнаме...

— Меня не интересует, где вы там околачивались вместе. Почему вы оказались здесь и выдаете себя за него?

— Объяснить будет сложновато,— извиняющимся голосом ответил Билл Перлберг.— Видите ли, он получил письмо от старого Брасса и хотел поехать сам, но не смог...

— Почему?

— Потому что у него есть жена по имени Джоанна и ребенок по имени Шмули,— я хочу сказать, Сэм — и он вернулся с войны сам не свой, не мог работать, не мог найти себя, пытался сбежать, как-то сумбурно женился, и Джоанна заявила, что если он еще раз бросит ее, то она сама бросит его и заберет с собой маленького Сэма...

— Понимаете, он любит ее,— сказала Линн с уверенностью человека, посвященного в высшие тайны,— и не захотел терять ее.

— Кто просит вас вмешиваться? — отрубил начальник полиции.— Так, Перлберг, ну и что?

— Ну и Кит уговорил меня поехать вместо него, ответил Билл, лицо которого слегка порозовело. Сказал, что займется нашим бизнесом, если я поеду вместо него. Заставил меня дать обещание, что я ни за что не раскроюсь, потому что в противном случае его могут вывести из игры. По письму выходило, что дело пахнет большими деньгами, в каком бы виде они

ни были, и Кит, разумеется, нашел бы, на что их упот-
ребить. Своей жене он не мог об этом сказать, потому
как Джоанна мыслит очень приземленно, и для нее это
явилось бы еще одной из его заморочек. Почему я дал
уговорить себя, не знаю. Вполне вероятно, что сейчас
он гробит весь наш бизнес.

— А я не жалею,— мягко сказала Линн, прижав-
шись щекой к его плечу,— хотя поначалу мне было
немного не по себе. Видите ли, Кит женат, а Билл —
нет.

— Вот мое водительское удостоверение,— сказал
Билл,— и карточка социального страхования, и членский
билет клуба...

— А-а, черт с ними! — выругался Флек, постучал
ладонью по подбородку, подошел к месту, где раньше
стояла стена, и тяжело оперся на стойку.

— Что же еще на очереди?

То, что было на очереди, началось с мисс Опен-
шоу, которая произнесла несколько тщательно подобранных вступительных слов о некоторых мужчинах, завлекающих обманным путем женщин, выдавая себя не за тех, кем они являются на самом деле. Она была вне себя от злости на Билла-Кита и еще больше на Линн, так и не отпускавшую его руку, после чего перешла к вопросу о золоте.

— Что касается меня,— заявила мисс Опеншоу,— то я хочу все увидеть собственными глазами. Больше я не поверю ни единому слову о чем бы то ни было в этом кошмарном доме. Вы поведали нам восхитительную историю о том, что вся привинченная латунь — золото, инспектор Квин, и мне, конечно, хочется в это верить, но почему бы нам не убедиться самим?

— Конечно, убедимся,— голос инспектора Квина звучал неубедительно. Сейчас он не был убежден даже в том, что его зовут Ричард Квин.

— Почему бы нам не заняться этими панелями, содранными со стен? — предложил Билл.— Основной вес должны составлять они. Посмотрю, многое ли у меня осталось в голове после тех курсов по металлургии, которые я прослушал когда-то. Да и потом, мне уже давно не терпится взглянуть на здешнюю литейку. Как-то все времени не находилось.

При этих его словах всем было ясно слышно, как

Элистер пробормотал нечто вроде: «Любопытно, почему бы это?» — пожирая глазами Линн.

— Где Гуго?

— Здесь,— откликнулся Гуго с лестничной площадки. Все это время он стоял там, невидимый, не говоря ни слова.

— Не принесешь ли пару этих латунных листов из погреба, Гуго? В мастерскую, где я мог бы их проверить.

Тяжело ступая, Гуго спустился по лестнице и исчез в темноте. Элистер первым направился к крылу, где располагалась литейная мастерская, таким уверенным шагом, словно бывал там не раз.

Это было поразительное помещение, где громоздились печи для отжига, чугунные формы для литья, мульды, изложницы, термопары, весы, ведра, запасы меди, цинка, угля, канифоли, графита, свинца, шкаф с кислотами, главным образом серной (используемой как сказал Билл, изумленно взирающий на все это для процесса «травления»),— обстановка походила на диснеевскую интерпретацию кузницы Вулкана, тусклой и прокопченной, заполненной, будто призраками, суетливыми человечками.

— Меня удивляет, что старик смог научить Гуго изготовлять латунь,— заметил Билл.— Это процесс, требующий высокой точности. А-а, Гуго. Сваливай прямо сюда.

— Осторожнее! — воскликнула Корнелия.

Билл разыскал ножовку по металлу, отпилил кусок листовой латуни и приступил к работе, используя весы, напильник, азотную кислоту... пожираемый общими взглядами и не издавая при этом ни звука, если не считать прерывистого дыхания, вырывающегося у него из груди.

Спустя какое-то время он отпилил кусок от другой панели и повторил свои опыты.

— Принеси остальные листы, Гуго.

— Ну, есть что-нибудь, Билл? — вскричала Линн.

В ответ Билл красноречиво промолчал.

Весь этот жаркий вечер он продолжал подписывать листы, отпиливать, проверять... с каждым отобранным образцом атмосфера в мастерской накалялась все больше. Когда были проверены все настенные панели, Билл велел Гуго принести портретные рамы. Затем — латунные лестничные перила. Затем — шары

снятые с латунных кроватей. И так далее и тому подобное.

Когда Билл закончил и латуни для проверки больше не осталось, он задумчиво вытер ладони прямо о брюки и сказал:

— Тут есть и альфа и бета, но в основном — альфа, около шестидесяти трех процентов меди, остальное — цинк.

— А золота сколько? — жадно спросила Элизабет Элистер.

— Нисколько,— ответил Билл.— Здесь всё — чистая латунь.

— У меня во рту золотые коронки,— рассмеялся Воун. — Сколько мне за них дадите?

КОГДА, ГДЕ, КТО, ПОЧЕМУ?

Времена наступили тяжкие. Учитывая, что латунь так и оказалась латунью, было просто удивительно, что их группа не распалась и не разъехалась в разных направлениях, чтобы не встречаться уже никогда, за исключением Линн и Билла, между которыми, как теперь понимала даже Корнелия Опеншоу, установился прочный нерасторжимый союз.

Что прочно удерживало их у развалин обиталища Хендрика Брасса (кроме начальника полиции Флека, чья бульдожья хватка ослабла от одной только усталости и которого видели теперь крайне редко — да и как он мог удерживать их здесь?),— так это сама безнадежность поисков.

Они походили на племя израилево, к которому вещал апостол Павел: «Вера есть сущность вещей, на кои надежду питаете, проявления же вещей да не узрите». Надежду они питали на золото, а оно было незримо. Отыскать его можно было лишь с помощью веры. Потому они еще и оставались.

С Квинами все обстояло иначе. Джесси давно бы уехала хоть в ад, при условии, что ее возлюбленный будет рядом с нею, согласная поджариваться на сковородке столько, сколько он захочет. И Ричард захотел. И это был ад. Уж Воун постарался. И эта змея Опеншоу. И Элистеры. И даже доктор Горитон. Ричард захотел потому, что это был Ричард, el ingenioso

hidalgo*, такой же непоколебимый, как славный ры
царь из Ламанчи.

И должен успокоить, как любой больной, [illegible]
со второй ноги, Алексей. Должен

— Хорошо, милый.

Поскольку вера была теперь единственным приста
нищем наследников, они предприняли еще одно наступ
ление на дом, точнее, на то, что от него оставалось.
Первыми в атаку ринулись ветераны. Подвал вскопали
еще на два фута. Печь разобрали на составные части,
а сами эти части разбили на куски. Литейную мастер
скую подвергли особо тщательному досмотру: печи для
отжига разобрали, все металлическое подвергли анали
зам, чтобы выяснить, не золото ли это, покрытое медью
или пиком, или железом, или еще чем-нибудь. Золота
не обнаружили.

Однажды в минуту озарения, после долгих часов размышлений Ричард воскликнул:

— Новые стальные перекрытия!

Все рванулись к ближайшей укрепленной стене, а Билл, разыскав где-то ацетиленовый резак, отрезал кусок от наиболее удобно расположенной балки. Но это была сталь, одна лишь сталь. Нет пророка в своем отечестве, и в Латунном Доме с Ричарда за все его пророчества живьем сдирали кожу. Он же страдал от несправедливости, не как пророк, не философствуя.

После этого они обследовали землю вокруг дома. Отставники и здесь работали в поте лица, хотя Билл с Горитоном взяли лопаты и тоже принялись за дело засучив рукава, и даже Де Витт Элистер снизошел до того, чтобы запачкать свои руки. Они сняли остатки кирпичного покрытия с дорожки и вскопали землю под ней на глубину нескольких футов. Они копали за домом, по обеим сторонам от него и вокруг каретного сарая. В конце концов они разломали и снесли сарай, несмотря на то, что как-то ночью Ричард тщательно давно уже (так казалось) обыскал его. И вот наконец им пришлось признать тот неутешительный факт, что ни в самом здании, ни поблизости золота Хендрика Брасса попросту не было.

— Единственное место, где оно еще может быть закопано,— заявил Билл,— это в лесу, вон там, за домом.

* Настоящий идальго (исп.).

Он мог направить Воуна по ложному следу, просто так, исходя из своего мрачного чувства юмора.

— Но Билл, дорогой, — возразила Линн, — нельзя же перекопать весь лес. Тут же целые гектары земли.

— Металлоискатель! — произнес Билл, навел нужные справки, проехал двадцать восемь миль и один конец за этим прибором и взял его напрокат за свои деньги («Я должен сохранить капиталы Китая», — пояснил он). После этого можно было видеть, как он лазил по лесу с металлоискателем (а за ним — или наследники) днем и даже два раза в сумерках. На второй день металлоискатель что-то обнаружил. Элистер с доктором Торитоном принялись яростно копать и извлекли из земли металлическую пластину с выбитой надписью «Запатентовано в 1864 г.». Даже эта находка (она уже стала рыхлой на вид, и когда Билл попытался взять ее в руку, рассыпалась от первого же прикосновения в ржавую пыль) вызвала оживленные восклицания, и поиски возобновились с удвоенной энергией.

Тем временем межличностные отношения становились день ото дня хуже (а в одном случае, как обнаружил Ричард, они приобрели характер личной заинтересованности). Вот типичный обмен колкостями между персонажами:

Де Витт Элистер: — И куда девалась моя газета с результатами последних скачек, черт бы ее побрал?

Корнелия Опеншоу: — Не смотрите на меня так, будто это я взяла вашу мерзкую газетенку!

Воун Дж. Воун (Де Витту Элистеру): — И куда только твой британский акцент подевался, ин-Ди-Витт недоделанный?

Де Витт Элистер (Воуну Дж. Воуну): — Захлопни пасть, бездельник! (Раздается смех Воуна, который вслед за тем делает большой глоток из фляжки.)

Корнелия Опеншоу: — Ах, до чего же я от всех устала. Особенно от вас, Элистеров, да от этого подержанного доктора Айболита.

Доктор Торитон (устало): — Нет, вы только посмотрите, кто бросает в нас камень! Полагаю, здесь всем известно, что именно беспокоит вас, мисс Опеншоу.

Корнелия Опеншоу: — Ах, вам, значит, известно! В Американской Ассоциации Врачей с большим удовольствием узнают, насколько этично поведение одного из членов этой организации.

Инспектор (вяло): [illegible]

Корнелия Опеншоу (желчно): Может, сравним наши метрики о рождении, дорогуша?

И все в таком же духе до поздней [illegible] инспектор и обнаружил [illegible] вопросы. Наступая кровать, превратившуюся [illegible] в неопрятную массу, и, страдая [illegible] ный встать посреди ночи и бросить [illegible] В ту ночь, обойдя восточную пристройку и [illegible] в коридор главного здания, он услышал, как где-то впереди неожиданно и загадочно скрипнула дверь. Он стыл на месте, как вкопанный. Свечка [illegible], а было хорошо видно. Открывшаяся дверь вела из спальни, которую Воун Дж. Воун занял после смерти Хендрика Брасса.

Показался Воун. На нем были одни трусы. Он стал на цыпочках красться по коридору. Ричард последовал за ним: в своих войлочных тапочках он ступал столь же беспумно, как и Воун босиком. «Что ему нужно?» — в какой-то момент инспектор чуть было не бросился на него, но Воун, даже не взглянув на дверь, за которой спала Джесси, прошел мимо и завернул за угол.

К своему изумлению, Ричард увидел, что Воун остановился перед дверью Корнелии Опеншоу. Воун оглядел по сторонам — Ричард спрятал голову за угол,— и Старый Сыщик услышал, как Молодой Сыщик тихо, но уверенно постучал в дверь старой девы: тук-тук, тук-тук-тук, тук, тук-тук. Невероятно, но этот сигнал явно был обговорен заранее. Затем — тихий звук открывшейся и закрывшейся двери. Затем — никаких звуков.

Ричард ждал криков насилуемой женщины о помощи. Какую же еще цель мог преследовать Воун? Однажды он уже попытался совершить нечто подобное, но получил отпор, а ведь его либидо никак не могло оставаться неудовлетворенным в течение слишком долгого времени.

Но криков не последовало. Слышались некоторые другие звуки: опасливый шепот, нервный смех, учащенное дыхание и осторожный скрип кроватных пружин. После чего Ричард отошел и вернулся к себе в спальню.

Однако ложиться он не стал. Шагал по комнате под ритмичное дыхание Джесси.

«Я должен был это предвидеть,— говорил он себе.

К этим нетронутым девицам «мисс неприступностям» можно подобрать ключик, если точно знаешь, как добиться, чтобы данная конкретная «мисс неприступность» превратилась в твоих руках в податливый материал, в сухое печенье, опущенное в кипяток. Подход, очевидно, был предпринят тайно от остальных — «мисс неприступность» наверняка оговорила это условие, и вот свидание было назначено».

На рассвете он услышал, как Воун возвращался к себе. Инспектор видел его в щель, образованную двумя висящими одеялами, когда тот проходил мимо. Частный детектив зевал и почесывал свою покрытую капельками пота грудь.

Sic transit virtus *.

Однако ночное бдение принесло Ричарду Квину нечто большее, чем только повышение своей квалификации в сфере слабостей человеческих. Шагая по спальне, он одновременно размышлял, и его мыслительная деятельность произвела на свет совершенно замечательное дитя.

Он все еще осматривал его, будто новоиспеченный отец, как вдруг природа случайно преподнесла ему свой подарок.

Джесси отыскала его в лесу, где он рассеянно бродил за металлоискателем, сопровождаемым кладоискателями.

— Угадай, что я сейчас услышала по приемнику Билла?

— Гм?— буркнул Ричард.

— Надвигается буря. Сильная. Предполагают, что будет ураган, Ричард!

— Да, дорогая?

— Ты же не слушаешь меня.— Она повторила сообщение, переданное по радио, и он внимательно выслушал ее.

— Что тебе известно об этом? Объявили, в какое время он должен начаться?

— Примерно в полночь.

— Это же превосходно!

* Так приходит конец добродетели (лат.). Парафраз ритуальных слов, произносимых при избрании папы римского,— sic transit gloria mundi — «так проходит мирская слава»

— Что тут превосходного? Ведь от дома остался один каркас. Если ветер подует как следует...

— Именно,— ее муж энергично потер руки. В том-то и дело.

— Да в чем?

Но он ничего не ответил ей. «Может статься, что у меня очередной прокол, – подумал он, — я и без того довольно низко упал в ее глазах».

В этот раз он не стал бросаться в бой очертя голову. Он отступил, выжидая.

Члены поисковой партии прекратили работу и поодиночке потянулись в дом, не дожидаясь захода солнца. Небо было хмурое, лес стоял темной стеной, поднимался завывающий ветер, крупные дождевые капли уже стучали в окна, слышались отдаленные раскаты грома, в черном небе вспыхивали сполохи.

Все начали быстро закрывать окна, запирая ставни. Женщины нервничали. Видно было, что даже Воуну не по себе.

— Не вижу оснований для особых волнений,— успокоил Ричард собравшихся.— Внешние стены еще крепкие, а случись самое худшее, укроемся в подвале. Единственное, что опасно, так это трубы на крыше, которые могут рухнуть, но раз мы будем в подвале, они не причинят нам вреда. Ну и потом, ведь на днях дом все равно будут полностью сносить, так какая нам разница?

После ужина, приготовленного кое-как, на скорую руку, отключили свет. Словно по сигналу, ветер затих, и опустилась сгустившаяся мрачная тишина.

— Да, надвигается ураган, это точно,— сказал Ричард, когда Гуго начал раздавать свечи.— Если он будет действительно сильный, спускайтесь в подвал. Что до меня, то я не желаю сидеть тут весь вечер при свечах. Иду спать. Пошли, Джесси?

Процессия с горящими свечами потянулась на второй этаж. Гуго остался внизу, чтобы убраться. Закончив, он задул канделябры и тоже ушел.

– Джесси,— окликнул Ричард, расталкивая ее.

Джесси вздрогнула и проснулась. Он держал в руке горящую свечу, тени плясали по стенам спальни. Джесси могла поклясться, что весь дом ходит ходуном. Снаружи доносился равномерный гул.

— В чем дело, Ричард? Мы... Уже?..

— Быстрее одевайся, дорогая. Надень пальто, сапожки и что-нибудь на голову. Мне нужно разбудить остальных. Встретимся в коридоре.

— Но... который час?

— Около двенадцати. Только что Джонни подал мне сигнал.

— Сигнал?..

Но Ричард уже ушел.

Когда Джесси вышла в коридор, она увидела, что собравшиеся там настроены довольно воинственно, некоторые держали свечи. Все надели пальто и плащи. Ричарда нигде не было видно.

— Где мой муж?— спросила Джесси.

— Ушел будить Билла Перлберга,— ответил доктор Торитон.— Что у него на этот раз, миссис Квин?

— Не имею представления. Вот они.

Из-за угла вышли Ричард и Билл. Все сразу же обступили инспектора.

— Постойте, постойте,— говорил он вместо ответа.— Нет времени на объяснения. Выходим во двор.

— В такую бурю?— взвизгнула Корнелия Опеншоу.

— В бурю. Уберите, пожалуйста, свечи. Не хочу, чтоб был виден свет.

Билл и Линн на ощупь стали спускаться по лестнице. Доктор поколебался, но последовал за ними. У Элистеров нервно затрепетали ноздри, но и они пошли.

— Очередной закидон, отец? — поинтересовался Воун.

— Надеюсь, последний. Пойдемте скорее. А то не увидим спектакль.

Корнелия взяла частного детектива под руку и застенчиво сказала:

— Я пойду с вами, Воун... мистер Воун.

— Беда в том, отец,— сказал Воун,— что ты никак не угомонишься.— Тем не менее он задул свою свечу и повел Корнелию вниз по лестнице.

Ричард кивнул Джесси. Он погасил свечу, только когда они дошли до парадной двери, где их ждали остальные.

— Каждый пусть держится за идущего впереди,— сказал инспектор.— Пригибайтесь от ветра. Я иду первым.

Он распахнул дверь, и гул ворвался в дом. Убедившись, что Джесси крепко держится за него, он

[illegible] голову и ринулся в бурю. Все [illegible] сделал и трех шагов.

Казалось, ревело все вокруг, гул стоял повсюду. Сквозь рев доносился стон деревьев, будто протестующих против насилия над собой. На мгновение они столкнулись со стеной из ветра, которая остановила их. Приходилось прилагать невероятные усилия, чтобы заявить протест, даже если бы их протест и мог быть услышан. Возглавляя цепочку ссутулившихся людей, Ричард с трудом вытаскивал ноги из раскисшей грязи, в которую превратилась подъездная дорожка, ведя за собой по направлению к деревьям, растущим между домом и шоссе. Когда они подошли и первые ветви укрыли их, он услышал, как где-то позади Корнелия вскрикнула от ужаса.

Оказалось, однако, что там всего-навсего стояли пять машин отставников, борт в борт в боевом порядке развернутые к дому. Из-за уклона местности капоты задрались кверху. Яростные порывы ветра били в ветровые стекла, словно стремясь опрокинуть машины.

Ветераны сидели в автомобилях, только Джонни Крипс вышел навстречу пришедшим. С трудом дотянувшись ртом до уха инспектора, он что-то прокричал тому, показывая на дом. Инспектор кивнул и, собравшись с силами, обошел свое промокшее воинство с криком:

— Держитесь за машины и повернитесь к дому! Повернитесь к дому и смотрите!

И когда они, вымокшие, вне себя от ярости, растерянные, укрылись между автомобилями, он махнул рукой Крипсу, который забрался в свою машину и просигналил, после чего отставники, все как один одновременно включили фары, и крыша Латунного Дома предстала их взорам, словно в волшебном иллюзионе, раскачиваясь за завесой дождя.

И в этих десяти слепящих пучках света они увидели фигуру человека, пробирающегося по крыше между грибовидными трубами, отбрасывающими, будто в опере Вагнера, тени на фоне черного неба, подсвеченные снизу. Человек то перепрыгивал, то спотыкался и падал на скользкую от дождя кровлю, то маневрировал, поднимая ноги и продвигаясь по дюйму, то вставал на корточки, крадучись, словно чудовищный, расставляющий свою паутину паук.

Ибо еще ранее он наспех натянул между основ-
ниями двух труб страховочную веревку и сейчас быстро
пробирался вдоль этой линии, точь-в-точь как паук,
держась за спутанную, трепещущую на ветру веревку,
обматывая ее за трубу здесь, закрепляя там, шлепая
по воде от трубы к трубе, раскачиваясь так, что жен-
щины вскрикивали, восстанавливая равновесие, дергая,
перехватывая и натягивая эту паутину из веревок, в
то время как ночь разрывалась на куски, небо обру-
шивалось на землю, ветер рвал его одежды, а сам он
с триумфом возвышался над всем этим.

Он, похоже, не замечал огней, высвечивающих его. Возможно, он думал, что свет исходит от бури, а может, он уже перестал ориентироваться во времени и пространстве. Казалось, он целиком был поглощен выполнением одной отчаянной, безумной, почти священной миссии — закрепить трубы так, чтобы они не рухнули, а ветер не разметал их на куски и не унес в неизвестном направлении.

Внезапно все вскрикнули, испугавшись за его жизнь. Он припал к углу крыши, привязывая веревку. Весь этот угол приподняло бешеным порывом ветра и разнесло на мелкие кусочки, моментально унеся прочь. Человека тоже чуть было не снесло, точно щепку. В какое-то мгновение они увидели, что под ногами у него ничего нет, рот открыт, как у Эола, руки тщетно цепляются за воздух в поисках опоры... и он полетел вниз.

Он исчез из потоков света, рухнув в черную пропасть. Веревка же, которой он был обвязан, опять попала в их поле зрения своим разлохмаченным концом, как бы танцуя над исковерканной кровлей, то исчезая, то появляясь, будто радуясь, что освободилась от своего груза.

Пятеро отставников направили свет фар вниз. По этим лучам света все собравшиеся, преодолевая порывы яростного ветра, двинулись к месту падения человека.

Наконец они обнаружили его за углом здания, где он лежал, погребенный под обломком крыши, не выдержавшей его веса. Видны были лишь его туловище и голова, причем голова была вывернута под совершенно неестественным углом. Дождь смывал кровь с его намокших волос, которая стекала по его гротескному лицу, впитываясь в землю.

Сломал шею, — крикнул доктор [illegible] и посмотрел на них. Он мертв.

В эту самую минуту, по какой-то причине, которую словно она ожидала развязки, ветер стих, дождь прекратился, звуки дождя превратились в шорох, и Ричард Квин отчеканил:

— Может, так и лучше. Хендрика Брасса убил...

Перед ними лежал дворецкий Гуго.

Из города приехал мистер Пилинг и с присущей ему добротой похоронил Гуго Зарбуса рядом с его хозяином, изобличив тем самым во лжи тех, кто дурно отзывался о его профессии гробовщика, и уехал, чтобы уже никогда больше не возвращаться в Латунный Дом. Только тогда Ричард Квин удовлетворил давно уже раздававшиеся требования всех во главе с начальником полиции Флеком, и приступил к своему повествованию.

— Мы давно поняли, — начал инспектор, — то, что старый Хендрик укрепил стены и полы потому, что предполагал создать на них дополнительное напряжение — лишний вес, на который они не были рассчитаны первоначально. А также то, что этим лишним весом и должно быть его состояние — в золоте. Вопрос стоит так: почему же мы не нашли его? Почему все, что было закреплено,— настенные панели, портретные рамы, кровати, ванны — оказалось не из золота, покрытого латунью, а чистой латунью? Почему мы не можем отыскать золото ни в какой форме в этом доме, где, как сказал Воуну Брасс, находится его состояние. Может быть, Брасс лгал? А может, он говорил правду — такую правду, какой он ее себе представлял?

— Вы хотите сказать,— воскликнул Билл, — что старик думал, будто золото находится в доме, в то время как на самом деле никакого золота там не было?

— Я хочу сказать,— мрачно ответил Ричард Квин, — что старика одурачили, именно так. И когда я понял это, все сразу стало на свои места. Слепого довольно легко одурачить в таком деле, особенно если постараться как следует. После того, как вся работа завершена, и рамы, например, привинчены к стенам, как спрашивается, Хендрику отличить их от золотых? Химического анализа провести он не может. Единственное, что ему остается, это только прикасаться к ним

предметам, а ведь на ощупь такой обмен обнаружить невозможно.

Кто же мог обмануть его? Только Гуго Зарбус. Кроме Гуго, в доме никто с ним не живет. Все тяжести поднимает и перетаскивает Гуго. Всю работу с металлами в мастерской выполняет Гуго! Поэтому не выполнить распоряжения Хендрика и приготовить все из чистой латуни мог только Гуго! Хендрик же так и не заметил этой разницы.

Де Витт Элистер отпустил что-то непочтительное в адрес покойного, но быстро умолк, ловя каждое движение губ инспектора, словно глухой.

— Когда я понял это,— продолжал инспектор,— я понял и то, что теперь мне нужно искать тайник, принадлежащий не Хендрику, а — Гуго.

Где же Гуго мог спрятать золото? Разумеется, оно могло быть спрятано где угодно: в лесу, на семейном кладбище, на дне Гудзона, рядом с берегом, или, если хотите, вообще миль за двадцать отсюда. Но тогда я еще раз проанализировал ход наших поисков. Действительно ли мы обшарили все возможные места, в которых могло быть укрыто золото? Безусловно, нет. Мы искали в самом доме, под домом, вокруг дома — везде и повсюду, только не над домом, на крыше!

Едва только я понял это, тут же нашлось и подтверждение. Помните сумму, в которую подрядчик Слоун оценил ремонт некоторых труб, снесенных ураганом? Хендрик заявил Слоуну, что слишком дорого, и не стал поручать ему этой работы, хотя Слоун и назначал самую низкую цену. Получается, что Хендрик подряда на эти работы ни с кем не заключал. Но ни я, ни миссис Квин, приехав сюда, не заметили и следа разрушенных труб. Стало быть, кто-то отремонтировал их бесплатно. Сам Хендрик этого сделать не мог. Кто же остается, кроме Гуго? А раз эти трубы отремонтировал Гуго, то я сразу же полез на крышу, где мы еще не искали.

В общем, я занялся там поисками,— продолжал инспектор,— в ту же самую ночь, когда догадался, в чем дело, в ночь перед ураганом, влез по лестнице и осмотрел эти трубы. Никто, даже моя жена, ничего об этом не знала. И вот образец того, что я там нашел.

Перед ними лежал побеленный кирпич от трубы. Инспектор надавил обеими руками и разделил его

очевидно, заранее разломил его и [illegible]
[illegible] что внутри спрятано [illegible]
[illegible] золотой [illegible]
[illegible] и [illegible]
[illegible] отливом.

Прошла целая вечность, прежде чем кто-то — это была Линн О'Нил — произнесла:

Золото.

А еще кто-то — это была миссис Элистер — прошептала:

— Берем две сотни кирпичей на одну трубу. Тридцать труб. Получается шесть тысяч кирпичей... если в каждом только два фунта золота, это составит двенадцать тысяч фунтов. Шесть тонн *. Миллион за тонну? Боже мой, кто бы мог подумать!

— Постойте, остановил их инспектор. Будто встревоженная стая диких гусей, они, все как один уже было рванулись к двери.— Я не кончил. Вчера ночью я сказал, что старика убил Гуго...

— Да-а,— тяжело протянул начальник полиции Флек. Он не сводил глаз с содержимого разломанного кирпича, словно никак не мог наглядеться. Резкая отрывистая речь инспектора вновь заставила его нарисовать в своем воображении пресс-конференцию и день его лучезарной славы.— А если он украл золото у старика из-под носа, чего же он ждал все это время? Мог бы кокнуть Брасса несколько лет назад...

— Даже Гуго со своим неразвитым интеллектом — хотя он не был и наполовину столь туп, как виним нам,— понимал, если б он это совершил, шеф, ему крышка. Раз они живут одни, только вдвоем, кого еще остается подозревать с точки зрения элементарной логики?

Но когда Брасс собрал здесь столько народу, Гуго тут же смекнул, что все золото само плывет ему в руки. Они — наследники состояния. Поскольку золото надежно укрыто в трубах, а под рукой куча простаков, как нельзя лучше подходящих на роль подозреваемых, Гуго начинает свою игру. Проникает в спальню Брасса и наносит ему по голове удары латунной кочергой, думая, что покончил с ним. Потом он действительно

* Имеется в виду единица измерения США: 1 фунт [illegible]
1 тонна (малая) = 2000 фунтам = 907,18 кг; [illegible]

потрясен, но вовсе не тем, что кто-то из нас покушался на жизнь старика, как мы с вами думали, а тем, что сорвалась его собственная попытка.

Предпринимая второе покушение, он уже исключает все случайности. Как вы помните, дело происходит ночью, на которую он берет один из своих немногих выходных и едет в пивную. Он, должно быть, принимает порядочно, для того чтобы его алиби по пьяной лавочке на следующее утро выглядело убедительно. Гуго проникает среди ночи в дом, подкрадывается к Воуну, наносит тому удар латунным ножом, выдергивает нож, входит в спальню к старику и на этот раз действует уже наверняка. Намеренно бросает [illegible] в кустах у дороги и забирается в постель прямо одетым — в подтверждение своего пьяного алиби.

— Этот кусок мяса? — недоверчиво переспросил Воун.— И он все это прокрутил?

— Вам придется поверить, Воун. Он всем нам пустил пыль в глаза, в том числе и слепому Брассу.

— Но доказательства? — раздраженно проговорил Флек.— Мне нужны доказательства.

— Кто же еще это мог быть, шеф? Возьмите первое его покушение с кочергой, которое сорвалось. В то время оно казалось бессмысленным. Мы, естественно, сочли, что его совершил один из наследников. Но покушение произошло до того, как старик составил завещание. Я выстроил запутанную версию об убийстве, мотивы которого — ненависть и месть, но я ошибся, распространив ее на наследников шестимиллионного состояния. Совершенно бесспорно, что именно тогда ни один из возможных наследников не стал бы убивать человека, посулившего ему не менее одного миллиона долларов, во всяком случае, не имея хоть какого-то запасного варианта. Так что наследники отпадают. Отсюда следует, что преступление совершил кто-то другой, не наследник. А кто среди нас был не наследником? Я, моя жена, миссис Элистер и Билл Перлберг. Воун тогда еще не приехал. Моей жене и мне, разумеется, не было никакого резона покушаться на жизнь старого Брасса. Миссис Элистер скорее отрезала бы себе руку, но не стала бы мешать своему мужу унаследовать золотую жилу. Билл Перлберг? Он не имел к этому личного отношения, охраняя лишь интересы Кита Палмера.

Не осталось никого, это мог быть только Гуго.

Мне не все понятно,— с сомнением произнес Ле Витт Элистер.— Для чего Гуго понадобилось во[illegible] старика? Золото уже было у него в руках. Брасс никак не смог бы догадаться об этом. Все, что Гуго оставалось делать,— это ждать, когда старик сам отбросит коньта...

— Ненависть,— ответил инспектор.— Приходится опять выдвигать этот мотив, после того как наследники отпали. Долгие годы Гуго был фактически рабом Хендрика Брасса, который обращался с ним из рук вон плохо, оскорблял, заставлял работать, как ломовую лошадь... презирал его настолько, что по своей старческой злобе отписал Гуго лишь не стоящий и гроша ломаного дом да заложенный-перезаложенный участок земли, который банки отобрали бы у него сразу же. Наш приезд лишь подхлестнул ненависть Гуго к старику. Он увидел для себя шанс и воспользовался им.

— Но когда вы разгадали тайну и узнали, где Гуго спрятал золото,— даже обрадовавшись Корнелия не могла говорить без возмущения,— почему вы не сказали нам тотчас же?

— Потому что я искал рычаг, для того чтобы подтолкнуть Гуго. Я был доволен, что версия моя подтверждается тем, что золото в кирпичи заложил не кто иной, как Гуго. Но все, чем я располагал,— был лишь ход моих умственных рассуждений. Преступления же — связаны с живыми людьми, а не с умственными упражнениями. Услышав о надвигающемся урагане, я понял, как можно заставить Гуго выдать себя. Я специально сказал каждому, включая и Гуго, что во время бури трубы могут рухнуть. Меньше всего Гуго хотел, чтобы ураган разметал по округе все его золото и оно потом пропало. И не только из-за желания, чтобы к золоту никто не прикасался, а еще и из-за того, что он хотел сохранить в тайне его местонахождение. Я знал, что если он и предпримет такую попытку, то только после того, как мы ляжем спать, и он будет уверен, что никакой опасности нет. Я предупредил пятерых моих друзей, и они, увидев, как он взбирается на крышу со своими веревками, подали мне фарами условный знак, ну, а остальное вам уже известно.

Все протяжно вздохнули.

— Итак,— в глазах доктора Торитона снова загорелся

...дет жизнь и даже любовь к роду человеческому, может быть, леди и джентльмены, мы поднимемся на крышу за нашим золотом?

На этот раз воцарилась отнюдь не тишина. Напрочь все повскакивали с мест.

— Стойте, — опять сказал инспектор. — Не кажется ли вам, что раз уж у нас здесь имеется образец, Биллу стоит провести анализ на качество? Посмотрим, какой сробы, ну и так далее.

— Отличная мысль,— прохрипел Элистер.— Я принесу все твое оборудование из мастерской, Билл.— С этими словами он выбежал из зала.

Стали ждать. Со странным выражением на лице Билл поворачивал в свете ламп желтоватый слиток. Когда влетел Элистер, Билл сразу приступил к работе с кислотой и весами.

Наконец он оторвался и посмотрел на остальных

— Это не золото,— объявил он.— Латунь!

— Я это знал,— произнес инспектор в полной тишине.— Я проделал анализ в ту же самую ночь, когда обнаружил тайник. А также еще в нескольких кирпичах из других труб, взятых наугад. Все оказались из латуни.

— Шести миллионов долларов в виде золота или в каком-либо ином виде не существовало никогда.— заявил Ричард Квин.— Все это розовая мечта, ребятки. Фантазия сумасшедшего и мечта полоумного. У старого Хендрика, должно быть, оставалось несколько тысяч долларов наличными, и по своему старческому слабоумию он вообразил себе, что обладает таким огромным количеством золота. Я уверен, что он и впрямь считал всю свою латунь золотом. И бедняга Гуго тоже попался на этот крючок — ну что мог Гуго знать о золоте, или латуни, или еще о чем-нибудь? В общем, сумасшедший одурачил полоумного, а полоумный провел сумасшедшего, и оба они сделали из вас мартышек. Хендрику удалось повести вас по нужной ему тропе, размахивая перед вашими носами латунью, которую он считал золотом, и располагая уймой времени. Ну, а то, что золото шута сделало с каждым из вас, вы еще не раз будете заново переживать в своих ночных кошмарах.

Итак, ответ был дан на все — когда, где, кто и почему.

Исход возглавили Элистеры, покинувшие землю обетованную, не дожидаясь угроз язычников. К тому времени, когда Ричард и Джесси упаковывали вещи и укладывали свои сумки в «мустанг», Элистеры уже укатили даже не попрощавшись, только их и видели.

— И скатертью дорожка, - напутствовала их Корнелия Опеншоу, но без присущей ей обычно злобы, а как бы рефлекторно или просто желая что-то сказать. Она стояла во дворе со своим чемоданом крокодиловой кожи у ног, напудренная, нарумяненная, с ярко накрашенными губами, сильно подведенными и оттененными глазами, словно видение, пригрезившееся наркоману, находящемуся в состоянии эйфорического транса. И все же мисс Опеншоу расцвела за время, прошедшее после той ночи, когда состоялось ее Посвящение в Жизнь. Расцветшей розой ей, очевидно, уже не суждено было стать, но, по крайней мере, она походила на более или менее сформировавшийся бутон. Джесси надеялась на ее возрождение, хотя и не могла не задаваться вопросом, как долго продлится это ее состояние, учитывая, каков был ее мужчина.

— Подвезти вас, мисс Опеншоу?— спросила Джесси, к ужасу инспектора.

- Или прислать за вами такси из Филлипскилла?— продолжил он вопрос, избегая встречаться взглядом со своей любимой, догадываясь, что он услышит впоследствии о собственной невоспитанности.

— Ах, нет, спасибо,— с нежностью ответила Корнелия.— Мистер Воун весьма любезно предложил отвезти меня в Манхэттен. Вот и он.

Показалась разбитая вздрызг машина Воуна. Сидевший за рулем отнюдь не выглядел весьма любезным. Более того, вид у него был мрачным. Выскочив из машины, он зашвырнул в нее элегантный чемодан мисс Опеншоу и прыгнул назад за баранку, не удосужившись даже открыть для женщины дверцу. Сквозь густой слой косметики было видно, как мисс Опеншоу покраснела. Однако она уселась рядом с ним, гордо подняв голову. Джесси пришлось отвернуться, чтобы этого не видеть.

— А я-то думала, вы еще останетесь, Воун, привести дела в порядок.

— В какой там порядок?— рявкнул Воун.— Го, что

надо закончить по имуществу — по некоторому имуществу! — я и в городе сумею сделать, у себя в конторе. Если, конечно, мне вообще вернут бумаги. Этот болван Флек забрал у меня весь портфель, сказал, что это часть проходящей по делу документации, и что он вернет его мне, когда все благополучно завершится. Да уж, когда я брался за эту работенку, то покупал кота в мешке, это точно. Гроша ломаного не заработал. Ты готова, Корни?

— Да, доро... мистер Воун.

— Ну, держи свои причиндалы, чтоб не вылетели.— И он со злостью поднял колесом фонтан грязи, заставивший Квинов отскочить назад.

— Медовый месяц, похоже, подошел к концу,— заметил Ричард.

Подъехал доктор Торитон и притормозил. Лицо у него было выбрито, рыжие усы подстрижены, в глазах сверкал огонек озабоченности. Сейчас он походил на себя прежнего.

— Я рад, что возвращаюсь,— сказал он,— в нормальный мир орущих детей и женщин, вызывающих меня среди ночи из-за нарушения менструального цикла. Но каков старый дьявол!

— Позвольте, доктор Торитон,— упрекнула его Джесси,— он же был вашим отцом.

— Мне было бы лучше, если бы я никогда не знал об этом. Что только делает с человеком запах денег! Ну, теперь-то с этим покончено.

— Но мистер Брасс был болен.

— Миссис Квин,— возразил ей Торитон,— вся моя жизнь состоит из больных. Ради полного удовлетворения дайте мне хоть на денек одного здорового, хотя бы себя самого. Впрочем, проблемы моей психики вас не интересуют. Прощайте. Если в этом доме и было что-то светлое, так это — вы двое. Спасибо за все.— И он уехал.

Ричард и Джесси уже садились в машину, когда появились Линн О'Нил и Билл Перлберг.

Билл нес два чемодана, а Линн прильнула к нему, не отрываясь.

— А вы,— Ричард высунулся из машины,— вы что собираетесь делать?

— Сначала,— Билл поставил чемоданы,— поеду домой и задам Киту хорошую трепку за то, что он протащил меня через такую мясорубку. Ну, а потом отвезу

к первому понравившемуся падре и скрепим наш союз.

— Билл хотел, чтобы нас поженил раввин,— поморщила Линн,— а я хотела по мормонскому обряду, вот мы и заключили компромисс: пойдем к католическому священнику.

— Она собирается стать первой женщиной — государственным секретарем,— усмехнулся Билл.

— И мы хотим иметь четверых детей.

Билл испуганно посмотрел на нее.

— В среднестатистической американской семье — два с половиной ребенка.

— Четверых,— твердо сказала Линн.— Двоих мальчиков и двух девочек.

— Четырех мальчиков.

— Дорогой! Я не знала, что ты настроен против девочек.

— Только маленьких, а не взрослых.

Оба рассмеялись. Линн подошла поцеловаться на прощание с Джесси, затем с Ричардом, и те уехали, оставив молодых продолжать свой нескончаемый спор о том, что же такое брак в демократическом обществе. Казалось, что Хендрик Брасс со своими липовыми шестью миллионами долларов уже находится от них за несколько световых лет.

И последнее, на что они бросили взгляд,— был частокол труб, сложенных из залитых латунью кирпичей на гонтовых крышах.

Как было условлено, Квины встретились с отставниками в гостинице «Над Старой Рекой», чтобы перекусить перед возвращением в город.

— Можно бы, конечно, подчистить хвосты,— сказал инспектор за кофе.— Но нет смысла, ребята, продолжать поиски настоящей Джесси Шервуд, кто бы она ни была. Наследовать ей нечего — все, что будет выручено за этот хлам, отойдет к кредиторам. А что касается самого дома и земли, то с ними сейчас такой кавардак, что сам черт ногу сломит. В общем, об этом голова пусть болит не у нас, а у Воуна и судьи по наследственным делам. Единственное, о чем жалею, так что вас втянул в эту переделку.

Жалеешь? - воскликнул Эл Мэрфи.— Да это было забавнее, чем два выводка цирковых обезьян!

Все четыре седеющие головы энергично кивнули в знак согласия.

— По-моему, это прекрасно, что все вы сразу бросились на помощь Ричарду,— сказала Джесси.— Жаль, что вы не можете и дальше работать вместе.

— Еще бы,— с сожалением произнес Вез Полонский,— а здорово, если бы... мы сумели...

Джонни Крипс заметил:

— А может, и сумеем. Вернее, сумели бы, если бы эти шесть миллионов оказались настоящими. Один из наследников мог бы подкинуть нам с Диком тысчонок десять-пятнадцать за все наши хлопоты, и тогда мы смогли бы открыть свое агентство.

— Слушай! — воскликнул Пит Анджело.— А ведь это мысль. «Детективное Агентство Ричарда Квина» со штатом в шесть человек... Что скажешь, Дик?

— Скажу, что звучит великолепно,— усмехнулся Ричард.— Могли бы снять контору на Мэдисон Авеню...

— И показать этим зеленым прохвостам с Сентер-стрит,— фыркнул Хью Гиффин,— что жизнь в шестьдесят три года только начинается.

— На шестерых у нас наберется около двухсот лет профессионального стажа и опыта,— кивнул Эл Мэрфи.— Чем больше думаю об этом, тем сильнее эта мысль согревает мне душу.

— Возможно, возможно,— пробормотал Ричард в атмосфере всеобщей эйфории.

— Двести лет стажа,— вздохнул Полонский, - и ни гроша за душой.

Это вернуло их в действительность. Они сидели, уставившись в свои чашки. У Джесси на глаза навернулись слезы. Ей хотелось приголубить всех шестерых и как-то подбодрить их, но что она могла сказать? Старый Вез прав: для бизнеса нужен капитал, а все, что у них есть, это пенсия по старости, на которую они живут. Общество отбросило их, отказав им в работе, которую они еще вполне способны выполнять, и в средствах, на которые можно было бы начать свое собственное дело.

— Послушайте,— резко сказала Джесси,— мне непонятно, почему мы сидим, будто с похорон пришли...

— Так оно и есть,— мрачно ответил ей муж. И в эту самую минуту богиня возмездия Немезида, преследовавшая его на протяжении всей этой фантастической истории с Брассом, нанесла ему еще один удар.

Она явилась в образе начальника полиции Виктора Флека, отдувающегося краснорожего Флека, который всей массой навис над их столиком, словно желая арестовать всех за оскорбительное поведение.

— Получил по рации сообщение от моего сотрудника Лу, — тяжело дыша, проговорил Флек, с грохотом придвинув себе стул. — Он видел, как вы останавливались у гостиницы. Это как раз хорошо! У меня для вас новость.

— Да? — вымолвил Ричард Квин. Сердце у него опустилось куда-то очень низко, пытаясь что-то подсказать ему.— Что случилось, шеф?

— Случилось то, что я чертовски устал вас слушать, Квин. И как только вы ухитрились дослужиться до звания инспектора в управлении полиции — не представляю. С вашей квалификацией вас регулировщиком у школьного перекрестка и то не возьмут!

— Что же я сделал на этот раз? — побледнел инспектор.

— Направили меня по ложному следу, вот что. Своим трепом, про то, как старого Брасса пришили...

— Я доказал вам это.

— Не намерен объяснять вам, что именно вы мне доказали, Квин, потому что здесь присутствует дама, хоть она вам и жена.

— Что я сделал? — повторил Ричард.

— Я собирал свои записи по делу Брасса у себя в кабинете, соображая, как мне сообщать обо всем этом в газеты, то есть что убийца у меня умер и все такое да еще без единого доказательства, если не считать той лапши, что вы мне на уши вешали, которая вообще никакое не доказательство, любому недоумку ясно. Короче, держу я эту папку в руке, а документов в ней полно, толстенная, и выпадает оттуда бумажонка — поднимаю, гляжу, как вы сейчас на меня. Ни-боже-мой, ничего интереснее сроду не видел. Черт бы их всех побрал, никто мне ничего об этом не доложил. Боб просто сунул ее в эту папку. И уж конечно, дружище Квин, вы о ней тоже ничегошеньки не знали, иначе не наговорили бы такой ерунды.

Какой ерунды? — Сердце у него летело куда-то вниз. Джесси закрыла глаза. Затем открыла и нащупала под столом его руку. Он схватился за нее как утопающий.

Оставшиеся молчали как мертвые.

— Помните, когда Гуго провел ночь в городе и нагрузился в пивной? Вышло так, что мою тещу в ту самую ночь прихватило, думали, сердечный приступ, и мне пришлось везти жену на Лонг-Айленд, к черту на кулички, в Пэтчот — старуха там живет,— и выяснилось, что старая дура наелась на ночь жареных венерок*, а ей ничего жареного вообще нельзя, и у нее оказалось всего-навсего острое несварение. В Филлипскилл вернулся засветло, и у меня уже лежал вызов по поводу убийства старого Брасса. Утром я был сильно занят, и записи за ту ночь в журнале регистрации происшествий смотреть не стал, а потом так закрутился с этим делом, что вообще не до журнала мне было. И очень жаль! Если бы эта бумажка, которую Боб сунул в папку с делом Брасса, у меня случайно не выпала, я так и не знал бы ничего об этом.

— Что за бумажка, шеф? О чем?

Но Флек в своем уязвленном тщеславии предпочитал излагать события в хронологической последовательности.

— Гуго отправился в пивнушку к Бруки и очень быстро накачался там под завязку. У этих здоровых бугаев никогда не поймешь: вроде бы с такой массой им можно литрами глотать и ничего, но Гуго сразу вступило в голову, ну и в общем, где-то в полночь Бруки велел ему отправляться домой. Ладно. А теперь самое интересное. В районе двух ночи он опять заявляется к Бруки и требует еще пива. На вид он вроде бы протрезвел, ну Бруки решает, какого черта, деньги есть деньги, и наливает ему опять столько же, повторяет по новой. Не проходит и получаса — тот опять в дымину. И уже не слушается, стучит по столу своим кулачищем, орет, что есть силы, лезет ко всем драться...

— Гуго? — переспросила Джесси.

— А-а, вы не думали, что он такой, да, миссис? И ваш муженек, наверное, тоже,— Флек метнул на Ричарда враждебный взгляд,— уж он-то тем более. Короче, никто не посмел скрутить эту гориллу, и он принялся за мебель, тогда Бруки звонит в полицию, ночной дежурный сообщает по рации Бобу в патрульную машину, тот подъезжает, забирает Гуго, доставляет в

* Венерка — проститутка, съемщица мотеля.

отделение, и они вдвоем. Боб и дежурный, запихивая его в камеру.

Инспектор провел языком по пересохшим губам.

— В котором часу зарегистрировано задержание?

Флек ответил с горьким удовлетворением человека, которого давно уже водят за нос:

— В два часа сорок шесть минут ночи.

Молчание.

— Но через час или около того его отпустили, ведь так? — резко спросил Джонни Крипс.— Обязаны были.

— Да-да, его отпустили, все верно,— ответил Флек еще резче.— Его отпустили в семь утра, вот когда, дружище. И он все еще еле держался на ногах, как утверждает Боб. Боб хотел отвезти его домой, но Гуго настаивает, что ему нужно забрать свой мотоцикл, который он поставил у Бруки, и Боб подбрасывает его туда. Гуго садится на «Хонду» и едет домой. Вот и выходит, что ваш убийца, инспектор Квин, - ей богу, ваш, а не мой! — просидел у меня в камере всю ночь, с двух сорока шести до семи утра. А в какое там время, по свидетельству врачей, старого Брасса подкололи? Между четырьмя и шестью, не так ли? И как же Гуго мог сделать это? Я вас спрашиваю!

Они сидели в оцепенении еще долго после того, как Флек, громко стуча своими каблучищами, вышел из гостиницы.

— Дорогой,— Джесси все сильнее сжимала его руку.— Дорогой, это ведь не конец света...

— Очень похоже, Джесси,— ответил ей муж,— очень похоже.— Он мягко отстранил ее руку и резко откинулся на спинку стула.

— Не знаю, как вам, ребятки, - обратился он к отставникам,— а мне, мне остается покуривать свою трубочку и шаркать в домашних тапочках,— видно, это все. К черту Латунный Дом. С меня хватит.

На этом Ричард Квин — как ему казалось — поставил точку на деле Хендрика Брасса с его призрачными миллионами и неразгаданной тайной его состояния. Оставив без ответа два главнейших вопроса, из которые, как он было решил, ему удалось дать исчерпывающий ответ:

Кто?

И почему?

По словам Сэма Джонсона, мудрец никогда не удивляется. Но инспектор давно уже поставил под сомнение эту мудрость, поэтому неудивительно, что он был удивлен, причем удивлен приятно, тому, что он обнаружил, отперев дверь в квартиру Квинов и пройдя за Джесси из прихожей в гостиную. Обнаруженный им и Джесси сюрприз — расположившийся на диване с рюмкой хереса в одной руке и с записной книжкой, страницы которой были испещрены каракулями,— в другой,— был самым удивительным из всех возможных.

— Привет! — воскликнул Эллери.

Инспектор был удивлен настолько, что лишился дара речи. Отложив книжку и рюмку, Эллери обнял их обоих со всем пылом блудного сына, ничуть не сомневающегося в том, какой прием его ожидает. После чего он отстранил их от себя на расстояние вытянутой руки, окинув обоих критическим взором.

— Отец, ты выглядишь ужасно. Джесси, а вот вы — прямо воплощенный образ невесты. Где же, бога ради, вы оба пропадали? Я писал, отбивал телеграммы, звонил два раза — никто не отвечает. Хотел уже обращаться в Бюро по розыску пропавших граждан. Чем же вы занимались? Ездили проводить второй медовый месяц?

— Сын! — Ричард оперся на руку Эллери.— Сын! Когда ты приехал домой?

— Три дня назад. Что происходит?

— Ничего,— мягко ответила ему Джесси,— в данный момент.

— Значит, произошло. Давайте ваши вещи, освежитесь с дороги и все рассказывайте. Я сварю кофе.

— Только не у меня на кухне,— заявила Джесси.— Я уже выяснила это с твоим отцом, Эллери. Холостяки, как видно, никогда не дают женщине заниматься своими прямыми обязанностями.

— Я хороший ученик,— Эллери поцеловал ее и, улыбаясь, посмотрел ей вслед, когда она, взволнованная, уходила в кухню.— Не понимаю, отец, почему ты не женился на этой женщине несколько лет назад.

— Я не знал ее несколько лет назад, — ответил инспектор.— И очень жалею об этом.

— В таком случае, у вас все идет к концу?

— Я в жизни не бывал счастливее.

ни чем не скажешь.

— Джесси тут совершенно ни при чем. Но прошлой ночью мне было, что бы я без нее делал, сын, но для меня как раз то, что мне прописала она врач. Я так рад, что ты дома.

— Ты говоришь так, словно побывал в хорошенькой переделке.

Отец состроил гримасу.

— Жаль, я не знал, что ты вернулся, Эллери. Я бы сначала поговорил с тебя насчет этого, а уж потом бы стал делать из себя посмешище.

— Насчет чего, отец? Давай все обсудим.

Но инспектор подождал, пока не вернулась Джесси с кофейником.

Только когда она села на диван рядом с Эллери, он приступил к патрулированию самой заповедной территории за всю свою полицейскую карьеру, изложив сыну происшедшее с ними со всеми мыслимыми подробностями и тончайшими нюансами.

Свое повествование Ричард Квин завершил далеко за полночь. Джесси дополняла его рассказ деталями, о которых он успел забыть, и вдвоем они во всех тонкостях поведали Эллери об этом деле.

— Это все? — спросил Эллери. Ноздри его подрагивали, что неизменно способствовало его мыслительной деятельности.

— Это все, сын. Я был уверен, что нашел ответ. Но из-за алиби, которое Флек раскопал на Гуго, все мои построения рассыпались, как карточный домик. Ты можешь сказать, с какого момента я пошел по неверному пути? Где ошибся?

На вопрос Эллери ответил вопросом. Получив ответ, кивнул и задал еще вопрос, ответ его не удовлетворил, он задал по-другому, нахмурился, опять выразил неудовлетворение, поставил его в иной плоскости и нахмурился еще сильнее.

— Будьте так добры, Джесси, сварите нам еще кофе,— наконец сказал он.— Думаю, это займет у нас остаток ночи.

Уже рассвело, когда Эллери завершил свой анализ. Инспектор не переставал покачивать головой, поражаясь своей слепоте. Было видно, однако, что он обрел покой и даже приободрился, а это для Джесси было самым главным.

Да, все сходится одно с другим, — пробормотал инспектор.— Но чего я до сих пор не могу понять, так это — почему. Что же за мотив лежал за всем этим?

Эллери криво улыбнулся.

— Знаешь, я рад, что ты спросил. Отец, ты, помнится, говорил, что папка с документами по имуществу Брасса – все бумаги, касающиеся его имущества, была конфискована начальником полиции Флеком? Ричард кивнул.— Значит, сейчас они по-прежнему должны находиться в распоряжении Флека.

— А в чем дело, Эллери?

— Хочу просмотреть всю документацию. Как можно быстрее.

— Это уж чересчур быстро,— Джесси поднялась со стула.— Твой отец не спал как следует, Эллери, я не знаю, сколько ночей подряд. А сегодня вообще глаз не сомкнул. Ричард, ты ложишься спать сию же минуту.

— Нет, дорогая, нет! Уснуть я не смогу. Во мне клокочет энергия. Сын,— инспектор помолодел на несколько лет,— а что, если нам взять и поехать в Филипскилл сразу же? Прямо сейчас!

— Ричард! — простонала Джесси.

— Дорогая, мне очень хочется! Я просто должен сбросить с себя этот груз. Если только...— он обнял ее.— Извини, Джесси. Я совсем забыл о тебе. Думаю, много еще предстоит узнать о супружеской жизни. Ты, должно быть, устала — все время на ногах. Отложим это до тех пор, пока ты отдохнешь.

— Я? Ни чуточки не устала,— быстро ответила Джесси. «Слава тебе, господи, за то, что ты наделил нас еще и даром кривить душой,— подумалось ей,— когда ты наделял нас даром любить».

Почему бы тебе не прилечь, пока Эллери и я...

Ричард Квин, вы пытаетесь избавиться от меня?

Денек впереди что надо!

Тогда поедем все. Вместе, как и полагается, всей семьей.

Джесси,- торжественно провозгласил Эллери,— я люблю вас. Идите и приведите себя в порядок перед дорогой.

Они забрались в «мустанг», купленный Джесси. Эллери повез их назад в край Вашингтона Ирвинга. Проехали ненадежный мостик над почерневшей водой,

позади покосившийся раскрошенный дорож-
голб, на котором едва можно было разглядеть
«Филлипск... 2 ми...», миновали гостиницу
Над Старой Рекой» и выехали на проселочную до-
ру, ведущую к Латунному Дому. Дальше — в горо-
ок Филиппскилл, который после того как в течение
одного века в нем предпринимались все усилия, для
того чтобы стереть с лица земли трехвековую историю
Америки, выглядел так, словно это почти удалось: ка-
менные дома, выстроенные владельцами голландских
поместий, которые давали пристанище воинам-патрио-
там эпохи революции, были теперь противоестественно
начинены пиццериями, сосисочными, котлетными и пив-
ными барами; сбербанками, конторами по тор-
говле недвижимостью, салонами, превращенными в
гриль-бары, все это в броском разноцветье неоновых
вывесок. История их непреднамеренно стиралась с ли-
ца земли автостоянками или заштукатуренной лепни-
ной, покрытой пылью и грязью славного настоящего.

Отделение полиции и камеры для задержанных раз-
мещались в еще нетронутом здании, построенном в на-
чале восемнадцатого века и сложенном из голландского
кирпича и песчаника. Когда Эллери выруливал к пло-
щадке с объявлением «Стоянка категорически запре-
щена», инспектор показал:

— А вот и он.

И Эллери увидел краснолицего раскормленного здо-
ровяка в голубой форме и фуражке с золотым кантом,
вылезавшего из полицейской машины, которая стояла
перед зданием.

— Это Флек.

— Дай ему как следует, Эллери,— в голосе Джесси
звучала явная жажда семейной мести.— Я никогда не
прощу ему тон, которым он говорил с твоим отцом!

Эллери вышел из машины. Начальник полиции встал
и воззрился на него.

— Вы что, не видите знака «Стоянка запрещена»,
уважаемый? Ваши водительские права!

— Пожалуйста,— ответил Эллери и протянул удосто-
верение.

Эллери Квин... Эллери Квин? — Начальник поли-
ции раскрыл рот, и дымящаяся сигара повисла, при-
липнув к нижней губе. В красной машине он разгля-
дел инспектора и Джесси.— Какого черта вы опять
здесь делаете? Ведь вы уже уехали!

Ричард усмехнулся, помогая жене выйти из машины.

Сами знаете, шеф, какие в жизни накладки получаются. Это мой сын. Только что вернулся из Европы, и я ему все рассказал о деле Брасса. Первое, что он заявил мне, было: «Отец, срочно едем в Филлипс-Хилл вправлять мозги Флеку!»

— Вы опять за свое? — прорычал Флек.

— Это наверняка в последний раз, — мягко улыбнулся Эллери. — Шеф, у меня к вам разговор. Но прежде мне хотелось бы ознакомиться с документацией по имуществу Брасса в портфеле распорядителя завещания, который вы у него конфисковали. Вы не возражаете?

— Вы тот самый Эллери Квин, который...

— Ну-у, другого я не знаю,— ответил Эллери.

— Что ж,— Флек вынул сигару изо рта, — рад с вами познакомиться.

— Спасибо.

— Пожалуй, я могу немного отступить от инструкции и предоставить вам возможность взглянуть на эти документы, мистер Квин. Входите. О, извините, миссис Квин,— и он открыл перед нею дверь со всей галантностью, на которую только был способен. Джесси прошла мимо него, как настоящая леди, полная достоинства, даже не попытавшись выцарапать ему глаза. Инспектор подавил смешок. Ему-то Флек не простил. Он вошел последним.

Начальник полиции извлек бумаги по имуществу Брасса из сейфа, установленного в его кабинете, проделав это со строгим и таинственным видом, словно доставал документы с грифом «Строго секретно». Эллери схватил разбухший портфель, сел за письменный стол Флека и со сводящей с ума медлительностью стал тщательнейшим образом просматривать содержимое. Он просмотрел каждый листик в отдельности, тщательно проверяя большим и указательным пальцами страницы, чтобы не пропустить ни одной. Все это продолжалось целых десять минут, по ходу которых надежды и сердечности на лице и в манере осанистого начальника полиции оставалось все меньше.

— Не понимаю, что вы хотите в них найти,— проворчал он, когда Эллери просматривал несколько листков, скрепленных скрепкой.— Там же одни только налоговые квитанции.

— Не только,— буркнул Эллери, ловко выдернув

...унул один листок, не убрав скрепку,— не только, ...ось. Хотя не сомневаюсь, что именно так вы и думали. Вы просматривали их? Я хочу сказать, действительно просматривали?

— Конечно. Ну, я пробежал их...

— Как и любой другой, кто не искал бы в них ничего особенного. Вот он, отец. Мотив.

Инспектор, Джесси и начальник полиции Флек склонились над столом.

Инспектор произнес благоговейно:

— Черт меня подери.

На этом можно было бы поставить точку.

Но не таков был Эллери.

Прошло несколько дней. Все это время Джесси Шервуд-Квин накладывала присущий только ей отпечаток на сложившийся и уже отпечатанный бытовой уклад Квинов. «Я одна из тех редких медсестер,— призналась она своему пасынку,— которые не выносят беспорядка в доме». (Замечание, сделанное с таким невинным очарованием, что он опять не мог удержаться и не поцеловать ее.) Инспектор и Эллери отсутствовали по каким-то таинственным делам, после чего однажды утром, полистав телефонный справочник, инспектор нашел нужный номер и набрал его.

— Детективное агентство Воуна,— ответил ему слишком, чересчур, увы, знакомый голос.

Хотя инициатором звонка в данном случае был сам инспектор, он, тем не менее, весь напрягся от неприязни. Даже отвечая по телефону возможному клиенту, Воун словно ухмылялся в трубку.

— Говорит Ричард Квин.

— Ха-а, привет, папочка,— ответил Воун.— А я-то думал, ты забился к себе в нору со своей старухой. Что же еще у тебя, с позволения сказать, на уме?

— Послушайте, Воун,— рявкнул инспектор. Я на дух вас не переношу, и мне чертовски жаль, что я вынужден звонить вам. Но по закону вы все еще остаетесь распорядителем имущества Брасса, и у меня нет выбора. Вы хотите опять подключиться к этому или нет?

— Подключиться к чему?

— В деле Брасса появилось кое-что новое.

— Ты неудачник с рождения, отец, тебе известно? Что на этот раз? Еще какая-нибудь лагуна в небесах?

— Мы обнаружили записку, оставленную Гуго Зарбусом, в которой он пишет, где спрятано состояние. Точнее, обнаружил ее мой сын Эллери — он только что вернулся из-за границы, и когда я ему все рассказал, он поехал и извлек эту бумажку из одного места, будто сам ее туда и положил.

— Ты с ума сошел!

— Ну, что ж, Воун. Приятно было побеседовать.

— Не клади трубку! Мне нужно закругляться со всем этим имуществом. Где, ты сказал, этот твой гений нашел записку?

— Где, я не говорил,— сухо ответил инспектор.— Мы сейчас собираемся в Филлипскилл проверить информацию Гуго. Хотите выяснить, можете приезжать туда, хотя не попадись вы мне больше на глаза, я проживу лишних лет десять.

— Это золото?

— Нет, не золото. Потому-то мы и зашли в тупик. Слушайте, я хочу покончить с этим.

— Опять бьешь мимо,— рассмеялся Воун.— Хорошо, папочка, увидимся.

Видавшая виды машина стояла на покрытой засохшей грязью подъездной дорожке, кирпичи из которой были выворочены. Облокотившись на капот, Воун курил бесформенную дешевую черную сигару. Сузив глаза, он смотрел взглядом Эллери, когда Квины выходили из «мустанга».

— Так ты, значит, Элмер.

— Эллери,— поправил Эллери.

Они посмотрели друг на друга, как два готовых сцепиться пса.

— Ты вообще-то не очень тянешь на знаменитость,— сказал наконец Воун.

— А вот вы — да,— любезно ответил Эллери.— Вы, безусловно, блистаете.

— Я... что? — уставился Воун.— Слушай, ты это серьезно?

— Попробуйте выяснить сами,— сказал Эллери, подождал ответа и, не дождавшись, направился в дом Брасса. Усмехаясь, инспектор пошел следом. Воун нахмурился и, отшвырнув сигару, поспешил за ними.

Эллери стоял в коридоре, осматривая то, что осталось от дома.

— Хочу посмотреть на эту записку Гуго,— сказал Воун.

— Зачем? — спросил Эллери.

Зачем? А вдруг это фальшивка.

— Если фальшивка, то мы скоро узнаем это. Либо латунная шкатулка там, где говорится в записке, либо ее там нет. Сейчас уже все дело в шкатулке, а не в записке.

— Значит, шкатулка,— пробормотал Воун.— Тогда это, должно быть, налоговые казначейские сертификаты, ценные бумаги, возможно, драгоценности! — Он потер руки.— Похоже, что так. Пойдем, Элмер. Где она?

Квины зашагали по лестнице в сопровождении Воуна.

— В комнате Гуго,— ответил инспектор.

— Что вы мне мозги-то пудрите? Да комнату Гуго обыскивали миллион раз, как и весь этот клоповник!

Не оборачиваясь, инспектор пожал плечами.

— Так говорится в записке.

— Тогда это фальшивка,— заявил Воун, когда они поднялись на лестничную площадку и инспектор повернул налево, идя первым.

— В комнате гориллы ее не может быть.

— Нет, может,— возразил Эллери.

— Как? Где она по записке?

— У него в матраце.

— Ну, ты даешь, отец. Ты же сам в этот матрац лазил.

— Знаю, что лазил,— огорченно ответил инспектор.— Точно так же, как и остальные, Воун, включая и вас.— Он задержался в дверях у входа в спальню Гуго, крошечную комнатушку на самом верху, под свесом крыши. В ней стояла жара, и было полно насекомых, налетевших в распахнутое окно. Вынесена была вся мебель, за исключением привинченной к полу латунной кровати с комковатым продранным матрацем и огромного встроенного платяного шкафа мореного дуба в полстены, дверцы которого были неплотно притворены и слегка поскрипывали от дуновения ветерка. В распахнутое окно был виден Гудзон, болотистый запах которого доносился и сюда. «Здесь сын должен дать объяснение».

— Поиски велись поочередно, то в одной комнате, то в другой, как я понимаю,— сказал Эллери.— Они постоянно прерывались: еда, сон и прочее. Гуго достаточно было все время опережать нас всего на один шаг. Воун. Зная, что вы все сейчас направитесь в его комнату, он спокойно извлекал шкатулку из матраца и прятал ее в другом месте, возможно, даже в комна-

не, которую вы обыскивали только что. Когда обыск в его комнате заканчивался, он при первом же удобном случае доставал шкатулку, и вновь прятал ее к себе в матрац. Во время второго обыска своей комнаты — или третьего, или десятого — он попросту повторял свой фокус. Удивительно, что никто из вас не догадался, в чем дело.

Воун широко раскрыл рот. Инспектор покачал головой.

— Так чего же мы стоим? — спросил Воун.

Но Эллери схватил его за руку. Воун недоуменно посмотрел на него.

— Я думаю,— пояснил Эллери,— будет лучше, если ее достанет отец, а не мы.

Под ногами инспектора захрустела штукатурка, густым слоем покрывавшая темно-коричневый пол. Взятые наугад и неаккуратно пригнанные старые доски, настеленные бригадой Трафуцци, прогибались под ним то там, то тут, делая его путешествие небезопасным. Но он не обращал на это внимания, целиком сосредоточившись на кровати и на продранном матраце, как и двое его стоящих в дверях спутников.

Ричард Квин наклонился и ощупал матрац по всей поверхности.

Внезапно руки его остановились.

— Боже мой,— произнес он, запустил их внутрь матраца и не без усилий вытащил оттуда внушительных размеров плоский латунный ящик. Положив его на кровать, он воззрился на него, будто не веря собственным глазам. Подбежал Эллери и быстро осмотрел ящик-шкатулку. Вся она была покрыта резьбой с семейной символикой Латунного Дома Брассов и заперта на латунный замок.

— Ну, этот замок труда для нас не составит,— сказал Эллери.— Найдется тут где-нибудь инструмент, чтобы поддеть его?

— Не утруждай себя, Элмер,— раздался вдруг голос Воуна. Сын и отец Квины, обернувшись, увидели в руке у Воуна револьвер тридцать восьмого калибра, направленный инспектору прямо в живот. Его лицо словно на карикатуре, исказилось от алчности и жестокого торжества.

— К окну оба. Живее!

Посмотрев в глаза друг другу, отец и сын молча повиновались. Осторожно ступая по шатким доскам,

Воун подошел к кровати, не спуская с обоих глаз. Ему было неудобно брать ящик одной рукой. Однако ему удалось проделать это. Обхватив его и прижав к себе, он рассмеялся.

— Судя по весу, в этой «шкатулочке» в основном драгоценности. А может, найдутся и наличные — на первые расходы. Всего, стало быть, на шесть миллионов долларов! А вы бы, наверное, не прочь дожить до того момента и убедиться собственными глазами.

— Собираетесь убить нас? — спросил Эллери.

— Да, уж извини, приятель.

— Повремените с исполнением приговора. Раз уж нам все равно не суждено свидетельствовать против вас на суде, Воун, то терять вам нечего. Хендрика Брасса убили вы, правда?

Воун опять рассмеялся.

— Ну конечно, старого ублюдка замочил я. А что? Четырнадцать с лишним процентов от шести миллионов сумма тоже приличная. Только уж теперь-то, Элмер, благодаря твоим стараниям, я загребу все. Главная проблема сейчас для меня — это куда девать ваши трупы. Пожалуй, обоих сброшу в Гудзон.

— Боюсь, что перед вами есть еще и главнейшая проблема,— возразил ему Эллери ровным тоном.— Думаю, шеф, вам и вашему сотруднику можно выходить.

Воун резко обернулся. Дверцы шкафа распахнулись, и оттуда вылезли начальник полиции Флек и его сотрудник Лу с револьверами в руках.

– Брось пушку, Воун! — рявкнул Флек.

Указательный палец Воуна дернулся на спусковом крючке, и три раздавшихся одновременно выстрела оглушили Квинов.

Пуля, выпущенная Воуном, отколола щепку от передней стенки дубового шкафа. Пули Флека и Лу попали Воуну прямо в сердце. Он кувыркнулся, сделав обратное сальто, точно дрессированная собачонка, отлетел к дальней стене, сполз по ней и с глухим стуком уткнулся об пол, оставшись лежать там, где упал, неловко изогнувшись, а из пробитой груди забили два фонтанчика. Спустя минуту фонтанчики перестали бить, и кровь потекла медленнее. А еще через какое-то время она совсем остановилась.

В звенящей тишине Лу подошел к трупу, поджал губы, его косые глаза округлились, и он набросил на него матрац Гуго.

Эллери поднял латунный ящик, тот валялся поодаль, и кровь на него не попала.

— Слышали его признание, шеф? — спросил инспектор.

— Каждое слово.— Флек отер струившийся по лицу пот.— Знаете, мне ни разу еще не доводилось ни в кого стрелять из этого револьвера. Интересное ощущение... Лу, запиши все слово в слово...

Начальник полиции пристально посмотрел на матрац и покачал головой. Видно было, что случившееся его потрясло. «Сейчас ему уж точно не до репортеров,— подумал инспектор,— но дайте ему только срок, дайте только срок».

— До какого-то момента я разделял ход рассуждений отца,— сказал Эллери.— Он правильно определил, что первое покушение на жизнь Брасса — неудавшееся, с применением кочерги — раз оно произошло до того, как Брасс составил завещание, могло быть совершено кем угодно, только не наследниками, а это выводит нас на Гуго. И с мотивом, который выдвинул отец, я согласен — только ненависть. Ошибаться, отец, ты начал тогда, когда предположил, что, раз Гуго совершил первое покушение, он должен был совершить и второе. Гуго не убивал Брасса — это ты узнал, когда начальник полиции Флек поставил тебя перед фактом его алиби. Поскольку Гуго не мог совершить второе, на сей раз удавшееся, покушение, то кто же мог это сделать?

Они сидели, уединившись в обеденном зале гостиницы «Над Старой Рекой»: трое членов семьи Квинов, пятеро отставников, начальник полиции и его сотрудник Лу, который вел записи и чью фамилию они так и не узнали. Всех их пригласил Флек, который, разумеется, уже оправился от потрясения, вызванного стрельбой, и сейчас готовился к пресс-конференции, которую он уже наметил провести на следующее утро.

— Но как же вы узнали, что это Воун, мистер Квин? — обеспокоенно спросил начальник полиции.— Лу, обязательно запиши ответ.

— После того, как Гуго был исключен из числа возможных убийц Брасса,— отвечал Эллери,— меняется вся картина. Вот как должно было все происходить: в тот вечер Гуго берет выходной, едет в пивную, прит-

[illegible] что перепил, и около полуночи [illegible] на своей «Хонде» он [illegible] с целью убить Брасса — это [illegible] Но этот раз ему приходится считаться [illegible] Воуна, который спит на раскладушке [illegible] рика. Оказывается, что никаких трудностей [illegible] Воуна не представляет. Гуго берет с письменного стола внизу латунный нож для вскрытия писем и поражает спящего красавца в спину. Однако он не идет в спальню старика, чтобы зарезать и его, и мы знаем это, поскольку Брасс был убит между четырьмя и шестью часами утра, а эти два часа, равно как значительное время до и после этого отрезка, Гуго был заперт в камере для задержанных в отделении полиции Филлипсвилла. По всей вероятности, после того как Гуго нанес удар Воуну, он перепугался, струсил и вновь поехал в пивную, где на этот раз действительно напился и оказался в камере.

В результате Воун остается один у дверей в спальню Брасса с ножом в спине.

Выражение «с ножом в спине» создает впечатление серьезного ранения, выводящего человека надолго из строя, и в девяноста девяти процентах случаев так оно и есть. Но было ли это так в случае с Воуном? Нет. Когда утром отец обнаружил его, тот довольно интенсивно двигался. Был в сознании. Спустя незначительное время уже мог сидеть в кровати. Фактически он уже встал на ноги и восстановил свою прежнюю форму поразительно быстро. Другими словами, рана его оказалась поверхностной.

Таким образом, вполне возможно, что Воун очнулся, скажем, около четырех часов утра и сполз со своей раскладушки. Каким мог быть ход его действий? Понимая, что на него совершено нападение, означающее лишь одно — попытку устранить телохранителя Брасса, он, естественно, пробирается в спальню, чтобы проверить, стал ли жертвой нападения и старик. Однако нет, старый Брасс мирно спит, целый и невредимый. И, словно в озарении, Воун осознает, что по совершенно невероятному счастливому стечению обстоятельств ему предоставлена идеальная возможность совершить убийство. Положение раны, нанесенной ему в спину таково, что сам себе нанести ее он никак не мог. Если он убьет старого Брасса тем же самым ножом, а затем опять ляжет на раскладушку и притворится, что он без сознания, [illegible] кто заподозрит его в убийстве старика? И [illegible]

...Флея станут думать, что на Воуна и на Брасса напало какое-то третье лицо.

Так вот, именно это проделал Воун, и именно таков был ход таких рассуждений, отец, когда утром он обнаружил его в коридоре, а Брасса в спальне с ножом в сердце.

— Но зачем? — спросил Джонни Крис. — Зачем ему вообще было убивать старика, Эллери? Вот чего я никак не могу себе уяснить. Что рассчитывал Воун от этого получить?

— Очевидно, Джонни, что получить от этого он рассчитывал многое, — ответил ему Эллери.— Единственное ценное, что было связано с Хендриком Брассом,— это те шесть миллионов, которыми он размахивал у наследников перед носом. Поэтому Воун наверняка имел право законно притязать на это состояние. Именно поэтому я и решил искать какой-либо документ, подтверждающий это, в бумагах по имуществу. И когда я нашел такой документ — нотариально заверенное заявление некоего Хардинга Бойла о том, что он тот самый Хардинг Бойл, упоминаемый в завещании Брасса как один из наследников, с подтверждением, удостоверенным Воуном Дж. Воуном, распорядителем по имуществу,— я получил бесспорное доказательство заинтересованности Воуна в совершении преступления и его вины.

— Бойл,— задумался начальник полиции,— наследник, который так и не объявился. Вы хотите сказать, мистер Квин, что Воун был как-то связан с этим Бойлом?

— Мне представлялось более вероятным, шеф, — мягко ответил Эллери, что Воун и был Бойлом, как подтвердил мой отец, который последние несколько дней занимался изучением прошлого Воуна.

— Точнее, занимался этим Хью Гиффин,— сказал инспектор.— Расскажи им, Хью.

— Хардинг Бойл — его обычно звали Хард* Бойл — было настоящее имя Воуна,— начал Гиффин. — Вырос в чикагских трущобах, попадал в разные переделки, имел задержания, обвинялся в мелких преступлениях, ну и в таком роде; его фото имеется в полицейском архиве. Диплом юриста, который у него, якобы, был,— фальшивка, потому что единственно, где он мог получить знания по юриспруденции — это в тюремной библиотеке, во время очередной отсидки. Сменил фа-

* Hard — твердый, жесткий, неуступчивый.

[illegible] чтобы стряхнуть с себя пренебрежение. Иначе ему никогда бы не получить лицензию на открытие частного детективного агентства.

— Вы мне прямо скажите, — сказал начальник полиции,— он ведь тоже был незаконным сыном Брассера? Ненавидел старика, так?

— Уверен, что да, — ответил Эллери.— Хотя для Воуна, учитывая всю его грязную жизнь, месть стояла далеко не на первом месте, по сравнению с призом в шесть миллионов долларов.

— Запиши это, Лу.

— Но если Воун и был Бойл, — возразил Эл Мерфи,— почему же он не назвался Бойлом? Черт возьми, он же действительно упоминается в завещании. Почему не сделал все открыто и явно?

— Как Бойл он подлежал аресту по ордеру, выданному штатом Иллинойс,— ответил инспектор.— Он играл наверняка, Эл. Пока шли поиски шести миллионов, он прятался под фамилией Воун. Если бы их так и не нашли, он не стал бы снимать с себя этого прикрытия. А если бы нашли, он сделал бы это. Помнишь, он подстраховал себя, спрятав в документах по имуществу нотариально заверенное заявление, удостоверяющее — рукой распорядителя Воуна,— что он, Бойл, заявил о своем существовании и признан в качестве законного наследника.

— Тут есть еще один момент, — заявил Пит Анджело.— Как же Воун мог так сглупить, спрятав этот документ в портфель. Даже при том, что запрятал в каких-то счетах, среди которых, как он думал, отыскать этот документ будет нелегко? Для чего вообще было это делать? Ты говоришь, подстраховывался. Такая подстраховка — штука чертовски опасная.

— И она действительно оказалась опасной,— сказал Эллери.— Но ему необходимо было прикрытие, Пит, на тот случай, если состояние все же отыщется. На этот риск ему нельзя было не пойти. Помни, он ведь не мог знать, что начальник полиции заберет у него портфель. Этот ход был что надо, шеф.

Флек расплылся в улыбке.

— Так я и рассчитывал.

При этих словах его сотрудник Лу внимательно посмотрел на него и вновь склонился над листом бумаги. Флек кашлянул и вылил остатки нью-йоркского шампанского себе в бокал.

— Остается еще одно, чего я никак не могу понять,— извиняющимся тоном сказала Джесси.— Ну, хорошо, Воун был Хардингом Бойлом, одним из наследников. Но как же он вообще оказался «адвокатом» — телохранителем — распорядителем, которого нанял мистер Брасс? Не многовато ли для случайного совпадения, Эллери?

— Никакого совпадения и не было, дорогая моя,— ответил Эллери. Не Брасс нашел Воуна, все было как раз наоборот. Воуну либо уже было известно, либо он узнал недавно, что Брасс — его сбежавший отец, разузнал о нем кое-что — в газетных архивах россказней о Брассах полным-полно — и намеренно повел игру, чтобы заполучить эту работу. Ему не составляло труда втереться к старику в доверие со всеми полномочиями частного детективного агентства, со своим якобы юридическим образованием, бойким языком и готовностью работать на Брасса за небольшой гонорар.

Он мог быть уверен, что ему достанется по крайней мере одна седьмая [illegible] этих шести миллионов, ведь он и впрямь верил в [illegible] существование: этот старый шут одурачил Воуна, [illegible] всех вас,— но не сомневаюсь, что он только ждал [illegible] случая, чтобы найти состояние и самому попытаться целиком завладеть им. Именно на это я и рассчитывал, когда ставил свою ловушку. Не было, разумеется, никакой записки Гуго и никакого состояния, но я рассчитал, что Воун, который из-за этих денег пошел на убийство, схватит любую наживку, сулящую ему тот приз, с самой мыслью о которой ему пришлось расстаться. И все сработало, благодаря поддержке начальника полиции Флека. Ну, что ж, шеф, полагаю, вы получили все необходимое. Благодарим вас за ужин. Будем двигаться в город.

Но первыми ушли начальник полиции и Лу. Живот у Флека колыхался, когда он спешил к двери, рукавом голубой рубашки он машинально протирал козырек фуражки, словно специально начищая его до блеска перед предстоящей наутро встречей с представителями прессы.

— Да, отец, и еще одно, прежде чем уедем. - Эллери полез под стол и, приложив значительное усилие, извлек латунный ящик, который он вместе с инспектором спрятали в матрац Гуго Зарбуса, чтобы ввергнуть в искушение душу и испытать на твердость руку Воуна Дж. Воуна.

— Храни его вместе со своими сувенирами, — усмехнулся Эллери.

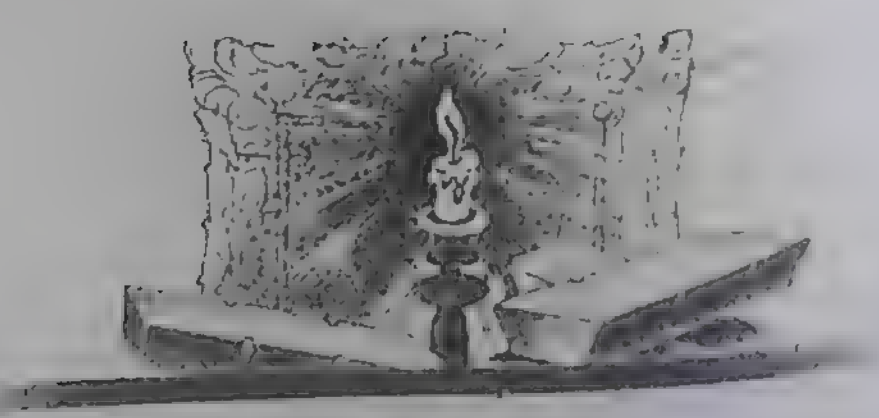
Инспектор посмотрел на ящик с несчастным видом.

— Что вы с Эллери положили в него, Ричард? — нетерпеливо спросила Джесси.

Замок сняли, Ричард вдруг улыбнулся и поднял крышку.

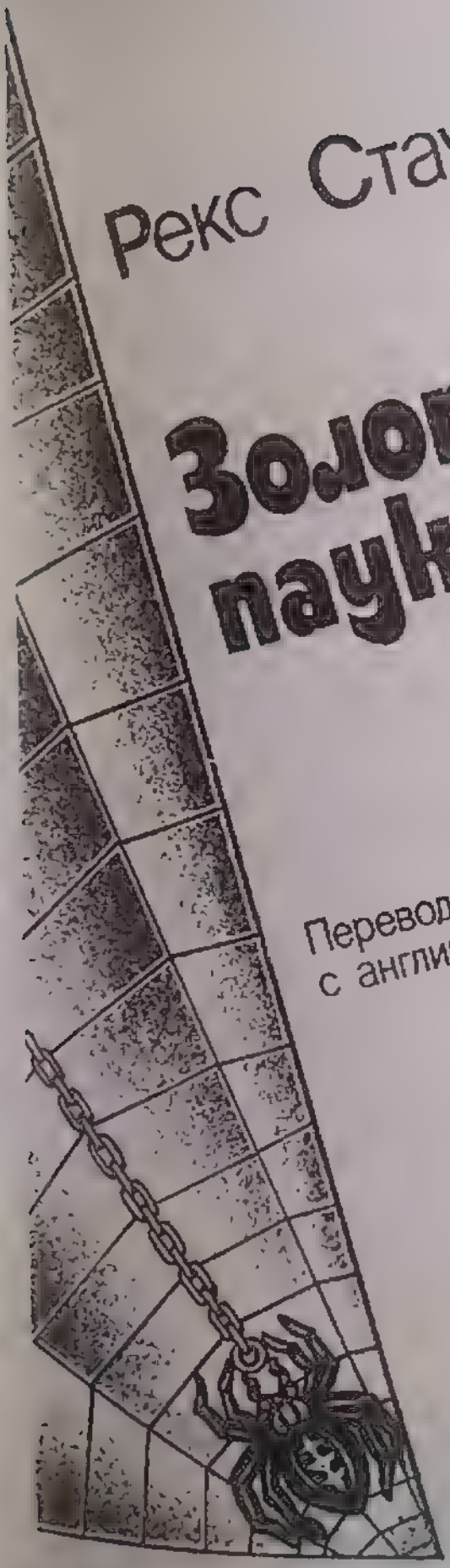
Джесси ослепило сокровище, состоящее из совсем недавно отполированного металла: болты, гайки, насадки для труб, пепельницы, формы для литья пуль, сбитый от употребления пестик, трое щипцов для подрезания сгоревших фитилей, семь чашечек от сломанных ювелирных весов (а где же восьмая?), несколько погнувшихся насадок для шлангов, побитый отчеканенный портрет Джона К. Колхауна, россыпь скрепок для бумаг, совок с выбитой датой «1850», военная сигнальная труба без раструба, набор ручек для выдвижных ящичков самых разнообразных, и одна сломанная пружина от мышеловки.

И все из латуни.

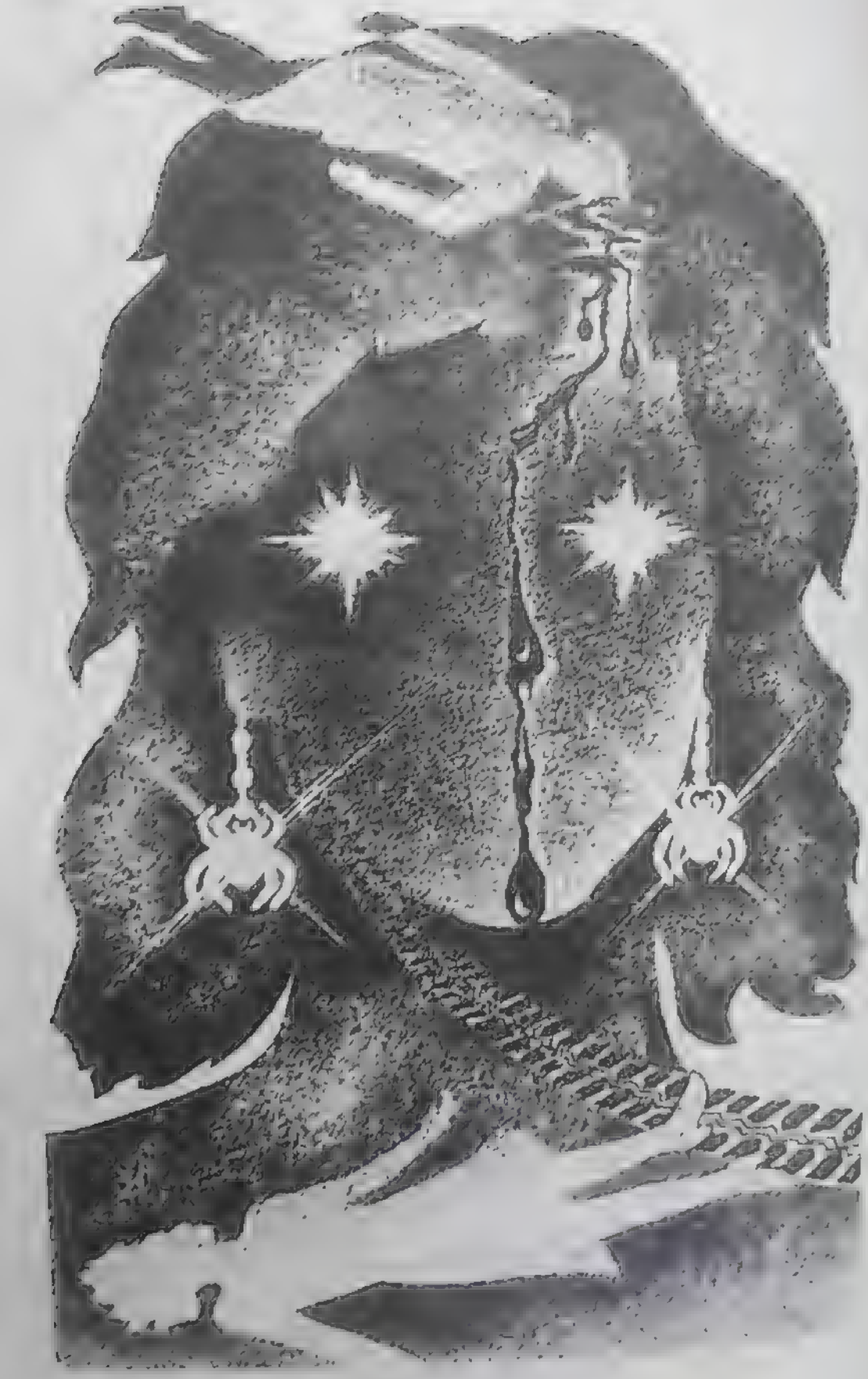


Рекс Стаут

Золотые пауки



Перевод
с английского



В тот ве
старинном
улице. Когд
обычно идет
зная, что, к
тил бы его
расстроен д
Дело в т
ром, живущ
в середине
двадцать ск
он должен
два часа но
имеет раст
мальфея, зат
деревянном
ржаной муко
берием. Дел
с нетерпени
тело. Но в
Когда Ф
с паром
исключитель
что поднял
А чал
Кто н
Что
И пол

I

В тот вечер мы с Ниро Вульфом обедали в нашем старинном доме из серого камня на Тридцать пятой улице. Когда во время обеда в дверь звонят, открывать обычно идет Фриц. На этот раз, однако, я пошел сам, зная, что, кем бы ни оказался посетитель, Фриц встретил бы его отнюдь не наилучшим образом. Фриц был расстроен дальше некуда. И вот почему.

Дело в том, что по договоренности с одним фермером, живущим неподалеку от Брудстера, раз в год в середине мая он привозит нам в Нью-Йорк штук двадцать скворцов. При этом доставлять их на кухню он должен еще тепленькими, не позднее чем через два часа после охоты. Фриц ощипывает их, солит, поливает растопленным маслом, заворачивает в листья шалфея, затем поджаривает на решетке и подает на деревянном блюде с горячей полентой — густой кукурузной мукой, приправленной маслом, тертым сыром и перцем. Деликатес этот не из дешевых, и Вульф всегда с нетерпением ждет, когда Фриц наконец сочинит это блюдо. Но в этот день на Вульфа что-то нашло.

Когда Фриц вошел и поставил перед ним окутанное паром блюдо, тот сначала повел носом, затем, наклонившись над ним, понюхал содержимое, после чего поднял глаза на Фрица.

— А шалфей?

— Его нет, сэр.

— Что значит «нет, сэр»?

— Я подумал, вам может понравиться, если я приготовлю по-своему: с шафраном и эстрагоном. Побольше свежего эстрагона и чуть-чуть шафрана, этот рецепт

— Можешь унести!

Лицо Фрица застыло, он поджал губы.

Надо было спросить у меня,— холодно произнес Вульф, я неприятно удивлен тем, что ты позволил приготовить одно из моих самых любимых блюд и даже не поставил меня в известность! Оно, может быть и съедобно, но желания пробовать его у меня нет. Убери его, а мне подай четыре яйца всмятку и тосты.

Фриц зная Вульфа не хуже меня и сразу понял, что для Вульфа это вопрос принципа, а больше всего задело его нарушение дисциплины, поэтому ни уговаривать его, ни оправдываться не имело смысла.

Фриц было уже взялся за блюдо, но тут я сказал Вульфу:

— Если не возражаете, я попробую, что вышло. Разумеется, если этот запах не отбивает вам аппетит.

Вульф только бросил на меня свирепый взгляд.

Вот почему у Фрица так испортилось настроение и я сам пошел открывать дверь.

Когда раздался звонок, Вульф уже съел яйца и с жалким видом пил кофе, я же доедал вторую порцию скворцов, которые оказались вполне съедобными.

В передней я не стал включать свет, хотя уже стемнело; через вмонтированный в дверь глазок я увидел, что стоявший на крыльце никак не годился нам в клиенты.

Все же я открыл ему и вежливо сказал:

— Ты ошибся.

Соседские ребята любят гонять мяч, и на нашей улице частенько раздается звон разбитых стекол, поэтому я давно уже провожу политику мира во всем мире и при подобных встречах всегда стараюсь держаться подчеркнуто вежливо.

— Вовсе нет,— голос у него был не слишком резкий, но какой-то взволнованный низкий мальчишеский альт.— Вы Арчи Гудвин. Мне нужно видеть Ниро Вульфа.

— Как тебя зовут?

— Пит.

— А фамилия?

— Дроссос. Пит Дроссос.

Зачем тебе мистер Вульф?

— У меня к нему дело. Ну это я уж ему сам скажу.

Это был стройный мальчуган ростом примерно мне по плечо. Темные волосы у него были взлохмачены

а смышленые черные глаза смотрели испытующе и с хитрецой. Я встречал его на нашей улице, но сказать о нем мне было нечего — ни хорошего, ни плохого. Вообще-то его следовало бы выпроводить, разумеется, корректно, так, чтобы не восстанавливать его против нас. Так бы я и поступил, однако после ребяческой выходки Вульфа я подумал, что ему пойдет на пользу повозиться с таким же ребятенком, как он сам. Правда, Вульф мог его обругать и облаять, но в конце концов, если бы Пит принял это близко к сердцу, я сумел бы потом все загладить. В общем, я пустил его и провел в столовую.

Вульф наливал себе вторую чашку кофе. Он посмотрел на мальчишку — а надо сказать, что одет тот был явно не с иголочки,— поставил кофейник и, глядя на меня в упор, сказал:

— Арчи, терпеть не могу, когда меня отвлекают от обеда.

Я понимающе кивнул.

— Знаю, но вы разве обедали? Неужели яйца всмятку вы считаете обедом? Разрешите вам представить мистера Питера Дроссоса. Он к вам по делу. Я чуть было не сказал тут, что вы заняты, но, вспомнив, как вас уже огорчил Фриц тем, что не посоветовался с вами, я не захотел вас еще раз расстраивать и пригласил Пита войти. Он живет здесь поблизости, а вы ведь помните заповедь «возлюби ближнего своего».

Вообще-то поддевать Вульфа — дело рискованное. Он может взорваться и наорать так, что стекла задрожат. Но уж если сдержится и поразмыслит минуту-другую, то берегитесь – наверняка будете посажены в калошу. Вот и на этот раз некоторое время Вульф спокойно потягивал кофе, а затем с подчеркнутой учтивостью сказал мальчугану:

— Присаживайтесь, мистер Дроссос.

— Какой еще мистер? Я — Пит.

— Очень хорошо, Пит. Садись. Пожалуйста, повернись ко мне лицом. Вот так. Спасибо. Ты мне хочешь что-то рассказать?

— Ага. Дело у меня.

— Ну что ж, всегда рад помочь. Жаль только что время ты выбрал не совсем удачное: мистер Гудвин собирался вечером на бильярдный матч, а вот теперь, к сожалению, ему придется остаться и записать

все, что мы с тобой будем обсуждать. Арни, возьми, пожалуйста, блокнот...

Я уже говорил, что поддевать Вульфа рискованно. Так оно и вышло — он оставил меня в дураках.

Я сходил в кабинет за блокнотом и ручкой, а когда вернулся, Фриц уже принес мне кофе, а Питу домашнего печенья и бутылку кока-колы. Вульфу я ничего не стал отвечать. Протоколируя, ручкой я вожу почти бессознательно, поэтому я решил сосредоточиться, чтобы все-таки отыграться.

Пит сказал:

— Ладно, пусть записывает, но вообще-то я не хочу, чтобы об этом все говорили, мне надо быть впредь поосторожнее. И чтоб об этом никому.

— Если ты говоришь нам об этом по секрету, то конечно.

— Тогда ладно, скажу. Я ведь знаю, что не всем сыщикам расскажешь, но вам-то можно. Уж мы-то про вас все знаем. Что вам эти гады – фараоны, что мне — одинаково. Вам все выложу.

— Давай, пожалуйста.

— Сколько сейчас времени?

При этом обороте речи Вульф поморщился, а я взглянул на свои часы.

— Без десяти восемь.

— Ну, значит, это было час назад. Я знаю, иногда засечь время очень важно, и поэтому сразу же на часы посмотрел, у аптеки: без четверти семь. Я стоял с тряпкой на углу Тридцать пятой и Девятой улицы — у меня небольшой бизнес — и как раз «кадди» тормозит...

— Извини, пожалуйста, как это «небольшой бизнес» и при чем здесь тряпка?

— Ну, знаете, когда машина тормозит на красный свет, подбегаешь с тряпкой и быстренько стекла протираешь. Если за рулем мужчина и успеешь протереть ветровое, можно выставить его центов на десять, не меньше. А если женщина, то когда раскошелится, когда нет, тут уж как повезет. Вот, значит, «кадди» затормозил...

— Как ты сказал, «кадди»?

По выражению, с каким Пит своими черными глазами посмотрел на Вульфа, легко было догадаться, что он начал испытывать сомнения — не ошибся ли он в выборе сыщика. Я решил вмешаться и показать мальчишке, что, по крайней мере, один из нас на высоте положения — и сказал Вульфу:

«Кадди» — это машина марки «кадиллак» сокращенно.

— Ясно. Она что, остановилась?

— Ага, на красный. Я подбежал к окошку со стороны водителя, а за рулем женщина. Повернулась ко мне лицом и что-то сказала. Она, похоже, не вслух говорила, да я все равно ничего бы не услышал — стекло-то поднято было. Но она губами так сделала, что я сразу понял. Она сказала: «Помоги»! Вот так. он старательно, пожалуй немного утрируя, беззвучно шевеля губами, имитировал это слово.

Вульф понимающе кивнул и обернулся ко мне.

— Зарисуй-ка эскиз его губ, Арчи, в таком положении.

— Чуть позже,— вежливо ответил я, когда вы ляжете спать.

— Яснее некуда: «Помоги! Полицию!» Я все сразу усек, но виду старался не подавать. Я сообразил, надо притвориться, да только у меня, наверно, не вышло. Мужчина-то ведь тоже на меня глядел, и он...

— А он где был?

— Рядом сидел. Их двое было, в машине-то. Он, наверно, заметил по мне что-то неладное и как ткнет ее пушкой в бок, а она вздрогнула и резко, аж как ужаленная, так к нему обернулась.

— Ты пистолет видел?

— Нет, а что я, так, что ли, не понял? Что ей тогда полицию звать и оборачиваться, как ужаленной. Уж не думаете ли вы, что он ее карандашиком ткнул?

— Гм, пожалуй, действительно, пистолетом.

— Я назад подался. У меня-то в руке тряпка, а у него — пушка. Ну а дальше... вы только не подумайте чего, фараонов я, как и вы, на дух не переношу. Но все так быстро произошло, я толком не соображал, что делаю, и, сознаюсь, посмотрел, нет ли фараона где рядом. Ни одного не было. Я помчался посмотреть за углом, а пока туда-сюда, дали зеленый, и они уехали. Я какую-нибудь машину остановить хотел, но никто не остановился. Потом подумал, перехвачу их на Восьмой авеню, и побежал изо всех сил по Тридцать пятой, но уже не успел — там на перекрестке зеленый горел, я только увидел, как они пронеслись на полной скорости. Но я номер записал.— Он достал из кармана клочок бумаги и прочитал:— «Коннектикут, УУ 94-32».

— Отлично,— Вульф поставил пустую чашку на

...ляще, значит, в полицию ты об этом ничего не сообщал?

— Я? — возмущенно переспросил Пит. — Фараонам? На кой ляд? Ну пойду в участок, расскажу все дежурному или даже сержанту, а дальше что? Во-первых, не поверили бы, а потом следить начнут, на заметку взяли бы. Вам-то что, если вас засекут, вы частный сыщик, у вас лицензия. А некоторых инспекторов вы и припугнуть можете

— Припугнуть? Чем?

— Ха, вы да не знаете! У нас все говорят, что у вас на этих дядей точно кое-что есть, а то бы нас давно уже пристукнули. А таким, как я, на заметку не стоит попадаться, даже если ничего и не натворил. Фараонов я ненавижу, но совсем не потому, что чего-нибудь сделал. Я и матери все говорю, ничего я не натворил: так оно и есть. Правда, сознаюсь, руки здорово чешутся. Ну так как, что вы думаете обо всей этой истории?

Вульф ответил задумчиво:

— Гм, ну я бы сказал, здесь далеко не все ясно.

— Факт. Вот я к вам и пришел. Тут один закоулок есть, я всегда туда хожу, когда что-нибудь обмозговать надо. Ну, я там пошевелил мозгой и понял — что дельце что надо, если его, конечно, с умом провернуть. Машина-то «кадди», темно-серый «кадди» пятьдесят второго года. Правда, рожа у этого типа еще та, но деньги у него водятся — сразу видно. И по виду машина такая у него не одна, это точно. Да и женщина тоже. Она моложе моей матери, а вообще, не знаю — мать-то у меня всю жизнь вкалывает, а эта, ясно дело, никогда не работала. Еще у нее царапина была на левой щеке, а лицо так прямо все в комок сжалось: «Помоги! Полицию!» Я уже потом, когда прокрутил все, подумал, что она, должно быть, красивая. А серьги у нее — золотые пауки, и лапки во все стороны торчат. Из чистого золота.

Вульф недоверчиво хмыкнул. Пит не стал настаивать:

— Ну, тогда все равно, как золотые. Но уж точно не медяшки. В общем, по всему видно, что люди те-нежные, и я подумал: раз так, тут можно и мне заработать. Здесь, если все с умом обтяпать, можно отхватить целых полсотни. Если он ее убьет, я его сумею опознать и мне вознаграждение дадут. Выложу

что она мне сказала, и как он в бок ей пистолетом ткнул...

— Да пистолета ты и не видал.

— Это неважно. А если он ее убил или просто заставил чего-нибудь там сделать, я могу припереть его к стенке, пусть тогда гонит полсотни, а то и целую сотнягу, иначе я его заложу. Расскажу обо всем кому следует.

— А вот это называется шантаж.

— Знаю,— Пит стряхнул с пальцев на поднос крошки печенья,— потому, когда я все обдумал, я и решил с вами посоветоваться, но все равно дело это мое, учтите. И не думайте, что я такой дурак, мол, мы еще не договорились, а я уже номер машины выложил. Даже если вы этого типа поймаете, а меня надуете и ничего мне не скажете, все равно без меня вам не обойтись. Без меня-то кто подтвердит, что это он? В общем, раз это шантаж, ваше дело придумать так, чтобы шантажом тут и не пахло. Ну а денежки пополам, идет?

— Послушай, Пит,— сказал Вульф, тяжело отодвигаясь назад вместе с креслом и поудобнее устраиваясь в новом положении,— если мы с тобой возьмемся за это дело, то мне придется сначала рассказать тебе кое-что о том, как раскрывают преступления, потому что это искусство. Мистер Гудвин, разумеется, все это запишет, а когда отпечатает на машинке, один экземпляр отдаст тебе. Но сначала он кое-куда позвонит. Арчи, позвони мистеру Крамеру и скажи ему номер машины. Объясни, что по нашим сведениям ее владелец или тот, кто сидел за рулем, вполне возможно замешан в совершении преступления в черте города. Пусть возьмет на контроль и проверит как обычно. Больше ничего не говори. Добавь, что сведения не проверены, поэтому справки пусть наводит потихоньку, без лишнего шума.

— А кто это — мистер Крамер,— спросил Пит — фараон?

— Инспектор полиции, — ответил Вульф. — Ты ведь сам высказал предположение, что тут возможно убийство. А где убийство, там и труп. Если есть труп, его нужно найти. Пока же его не нашли, твоего дела вообще не существует. Сами мы не знаем, где искать, поэтому мы сыграем такую штуку и заставим полицию поработать на нас. Пускай поищут. Они на меня уже

не в первый раз трудятся. Да, Арни, о Пите ничего [illegible], раз он не хочет им на заметку попадаться.

Пока я шел в кабинет и набирал номер отдела по расследованию убийств полицейского управления Манхэттена, мне пришло на ум, что Вульф часто бывает совершенно невыносимым, особенно когда ему кажется, будто он и впрямь удачно острит.

Переговорив с сержантом Пэрли Стеббинсом, я повесил трубку. Мне вдруг чертовски захотелось взять и пойти на матч между Москони и Уогрусом, но разумеется, делать этого не следовало - Вульф, чего доброго, решит, что положил меня на обе лопатки, а Пита попросту выставит и завалится с книжкой, самодовольно ухмыляясь. Как бы не так! Подумав об этом, я вернулся в столовую, сел и, взяв ручку, сказал бодрым голосом:

— Порядок. Колесо закрутилось. Теперь можете начинать лекции о раскрытии преступлений. Да смотрите, самое важное не упустите.

Вульф откинулся назад, опершись на подлокотники кресла и соединил кончики пальцев.

— Видишь ли, Пит, я бы хотел подробнее рассказать тебе о работе частного детектива, который зарабатывает на жизнь своей профессией.

— Вот-вот,— Пит потянулся за второй бутылочкой кока-колы.

- Мне как раз надо знать, как можно поднажиться.

— Я заметил в тебе стремление к обогащению. Однако нельзя допускать, чтобы оно отодвигало на задний план все остальное. В самом по себе желании зарабатывать деньги ничего дурного нет. Но ты всегда должен быть уверен, что ты их действительно заработал, а это в немалой степени зависит от твоего внутреннего «я». Если у тебя оно столь же здоровое и стойкое, как и у меня, ты всегда легко...

- А как это — внутреннее «я»?

- Существует несколько определений - философское, метафизическое, психологическое, а сейчас появилось еще и психоаналитическое, но в том смысле, в каком я его употребляю, оно означает способность человека стремиться ко всему тому, что возвышает его в собственных глазах, и достигать этого, а вместе с тем отметать все то, что его роняет. Ты меня понял?

Да вроде бы,— мысль его работала так напря

...что он даже нахмурил брови.— Значит, прав ...ься ты самому себе или нет, так?

— Ну... не совсем, но примерно. С таким целостным внутренним «я» ты...

— А целостное, это как?

Бульф недовольно поморщился.

— Я постараюсь говорить знакомыми тебе словами, но если какое-нибудь ты все-таки не поймешь, пожалуйста, не перебивай меня. Раз уж ты решил стать сыщиком и считаешь, что имеешь для этого кое-какие данные, то о значении незнакомого слова нужно уметь догадываться по контексту, я имею в виду, по соседним словам. А кроме того, всегда есть за что ухватиться. Всего минуту назад я говорил о здоровом и стойком внутреннем «я», а после того как ты перебил меня, я продолжал говорить о том же самом, но употребил слово «целостное». Отсюда ясно, что «целостное» означает «здравое и стойкое», и если у тебя действительно есть данные, чтобы стать хорошим детективом, ты сам должен был догадаться об этом. Тебе сколько лет?

— Двенадцать.

— Хорошо, я учту это. Пойдем дальше. Человеку с таким внутренним «я» ум и здравый смысл всегда подскажут, действительно ли он заработал свои деньги или нет. И ни в коем случае не бери деньги, если считаешь, что ты их не заработал. А если хоть раз возьмешь, порядочным человеком назвать ты себя не сможешь, и твое внутреннее «я» будет уже запятнано. Будешь соблюдать это правило, бери любую сумму. И запомни: нельзя брать с клиента деньги, если ты их не заработал, но если заработал — бери обязательно. Ну и последнее: сначала узнай, сможет ли клиент заплатить, а уж потом начинай говорить с ним о его деле. Ну ладно, хватит...

— Но тогда почему?— перебил его Пит, но тут же осекся.

— Что «почему»?

— Да так... Только мне-то, мальчишке, что все это рассказывать? Ведь я...

— А это уж так нужно. Ведь тебя привел мистер Гудвин, мой помощник. А я ему во всем доверяю и очень его ценю. Знаешь, как он огорчился бы, если бы я слушал тебя невнимательно и не вникал в мельчайшие подробности. Зато теперь он все это запишет и отпечатает на машинке.

Вульф сердито посмотрел на меня и опять обратился к Питеру:

— Ну ладно, хватит. О внутреннем «я» и о деньгах я, кажется, все сказал. Что же касается методов работы, то тут все зависит от того, какого рода преступление нужно раскрыть. Не стану говорить, как распутываются дела, связанные с промышленным шпионажем или как выискиваются основания и доказательства для разводов... кто берется за такую грязь, у того внутреннее «я» прогнило уже основательно, если от него вообще что-нибудь осталось, и к тебе это не относится. Но возьмем, к примеру, дело об ограблении. Скажем, у женщины украли шкатулку с драгоценностями, а в полицию она не заявляет, потому что подозревает в краже...

— Давайте лучше про убийство. Начинать, так с убийства.

— Ладно, как хочешь,— снисходительно согласился Вульф.— Арчи, ты меня внимательно слушаешь?

— Ну разумеется. Я весь внимание.

— Отлично. Но что бы это ни было — убийство ли, ограбление ли, тебе нужно прежде всего усвоить, что раскрытие преступления — это не столько наука, сколько искусство. Бесспорно, наука играет здесь значительную роль, вещь это стоящая, и порой она весьма эффективна. Но частному детективу, который хочет создать себе хорошую репутацию, она мало что дает. Обращаться со штангенциркулем, фотоаппаратом, микроскопом, центрифугой может научиться кто угодно, если, конечно, это не окончательный тупица. Но все эти приборы — лишь вспомогательные средства. В раскрытии преступления значение науки велико, я бы даже сказал, огромно. Но все-таки никакая наука не заменит того напряжения всех умственных способностей человека на нелегальном и извилистом пути постижения истины, когда приходится буквально пробираться через нагромождения всяких лживых измышлений и трусливых увертюк. А иногда... слепка пальца, рваный голос, с тревогой брошенный взгляд... и вдруг неожиданно испытываешь незабываемое, ни с чем не сравнимое ощущение, когда тебя внезапно, словно молнией, озаряет догадка! Интуиция — это как откровение...

— Простите,— перебил я.— А как это вы научились добираться до сути по голосу?

Во-первых, с чего ты взял, что я говорю о себе? Я мог бы побиться об заклад, что здесь Вулф не горяка кривил душой. Ну а вообще, Арчи, учиться тут бесполезно, это уж, как говорится, от бога.

Он продолжал, обращаясь к Питу:

— Нет, Пит, это в самом деле искусство, и к тому же многогранное. Посуди сам: в Нью-Йорке следить за человеком, ходить за ним весь день по пятам и не упустить — задача почти невыполнимая. И если уж полиции непременно нужно кого-то выследить, на это дело ставят троих, и то они зачастую остаются с носом. А вот со мной работает сыщик, Сол Пэнзер, так он один даст им сто очков вперед. Я спрашивал, как это у него так здорово получается, но он и сам толком не знает. У него это выходит само собой, независимо от него самого, подсознательно, хотя у него превосходные мозги. Он утверждает, что буквально в какие-то доли секунды, в самый последний момент неизвестно как угадывает, что сейчас сделает тот, за кем он следит. Заметь, не что тот сделал или уже начал делать, а что вот-вот сделает. Поэтому даже если бы мистер Пэнзер и стал учить тебя тому, что знает и умеет, тебе бы с ним все равно не сравняться. Но это вовсе не значит, что учиться вообще незачем. Нет. Учиться надо всему, чему есть возможность, это потом никогда не помешает. Человек, который считает, что знает все, в действительности не знает ничего. А умеешь ты применять свои знания на практике или нет, это сразу станет видно, как только за какое-нибудь запутанное дело возьмешься. Вот, мистер Гудвин, к примеру. Без него мне бы, пожалуй, ни с чем не справиться, ведь помощник он просто незаменимый. Но человек он у нас импульсивный, капризный. Таким людям за мало-мальски серьезные дела и браться нечего, но видишь ли, иногда он самым непостижимым образом вдруг начинает действовать именно так, как того требуют обстоятельства. А может, это в нем здравый смысл говорит, хотя я лично сомневаюсь. Стоит ему, скажем, увидеть красивую молодую особу, как он мгновенно по достоинству оценивает все ее прелести, и в нем сразу же просыпается тяга к ней — тем не менее он никогда не был женат. А почему? А потому что он прекрасно понимает, что такие знаки внимания девицам жена непременно сочла бы потенциальной изменой, и вдобавок он вечно жил бы как

...рон, а случись что — закон тоже не на его стороне. И вот когда его уже понесло, тут-то в последнюю минуту у него и включается тормоз — то ли это здравый смысл, то ли еще что, не знаю, правда, на самом краю пропасти он все же удерживается. В большинстве случаев тормоз этот срабатывает, но иногда не успевает, и тогда наш мистер Гудвин терпит неудачу. Вот сегодня, например, едва представился случай, ему немедленно понадобилось поддевать меня. Он уже потерял из-за этого... Сколько сейчас времени, Арчи?

Я посмотрел на часы.

— Без восемнадцати девять.

— Уже!— Пит вскочил.— Тогда я побежал. Мать мне... в общем, без пятнадцати мне дома надо быть. До свидания. Завтра зайду.— С этими словами он бросился из комнаты и помчался домой. Я встал одновременно с ним и, уже почти выйдя, бросил Вульфу:

— Чертовски жаль. Я-то думал, он даст нам закончить и просидит часов до двенадцати. На матч теперь уже неохота — скучища, но я все-таки схожу посмотрю, как там у них.

И я ушел.

2

На следующий день, в среду, я был сильно занят.

Из Янгстауна, штат Огайо, в Нью-Йорк приехал владелец фабрики скобяных изделий, чтобы разыскать сына, который давно уже не давал о себе знать. Он заранее послал Вульфу телеграмму с просьбой помочь в розысках, и мы уже вызвали Сола Пэнзера, Фреда Дэркина и Орри Кэтера, которые сразу же принялись за дело. Почти весь день я просидел у телефона, принимая от них сообщения и передавая им распоряжения Вульфа.

Днем, в начале пятого, заглянул Пит Дрейк и спросил Вульфа. Судя по всему, он хотел поговорить именно с шефом, хотя знал, что у меня тоже есть лицензия частного детектива и в общем-то ничего против меня не имел. Я сказал ему, что четыре часа в день с девяти до одиннадцати утра и с четырех до шести вечера. Ниро Вульф всегда на крыше, в оранжерее, где он выращивает свои десять тысяч орхидей, и ...

ему помогаю уже не я, а Теодор Хорстман, и что никаким другим делом в это время Вульф заниматься не станет. Пит ответил, что частному сыщику не солидно заниматься всякой ерундой, и я не стал ему возражать.

Наконец я выпроводил Пита и закрыл дверь. Пожалуй, и впрямь тормоза у меня стали сдавать. Мальчишка начал уже надоедать, и ясно, что теперь он от нас не отстанет. Пожалуй, зря я вчера подсунул его Вульфу в качестве пациента. Всякий раз, когда я вижу, что сам оказался в калоше, мне хочется пить — это успокаивает. Поэтому я пошел на кухню и налил себе стакан молока. Когда я вернулся, в кабинете вовсю надрывался телефон — звонил Орри, сообщал, как идут дела.

Вечером за ужином Вульф и Фриц вели себя так, будто вчера между ними ничего не произошло. Накладывая себе вторую порцию блинчиков со свининой по-датски, Вульф отчетливо пробурчал: «Ну что ж, недурно». В его устах это было, пожалуй, высшей похвалой, а Фриц с достоинством кивнул, пробормотал ему в тон: «Конечно, сэр». На этот раз в воздухе не чувствовалось электричества, и после кофе Вульф пришел в такое благодушное расположение духа, что даже попросил меня спуститься с ним в подвал и показать знаменитый удар Москони, о котором я столько рассказывал.

Но показать удар мне не пришлось. Как раз, когда мы уже выходили из столовой, в дверь позвонили. Я подумал, что это опять Пит, но, поглядев через глазок, увидел, что человек на крыльце был раза в два выше Пита, и тут же узнал его — это был сержант Пэрли Стеббинс из Манхэттенского отделения полиции по расследованию убийств. Вульф прошел в кабинет, и я открыл дверь.

— Во-он туда пробежали, — сказал я, показывая пальцем.— Вот он я. Выкладывайте.

— А Вульф?

— Только что пообедал, отдыхает. Одну минуту.

Я накинул дверную цепочку, оставил [illegible] и пошел докладывать. Вульф [illegible] ился, но все-таки разрешил впустить Стеббинса, я и сделал.

Знаем мы Стеббинса не один год, и когда бы он ни пришел, он всегда садится в одно и то же кресло

Если он приходит с инспектором Крамером, тот всегда садится в большое кресло, обтянутое красной кожей, перед столом Вульфа, а Пэрли — довольствуется желтым, поменьше. Когда он является один, я всегда стараюсь усадить в красное, мне это не удается. Обязательно отойдет и займет желтое. И вовсе не потому, что считает, будто сержанту не положено занимать кресло, в котором сидел сам инспектор. Нет, Пэрли не из таких. Скорее всего, он просто не любит сидеть лицом к окну или ему вообще красные кресла не нравятся? Надо будет спросить его об этом, потом как-нибудь.

Вот и сейчас он втиснул свое довольно плотное мускулистое тело в желтое кресло и несколько секунд разглядывал Вульфа, затем обратился ко мне.

— Вчера вы мне насчет машины звонили, темно-серый кадиллак пятьдесят второго года. Номер штата Коннектикут УУ 94-32. С какой целью? По какому поводу?

Я пожал плечами.

— Я вам объяснил. По нашим непроверенным данным, эта машина, ее водитель или владелец могут или могли быть в чем-то замешаны. Я предложил вам провести обычную проверку.

— Это я знаю. Но что это были за данные и как они к вам попали?

Я покачал головой.

— Вы еще вчера спрашивали, а я не ответил. Не могу ответить и сейчас. Тот, кто сообщил нам об этом, не хотел бы иметь дело с полицией.

— И все-таки ему придется. Кто он и что он вам сказал?

— Ничего не выйдет.— Мне уже надоело его упрямство.— Вы же знаете, вы усвоили себе дурные манеры. Стеббинс. Если действительно случилось нечто такое, в связи с чем я и в самом деле обязан вам изложить все, что знаю, то скажите, что именно произошло, а там посмотрим. Согласитесь, что это разумно?

— Я-то знаю.— Пэрли стиснул зубы и поиграл желваками.— Сегодня в шесть сорок [illegible] часа тому назад, на перекрестке [illegible] и Девятой авеню на красный свет остановилась машина. К ней подбежал мальчишка с тряпкой и стал протирать боковое стекло. Он хотел протереть и с другой стороны.

но, когда обходил машину спереди, она вдруг рванула, сбила его и на полной скорости унеслась по Тридцать пятой.

Мальчика на «скорой» отвезли в больницу, и он там умер. За рулем сидел мужчина, в машине больше никого не было. В таких случаях очевидцы почти ничего не успевают заметить, но все-таки двое — женщина и парень назвали один и тот же номер, а парень еще добавил, что это темно-серый кадиллак. Ну, что скажете?

— Как звали мальчика? Того, которого задавили?

— Да при чем здесь это?

— Не знаю, просто спрашиваю.

— Дроссос. Питер Дроссос.

Я с трудом проглотил комок в горле.

— Та-ак. С-сукин сын! Мерзавец!

— Кто, мальчишка?

— Нет.

Я спросил Вульфа:

— Сами будете рассказывать или я?

Вульф сидел с закрытыми глазами. Он открыл их, произнес: «Ты»,— и снова закрыл.

Я не счел нужным говорить Стеббинсу о нашем маленьком конфликте, из-за которого, собственно, я и впустил Пита, чтобы поддеть Вульфа, но все остальное я изложил до мельчайших подробностей, в том числе и то, что сегодня днем Пит прибегал еще раз.

Такую исчерпывающую информацию Пэрли получал в этом кабинете впервые в жизни, и тем не менее он еще задал кучу вопросов, а под конец язвительно заметил, что столь достойным гражданам, как Ниро Вульф и Арчи Гудвин, следовало бы проявить большую заинтересованность в женщине, которой тычут револьвером в бок и которая зовет на помощь полицию.

На душе у меня и без того было погано, и это замечание сильно меня задело.

— Что вы о себе-то думаете? Тоже мне, гордость нации! Мальчишка вообще мог все это сочинить. Он ведь сказал, что не видел револьвера. А может быть, женщина просто придуривалась. Да скажи я вам по телефону, откуда у меня эти данные, вы первый [illegible] сочли бы меня ненормальным — нашел о чем в полицию звонить. Номер-то машины я ведь вам дал. Проверили ли вы его?

Проверили. Номер был заменен. Его сняли с другой машины — в Хартфорде угнали, два месяца назад.

— И никаких следов?

— Пока нет. Будем звонить в Коннектикут, пусть они там наведут справки. Я, конечно, не скажу точно, сколько сейчас на весь Нью-Йорк фальшивых номеров, но, можете мне поверить, порядком.

— А как вам водителя описали?

— Есть четыре свидетеля, и все по-разному говорят. Трое вообще толком ничего не сказали, а четвертый вроде что-то запомнил. Он как раз из аптеки вышел и случайно увидел, как к машине подбежал мальчишка с тряпкой. Говорит, водителю около сорока, одет в темно-коричневый костюм, лицо светлое, с правильными чертами, а фетровая шляпа надвинута чуть не по самые глаза. Сказал, что сможет его опознать.

Пэрли встал.

— Ну, я пошел. По правде говоря, я на большее надеялся. Думал, наведете меня на след, а если, наоборот, ничего не скажете, значит, вы уже взялись за это дело.

Вульф отвел глаза.

— Желаю вам удачи, мистер Стеббинс. Вчера еще этот мальчик сидел со мной за обеденным столом.

— Да, это и вовсе ужасно,— ворчливо сказал Пэрли.— Разве можно давить детей только за то, что они были вашими гостями.

На этот раз голос его звучал уже дружелюбнее. Он направился в прихожую, а я пошел проводить его. Едва я взялся за ручку двери, как увидел в глазок фигуру, поднимавшуюся на крыльцо. Я открыл дверь. Передо мной стояла очень худая женщина в скромном синем платье, без пальто и шляпы, с распухшими красными глазами. Губы у нее были плотно сжаты.

Я спросил:

— Что вам угодно, мадам?

Она с трудом выговорила:

— Мистер Ниро Вульф здесь живет?

— Да.

— Могу я видеть его? Мне ненадолго. Меня зовут Антея Дроссос.

Она, по-видимому, долго плакала и в любую минуту могла разрыдаться опять, а даже вида плачущей

женщины Вульф не переносил. Поэтому, объяснив ей, что он сейчас очень занят, я сказал, что я его доверенный помощник и готов ее выслушать.

Она вскинула голову и посмотрела мне в глаза.

— Мой сын Пит просил меня поговорить с мистером Ниро Вульфом, и я подожду здесь, пока он не освободится.

С этими словами она облокотилась о перила.

Шагнув назад, я прикрыл дверь и пошел в кабинет. Стеббинс проследовал за мной.

— Там миссис Антея Дроссос,— сказал я Вульфу.— Утверждает, что ее сын Пит поручил ей поговорить с вами. И только с вами. Она собирается просидеть на крыльце хоть всю ночь. Вполне возможно, что, разговаривая с вами, она заплачет. Мне что, постелить ей там?

Это сразу заставило Вульфа раскрыть глаза.

— Черт возьми! Я-то ей чем могу помочь?

— Ничем. Так же, как и я. Да ей ничего и не нужно от меня.

— Тогда какого же черта... А-а, ну ладно, пригласи ее сюда. Ну и устроил ты мне вчера... Проводи ее сюда.

Я вышел и пригласил миссис Дроссос. Когда я провел ее в кабинет, Пэрли уже уселся в кресло. Поддерживая ее под руку (она не очень твердо держалась на ногах), я подвел ее к красному креслу, в котором могли вместиться еще две такие же женщины. Она присела на краешек и уставилась на Вульфа. Глаза у нее были черные, а покрасневшие от слез веки делали их еще чернее. Она заговорила низким, немного дрожащим голосом, в котором, однако, звучала решительность.

— Вы — мистер Ниро Вульф?

Вульф ответил, что он. Она перевела взгляд в мою сторону, затем на Стеббинса.

— А эти джентльмены?

— Мистер Гудвин — мой помощник, а мистер Стеббинс — полицейский, он расследует обстоятельства гибели вашего сына.

Она кивнула.

— Я так и подумала, что он из полиции. Пит не хотел бы, чтобы я разговаривала с полицейским.

По ее голосу и выражению лица было ясно, что она не намерена делать ничего такого, что могло бы не понравиться ее Питу, и мы просто не [illegible] поступить.

Что же касается Пэрли, то он ни на минуту не сомневался, что Вульф, а уж я и подавно, ведем здесь какую-то тайную игру. А потому вовсе не собирался уходить. Тем не менее он моментально встал и со словами «я выйду на кухню» направился к двери. Я было удивился, но тут же сообразил, в чем дело. В гостиной, как раз напротив кухни, есть ниша, отделенная от кабинета стеной. В стене проделано смотровое отверстие, которое со стороны прикрыто специально подобранной картиной, и если, находясь в нише, отодвинуть дощечку, можно видеть и слышать все, что происходит в кабинете. Об этой нише Пэрли хорошо знал. Когда он вышел, я все-таки решил на всякий случай напомнить об этом Вульфу.

— Картина.

— Знаю, конечно,— раздраженно ответил Вульф и, обращаясь к миссис Дроссос, произнес:

— Слушаю вас, мадам.

Однако она хотела во всем убедиться сама. Подойдя к открытой двери, она выглянула в коридор, посмотрела направо, затем налево и, плотно притворив дверь, вернулась назад.

— Вы уже знаете, что Пит умер?

— Да, знаю.

Когда мне сказали, я сразу же бросилась на улицу и побежала туда. Он еще дышал, но был без сознания. Мне разрешили поехать с ним в «скорой помощи». Там он пришел в себя и сказал мне... Он открыл...

Миссис Дроссос вдруг замолчала. Я боялся, что она вот-вот разрыдается. Примерно полминуты она сидела не шелохнувшись, затем, с видимым усилием взяв себя в руки, продолжала:

— Он открыл глаза и увидел меня. Я наклонилась к нему, и он сказал: «Передай Ниро Вульфу, тот тип подловил меня. Никому не говори этого, только Ниро Вульфу. Отдай ему мои деньги из консервной банки».

Она опять осеклась и неподвижно застыла в кресле. Так прошла минута, после чего Вульф сказал:

— Продолжайте, пожалуйста.

Миссис Дроссос открыла черную кожаную сумочку, потертую, но еще вполне приличную, порылась в ней и достала что-то, завернутое в бумагу, и, положила Вульфу на стол.

— Здесь четыре доллара тридцать центов,— она

продержала стоять. Нит сам их зарыл и держал в коробке из-под гвоздя. Он велел отдать их вам, это были его последние слова, потом он опять потерял сознание, а в больнице умер, врачи даже ничего не успели сделать. Я вернулась домой, взяла эти деньги и сразу же к вам. Ну а теперь я могу уйти.

Миссис Дроссос повернулась, сделала несколько шагов, затем вдруг остановилась и спросила Вульфа:

— Вы поняли, что я вам сказала?

— Да, понял.

— Могу я еще что-нибудь сделать?

— Думаю, что нет, Арчи!

Я уже подошел к ней и, хотя сейчас на ногах она держалась намного тверже, все-таки взял ее под руку и проводил вниз по лестнице до самого тротуара. Она не сказала мне спасибо, но вряд ли на это стоило обижаться. Она была в таком состоянии, что, вероятно, вообще не замечала моего присутствия.

Когда я вернулся в прихожую, Пэрли успел надеть шляпу.

— Дощечку не забыли задвинуть? — спросил я его.

— Взять конфетку у ребенка еще куда ни шло,— произнес он возмущенным тоном.— Но взять ее у мертвого ребенка — это уже черт знает что! — Он направился к двери, но я преградил ему дорогу.

— Ну и тупица же вы, Стеббинс! Ведь если бы мы начали уговаривать ее забрать деньги...

Я вдруг осекся, увидев, что рот у него раздвинулся в торжествующей ухмылке.

— Ага, один-ноль в мою пользу! — с издевкой проговорил он и пошел к выходу.

Направляясь в кабинет, с досады я начал грызть ноготь. Не часто Пэрли Стеббинсу удается так поддеть меня, но сегодня я попался, он вывел меня из равновесия. Естественно, я постарался отыграться на Вульфе. Подойдя к его столу, я взял сверток, развернул его и аккуратно разложил перед Вульфом содержимое: две долларовые бумажки, четыре монеты по два цента, пять, девять — по десять и восемь — по пять центов.

— Все верно,— сосчитал я,— четыре доллара тридцать центов. С чем и поздравляю! Вычтем подоходный налог и десять центов на расходы — вчерашний звонок Стеббинсу, как раз останется на...

— Заткнись! — рявкнул Вульф. — Завтра ко мне... — сказал он.

Ни завтра, ни послезавтра. Вы прекрасно знаете, что врать этого я не стану.

— Тогда отдай их в Красный Крест.

— Отдавайте сами,— твердо сказал я.— Скорее всего, к нам она больше не явится, но если все же придет и спросит, куда мы дели эти деньги, у меня не повернется язык сказать ей про Красный Крест, а врать тоже не стану.

Вульф сгреб деньги и подвинул их на край стола, ко мне.

— Может быть, и в дом не ты его привел?

— Это ваш дом, и печеньем его угощали вы.

Так мы ни до чего не договорились. Вульф взял лежавшую на столе книгу, вынул из нее закладку и усевшись поудобнее, насколько это позволяли его сто с лишним килограммов, углубился в чтение. Я сел за свой стол и стал размышлять, делая вид, будто просматриваю вчерашние донесения Сола, Фреда и Орри. Через несколько минут я вставил в машинку лист бумаги и принялся печатать. Сначала вышло немного не так, я внес поправки и перепечатал все на другом листе. Теперь получилось вроде бы ничего. Повернувшись к Вульфу, я сказал:

— У меня есть предложение.

Прежде чем посмотреть в мою сторону, он дочитал очередной абзац, по-видимому очень длинный, после чего буркнул:

— Ну?

— Раз уж нам вручили эти деньги, надо их как-то отработать. Если не забыли, вы сами говорили Питу главное — не столько заработать деньги, сколько знать, что они действительно заработаны. Думаю, вы их в самом деле заработаете, если дадите на них объявление в газете. Скажем, в таком роде: «Женщину с золотыми серьгами в форме пауков и царапиной на щеке, которая в среду, ведя машину, попросила мальчика на перекрестке Тридцать пятой улицы и Девятой авеню позвать полицейского, просим позвонить Ниро Вульфу». Адрес в телефонном справочнике.

Я положил листок на полированную поверхность стола и щелчком направил его Вульфу.

— Возможно, в «Нью-Йорк Таймс» за это объявление возьмут дороже, чем четыре доллара сорок центов, но я охотно доплачу доллар-другой. Думаю, что будет здорово. Во-первых, деньги Пита будут

трачены. Во-вторых, пусть Крамер и Стеббинс попрыгают. Стеббинс сам напросился! Ну а что по объявлению кто-то явится, и вам придется все распутывать, так это один шанс из тысячи — тут вы почти ничем не рискуете. И наконец, чем плохо, что в газете лишний раз появится ваше имя? Ну как, что вы на это скажете?

Вульф взял листок и, поморщившись, перечитал объявление.

— Ладно,— проворчал он.— Может, все это тебя хоть чему-нибудь научит.

3

Сына владельца скобяной фабрики нам все-таки удалось выследить и найти на следующий же день, в четверг. Дело это было весьма деликатное по целому ряду причин и оглашению не подлежит. Чтобы не вдаваться в подробности, скажу лишь, что у человека этого никакой скобяной фабрики и в помине не было, а приехал он вовсе не из Янгстауна. Добавлю еще одно. Если в данном случае Вульф считал, что он действительно заработал свой гонорар, поймав эту птичку, то надо отдать ему должное — пожалуй, ни одно на свете внутреннее «я» не подвергалось более суровому испытанию.

В общем, к четвергу дел накопилось по горло, и у нас не было свободной минуты, чтобы поразмыслить, остался бы Пит жив, если бы мы как-то иначе взялись за его дело. Детективу размышлять на подобные темы можно постоянно, только не стоит терять времени, оглядываясь назад, разве что таких случаев накопится столько, что начинаешь погано себя чувствовать.

В среду было уже поздно, и на четверг объявление не приняли. А вот в пятницу утром мне представилось два случая посмеяться над собой. Спустившись из спальни в кухню и поздоровавшись с Фрицем, я первым делом нашел на последней странице «Нью-Йорк Таймс» наше объявление. Вот тут я усмехнулся в первый раз. И зачем мы его дали? Ведь все равно, задели здесь наша профессиональная гордость или нам просто по-человечески жаль парнишку — теперь уж ничего не поделаешь. Вероятность, что кто-то откликнется на это объявление, пожалуй, даже меньше, чем один шанс из тысячи.

Я сидел на кухне — Вульфу, как всегда в это время, Фриц уже понес завтрак наверх — и, разложив перед собой газету, ел кукурузные лепешки с поджаренной колбасой. И тут вдруг зазвонил телефон. Думая, что это звонят по объявлению, я вскочил, чуть не опрокинув стул, подбежал к аппарату и схватил трубку. Увы, это оказался какой-то садовод-любитель из Лонг-Айленда, он спрашивал, не продадим ли мы ему три цветущих куста орхидей. Я ответил, что, во-первых, цветами мы не торгуем, а во-вторых, в мае «Ванда» вообще не цветет.

И все же в то утро нам еще раз напомнили о Пите, только объявление тут было ни при чем. Едва Вульф, спустившись из оранжереи и усевшись за стол, начал просматривать утреннюю почту, в дверь позвонили. Выйдя из кабинета и поглядев в глазок, я сразу узнал стоявшего на крыльце человека, поэтому даже не стал спрашивать, что ему нужно. Нужен ему всегда только Вульф, и то, что он пришел ровно в одиннадцать, лишний раз подтверждает это.

Я вернулся и сказал Вульфу:

— Инспектор Крамер.

Вульф недовольно посмотрел на меня.

— Что ему еще? Опять с какой-нибудь ерундой?

— Спросить у него?

— Да. Нет. Ну ладно.

Я пошел открывать дверь.

По тому, как Крамер, буркнув, поздоровался со мной, да и по выражению его лица было видно, что пришел он явно не за тем, чтобы вручить Вульфу орхидеи. Багровое с крупными чертами лицо, плотная массивная фигура и без того не придавали Крамеру вид чрезмерно приветливого и дружелюбного человека, хотя настроение у него бывает всякое. Сегодня же он был явно не в духе.

В кабинет от вошел впереди меня и, поздоровавшись с Вульфом точно так же, как со мной, уселся в красное кожаное кресло, уставясь на Вульфа холодным взглядом. Вульф ответил ему тем же.

— Зачем это вы дали объявление в газете? — осведомился Крамер.

Вульф отвернулся от него и взял со стола одно из писем, которые только что вынул из конверта

— Арчи,— сказал он,— что за чепуху пишет Лон

Он же отлично знает, я никогда не делаю

скрещивание. На такое письмо и отвечать-то не стоило бы, но я, так и быть, ему напишу. Возьми блокнот. «Уважаемый мистер Джордан! Вполне понимаю, что у Вас не получилось...»

— Да хватит вам,— с досадой бросил Крамер.— Ладно уж. Я же не сказал, что давать объявления в газету — преступление, я ведь по-хорошему спросил. Я не собирался вам грубить.

— Вот именно, не преступление! — категорично подтвердил Вульф.— А спросили вы не по-хорошему.

— Ну считайте, что я спросил так, как вы хотите. Вы же поняли, что мне нужно. Как еще я должен спрашивать?

— Прежде всего я желаю знать, почему вы задаете такой вопрос.

— Ну, потому, что мне кажется, вы от нас кого-то или что-то скрываете в связи с этим убийством. За вами это и раньше водилось. Из вчерашнего рассказа Стеббинсу выходит, будто убийство мальчика вас не интересует и никто по этому делу к вам не обращался. А если так, вы бы на это и гроша ломаного не потратили, я-то вас знаю, уж не говоря о том, чтоб за расследование браться засучив рукава. Я мог бы вас прямо спросить, кто ваш клиент, но я спрашиваю только, для чего вы дали объявление. А если вам не понравилось, каким тоном я задал вопрос, скажите, как еще мне спрашивать.

Вульф глубоко вздохнул.

— Арчи, расскажи, пожалуйста, все.

Я рассказал. Много времени это не заняло, поскольку Пэрли ему уже докладывал и мне оставалось лишь объяснить, на что мы решили истратить деньги Пита, к которым я добавил доллар восемьдесят пять центов своих денег. Пока я говорил, Крамер не сводил с меня своих серо-стальных глаз. Под его тяжелым недоверчивым взглядом и раньше мне не раз приходилось хитрить, изворачиваться или уходить от прямого ответа, поэтому сейчас, выкладывая ему чистейшую правду, я попросту не обращал на это внимания. Он задал еще несколько вопросов, а когда я ответил на них, он вернулся к Вульфу и резко спросил:

— Вы слышали когда-нибудь о человеке по имени Мэтью Берч или, может, встречались с ним?

— Да,— коротко ответил Вульф.

— Так, значит, и слышали, и встречались?

В серых глазах Крамера на какую-то долю

мелькнул огонек. Не знай я Крамера как свои пять пальцев, огонька этого мне бы ни за что не заметить.

— Что ж, давайте по-хорошему. Не могли бы вы сказать, где и когда?

— Пожалуйста. Позавчера, в среду, на страницах газет. Вы ведь знаете, по делам я из дому не выхожу, да и вообще выхожу редко. А о том, чем в данный момент занимаются мои дорогие собратья, знаю исключительно по радио и из газет. В газете сообщалось, что труп некоего Мэтью Берча был обнаружен во вторник вечером, точнее уже в среду, в три часа ночи. Он лежал на булыжной мостовой в переулке, параллельном Южной улице, в районе порта. По всей видимости, его сбила машина.

— Ну-ну. Спрошу по-другому, правильнее. Кроме сообщений о его смерти в газетах и по радио, слышали ли вы когда-нибудь или встречались с ним?

— Под таким именем — нет.

— Черт подери, да под любым именем!

— Насколько мне известно, нет.

— Есть у вас основания считать или подозревать, что человека, чей труп был найден в этом переулке, вы видели или знали раньше в связи с каким-нибудь другим делом?

— Вот на такой вопрос и ответ будет исчерпывающий — нет. А теперь разрешите, я вам задам вопрос. Есть ли у вас основания полагать или подозревать, что я мог бы ответить утвердительно?

Крамер ничего не сказал на это. Он все ниже опускал голову, пока не коснулся подбородком узла галстука, потом, поджав губы, с минуту смотрел на меня и наконец заговорил, обращаясь к Вульфу:

— Вот почему я и пришел. Судя по тому, что́ мальчик перед смертью просил передать вам, и по тому, как его сбила машина, — она ведь сорвалась с места и умчалась, — это не похоже на несчастный случай. Сейчас все еще больше осложнилось. И уж если дело принимает такой сложный оборот, а вы в нем как-то замешаны, мне непременно надо точно знать, частично замешаны, мне непременно надо точно знать, зачем и с какой стороны вы за него взялись и что именно намерены расследовать.

— Я ведь спросил о том, какие у вас основания, а не о том, почему вы ко мне с предубеждением относитесь.

— Какое предубеждение? Дело вот в чем. Вчера

утром машину, которая сбила мальчика, нашли. Она стояла на Сто восемьдесят шестой улице, все с тем же фальшивым номером. Наши эксперты целый день ее осматривали. Установлено, что мальчика сбили на ней. Но это еще не все. Под днищем, в крестовине карданного вала обнаружили лоскут размером с ладонь. Он выдран из пиджака Мэтью Берча, в нем его и нашли. В лаборатории сейчас точно устанавливают, на этой машине сбили Берча или нет, но я-то уже не первый год в полиции, какие тут еще доказательства нужны. И так все ясно. Разве нет?

Вульф согласился:

— Если бы это дело пришлось расследовать мне, значит, за рабочую гипотезу такой вариант я, пожалуй, принял бы.

— Вот именно. Раз уж вы объявление дали, значит, наверняка взялись за это дело.

Медленно покачивая головой, как бы подчеркивая этим свою корректную манеру держаться, Вульф проговорил:

— Я допускаю, что иногда в самом деле говорил то, чего в действительности не было, более того, мне даже приходилось намеренно вводить вас в заблуждение. Но вы прекрасно знаете, что я всячески избегаю так заведомо и грубо лгать. Повторяю, мы честно изложили вам все факты, которыми располагаем по этому делу, и никакого клиента у меня в связи с ним нет. Более того, сам я этим делом не занимаюсь и не думаю заниматься. Я, разумеется, совершенно согласен с вами, что...

Тут зазвонил телефон. Я снял трубку на своем столе.

— Кабинет Ниро Вульфа. Арчи Гудвин слушает.

— Будьте добры, попросите, пожалуйста, мистера Вульфа.

Говорила женщина, голос у нее был низкий, и она была явно взволнована.

— Сейчас узнаю, занят он или нет. С кем я говорю?

— Он меня не знает. Мне надо поговорить с ним по поводу объявления в сегодняшней газете. Я хотела бы с ним встретиться.

Чтобы не выдать своего волнения, я старался говорить как можно спокойнее:

— Все встречи с ним назначаю я. Может, вы все-таки назовете свое имя?

— Я лучше... когда приду к вам. В двенадцать мож-

— Минутку подождите у телефона.

Он посмотрел в настольный календарь, перевернув несколько листков на следующую неделю.

— Да, можно. Не опаздывайте только. Адрес у вас есть?

Она ответила, что есть. Положив трубку, я сказал Вульфу:

— Он хочет взглянуть на орхидеи. Я назначил, как обычно.

Вульф продолжал, обращаясь к Крамеру:

— Я, разумеется, согласен с вами, что, коль скоро и мальчик и Мэтью Берч были сбиты одной и той же машиной, дело существенно осложняется, но, с другой стороны, вести расследование вам будет легче. Хотя номер и заменен, выяснить, чья это машина, все же возможно.

На лице Крамера опять появилось то холодное выражение, какое было в самом начале разговора.

— Да, оснований считать вас грубым лжецом у меня, пожалуй, и впрямь нет.

В присутствии Вульфа Крамер всегда старается подниматься из кресла подчеркнуто легко, в отличие от самого Вульфа, который, вставая, всегда тяжело опирается на подлокотники.

— Нет,— повторил он,— грубым лжецом я вас не считаю.

С этими словами он повернулся и вышел.

Я прошел в коридор, запер за ним дверь и, вернувшись в кабинет, сел за свой стол.

— Итак, письмо мистеру Джордану,— сказал Вульф.

— Хорошо.

Я взял блокнот.

— Но прежде замечу, что хотя шанс этот в самом деле был одним из тысячи, он все-таки выпал. Звонила женщина по объявлению. Фамилию не назвала, да при Крамере я особенно и не выспрашивал. Сейчас придет. В двенадцать.

— Куда?

— Сюда, к вам.

Вульф сжал губы. Потом сказал:

— Слушай, Арчи, это становится невыносимым

— Несомненно. Но если учесть, что сегодня вы так и не научили Крамера хорошим манерам, я подумал, может, сначала стоит поговорить с ней о том о сем, а уж потом звонить ему, чтобы приезжал за ней

Я бросил взгляд на настенные часы.

— Она придет через двадцать минут, если вообще придет.

Вульф проворчал вместо ответа: «Уважаемый мистер Джордан...»

4

Она пришла. Когда она села в красное кожаное кресло, смотреть на нее было куда приятнее, чем на инспектора Крамера, да и по правде сказать, чем на всех остальных посетителей, когда-либо сидевших в нем. Но она явно была чем-то взволнована.

После того как, открыв дверь, я пригласил ее войти, мне показалось, что она сейчас повернется и уйдет. Так она уже и хотела поступить, но в конце концов, пересилив себя, все же вошла, и я провел ее в кабинет.

На ее левой щеке к углу рта протянулась царапина, неглубокая, но резко выступавшая на гладкой белой коже. Не удивительно, что посмотрев на эту женщину в упор, Пит первым делом обратил внимание на серьги в виде пауков. Он был, пожалуй, прав — они действительно были золотыми и так же, как царапина, резко бросались в глаза. И все же, несмотря на царапину, на эти серьги и на волнение — она все время делала резкие, порывистые движения и была какой-то дерганой,— красное кресло ей шло. Она была примерно моих лет, что, конечно, не идеал, но я ничего не имею против раннего бальзаковского возраста, если, конечно, он действительно ранний.

Вульф не слишком сердито спросил ее, чем может быть полезен. Прежде чем ответить, она открыла сумочку и достала оттуда два листка. Сумочка была из мягкой зеленой замши, как и жакет, надетый на темно-зеленое шерстяное платье, а на голове чуть сбоку кокетливо сидела небольшая шляпка из такой же замши.

— Вот ваше объявление из «Нью-Йорк Таймс», сказала она и положила вырезку обратно в сумочку. А это чек на пятьсот долларов.

— Разрешите взглянуть?

— Н-нет... не сейчас. Там моя фамилия..

Догадываюсь.

Видите ли... Сначала мне хотелось бы вас [illegible] спросить... а уж потом представиться.

О чем же?

о мальчике, которого я попросила

у нее был довольно приятный, пожалуй, даже понравиться, если бы он не так дрожал. Она только не успокоилась, а, напротив, казалась еще более взволнованной.

— Я хочу видеть его. Вы не могли бы помочь мне в этом? Может быть, вы... просто скажете мне, как его зовут, и дадите адрес? Думаю, пятисот долларов за такую услугу будет вполне достаточно. Мне известно, что вы берете дорого. Возможно, мне еще понадобится... Но нет, прежде ответьте на мои вопрос.

Когда глаза у Вульфа не закрыты, он все время смотрит на собеседника, но я заметил, что сейчас он смотрел на женщину как-то особенно пристально. Повернув голову в мою сторону, он произнес:

— Арчи, пожалуйста, рассмотри внимательно царапину на ее лице.

Я встал. Она явно не знала, как ей поступить: то ли остаться на месте и позволить мне разглядывать щеку, то ли закрыть лицо руками, то ли вообще встать и уйти. Но времени на раздумье у нее не было, я подошел и наклонился к ее лицу почти вплотную. Она хотела что-то сказать, но осеклась, потому что я выпрямился и произнес, обращаясь к Вульфу:

— Расцарапано чем-то тонким и острым. Наверное, иголкой или, пожалуй, маникюрными ножницами.

— Когда?

— Скорее всего, сегодня, но возможно, и вчера. Только наверняка не три дня назад.

Я по-прежнему стоял рядом с женщиной.

— Что за наглость! — вскрикнула она и вскочила из кресла.— Хорошо, что я не назвала своего имени!

Выбежать из кабинета она не могла — я стоял у нее на пути.

— Чепуха! — отрезал Вульф.— Даже не разгляди я вашу царапину, обмануть меня вам все равно не удалось бы. Разве что вас кто-то заранее проинструктировал, как нужно себя вести со мной. Опишите мальчика. Опишите тех, кто находился в машине. В котором часу это произошло? Что вам ответил мальчик? Что именно он сделал? И так далее. На таких и подобных вопросах поймать вас было бы проще простого. Но, зная ваше имя, узнать его не составит труда. Мистер Гудвин возьмет вашу сумочку... если понадобится.

применит силу и ознакомится с ее содержимым. А вздумаете жаловаться, учтите, свидетелей будет двое против одного. Так что сядьте, мадам.

— Это низко!

— Почему же? Вовсе нет. Вполне оправданное противодействие вашей попытке обмануть нас. Мы вас не задерживаем, но если угодно уйти, придется назвать себя. Садитесь же, и мы обо всем поговорим. Но прежде всего — ваше имя.

Она явно переоценила свои возможности, полагая, что ей удастся провести Ниро Вульфа в его же собственном кабинете. И все-таки она была неглупа. Она обдумывала создавшееся положение, от ее возбуждения не осталось и следа. Затем, придя, видимо, к какому-то решению, достала из сумочки карточку и протянула Вульфу.

— Вот мои водительские права.

Вульф взял документ и, взглянув на него, тут же вернул ей.

— Меня зовут Лаура Фромм. Миссис Дэймон Фромм. Я вдова. Живу в Нью-Йорке, Шестьдесят восьмая улица, 743. Во вторник, когда я вела машину по Тридцать пятой улице, я попросила мальчика позвать полицию. Из вашего объявления я поняла, что у вас можно получить адрес этого мальчика. Я заплачу вам.

— Итак, вы не желаете признаться, что водите нас за нос.

— Я вас? Конечно, нет.

— В котором часу это было?

— Это не имеет значения.

— Что делал мальчик, когда вы заговорили с ним?

— И это не имеет значения.

— На каком расстоянии от вас он стоял при разговоре и громко ли вам пришлось кричать?

Она покачала головой.

— Я не собираюсь отвечать на ваши вопросы. С какой стати?

— Но вы настаиваете на том, что вели машину и попросили мальчика позвать полицию?

— Да.

— В таком случае мне жаль вас. Вас будут допрашивать в полиции по делу об убийстве. В среду мальчика сбила машина, и он умер. Убийство было преднамеренным.

У нее отвисла челюсть.

— Что-о?

Мальчика сбила ваша машина. Та самая, на которой вы ехали во вторник, когда говорили с ним.

Она открыла рот и тут же закрыла его. Затем медленно проговорила:

— Я вам не верю.

— Придется поверить. В полиции вам растолкуют, как они определили, что машина та же самая. Это точно установлено, миссис Фромм.

— Я имею в виду — вообще, вы это просто придумали. Какая низость. Я просто не нахожу слов.

Вульф повел головой в мою сторону.

— Арчи, дай вчерашнюю «Нью-Йорк Таймс».

Подойдя к полке, где у нас лежат газеты недельной давности, я взял нужный номер, развернул на восьмой полосе, сложил и передал Лауре Фромм.

Когда она брала газету, правая рука у нее слегка дрожала, и, читая заметку, она поддерживала эту руку левой, пытаясь унять дрожь. Читала она довольно долго, а когда наконец подняла глаза, Вульф сказал:

— Тут ничего не говорится о том, что Питер Дроссос и есть тот самый мальчик, к которому вы обращались во вторник. Если не верите, в полиции вам это подтвердят.

С Вульфа она перевела взгляд на меня, потом опять на Вульфа... наконец ее глаза остановились на мне.

— Я бы хотела... у вас найдется немного джина?

Газета выпала у нее из рук на пол, я поднял ее и спросил:

— Разбавить?

— Не нужно. Или, может быть, у вас есть «Гибсон»?

— С луком?

— Нет-нет. Спасибо. Но двойной.

Я пошел на кухню, достал лед и джин. Мне пришло на ум, что если Лаура Фромм в самом деле рассчитывает на помощь Вульфа, то джину она попросила совершенно напрасно, в его представлении любители этого напитка — сущие варвары. Именно поэтому, наверное, когда я вошел и поставил поднос на столик рядом с ее креслом, Вульф откинулся назад и закрыл глаза. Я налил джина в рюмку и подал ей. Она отпила немного, потом хватила залпом чуть не половину, после чего опять маленькими глотками допила бокал. Пила она, опустив глаза, вероятно, чтобы я не догадался по ним, как напряженно работала ее мысль. Осушив вторую рюмку, она поставила ее на поднос и сказала:

Когда машина сбила мальчика, за рулем сидел мужчина.

Вульф открыл глаза.

— Арчи, убери поднос.

Разумеется, запах джина, особенно всего через полчаса после завтрака, весьма неприятен. Я отнес злополучный поднос в кухню и вернулся в кабинет.

— ...Хотя и не обязательно,— говорил Вульф. потому что в мужской одежде издали вас вполне можно принять за мужчину. А это весьма существенно. Впрочем, я отнюдь не утверждаю, что мальчика задавили вы. Я просто говорю, что, придя ко мне по объявлению, да к тому же в этих серьгах и с фальшивой царапиной, вы оказались замешанной в этом деле. И если вы по-прежнему настаиваете, что вели эту машину во вторник, иначе как ненормальной вас не назовешь.

— Я не вела ее.

— Вот это уже лучше. Где вы были во вторник с шести тридцати до семи вечера?

— На заседании исполнительного комитета Ассоциации помощи перемещенным лицам. Оно закончилось в восьмом часу. Муж отдавал этому делу много души, и я его продолжаю.

— А где вы были с шести тридцати до семи вечера в среду?

— А при чем здесь... Ах да. Ведь мальчика... Да, да. Это было позавчера.— Она немного подумала.— Мы с другом пили коктейль в ресторане «Черчилль».

— Будьте добры, имя вашего друга.

— Но это же просто смешно.

— Согласен. Почти так же смешно, как смешна эта царапина у вас на щеке.

— Его зовут Дэннис Хоран. Он адвокат.

Вульф кивнул:

— Что ж, даже если все действительно обстоит так, как вы говорите, вам еще потреплют нервы. Не думаю, что вы участвовали в этом убийстве. Уж что-что, а [illegible] читать я умею, и вряд ли вы притворяетесь, [illegible] лышав о смерти мальчика, это известие вас [illegible] И все-таки вам нужно собраться с мыслями [illegible] думать, что вы будете говорить. А говорить вас [illegible] Не я. Я ведь даже не спрашиваю, для чего [illegible] весь этот маскарад, меня это попросту не [illegible] Но вот полиция — они своего добьются. Я не [illegible] больше вас задерживать и вызывать полицию [illegible] вете идти. Они вас сами вызовут.

— Когда машина сбила мальчика, за рулем сидел мужчина.

Вульф открыл глаза.

— Арчи, убери поднос.

Разумеется, запах джина, особенно всего через полчаса после завтрака, весьма неприятен. Я отнес злополучный поднос в кухню и вернулся в кабинет.

— ...Хотя и не обязательно,— говорил Вульф. — потому что в мужской одежде издали вас вполне можно принять за мужчину. А это весьма существенно. Впрочем, я отнюдь не утверждаю, что мальчика задавили вы. Я просто говорю, что, придя ко мне по объявлению, да к тому же в этих серьгах и с фальшивой царапиной, вы оказались замешанной в этом деле. И если вы по-прежнему настаиваете, что вели эту машину во вторник, иначе как ненормальной вас не назовешь.

— Я не вела ее.

— Вот это уже лучше. Где вы были во вторник с шести тридцати до семи вечера?

— На заседании исполнительного комитета Ассоциации помощи перемещенным лицам. Оно закончилось в восьмом часу. Муж отдавал этому делу много души, и я его продолжаю.

— А где вы были с шести тридцати до семи вечера в среду?

— А при чем здесь... Ах да. Ведь мальчика... Да, да. Это было позавчера.— Она немного подумала.— Мы с другом пили коктейль в ресторане «Черчилль».

— Будьте добры, имя вашего друга.

— Но это же просто смешно.

— Согласен. Почти так же смешно, как смешна эта царапина у вас на щеке.

— Его зовут Дэннис Хоран. Он адвокат.

Вульф кивнул:

— Что ж, даже если все действительно обстоит так, как вы говорите, вам еще потреплют нервы. Не думаю, что вы участвовали в этом убийстве. Уж что что, а по лицу читать я умею, и вряд ли вы притворяетесь. Услышав о смерти мальчика, это известие вас потрясло. И все-таки вам нужно собраться с мыслями и подумать, что вы будете говорить. А говорить вам [illegible]. Не я. Я ведь даже не спрашиваю, для чего [illegible] весь этот маскарад, меня это попросту не [illegible]. Но вот полиция — они своего добьются. Я не [illegible] больше вас задерживать и вызывать полицию [illegible] идете идти. Они вас сами вызовут.

Глаза ее заблестели, в них появилась уверенность. Чек начал оказывать свое действие и быстро.

— При чем здесь полиция? И с какой стати им меня вызывать?

— Потому что они захотят знать, зачем вы приходили ко мне.

— Я имею в виду, вам-то для чего в полицию сообщать?

— Потому что если я располагаю какой-либо информацией о преступлении, за исключением тех случаев, когда эта информация представляет интерес для меня самого, я всегда сообщаю ее полиции.

— Я не совершила никакого преступления.

— Вот они и попросят вас доказать это. Только одних слов им будет мало.

Лаура Фромм внимательно посмотрела на меня, я ответил ей не менее пристальным взглядом. Может, мне и далеко до Вульфа, но кое-что прочесть по глазам я тоже умею, и бьюсь об заклад, что она пыталась угадать, можно ли рассчитывать на мою помощь, если она попросту пошлет Вульфа подальше. Чтобы помочь ей быстрее прийти к правильному решению, я постарался придать своему лицу вид непоколебимой добродетели, правда без какой-либо враждебности. Судя по выражению ее лица, она поняла, что со мной у нее ничего не выйдет.

Оставив всякую надежду сделать меня своим союзником, она отвернулась, открыла зеленую замшевую сумочку, достала ручку и какой-то блокнот в кожаном переплете, положила его на столик и, склонившись, принялась что-то писать. Затем вырвала из блокнота небольшой голубой листок, встала и положила его Вульфу на стол.

— Это чек на десять тысяч долларов,— сказала она ему.

— Вижу.

— Это предварительный гонорар.

— За что?

— О, я вовсе не пытаюсь дать вам взятку,— она улыбнулась.

Впервые за все это время у нее на лице появилось хоть какое-то подобие улыбки, и мысленно я похвалил ее за это.

— Мне, вероятно, понадобится компетентный. Возможно, даже помощь компетентного специалиста. Ра

уж вы в курсе дела, а я не желаю... Мне не хотелось бы обращаться к своему адвокату, по крайней мере пока.

— Вздор! Вы просто предлагаете мне деньги, чтобы я не сообщал в полицию о вашем визите сюда.

— Нет! — ее глаза яростно сверкнули.— А если даже и так, ничего дурного в этом нет. Я вдова Дэймона Фромма. Муж оставил мне большое состояние, в том числе много недвижимости в Нью-Йорке. Я занимаю немалое положение в обществе и несу определенные обязанности. Если вы сообщите в полицию, я добьюсь приема у старшего инспектора, и меня вряд ли станут подвергать унизительным допросам. Однако мне претит иметь дело с полицией. Если завтра часов в двенадцать вы придете ко мне, я буду знать, что...

— Домой я ни к кому не хожу.

— Ах да, верно.— Она нахмурилась, но тут же сказала:

— Тогда я сама приду к вам.

— В двенадцать?

— Нет, если мне надо быть у вас, то лучше в половине двенадцатого, потому что в час у меня назначена деловая встреча. До тех пор, прошу вас, не сообщайте в полицию, что я была здесь. Я хочу... мне нужно кое-кого повидать. Попробую выяснить одну вещь. Завтра я вам все расскажу... Хотя нет, не обещаю. Договариваемся лучше так: или завтра я расскажу вам обо всем или вы сообщите в полицию, если сочтете нужным. Ну а если я все же расскажу, мне понадобится ваш совет, возможно, и помощь. Вот за это я и плачу вам предварительный гонорар.

— Гм,— Вульф повернул голову и посмотрел на меня.— Арчи, ты считаешь, миссис Фромм действительно та, за кого выдает себя?

— Думаю, что да, хотя письменно не поручусь.

Вульф обратился к нашей посетительнице:

— Мадам, вы уже попытались ввести нас в заблуждение и сказали правду, только когда вас вынудили это сделать. Возможно, и сейчас ваши слова не вполне соответствуют истине. Поэтому мистер Гудвин сходит в редакцию одной газеты, отыщет в светской хронике фотографии миссис Фромм и позвонит мне. На это уйдет полчаса. А вы пока побудете здесь.

Она усмехнулась.

Это просто смешно.

— Несомненно. Однако в сложившихся обстоятельствах — вполне разумно. Или у вас есть возражения?

— Нет, конечно. Полагаю, я этого заслужила.

— Значит, вы согласны?

— Да.

— В таком случае, проверка не нужна. Вы действительно миссис Фромм. Прежде чем вы уйдете, мне бы хотелось кое-что уточнить и задать вам один вопрос. Я хочу уточнить, что только завтра решу, брать ли мне у вас предварительный гонорар или нет, пока же моим клиентом вы не являетесь. А вопрос такой: знаете ли вы женщину, которая во вторник вела машину и разговаривала с мальчиком?

Она покачала головой.

— Хорошо, решите вы завтра. И до тех пор не будете сообщать в полицию, что я была у вас?

— Не буду, договорились. Теперь ответьте на мой вопрос.

— Сейчас я не стану отвечать, просто не знаю, но завтра, полагаю, отвечу.

— Но сейчас вы считаете, что знаете ее? – настаивал Вульф.

— Я не буду отвечать.

Вульф недовольно сдвинул брови.

— Миссис Фромм! Должен вас предупредить. Знаете ли вы человека по имени Мэтью Берч?

Она тоже нахмурилась.

— Нет. Берч? Не знаю. А что?

— Во вторник вечером его сбила машина и он умер. Это была та же самая машина, на которой в среду сбили Питера Дроссоса. Конечно, машина есть машина, и сама по себе ни жестокой, ни коварной она быть не может, но вот человек, сидевший за рулем, наверняка и жесток и коварен. Поэтому предупреждаю вас ни в коем случае не лезьте на рожон и вообще будьте осмотрительны. Сегодня вы мне фактически так ничего и не сказали, и я не знаю, как велика опасность, которой вы, возможно, подвергаете себя, а то и своих близких. Но я говорю вам: берегитесь!

— Та же самая машина? Сбила человека во вторник?

— Да. Раз вы не знаете его, возможно, вы здесь и ни при чем, но я настоятельно советую: будьте осторожны.

Она нахмурилась.

— Я осторожна, мистер Вульф.

— Ну конечно. Особенно сегодня, когда вы затеяли весь этот маскарад.

— Да нет же. Вы не правы. Я была осторожна все это время. Старалась быть.

Лаура Фромм взяла со стола ручку и чековую книжку в кожаном переплете, положила их в сумку и закрыла ее. Затем встала.

— Спасибо вам за джин, но, кажется, напрасно я его пила. Не надо было.

Она протянула руку Вульфу. Обычно, когда входит или выходит женщина, Вульф не встает. На этот раз, однако, он поднялся из кресла, но не потому, что испытывал какое-то особое уважение к Лауре Фромм, и уж во всяком случае не потому, что она выписала на его имя чек на десять тысяч. Просто перед обедом ему надо было хоть немного размяться, и он встал и пожал ей руку. Я, разумеется, тоже встал, чтобы проводить ее до двери. Должен отметить, что с ее стороны было довольно мило подать руку и мне, особенно после того, как на ее безмолвную просьбу я ответил столь строгим неподкупным взглядом. Она пошла к двери, и мы чуть не столкнулись с ней, когда она вдруг остановилась и, повернувшись к Вульфу, сказала:

— Забыла спросить вас. Этот мальчик, Питер Дроссос, он не из перемещенных?

Вульф ответил, что не знает.

— А вы не могли бы выяснить?

Вульф ответил, что мог бы.

На улице ее не ждала машина. Вероятно, из-за трудностей со стоянками даже миссис Дэймон Фромм вынуждена ездить на такси.

Когда я вернулся, Вульфа в кабинете не было, и я пошел на кухню, где он уже снимал крышку с обьятой паром кастрюли, в которой тушились телячьи котлеты, нашпигованные бананом и обложенные помидорами. Судя по запаху, они были вполне съедобны.

— Должен признать,— великодушно заметил я,— что у вас чертовски наметанный глаз. Правда, тут все дело, пожалуй, в том, что вы не настолько равнодушны к хорошеньким женщинам, чтобы возмутиться при виде царапины на лице, вот вы и вцепились в нее.

Вульф пропустил колкость мимо ушей.

— Ты пойдешь после обеда в банк получить ... и по чеку мистера Корлисса?

— Да, я ведь вам говорил.

Тогда зайди и в банк миссис Фромм, пусть ее [illegible] пока подпишут к платежу. Заодно и ее подпись удостоверят. Фриц, сегодня даже лучше, чем в прошлый раз. Весьма недурно.

5

На следующий день, в субботу, к двенадцати часам дня, я уже собрал порядочно сведений о нашей возможной клиентке. Для начала, воспользовавшись любезностью одного моего знакомого из «Газетт», Лона Коэна, я порылся у них в архиве и установил, что нашей вчерашней посетительницей была действительно миссис Дэймон Фромм. Состояние ее оценивалось на сумму от пяти до двадцати миллионов долларов, и поскольку наш окончательный гонорар вряд ли превысил бы один, от силы два миллиона, уточнять я не стал. Муж, который был чуть ли не вдвое старше ее, умер от инфаркта два года назад, и жена унаследовала все его предприятия. Детей нет. Девичья фамилия Эттертон. Родилась и выросла в Филадельфии. Из весьма почтенной семьи, прожила с мужем семь лет.

Самому Фромму наследство досталось небольшое, и миллионером он стал много позже, вложив все свои средства главным образом в химическую промышленность. Нередко он жертвовал значительные суммы разного рода благотворительным организациям, поэтому вполне понятно, что, узнав о его смерти, многочисленные председатели и председательши, ответственные секретари и секретарши, выразив подобающие в таких случаях соболезнования, проявили вполне понятный интерес к его завещанию. Однако, за исключением незначительных сумм, все свое состояние он завещал жене.

Лаура Фромм продолжала, однако, вносить пожертвования, более того, она весьма энергично сама занялась благотворительной деятельностью, не жалея на это ни сил, ни времени. При этом особое внимание она уделяла Ассоциации помощи перемещенным лицам или сокращенно - для телеграмм и людей, страдающих одышкой,— АСПОПЕЛу.

Если вы думаете, что на сбор всех этих сведений у меня ушло много времени, то вы ошибаетесь. Порывшись в архиве и поговорив минут пятнадцать с Лоном Коэном, я выяснил почти все, кроме одной детали.

о которой узнал уже позднее в нашем банке. Можно было не опасаться — Лон не проболтался бы, что Ниро Вульф собирает информацию о миссис Дэймон Фромм. Своими сведениями мы ему частенько помогали, во всяком случае, не реже, чем он нам разного рода слухами и сплетнями.

В субботу утром, без четверти двенадцать Вульф сидел за своим столом, а я стоял рядом. Мы проверяли расходы по делу Корлисса (фамилия вымышленная), владельца скобяной фабрики (род занятий тоже вымышленный). Вульф утверждал, что мы где-то просчитались на двадцать долларов, и я принялся доказывать, что он ошибся. Оказалось, что неправы были мы оба. Двадцать долларов, которые я записал на Орри Кэтера, надо было записать на Сола Пэнзера — тут я действительно просмотрел, но общая сумма от этого все равно не менялась — тут ошибался Вульф. Счет, таким образом, был ничейным: один — один. Собрав все бумаги и подойдя к картотеке, я взглянул на свои часы: было без одной минуты двенадцать.

— Прошло уже двадцать девять минут,— заметил я.— Позвонить ей?

Вульф проворчал, что не надо, и я, достав из сейфа чековую книжку, стал просматривать накопившиеся хозяйственные счета. Вульф включил радио послушать новости. Я заполнял корешки чеков и слушал:

«...Проходящее на Бермудских островах совещание глав правительств США, Англии и Франции, которое оказалось под угрозой срыва из-за отставки премьер-министра Мейера, по всей видимости, продолжит свою работу согласно намеченному плану. Обозреватели полагают, что у преемника Мейера будет достаточно времени, чтобы занять освободившийся пост еще до возобновления переговоров...

...Как нам сообщают из Токио, во время трехдневного перерыва на мирных переговорах в Корее, сделанного по просьбе командования войсками ООН, предполагается продолжить консультации между представителями государств — членов ООН в Соединенных Штатах, а также непосредственно в штабе командующего войсками ООН генерала Кларка в Токио.

...Тело миссис Дэймон Фромм, известной [illegible] американской миллионерши и благотворительницы, [illegible] обнаружено сегодня утром между сваями на [illegible] в Восточной части города автостраде. Полиция [illegible]

возможность несчастного случая, утверждая, что она была сбита машиной умышленно...

Около миллиона двухсот пятидесяти тысяч жителей Нью-Йорка воочию убедились в возросшей мощи американских вооруженных сил, присутствуя на параде...»

Радио продолжало говорить, и было видно, что Вульф по-прежнему слушает передачу. На его лицо, однако, набежала тень, а когда он спустя пять минут все-таки выключил радио, он был мрачнее тучи.

— Та-ак,— произнес я.

Что еще тут можно было сказать, да и какой был бы от этого толк? Вряд ли сейчас стоило напоминать Вульфу, что он предупреждал миссис Фромм о возможной опасности, советуя не лезть на рожон и вообще вести себя осмотрительно. К тому же и весь его угрюмый вид говорил о том, что подобные замечания были бы сейчас явно неуместны.

Но вот Вульф положил руки на подлокотник кресла и с минуту размеренно водил ладонями взад и вперед по шуршащей обивке. Затем он выпрямился и скрестил руки на груди.

— Арчи!

— Слушаю вас.

— Сколько времени тебе потребуется, чтобы напечатать наш разговор с миссис Фромм? Дословно не нужно. Память у тебя, как известно, превосходная, и ты можешь воспроизвести все слово в слово, но сейчас надобности в этом нет. Только суть. Так, как если бы докладывал мне.

— Вы могли бы и продиктовать.

— Не хочу, настроения нет.

— Что-нибудь опустить?

— Изложи только самое существенное. Я рассказал ей, что Питера Дроссоса и Мэтью Берча сбила одна и та же машина. Это не печатай: в газетах об этом ничего не было.

— Мне нужно двадцать минут.

— Составь заявление, мы с тобой его подпишем. В трех экземплярах. Дата сегодняшняя, двенадцать часов. Первый экземпляр сразу же отнесешь в полицию. Крамеру.

— Тогда полчаса. Заявление за нашими подписями надо составить получше.

— Хорошо.

Я управился даже на пять минут р[illegible]

ление получилось на трех листах, каждый из которых Вульф прочитывал сразу же, как только я вынимал бумагу из машинки. Никаких исправлений и даже просто замечаний он не сделал, и это еще больше, чем нежелание диктовать, говорило о его состоянии. Мы поставили свои подписи, и я вложил заявление в конверт.

— Крамера в участке сейчас нет и Стеббинса тоже. Так что прочесть это они не смогут.

Вульф ответил, что можно вручить кому угодно, и я ушел.

В десятом участке на Двенадцатой улице, где расположено Манхэттенское отделение по расследованию убийств, мне приходилось бывать частенько, однако на этот раз ни одного знакомого лица на глаза не попалось. Я поднялся на третий этаж и там, за столом, увидел полицейского, которого немного знал. Я оказался прав — ни Крамера, ни Стеббинса не было. Дежурил лейтенант Роуклиф, и полицейский по телефону доложил ему обо мне.

Если бы Роуклиф, я и еще человек двадцать вдруг оказались на необитаемом острове и, умирая от голода, стали бы тайным голосованием решать, кого съесть, чтобы спасти всех остальных, Роуклифа я бы ни за что не выбрал, потому что точно знаю — мне его не переварить, только испортил бы себе желудок. И все-таки, если сравнить мое мнение о нем с тем, что он думает обо мне, я отношусь к нему еще вполне благожелательно.

Поэтому я ничуть не удивился, что он не пригласил меня к себе в кабинет, а вышел в коридор и, сделав по направлению ко мне несколько шагов, рявкнул:

— Ну, что там еще?

Я вынул из кармана конверт и протянул ему со словами:

— Увы, это заявление не о приеме на работу в полицию, так что служить под вашим руководством мне, к сожалению, не придется.

— И очень жаль,— сквозь зубы процедил Роуклиф.

— Это и не повестка...

Он выхватил у меня конверт, достал листки, посмотрел на первые строки, потом на подписи.

— Та-ак, значит, заявление хотите с Вульфом сде[лать]. Ну-ну. Наверняка очередной шедевр. Распи[сать]?

— Не обязательно. Если хотите, могу вам про[чи]тать.

— Единственное, что я хочу, это увидеть вашу спину во-он в тех дверях, на выходе.

Не дождавшись, пока я уйду, он резко повернулся и направился в свой кабинет. Я сказал полицейскому за столом:

— Будьте добры, отметьте, что в тринадцать часов шесть минут я отдал мастодонту конверт.

Затем я отправился домой.

Вернувшись и увидев, что Вульф уже начал обедать, я тоже сел за стол и разделил с ним удовольствие отведать омлет с анчоусами. Во время еды Вульф не разрешает говорить о делах и вообще терпеть не может, когда его отвлекают. Поэтому настроение у него испортилось окончательно, когда, едва он поднес ко рту кусок пирога с вишней и инжиром, в кабинете зазвонил телефон. Я быстро вышел и снял трубку. Минуту спустя я вернулся и сообщил:

— Звонил некто Дэннис Хоран. Если вы помни...

— Помню. Что ему?

— Спрашивает вас.

— Мы перезвоним ему через десять минут.

— Он собирается уходить, и звонить ему будет некуда.

Вульф даже не чертыхнулся. Тем не менее, не торопясь, прошел в кабинет, уселся за свой стол и снял трубку. Я вышел следом и, подойдя к своему столу, тоже взял трубку.

— Ниро Вульф слушает.

— Мистер Вульф, с вами говорит Дэннис Хоран, адвокат. Случилось ужасное. Погибла миссис Дэймон Фромм. Ее сбила машина.

— В самом деле? Когда?

— Тело обнаружили сегодня в пять утра.— Голосок у него был тонкий, того и гляди, сорвется на писк. Впрочем, как знать, может, он был сильно потрясен.— Я был другом миссис Фромм, вел часто ее дел и звоню по поводу чека на десять тысяч долларов, который она выдала вам вчера. Вы вели еще не получили по нему деньги?

— Нет.

— Хорошо. Поскольку миссис Фромм погибла его не оплатят. Как вам удобнее — послать его по почте по домашний адрес миссис Фромм или же передать мне

— Никак. Я намерен получить по нему деньги

— Но ведь я же сказал, чек не оплатят.

крупные суммы, подписанные лицом, которое скончалось, не...

— Я знаю это. Но чек уже подписан к платежу. В банке миссис Фромм вчера вечером.

— Ах так...— последовала долгая пауза.— Но ведь... миссис Фромм умерла и не сможет теперь воспользоваться вашими услугами, вы уже не можете быть ей полезны... я не совсем понимаю, какие у вас основания брать эти деньги. Мне кажется, было бы порядочнее и этичнее вернуть чек.

— Не помню, чтобы я просил вас наставлять меня по вопросам порядочности и этики моего поведения.

— Да нет, поймите меня правильно. Я вовсе не хотел оскорбить вас. Но сами посудите, на каком основании и за что вы берете себе эти деньги?

— Это гонорар.

— То есть вы намерены заработать их?

— Да.

— Каким образом?

— Это уже мое дело. Но если вы официально уполномочены управлять состоянием миссис Фромм, я хотел бы обсудить с вами этот вопрос, однако не сейчас и не по телефону. Я буду здесь, у себя, до четырех часов, потом с шести до семи и с девяти вечера до двенадцати ночи.

— Не знаю... не думаю... я посмотрю.

С этими словами Хоран повесил трубку.

Мы тоже.

Когда мы вернулись в столовую, Вульф молча доел кусок пирога и допил кофе. Затем мы опять перешли в кабинет, и, когда Вульф уселся в кресло, я заметил:

— Что ж, заработать десять тысяч было бы, конечно, неплохо, но ведь самое главное — знать, что ты их действительно заработал. Не подумайте ничего такого, но, по-моему, для этого недостаточно просто отнести заявление Роуклифу. Моему внутреннему «я» прямо-таки не терпится что-то предпринять.

— Получи деньги по чеку,— пробормотал Вульф

Хорошо, сэр.

Нам нужны сведения.

Хорошо, сэр.

Пойди к Козну и добудь их.

О чем именно?

Обо всем. В том числе и о Мэтью Бер[illegible]

предупреди Коэна: то, что здесь замешан Берч,— не для печати, пока сама полиция об этом не сообщит или он еще откуда-нибудь не узнает. Ничего ему не рассказывай. Пусть печатает только, что я взялся за это дело, а почему и зачем — неважно.

— Сказать, что Пит приходил к вам?

— Нет.

— А то бы он ухватился за это. Ему было бы весьма интересно. Такой чисто по-человечески трогательный сюжет! Да и для вашей репутации...

Вульф стукнул кулаком по столу, это означало, что он вне себя от гнева.

— Не-ет! — прогремел он.— Репутация? Не хватало мне еще такой славы. Сегодня клиенты обращаются ко мне за помощью, а назавтра их убивают. Во вторник мальчишка. В пятницу женщина. И обоих нет в живых. Я не допущу, чтобы из моего кабинета клиенты отправлялись прямиком в морг!

— Согласен. Эта мысль и мне приходила в голову.

— Вот и прикуси язык, нечего об этом болтать! Человеку с головой и говорить не надо, что даже упоминать об этом в разговоре в высшей степени безответственно. Нам понадобятся Сол, Фред и Орри, но я их сам вызову. Теперь можешь идти.

Я вышел. Остановив такси, я доехал до редакции. На четвертом этаже посетителей принимал секретарь, который не только хорошо знал меня в лицо, но вот уже три или четыре года значился в списке тех, кому Вульф два раза в год посылает корзину орхидей из своей оранжереи. Он сразу же по селектору сообщил Лону о моем приходе и пропустил меня.

Какую должность Лон занимает у них, я понятия не имею, вообще мне сдается, что он и сам этого толком не знает. Он свой человек не только в отделе городских новостей. Заходит ли речь о верстке обычного номера или воскресного выпуска с приложением, он тут как тут и всегда может дать дельный совет. Кроме того, Лон обладает каким-то прямо-таки непостижимым чутьем, легко и свободно ориентируясь в вопросах как международной, так и внутриполитической жизни, а уж о городских сплетнях и самых свежих и пикантных новостях я вообще не говорю. И при всем этом он отнюдь не производит впечатление человека, занятого работой. В одном из кабинетов он поставил себе крохотный столик, скорее даже какую-то полку для

ку сантиметров двадцать на тридцать. Для него это как раз то, что нужно, иначе куда бы он девал свои лапищи в огромных ботинках, тоже, пожалуй, двадцать на тридцать. Если не считать этих ботинок, то ничем остальным Лон Коэн не выделяется.

Когда я вошел, он говорил о чем-то с двумя сотрудниками. Беседа уже заканчивалась, и вскоре они ушли, оставив нас вдвоем. Мы пожали друг другу руки, и он сказал:

— Больше чем на пару минут, не рассчитывай. Даже стул тебе не предлагаю.

— Да нет, раньше чем за час не управимся.

— Сегодня не могу. С этим убийством миссис Фромм мы тут совсем с ног сбились. Тебя бы сюда вообще не пропустили, но мне нужно знать, зачем вчера Ниро Вульф наводил о ней справки.

— Вряд ли...— я сделал паузу, быстренько пододвинул стул и сел.— А вообще лучше не буду об этом. Ладно, скажу только, что он взялся за это дело.

— Серьезно?

— Угу.

— А кто его уполномочил?

Я покачал головой.

— Тот, кто его уполномочил, сам не приходил, послал вместо себя почтового голубя. И Вульф ничего мне о нем не говорит.

— Ну-ка, сними туфли и носки, а я раскурю сигарету, прижгу тебе пятки разок-другой — и сразу выложишь. Имя клиента — быстро, ну!

— Джон Эдгар Гувер *.

Коэн выругался.

— Ну шепотом, только мне одному.

— Нет.

— Но что Вульф расследует убийство миссис Фромм — это-то не секрет?

— Это — нет.

— А убийство того мальчика, Питера Дроссоса, и Мэтью Берча — тоже?

Я с удивлением посмотрел на него.

— С чего ты взял?

— А-а, брось! Вульф же дал объявление в «Нью-Йорк Таймс» насчет женщины с серьгами в виде [illegible]

* Джон Эдгар Гувер — начиная с 1924 г. на протяжении [illegible] десятилетий — бессменный директор Федерального бюро расследований США (прим. пер.).

[illegible] просила мальчика на углу Девятой авеню [illegible] Пятой улицы позвать полицию, а вчера ты сам приходил ко мне наводить о ней справки. Ну а Берча убили точно так же. И труп тоже в безлюдном месте нашли. Так что почерк тот же. В общем, повторяю свой вопрос.

— Могу на него ответить. Ниро Вульф с присущими ему энергией, мастерством и ленью расследует убийство миссис Фромм. И он будет работать без устали, пока не найдет этого негодяя или пока не захочет спать — это уж как получится. А о любых прочих убийствах пиши на другой странице.

— Так, значит, по-вашему, они не связаны?

— Во всяком случае, Вульф о связи пока не говорил. И если я спрошу кое-что о Берче, то только потому, что ты о нем сам заговорил.

— Ну ладно, помни, о чем хотел сказать, мне сейчас нужно гранки просмотреть.— С этими словами он выбежал из кабинета.

Оставшись один, я принялся мысленно убеждать Вульфа.— «Лону,— доказывал я, – все же можно сказать и про ту чертовски важную деталь, что клок, выдранный из пиджака Берча, был обнаружен под днищем той же машины, на которой сбили Пита». Но поскольку Вульфа рядом не было, убедить его мне так и не удалось. Лон быстро вернулся, и, дав ему усесться за столик, под который он с трудом засунул свои огромные ножищи, я сказал:

— Мне все-таки понадобится час.

— Ладно, посмотрим. Мозгами тут особенно не пораскинешь, всех данных-то у нас — кот наплакал.

Просидели мы действительно почти час. Лон выложил почти все, что мне было нужно, при этом в записи свои он почти не заглядывал и всего два раза позвонил каким-то сотрудникам редакции.

В пятницу миссис Фромм обедала в ресторане «Черчилль» с мисс Анджелой Райт, ответственным секретарем АСПОПЕЛ. По-видимому, в ресторан она направилась прямо от нас, но Лону говорить об этом я, конечно, не стал. После обеда, примерно в половине третьего, они вместе поехали в управление АСПОПЕЛ, где миссис Фромм подписала какие-то бумаги и позвонила по нескольким номерам. У «Газетт» никаких сведений не оказалось. Около пяти она вернулась домой на Шестьдесят восьмую улицу и почти час работала со

своим личным секретарем мисс Джин Эстай. По словам Лона, Анджела Райт, в отличие от Джин Эстай, была достойной представительницей слабого пола, поскольку она, не в пример последней, всегда охотно отвечала на вопросы корреспондентов. Не позже семи миссис Фромм сама села за руль одной из своих машин — «кадиллака» с убирающимся верхом — и поехала на ужин к Хоранам, в Грэмерси-парк. Где она поставила машину, точно не известно, но вечером там всегда можно найти место.

На ужин кроме нее были приглашены еще трое. Всего было шесть человек: хозяин — Дэннис Хоран, его жена — Клэр Хоран, Лаура Фромм, Анджела Райт, специалист по отношениям с общественностью — Пол Каффнер и редактор журнала — Винсент Липском.

В начале двенадцатого гости стали расходиться. Домой друг друга никто не провожал. Последней уехала миссис Фромм. По сведениям «Газетт», вниз ее проводил Хоран, однако полиция об этом ничего не говорит, а уточнить они не смогли. Это все, что было известно о том, как Лаура Фромм провела пятницу, а в субботу, в пять утра, ее труп обнаружил шедший на работу в рыбный магазин мужчина, когда он проходил между сваями на строящейся магистрали.

В тот момент, когда я уже ехал в редакцию, окружной прокурор сделал заявление, что миссис Фромм задавили ее собственной машиной. Машину нашли на Шестнадцатой улице между Шестой и Седьмой авеню, всего в пяти минутах ходьбы от Десятого полицейского участка. Осмотр показал, что миссис Фромм задавили именно этой машиной, к тому же в самой машине нашли тяжелый гаечный ключ, которым ее ударили по затылку. Оставалось неясным, спрятался ли убийца за передним сиденьем до того, как миссис Фромм села за руль, или же она впустила его в машину сама. Как бы там ни было, о том, что произошло потом, догадаться нетрудно. Убийца улучил момент, ударил ее ключом, сел за руль, отъехал в безлюдное место, вытащил оглушенную женщину из машины на шоссе и переехал всеми четырьмя колесами.

Конечно, было бы интересно и поучительно пойти сейчас прямо на Центральную улицу и посмотреть, как эксперты обследуют эту машину, но, во-первых, меня бы туда и близко не подпустили, а во-вторых, еще не все взял от Лона.

По сведениям, которыми располагала «Газетт», дело это оставалось пока совершенно неясным, не за что было даже зацепиться. Подозрение, разумеется, в первую очередь падало на тех, с кем она ужинала, но убийцей мог в равной степени оказаться любой, кто знал, куда направилась в тот вечер миссис Фромм. И даже кто не знал.

Лон тоже терялся в догадках, однако он упомянул, что одна их сотрудница очень интересуется, как реагировала миссис Хоран на то, что дружеские отношения между ее супругом и миссис Фромм начинали становиться все более тесными.

Я возразил:

— Но если убийство миссис Фромм надо увязать с Питом Дроссосом и Мэтью Берчем, тут ничего не выйдет. Если, конечно, не притягивать факты за уши. Кстати, а что собой представлял этот Мэтью Берч?

Лон презрительно буркнул:

— Пойдешь домой, купи «Газетт» за среду.

— Этот номер у меня есть. Заметку я читал. Но ведь прошло уже три дня.

— Больше ничего выяснить не удалось. Он был агентом по особым поручениям в Американской иммиграционной службе. Проработал там двадцать лет. Женат, трое детей. У него оставался всего двадцать один зуб. Выглядел этаким обремененным заботами сенатором, одевался для своих доходов слишком шикарно. Знакомые отзывались о нем не ахти. И еще он играл на скачках.

— Ты сказал, что заинтересовался Берчем потому, что его убили тем же способом — задавили машиной. И что, только поэтому?

— Да.

— Ну уж мне-то можно сказать. Старому испытанному другу Гудвину. Неужели только поэтому?

— Только.

— Ну ладно. Так и быть, скажу тебе кое-что, но не просто так, за здорово живешь. Учти, за тобой будет должок — отдашь сразу же, как только сможешь. Сверхсекретно! Полиция точно установила, что Пита Дроссоса и Берча сбила одна и та же машина.

Лон широко раскрыл глаза.

— Не может быть!

— Значит, может.

— А как установили?

— Извини, вот это запамятовал. Но факт совершенно точный.

— Черт меня подери,— Лон нервно потер ладони.— Вот это здорово, Арчи. Нет, ты представляешь, как это здорово! Пит и миссис Фромм, серьги. Пит и Берч, машина. А это уже связывает Берча и миссис Фромм. Да понимаешь ли ты, что теперь у нас есть почти все основания предполагать, что эти три убийства взаимосвязаны! Ну уж теперь-то «Газетт» возьмется за это дело как следует.

— Хорошо-хорошо, но учти: только предполагать, и ничего больше.

— Договорились. Ну а о машине ты знаешь — номер был заменен. Ее угнали из Балтиморы четыре месяца назад. Два раза перекрашивали.

— В газетах об этом не было ни слова.

— Полиция сообщила сегодня в двенадцать.

Лон подвинулся ко мне.

— Послушай, мне пришла в голову мысль. Как ты можешь мне доверять, если ни разу не испытал на деле по-настоящему? Попробуй прямо сейчас. Ты скажешь мне, как им удалось установить, что Берча и мальчишку сбила одна и та же машина, а я словно ничего от тебя не слышал. Могила!

— Я и сам ничего об этом не слышал,— сказал я, вставая и расправляя брюки на коленях.— Черт возьми, Лон, да ты просто ненасытный! Таких, как ты, нужно кормить только раз в день, как собак. На сегодня ты уже свою порцию получил.

6

Домой я вернулся в начале пятого, и Вульфа в кабинете уже не было. Я пошел на кухню и спросил Фрица, заходил ли кто-нибудь. Он ответил, что был инспектор Крамер. Я с удивлением спросил:

— Что, опять драчка была?

Фриц ответил, что драчки не было, но разговор [illegible] в очень высоких тонах.

С наслаждением выпив большой стакан во[illegible] в кабинет и по внутреннему телефону по[illegible] Теодору. Когда Вульф снял трубку, я [illegible]

— Я уже дома. Вам привет от Лона Ко[illegible] Что, что он мне рассказал?

— Нет, поднимайся сюда, расскажешь сам

Конечно, то, что Вульф пригласил меня в оранжерею, не было столь вопиющим нарушением правил, как перерыв во время обеда, но все-таки чем-то из ряда вон выходящим. Впрочем, меня это устраивало как нельзя больше, потому что раз уж Вульф все равно злился, считая, что его поставили в дурацкое положение, теперь-то он наверняка включит свой мыслительный аппарат.

Поднявшись по лестнице на три пролета и открыв обитую листовым алюминием дверь, я оказался в коридорчике, из которого другая дверь вела в теплицу с тропическим микроклиматом, где во всей своей первозданной красоте цвели «Мильтония Розалия» и «Фаланопсис Афродита». В следующей комнате с более умеренным климатом зрелище было не таким впечатляющим, поскольку здесь цветы распустились лишь на некоторых «Каттле» и «Лали». Мне, однако, вполне достаточно было и этого, тем более что всю картину прекрасно дополнял сам Вульф, который помогал Теодору вешать миткалевые шторы.

Увидев, что я вошел, Вульф открыл дверь и вывел меня через смежную комнату, где было довольно прохладно, в следующую, в которой он держал горшки с рассадой. Сев на табурет, я начал рассказывать. Вульф слушал меня с закрытыми глазами, время от времени морщась, когда речь заходила о наиболее существенном. Вообще, докладывая о чем-то Вульфу, я всегда стараюсь говорить так, чтобы в конце у него не возникло ни единого вопроса. И на этот раз вышло точно так же. Когда я кончил, он с минуту сидел, не меняя положения, затем открыл глаза и сказал:

— Крамер приходил.

Я кивнул головой.

— Фриц говорил. Сказал, что разговор шел на высоких тонах.

— Да. Сегодня Крамер был особенно груб. Понятно, эта история выбила его из колеи, а мне что, разве легче? Намекал, если бы, мол, я сообщил ему о том, что миссис Фромм приходила к нам, то она была бы сейчас жива. Чушь! Да еще угрожать мне вздумал. Дескать, если я буду мешать полиции вести расследование, меня привлекут к ответственности. Фу! Он не ушел еще?

— Я его не видел. Разве что в ванной спрятался. Фриц сказал, что ушел.

— Я не захотел с ним больше разговаривать и поднялся сюда. Солу, Фреду и Орри я позвонил. Который час?

Ему не хотелось поворачивать голову, чтобы посмотреть на часы, висевшие на стене у него за спиной. Я ответил:

— Без десяти пять.

— Они приедут в шесть, в начале седьмого. Хоран больше не звонил. Сколько лет Джин Эстай?

— Лон не уточнял, он сказал, что молодая. Думаю, не старше тридцати. А что?

— Симпатичная?

— Понятия не имею.

— Мог бы и поинтересоваться. Во всяком случае, молодая. Возможно, Сол, Фред или Орри потом и нападут на что-нибудь стоящее, но пока они ведут поиски, я должен узнать все, что может быть известно этой мисс Эстай. Во-первых, чем занималась миссис Фромм вчера с трех пятнадцати до пяти и, во-вторых, о ком или о чем у них шла речь в течение целого часа. Второе-то ей наверняка известно, а может, и первое тоже. Короче, сходи и приведи ее сюда.

Вы должны правильно понять Вульфа. Он конечно же отдавал себе отчет в том, что выполнить это поручение невозможно. Более того, он прекрасно понимал, что в сложившихся обстоятельствах мне вообще вряд ли удастся побеседовать с личной секретаршей миссис Фромм один на один, не говоря уже о том, чтобы привезти ее сюда и дать ему возможность что-нибудь вытянуть из нее. Все это Вульф отлично знал. Но почему бы ему и в самом деле лишний раз не подставить мне ножку и не посадить меня в лужу, тем более что и обойдется-то это в сущий пустяк — какую-нибудь десятку на такси. Поэтому я не стал возражать, а сказал только, что попрошу Фрица приготовить еще один прибор к ужину на тот случай, если мисс Эстай проголодается.

Встав у окна, я принялся обдумывать план действий. Прошло минут десять. Один за другим я перебрал четыре варианта, но лишь пятый показался мне более или менее приемлемым, во всяком случае, была хоть какая-то надежда, что он сработает. Теперь нужно было соответствующим образом одеться. В моем гардеробе ничего подходящего, кроме туфель и носков, не нашлось, поэтому я открыл стенной шкаф, где у меня

висит так называемая рабочая одежда специально для подобных случаев. Я извлек оттуда старомодную черную визитку, жилет, брюки в полоску, белую рубашку с накрахмаленным воротничком, черную фетровую шляпу и черный галстук.

Тщательно побрившись и облачившись во все это, я подошел к большому зеркалу и осмотрел себя с ног до головы — вид у меня был хоть куда. В таком одеянии хоть в церковь венчаться, хоть погребальную процессию возглавлять.

Спустившись в кабинет, я открыл свой стол и, подумав немного, выбрал маленький, словно игрушечный «морли» двадцать второго калибра, зарядил обойму и сунул его в задний карман. Конечно, с тридцать вторым калибром оно было бы как-то надежнее, но тогда под облегающую визитку пришлось бы поддевать наплечную кобуру, которая стала бы оттопыриваться, и весь мой строго торжественный вид сразу был бы испорчен.

Вообще-то оружие сейчас мне вряд ли понадобилось бы, но дело в том, что несколько лет назад я влип в одну неприятную историю, после которой докторам пришлось извлекать у меня из груди несколько граммов свинца. Вот тогда-то я и дал слово Вульфу и себе самому, что непременно буду брать с собой оружие, если потребуется иметь дело с человеком, который хоть как-то может быть причастен к убийству.

Закончив свой туалет, я направился в кухню показаться Фрицу при полном параде.

— Получил новое назначение,— сказал я ему.— Вступаю в должность посла в Техасе.

Усмехнувшись в ответ, он попросил меня расстегнуть рубашку и показать ему пуленепробиваемый жилет.

В пять тридцать восемь я подъехал на такси к дому на Шестьдесят восьмой улице. На противоположной стороне толпилось несколько зевак, а на этой стоял полицейский и не давал прохожим останавливаться. Дом был сложен из гранита и отстоял от тротуара метра на два. По обе стороны от входа он был обнесен двухметровой железной оградой.

Когда я вышел из такси и направился к входной двери, полицейский двинулся мне навстречу. Не за тем, конечно, чтобы задержать меня. Личностей в такой одежде полиция обычно пропускает везде. Я остано-

гился, скорбно посмотрел на него и произнес:

— Из похоронного бюро.

Если бы он вздумал провожать меня до самой две-
ри, пришлось бы еще неизвестно как выкручиваться,
но тут как раз три не в меру любопытные дамочки
прилипли к ограде, и пока он уговаривал их идти
своей дорогой, я быстро подошел к двери дома и нажал
кнопку звонка.

Дверь мне открыл какой-то тип с греческим носом,
скорее всего, дворецкий. Костюм его был выдержан в
тех же тонах, что и у меня, но мой был куда элегантнее.

— Произошла путаница с цветами,— произнес я
печальным, однако достаточно твердым голосом.
Мне нужно переговорить с мисс Эстай и все уладить.

Я хотел уже вставить ногу в щель, образовавшую-
ся между приотворенной дверью и порогом, но это
было бы, пожалуй, дурным тоном, и я подавил в себе
это желание. Зато уж как только он открыл дверь по-
шире, я не замедлил проскользнуть мимо него.

Пока он запирал дверь, я заметил:

— Эти дотошные обыватели своим любопытством
буквально выводят из себя в подобных случаях. Будь-
те добры, доложите мисс Эстай, что пришел мистер
Гудвин насчет цветов.

— Сюда, пожалуйста.

Дворецкий провел меня по коридору и, подойдя
к комнате, дверь в которую была открыта, пригласил
войти, попросив подождать.

Я никак не ожидал, что в городском доме миссис
Фромы может быть такая комнатенка. Даже меньше
моей спальни, тем не менее в нее было втиснуто два
письменных стола, два столика для пишущих маши-
нок, несколько стульев, множество картотечных шка-
фов и еще что-то. На стенах висело невообразимое
количество каких-то афиш и фотографий — некоторые
в рамках. Осмотревшись, я начал разглядывать их по
очереди одну за другой, и когда перешел к фотогра-
фии с надписью «Американский Совет здравоохра-
нения, 1947», в коридоре послышались шаги. Я вы-
прямился и повернулся лицом к двери.

В комнату вошла женщина и остановилась у по-
рога. Карие с зеленоватым отливом глаза спокойно
смотрели на меня. Они отнюдь не были покрасневши-
ми и распухшими от слез, правда, особой радости в
них я не заметил. В других обстоятельствах

[illegible] мог бы дать ей и меньше тридцати, но не сейчас. Вполне привлекательная. Никаких серег в ушах. Ничего похожего на царапину. Правда, с тех пор как царапину видел Пит, прошло уже четыре дня, но ведь он не уточнял, глубокой она была или нет. Поэтому сейчас на лице Джин Эстай, как, впрочем, и на любом другом, от царапины могло не остаться и следа.

— Вы мисс Джин Эстай? — спросил я.

— Да. Так что там с цветами?

— Я как раз и пришел, чтобы все выяснить. Вы, возможно, слышали о Ниро Вульфе?

— Детектив?

— Да.

— Разумеется, слышала.

— Отлично. Я пришел по его поручению. Меня зовут Арчи Гудвин, я его помощник. Мистер Вульф хотел бы прислать орхидеи на похороны миссис Фромм и просил узнать, подойдут ли Miltonia roezli alba. очень красивые белоснежные цветы.

Несколько секунд она с недоумением смотрела на меня, потом вдруг расхохоталась. Смех ее отнюдь не напоминал звон серебряного колокольчика. Хохотала она так, что даже плечи тряслись. Шатаясь, она подошла к стулу, села и, опустив голову, сжала ладонями виски. К открытой двери подошел дворецкий посмотреть, что происходит. Я вышел и доверительно сообщил ему вполголоса, что знаю, как вести себя в подобных случаях — когда у женщины истерика (такой опыт, кстати, у меня действительно есть), и посоветовал ему оставить нас одних. Возражать он не стал и ушел, плотно притворив за собой дверь.

Я уже подумывал, не привести ли мне и в самом деле мисс Джин Эстай в чувство, но тут она сама начала понемногу успокаиваться, поэтому я оставил эту мысль и сел рядом с ней. Наконец она перестала смеяться, подняла голову и вытерла платочком [illegible]

— Это все вы виноваты, вернее, ваш [illegible] же прийти в таком виде да еще [illegible]

Она перевела дыхание.

— Цветов на похоронах не будет. Так что [illegible] к делу.

— Я оделся так, чтобы меня пропустили [illegible]

— Понятно. Под ложным предлогом. А для [illegible] пришли?

— Чтобы встретиться с вами. Послушайте, мисс Эстай, вы должны извинить меня за этот маскарад. По правде говоря, столь бурной реакции я не ожидал. Вам сейчас все равно нужно немного посидеть, чтобы окончательно успокоиться, поэтому разрешите, я вам все объясню. Вы, вероятно, знаете, что вчера миссис Фромм приходила к мистеру Вульфу и выписала ему чек на десять тысяч.

— Знаю. Все ее денежные дела проходили через меня.

— Она не объяснила вам, для чего она выдала чек?

— Нет. На корешке чековой книжки она написала всего два слова «Предварительный гонорар».

— Ну что ж. К сожалению, не могу сказать вам, почему миссис Фромм выписала чек, но сегодня она должна была опять прийти к Вульфу. Вчера чек уже был подписан к платежу, и в понедельник мы получим по нему деньги. Мистер Вульф признает свои обязательства по отношению к миссис Фромм и считает своим долгом расследовать совершенное преступление.

Пока я говорил, мисс Эстай окончательно пришла в себя.

— Полиция уже начала расследование. Ко мне только что приходили двое, они ушли примерно полчаса назад.

— Ясно. Что же, если полиция справится — хорошо. Но если у нее ничего не выйдет, то с этим справится мистер Вульф. Вы хотите, чтоб он взялся за это дело?

— Ну, насколько я понимаю, хочу я этого или нет, никакого значения теперь не имеет.

— Для мистера Вульфа имеет. Полиции проще. Любому, кто их заинтересует, они могут сказать: «Ответьте нам на такой-то и такой-то вопрос». А мистер Вульф не может. Ему очень хотелось бы поговорить с вами, и он поручил мне проводить вас к нему. Но убедить вас поехать со мной я мог бы лишь одним из следующих трех способов. Пригрозить вам. Но, увы. Грозить мне нечем. Мог бы предложить вам что-нибудь заманчивое, но опять-таки не знаю, что именно. Мне остается просто сказать вам, что вчера миссис Фромм говорила с мистером Вульфом и выписала на его имя этот чек, а у мистера Вульфа есть основания полагать, что ее трагическая смерть связана с тем делом, которое она поручила ему расследовать. Вот потому он и

себя обязанным выяснить причину ее гибели, а для на- [illegible] он хотел бы побеседовать с вами. Вопрос в том, [illegible]жение ли вы нам помочь. Я, разумеется, склонен думать, что захотите, без всяких там угроз и посулов с моей стороны, даже если бы мне и было чем угро- жать и что предлагать вам. Мы живем на Тридцать пятой улице. Около вашего дома стоит полицейский. Он остановит такси, и через пятнадцать минут мы с вами будем на месте.

— Вы хотите сказать, что ехать надо прямо сейчас?

— Конечно.

Она покачала головой.

— Не могу. Мне нужно... нет, не могу.

Мисс Эстай уже совершенно оправилась, от исте- рики не осталось и следа.

— Вы говорите, весь вопрос в том, захочу ли я помочь, а мне кажется, вопрос не в этом, а в том, чем я могу вам помочь.

Она испытующе посмотрела на меня.

— Я хотела бы вам сказать кое-что.

— Буду весьма признателен.

— Я говорила, что перед вами ко мне приходили двое полицейских, следователи.

— Так.

— Ну вот, они уже собрались уходить, и тут зазво- нил телефон, попросили подойти одного из них. Он пого- ворил, положил трубку и сказал мне, что, возможно, Ниро Вульф через своего помощника Арчи Гудвина за- хочет как-то связаться со мной или даже пригласить меня к себе. Сказал, что я могла бы помочь полиции, если бы пошла к Вульфу, а потом передала им весь наш разговор.

— Любопытно. Ну и вы согласились?

— Нет. Я ничего не обещала.

Джин Эстай встала, подошла к столу, достала из ящика пачку сигарет и, закурив, глубоко затянулась два раза подряд. Она осталась стоять, глядя на меня сверху вниз.

— А сказала я вам об этом только из лично[illegible] соображений. Я считаю, что Ниро Вульф любого поли- цейского за пояс заткнет, но дело даже не в этом. Вчера у него была миссис Фромм и выписала этот чек. Зачем и для чего, я не знаю. Понимаю, раз я [illegible] ре- варь, то теперь тоже к этому причастна [illegible] ничего [illegible] объяснять. Но я не желаю совершать [illegible] ничего [illegible]

чтобы меня считали замешанной в этом деле. Если я поеду с вами к Вульфу, то в полиции именно так и подумают, и, не получив ответа, о чем я говорила с Вульфом, они от меня не отстанут. А скажи я им, то не получится ли так, что я сообщу полиции о чем-нибудь таком, что миссис Фромм сказала Вульфу по секрету и не хотела бы, чтобы это стало известно полиции?

Она затянулась еще раз и, подойдя к столу, на котором стояла пепельница, погасила сигарету.

— Поймите вы. Я всего-навсего простая женщина. В таких делах неопытная. Приехала сюда из городишка в Небраске. Ничего знать об этом не желаю. Если уж прожил десять лет в Нью-Йорке, а машину водить в час «пик» так и не научился — в жизни не научишься. Я вот хоть и попала в эту передрягу, ни за что не буду ни говорить, ни делать ничего такого, что мне может повредить еще больше. Поняли? Мне лично. Мне сейчас работу нужно искать. Ну а миссис Фромм — ей я ничем не обязана. Я работала у нее, она мне платила. И ничего больше.

Поскольку я по-прежнему сидел на стуле, смотреть на Джин Эстай мне приходилось откинув голову. Стараясь не обращать внимания на крахмальный воротничок, буквально впившийся мне в шею, я придал своему лицу серьезное выражение человека, привыкшего выполнять распоряжения и слушающего ее с пониманием и сочувствием.

— Совершенно согласен с вами, мисс Эстай,— сказал я.— Я ведь тоже живу в Нью-Йорке лет десять, если не больше. Вы говорите, что эти из полиции хотели бы знать о вашей беседе с Вульфом. А о беседе со мной? Просили они вас рассказать, о чем вы будете говорить со мной?

— Кажется, нет. Нет.

— Вот и отлично. Вообще-то, говорить особенно не о чем, просто у меня несколько вопросов есть. Вам, может быть, лучше сесть?

— Сегодня я весь день только и делаю, что сижу и на вопросы отвечаю.

— Да уж, могу биться об заклад, вопросов вам [illegible] задавали предостаточно. Вот такой, к примеру: где [illegible] были вчера с десяти вечера до двух ночи?

Она удивленно посмотрела на меня.

— Вы что, меня допрашиваете?

— Вовсе нет. Просто привожу в качестве примера [illegible] из вопросов, на которые вам пришлось сегодня весь день отвечать.

— Гм. Ну что ж. Мне остается лишь привести в качестве примеров свои ответы. Вчера с пяти до шести миссис Фромм продиктовала мне примерно десять писем. В начале седьмого она пошла переодеваться, а я стала звонить по телефону. Она попросила меня позвонить по нескольким номерам. В начале восьмого, когда она уехала, я поужинала, потом напечатала письма, которые она мне диктовала, и вышла опустить их в почтовый ящик на углу. Было уже часов десять. Я сразу же вернулась и сказала Пэкхему, это наш дворецкий, что устала и ложусь спать. После этого поднялась к себе, послушала немного музыку и легла.

— Хорошо. Вы, значит, прямо здесь и живете?

— Да.

— Еще один пример. Где вы были во вторник с шести до семи вечера?

Она подошла, села на стул и пристально посмотрела на меня.

— Вы правы, они меня и об этом спрашивали. Но почему?

Я пожал плечами.

— Просто хочу вам показать, что мне известно, какие вопросы задают полицейские.

— Да хватит вам. Что там еще произошло во вторник вечером?

— Сначала скажите, как вы ответили им на этот вопрос.

— Ну, сразу ответить я не могла, нужно было подумать и вспомнить. В тот день миссис Фромм была на заседании исполнительного комитета АСПОПЕЛ – Ассоциации помощи перемещенным лицам. Она разрешила мне воспользоваться машиной с убирающимся верхом, и я весь вечер ездила по городу — искала двух иммигрантов. В АСПОПЕЛе им должны были как-то помочь. В тот вечер я их так и не нашла. Домой приехала уже после двенадцати. С точностью до минуты сейчас я, пожалуй, уже не вспомню, что делала в тот вечер. Да и для чего, собственно? С какой стати? Что вообще произошло во вторник между шестью и семью часами

Я посмотрел ей в глаза.

— Знаете что, давайте договоримся. Вы мне скажете, что делала миссис Фромм вчера днем с трех до

надцати, какие письма диктовала с пяти до шести и кому звонила, а я вам — что произошло во вторник.

— Опять приводите примеры того, о чем меня полиция спрашивала?

— Разумеется. Но мне и самому интересно.

— Она никому не звонила, поручила сделать это мне. Нужно было попросить у этих людей купить билеты на один благотворительный спектакль. Собранные деньги предназначалось перечислить Майлстоунской школе. Всего было двадцать три человека. Список я уже отдала полиции. Ну а письма были разные, так, по всяким текущим делам. Мистер Каффнер и мистер Хоран сказали, что копии полиции можно отдать, я так и сделала. Если хотите, я могу припомнить, о чем в них...

— Спасибо, не нужно. А что она делала после того, как вышла из здания АСПОПЕЛ, и до того, как вернулась домой?

— Я знаю только, что она зашла в магазин на Мэдисон-авеню и купила там перчатки — я видела, она их с собой принесла, и потом она заходила к Полу Каффнеру в контору. Что еще она делала в это время, не знаю. Так что же произошло во вторник?

— На перекрестке Девятой авеню и Тридцать пятой улицы на красный свет остановилась машина. За рулем сидела женщина, она попросила одного мальчика позвать полицию.

Джин Эстай удивленно подняла брови.

— Что?

— Только то, что я сказал.

— А при чем здесь это?

Я покачал головой: — Такого уговора не было. Я ведь обещал вам сказать только, что произошло. Дело это очень запутанное, мисс Эстай. Вот вы, например, возьмете, передумаете да и расскажете о нашем разговоре полиции, а им вряд ли понравится, что я вот так хожу и выбалтываю подозреваемым все, что...

— Я не подозреваемая!

— Прошу прощения, я думал, они и вас тоже подозревают. Я, во всяком случае, не...

— А с какой стати им меня подозревать?

— Ну, во-первых, вы хорошо знали миссис Фром... потом вам было известно, куда именно она поедет ... чером и что машину поставит где-то неподалеку ... жет быть, у них и еще какие-нибудь данные ... ть. Но даже если бы вы и не знали ее, я ...

[illegible] Все карты. Вот мистер [illegible]. Пол думает. Поэтому, если вы [illegible] и придете сегодня вечером, после [illegible] часов, я объявлю, когда он не [illegible]. Может, он сам все тем и выложит. [illegible] Он ведь у нас гений, и от него всего можно ожидать. И если вы...

Дверь внезапно распахнулась, и я остановился на [illegible]. В комнату вошел мужчина. Он начал было [illegible] верить мисс Эстай, но, увидев, что она не одна, [illegible] и воззрился на меня. Когда стало ясно, что представлять нас друг другу мисс Эстай не собирается и что он также не горит желанием узнать мое имя, я произнес:

— Меня зовут Арчи Гудвин. Я работаю у Ниро Вульфа.

Поскольку вошедший продолжал разглядывать меня, я добавил:

— Не обращайте внимания на этот маскарад.

Он подошел ко мне и протянул руку. Я встал и пожал ее.

— Меня — Пол Каффнер.

Природа явно обидела его ростом, он был на голову ниже меня. Глядя на его аккуратно подстриженные черные усики, которые явно не сочетались с большим ртом и мясистыми губами, я подумал, что человек с подобной внешностью вряд ли идеально подходит для того, чтобы налаживать и поддерживать отношения с клиентурой своей фирмы. Впрочем, вполне возможно, что я неправ и что мне просто не по нутру усики, похожие на выщипанные брови.

Каффнер широко улыбнулся, всем своим видом показывая, что он самого лучшего мнения не только обо мне, но и обо всем, что я когда-либо говорил и делал, и что он прекрасно понимает все мои трудности.

— Извините,— сказал он, — что я вот так [illegible] и увожу от вас мисс Эстай. Но дело не терпит отлагательств. Пойдемте наверх, мисс Эстай.

Чистая работа! Вместо такой учтивой фразы [illegible] вполне мог без обиняков заявить мне: «Убирайтесь-ка [illegible] подобру-поздорову, а я спрошу у мисс Эстай, [illegible] тут вынюхиваете» — ведь как раз это он и имел в виду. Но нет, зачем же так грубо? Он [illegible] хорошего мнения обо мне, чтобы вот так взять и [illegible] меня в самых лучших чувствах.

Мисс Эстай встала и вышла из комнаты, он направился следом и, обернувшись ко мне, сказал:

— Очень приятно было познакомиться, мистер Гудвин. Разумеется, я много слышал о вас и о мистере Вульфе. Жаль, что наше знакомство произошло в столь неподходящее для этого время.

Он вышел из комнаты, и из коридора раздался его голос:

— Пэкхем, мистер Гудвин уходит. Если он пожелает, остановите для него такси.

Да, ничего не скажешь — чистая работа! Эти усики, пожалуй, тоже маскарад.

7

Когда я вернулся домой, Вульф еще не начинал проводить инструктаж. Сол и Орри уже сидели в кабинете, но Фреда пока не было. Я поздоровался с ними и подошел к Вульфу, сидевшему за своим столом.

— Я видел ее, но сумел только сам поговорить с ней.

— Ты что это так вырядился?

— Я из похоронного бюро.

Вульф поморщился.

— М-да. Контора не из приятных. Ну, давай выкладывай.

Я подробно рассказал обо всем. На этот раз он задал несколько вопросов. Но что толку? Все факты я ему и так сообщил, а мнение, которое я составил о Джин Эстай и Поле Каффнере, мне самому-то ни о чем не говорило, а уж ему и подавно. Поэтому, как только в дверь позвонили, и Сол, который пошел открывать, вернулся в сопровождении Фреда, Вульф прекратил меня расспрашивать и попросил всех сесть поближе — прямо перед его столом в один ряд.

Вид у всей троицы был, прямо сказать, не ахти Сола Пэнзера, к примеру, отнюдь не украшает огромный нос, который никак не гармонирует с худощавым лицом. А глядя на измятый коричневый костюм, в ко тором он попал под дождь, не иначе, а отдать по дить так и не успел, его вполне можно принять какого-нибудь поденщика или дворника. А ведь сво Сол знает до тонкостей. Специализируется по городам. И тут с ним мало кто может потяг

[illegible] способности к слежке, о которых Вульф так распространялся перед Нитом Дросом, еще не самое главное и далеко не единственное его достоинство. В любом городском сыскном управлении ему охотно стали бы платить втрое больше обычного.

Фред Дэркин толще Сола раза в два. Толще, но отнюдь не способнее. Правда, в слежке он тоже дока, и рядовое задание выполнит что надо, но вот столкнись он с чем посложнее, и дело застопорится. Зато уж положиться на него можно как на самого себя.

Уверенность Орри Кэтера в себе, которая прямо-таки сквозит в его темно-карих глазах, и этакая самодовольная улыбочка, постоянно играющая на красиво изогнутых губах, создают у вас впечатление, что больше всего на свете он дорожит своей внешностью. Всем своим надменным видом он как бы спрашивает вас: «Ну что, видите, какой я красавчик?» Тех, с кем Орри приходится иметь дело в расследованиях, такой вид, понятно, раздражает и, если хотите, в какой-то степени притупляет бдительность, и вот тут-то некоторые чаще всего и попадаются, им ведь невдомек, что если Орри и дорожит чем-нибудь вообще, так это только своей репутацией частного детектива-практика.

Вульф откинулся в кресле, положил руки на подлокотники, сделал глубокий вдох и шумно выдохнул.

— Джентльмены! Меня втянули в грязную историю. Что тут делать, я пока и сам толком не знаю. Обычно, когда я прибегаю к вашим услугам, у меня достаточно данных, чтобы дать каждому из вас определенное задание, а вот на этот раз придется действовать как-то иначе. Прежде чем во всех подробностях изложить суть этого запутанного дела, я хотел бы сказать сначала о деньгах. Не прошло и двенадцати часов после того, как женщина, которая обратилась ко мне за помощью, выписала мне чек на десять тысяч, а ее уже убили. Поскольку очень маловероятно, что по этому же делу ко мне обратится какой-либо другой клиент, то это все, чем я располагаю. По личным мотивам я готов истратить на расследование значительную часть этих денег, а если понадобится, то вообще всю сумму, но не больше. В расходах можете себя не ограничивать, однако, подчеркиваю, они должны оставаться в разумных пределах. Итак, суть дела в следующем.

Начав с того, как во вторник я прибыл в [illegible]

Пита Дроссоса, Вульф самым подробнейшим образом рассказал им все, включая и мою беседу с Джин Эстай, поскольку, когда я докладывал об этом, Фреда еще не было.

Все трое внимательно слушали. Каждый сидел в своей излюбленной позе. Сол, как обычно, полностью расслабился. Фред сидел прямо, весь в напряжении, не сводя с Вульфа взгляда, как будто слушал еще и глазами. Орри же сидел, словно позируя художнику, с изяществом, слегка подперев двумя пальцами свою красиво посаженную голову.

Я слушал Вульфа, и мне чертовски хотелось, чтобы он забыл упомянуть хоть какую-нибудь мелочь. Вот тогда я бы уж обязательно этаким небрежным тоном сделал парочку-другую дополнений. Но не тут-то было. Подробнее и точнее мне и самому было бы не рассказать.

Вульф взглянул на часы, висевшие на стене:

— Сейчас двадцать минут восьмого. Ужин готов. Сегодня у нас жареные цыплята в сметанном соусе с майсом. За столом мы не будем говорить о деле, но хочу, чтобы уже с этой минуты вы начали обдумывать возможные варианты.

Цыплята были приготовлены отменно. Мы досконально обсудили и в высшей степени положительно оценили их вкусовые качества, а около девяти вернулись в кабинет.

Усевшись в кресло, Вульф недовольно посмотрел на меня, потом на всех остальных.

— Что-то вы сегодня туговато соображаете,— съязвил он.

Наших гостей, однако, это ничуть не задело. Хотя ни один из них не знал Вульфа так, как я, им все же было известно, что примерно в течение часа после ужина он терпеть не может заниматься делами, поэтому из себя его выводило не то, что они «туговато соображали», а скорее то, что ему самому не хотелось «соображать».

— Вы отдохните после ужина,— предложил ..., а мы спустимся вниз и погоняем шары.

Вульф сердито фыркнул.

— Вот еще! На желудок пока не жалуюсь, справится без твоей помощи. Итак, продо... сначала давайте вопросы, если что-то неясно.

Может, лучше позже? — сказал Сол

Ладно. В общем, как видите, дело это почти безнадежное, чрезвычайно запутанное, а источников информации у нас никаких. Кое к кому, конечно, Арти мог бы попробовать подобраться так же, как к Элси Дей, например, но тут прямо сейчас что выйдет — у него нет никаких зацепок. И в полиции мне ничего не скажут. В былые времена я мог бы у них кое-что выудить, но не сейчас. Раз им известно все, что знаю я, обмениваться с ними мне нечем. Можно, правда, догадаться, чем они сейчас занимаются. Они уже выясняют или только хотят выяснить, была ли во вторник вечером или в среду у какой-нибудь из знакомых миссис Фромм царапина на щеке. Если эту женщину найдут, все может сразу же проясниться. Но ее могут и не найти: мальчик ведь смотрел на нее в упор, ему эта царапина показалась большой, на самом же деле она могла быть едва заметной. Ну а при первом удобном случае эта женщина скорее всего наложила косметику, и от царапины вообще следа не осталось. Кроме того, полиция разыскивает знакомую миссис Фромм, у которой серьги в виде пауков, и если ее найдут, все опять-таки сразу станет ясно.

Вульф продолжал:

— Они выясняют, кому принадлежит машина, на которой задавили мальчика и Мэтью Берча. Обнюхивают каждый сантиметр в машине миссис Фромм. Раскапывают, чем именно занимался Берч, все его связи, знакомства, каждый его шаг. Устанавливают с точностью до минуты, что делала и говорила миссис Фромм, после того как она вышла вчера от нас. Выспрашивают все подробности не только у тех, с кем она провела вчерашний вечер, а вообще у всех, кому может быть хоть что-нибудь известно. Наводят справки, где находились все те, на кого может пасть подозрение, во-первых, во вторник вечером, когда какая-то женщина попросила Питера Дроссоса позвать полицию; затем, во вторник ночью, когда убили Берча, в-третьих, в среду вечером, когда был сбит мальчик, и, наконец, вчера вечером, когда была убита миссис Фромм. Выясняют, у кого были причины бояться или ненавидеть миссис Фромм, кому ее смерть могла быть выгодна. Причем всем этим занимается человек сто, а то и несколько. Натасканы они все неплохо, а есть и настоящие, знающие специалисты.

Вульф плотно поджал губы и покачал головой.

— Нет. Тут уж они возьмутся всерьез. Землю будут рыть. Что-что, а это дело распутать им надо обязательно. Пока мы с вами тут сидим, вполне возможно, что они уже выследили преступника и арестуют его с минуты на минуту. Однако, пока убийца не задержан, я намерен потратить деньги миссис Фромм, все или частично, на то, на что сама она, безусловно, дала бы согласие. Разумеется, если учесть все эти преимущества, полиция, бесспорно, опередит нас. Но я все же считаю себя обязанным доказать всем, и себе в том числе, что не зря взял эти деньги. А кроме того, я не потерплю, чтобы тех, кто обращается ко мне за помощью, убивали безнаказанно. Это и есть тот личный мотив, о котором я говорил вначале.

— Из-под земли достанем эту сволочь,— рявкнул Фред Дэркин.

— Хотелось бы верить, Фред. Теперь понятно, почему я пригласил вас сюда и рассказываю об этом деле во всех подробностях, а не просто поручаю каждому сделать то-то и то-то, как обычно? Я просто хотел, чтобы вы сами убедились — дело это фактически безнадежное. Давайте посоветуемся. Расследование можно начать с разных концов, их десятки. А вас всего трое. Сол, как думаешь, с чего лучше начать?

Сол ответил не сразу. Почесав нос и немного поразмыслив, он сказал:

— Я бы начал одновременно с двух концов: АСПОПЕЛ и серьги.

— При чем тут АСПОПЕЛ?

— Но ведь они занимаются перемещенными лицами, а Берч как раз работал в Службе иммиграции. Возможно, тут удастся нащупать связь между Берчем и миссис Фромм. Полиция, конечно, уже идет по этому следу, но дело здесь такое, что еще не известно, кому больше везет.

— Коль скоро ответственный секретарь АСПОПЕЛ Анджела Райт тоже была вчера на ужине, войти с ней в контакт сейчас, должно быть, нелегко.

— Даже перемещенному лицу?

— Ах так...— Вульф подумал немного.— Ну [illegible] попробуй.

— Во всяком случае, если даже фараоны [illegible] своими допросами здорово на нее насели, кто-то [illegible] должен сидеть у телефона и отвечать на [illegible]

стенографистки, скажем, или еще кто, не знаю... В об-
щем, постараюсь их разжалобить.

Вульф кивнул.

— Хорошо. Пойдешь завтра утром. Возьми двести долларов, но помни, что перемещенные лица деньгами не бросаются. Ну, а с серьгами как?

— Нет, сначала что-нибудь одно.

— Разумеется, но все-таки?

— Ну, поищу, может, увижу где. Но вообще таких серег я ни разу не видал, ни на женщинах, ни в витринах ювелирных магазинов. Вы говорите, Пит сказал, что это большие золотые пауки, и лапки во все стороны торчат. На такие серьги кто-нибудь наверняка обратил бы внимание. И раз эта женщина носила их до второника и после, полиция вполне может ее найти, если уже не нашла. Вот тогда дело это для нас действительно безнадежное, вы правы. Но она могла их и не носить, а кроме того, возможно, это те же самые серьги, что были вчера на миссис Фромм. Наверное, стоит поискать магазины, где продавались такие серьги. Полиция начала совсем с другого конца, так что, думаю, магазин они пока не ищут. Может, я не прав?

— Да нет, ошибаешься ты редко. Если мы первыми найдем эту женщину...

— Давайте я этим займусь,— предложил Орри.— Я тоже таких серег никогда не видел. Большие они?

— Те, что были вчера на миссис Фромм, примерно с ноготь большого пальца; приблизительно такую окружность образуют кончики лапок. Так, Арчи?

— Пожалуй, чуть больше,— ответил я.

— Золотые?

— Не знаю. Арчи?

— Думаю, что да, но не уверен.

— Тонкой работы?

— Да.

— Ладно, займусь.

Вульф недовольно посмотрел на Орри.

— На это ведь целый месяц может уйти

— У меня уйдет меньше, мистер Вульф. Я как-то раз здорово выручил одного продавца из ювелирной фирмы «Будэ». Так что пойду сразу к нему Можно даже завтра, в воскресенье, я знаю, где он живет. Хочу только уточнить, есть ли какие-нибудь доказательства, что серьги, которые были вчера на миссис Фромм, те же самые, что были во вторник на женщине в машине?

— Нет. Неизвестно.

— Значит, возможно, что это совершенно разные серьги.

— Вполне.

— Все ясно. Тогда эту вторую пару придется здорово поискать.

— Этому твоему приятелю из «Будэ» нужно будет заплатить?

— Вот еще! Я же его выручил. Услуга за услугу.

— Тогда возьмешь сто долларов. Если нападешь на что-нибудь стоящее, не давай ему понять, что полиция была бы ему благодарна за эту информацию. Такая благодарность нам самим, возможно, понадобится. Если на горизонте хоть что-нибудь появится, сразу же звони мне.

Вульф повернулся к Дэркину:

— Фред, а ты с чего бы начал?

От напряжения широкое с крупными чертами лицо Фреда покраснело. Вот уже лет двадцать он выполнял самые различные задания и поручения Вульфа, но решать столь серьезные «стратегические» вопросы ему приходилось впервые. Стиснув зубы, он проглотил слюну и произнес гораздо громче обычного:

— С этих... как их — серег.

— Ими займется Орри.

— Знаю, но ведь сколько людей могли эти серьги на ней видеть — сотни: лифтеры, горничные...

— Нет,— оборвал его Вульф.— Здесь полиция опередила нас настолько, что нам их уже не догнать. Я ведь уже объяснял: если иметь в виду явно превосходящие силы полиции, то нам следует идти каким-то иным, своим путем. Так чем же все-таки заняться Фреду? Есть предложения?

Все трое переглянулись, но никто ничего не сказал.

Вульф понимающе кивнул.

— Да, это нелегко. Чтобы не плестись у полиции в хвосте, надо найти какую-то свою версию и тщательно ее разработать. Давайте так и попробуем. Вот моя версия: во вторник вечером, когда машина остановилась на перекрестке и женщина попросила мальчика позвать полицию, мужчина, который сидел рядом, и был Мэ[illegible]бер.

Сол нахмурился.

Я что-то не совсем понимаю, мистер [illegible]

Вот и отлично. Тогда вполне возможно [illegible]

ция прошла мимо такого варианта. Согласен, он до-
вольно уязвим. Но ведь Берча задавили в тот же самый
день, ночью, и на той же машине, причем все — и ме-
сто преступления и способ убийства — указывает на
то, что привезли его туда опять-таки в этой машине.
А раз он оказался в машине ночью, то почему бы не
предположить, что он находился в ней и вечером?
Я это вполне допускаю.

Сол сидел, по-прежнему нахмурившись.

— Но ведь судя по всему логичнее предположить, что тот, кто задавил мальчика в среду, и тот, кто во вторник сидел в машине рядом с женщиной, — одно и то же лицо. Потому что он боялся, что мальчик его опознает. А ведь в среду Берч был уже мертв.

— Возможно, именно такую версию и выдвигает полиция, — сказал Вульф. — Ее сильные стороны очевидны, поэтому полностью я ее не отвергаю. Просто пока я ее не рассматриваю, а предлагаю собственную. Ведь даже ошибочная версия может оказаться полезной. Колумб, например, который считал, что от сокровищ Востока его отделяет лишь океан, открыл целую часть света.

Вульф перевел взгляд на Фреда.

— И хотя я не думаю, что тебе удастся открыть часть света, Фред, ты все же будешь разрабатывать мою версию, согласно которой рядом с женщиной сидел Берч. Постарайся либо доказать, либо опровергнуть это. Можешь взять сто... нет, триста долларов, лишнего ты никогда не потратишь. Арчи даст тебе фотокарточку Берча.

Вульф обратился ко мне:

— Им понадобятся фотографии всех замешанных лиц. У Коэна сумеешь достать?

— Сегодня нет. Завтра утром.

— Хорошо.

Вульф окинул взглядом все свои наличные, численно отнюдь не превосходящие противника силы

Джентльмены! Надеюсь, что несмотря на всю безнадежность этого дела, о которой я тут говорил, вы все же возьметесь за дело с присущим вам рвением. Я просто хотел показать вам, что в сложившихся обстоятельствах любая, пусть даже самая [illegible] деталь может иметь решающее значение. В [illegible] времена я здорово на вас рассчитывал, но [illegible] раз у нас врядли что выйдет. Скорее всего

В дверь позвонили.

Я встал и пошел открывать. На моих часах было без пяти десять. В коридоре я включил свет на крыльце и, подойдя к двери, увидел за ней двух незнакомых мне людей. Я отпер дверь и поздоровался. Тот, что стоял ближе, сказал:

— Нам нужно поговорить с мистером Ниро Вульфом.

— Назовите, пожалуйста, ваши фамилии.

— Хоран. Дэнис Хоран. Сегодня я говорил с ним по телефону. А это — мистер Мэддокс.

— Мистер Вульф сейчас занят. Но я спрошу. Входите.

Они вошли. Я провел их в переднюю и, убедившись, что звуконепроницаемая дверь, ведущая в кабинет, плотно закрыта, предложил им сесть, после чего оставил их одних. В кабинет я вернулся через гостиную, притворив за собой и эту дверь, и обратился к Вульфу.

— В передней вас уже ждут две «незначительные детали». Хоран — тот самый, что зарился сегодня на эти десять тысяч. И дружок с ним, какой-то Мэддокс.

Как я и ожидал, Вульф посмотрел на меня с явным неудовольствием. Ведь, закончив инструктаж, он уже намеревался отдохнуть и почитать, а я, видите ли, помешал. Будь мы с ним одни, он непременно отчитал бы меня за это. Но сейчас, когда он только что пытался внушить нам мысль о безнадежности всей этой затеи, ему пришлось сдержать эмоции. Причем, должен заметить, владел он собой безукоризненно.

— Отлично. Выдай Солу, Фреду и Орри деньги, как я сказал. Сначала пусть они уйдут.

Я направился к сейфу за деньгами.

8

Я пригласил наших посетителей в кабинет [illegible] в кресла. Судя по тому, как они держались [illegible] собой и какие взгляды бросали друг на друга, [illegible] разил, что несколько поторопился, назвав их [illegible] лями. Взгляды эти явно не были дружелюбными.

В Дэнисе Хоране все было как-то чересчур [illegible] много, но чересчур. И ресницы у него бы[illegible] линнее, чем нужно для мужчины, и рост [illegible] ть выше, чем нужно для человека тако[illegible] .

...он, да и для костюма молодежного покроя, он был, скажем, чуточку староват. По всему было видно, что не всякому удалось бы сбить с такого спесь. А если к тому же учесть, что за сорок с лишним лет накопилось ее, видимо, порядком, и самоуверенности ему было явно не занимать, то такая возможность в разговоре с ним вообще вряд ли представилась бы.

Мэддокс безо всяких церемоний представился Вульфу, назвав свое полное имя — Джеймс Альберт Мэддокс. Глядя на него, я подумал, что он, наверное, как родился с язвой желудка, так и страдает от нее, бедняга, все свои пятьдесят лет или около того. Может, я и ошибся, но тогда интересно было бы его самого спросить, как это он умудряется все время ходить с такой кислой физиономией. Если он держит собаку, бьюсь об заклад, несчастный пес и тот наверняка давно уже превратился в самого мрачного пессимиста от этакой кислятины.

Я предложил нашим гостям сесть, указав на два желтых кресла, где только что сидели наши ребята, а про себя подумал, кого из них двоих можно было бы посадить в красное, и вообще достоин ли хоть один из них сидеть в нем.

Первым начал Хоран. По его словам, разговаривая с Вульфом по телефону сегодня утром, он совсем не имел в виду, что тот поступает или намеревается поступить непорядочно. Вовсе нет. Он просто пытался защищать интересы своего бывшего друга и клиента миссис Фромм, которая всегда...

— Только не клиента,— перебил его Мэддокс голосом, тон которого идеально совпадал с выражением на его лице.

— Я часто ее консультировал,— резко возразил Хоран.

— Не лучшим образом,— язвительно бросил ему Мэддокс.

Они обменялись неприязненными взглядами. Нет, это явно не «дружки».

— Может быть,- едко произнес Вульф, — вы не будете перебивать друг друга и расскажете мне, в какой степени каждый из вас представляет интересы миссис Фромм и каковы, собственно, ваши полномочия. А если в ваших показаниях что-то не совпадет, тем будет видно, как лучше поступить: если расхождения окажутся не столь уж существенными, то, думаю, они

...рудет принят
...мистер Хоран.
Хоран уже
по-прежнему го
теперь голос у
по телефону.
— Официаль
ным миссис Фр
консультировала
но так, как ей
что к моим со
ный юрисконсул
лицам — я и сей
с миссис Фромм
стала бы возраж
— Являетесь
— Нет.
— Благодарю
Мэддокс был
щением с собой.
— В течение
был постоянным
«Мэддокс и Уэлл
том стала миссис
мистера Хорана,
Фромм была его
Мне хотелось бы
— Я вас слуш
— Сегодня ут
мистер Хоран и
Фромм выдала ва
Мистер Хоран по
ственной инициати
степени бестактно
официальное, а и
и ее душеприказчи
дующий вопрос: н
выдала вам чек на
предпочитаете отве
вами можем выйти
том, что придет сю
лом, а этот молодо
мы бы удержать Х
Взгляд, который
лопах, должно бы

будет прийти к какому-то соглашению. Пожалуйста, мистер Хоран.

Хоран уже полностью овладел собой. И хотя он по-прежнему говорил своим довольно высоким тенором, теперь голос у него не переходил в писк, как утром по телефону.

— Официально я действительно не был поверенным миссис Фромм. Однако по многим вопросам она консультировалась со мной. Часто она поступала именно так, как ей рекомендовал я, а это говорит о том, что к моим советам она прислушивалась. Как главный юрисконсульт Ассоциации помощи перемещенным лицам — я и сейчас им являюсь — я был тесно связан с миссис Фромм. И будь она жива, думаю, она не стала бы возражать, если бы я назвал себя ее другом.

— Являетесь ли вы ее душеприказчиком?

— Нет.

— Благодарю вас. Мистер Мэддокс?

Мэддокс был явно раздосадован подобным обращением с собой. Тем не менее он начал:

— В течение двенадцати лет мистер Дэймон Фромм был постоянным клиентом моей юридической конторы «Мэддокс и Уэллинг». После его смерти нашим клиентом стала миссис Фромм. Я вынужден был прервать мистера Хорана, поскольку его утверждение, что миссис Фромм была его клиенткой, не соответствует истине. Мне хотелось бы кое-что добавить.

— Я вас слушаю.

— Сегодня утром, точнее уже днем, мне позвонил мистер Хоран и рассказал о чеке, который миссис Фромм выдала вам вчера, и о своем разговоре с вами. Мистер Хоран позвонил вам исключительно по собственной инициативе и сделал это к тому же в высшей степени бестактно. Я же обращаюсь к вам как лицо официальное, а именно, как адвокат миссис Фромм и ее душеприказчик. Прошу вас ответить мне на следующий вопрос: на каких условиях и для чего она выдала вам чек на десять тысяч долларов? Если вы предпочитаете ответить мне с глазу на глаз, мы с вами можем выйти. Мистер Хоран, правда, настоял на том, что придет сюда вместе со мной, однако это я, а этот молодой человек, как мне кажется, вполне мог бы удержать Хорана здесь.

Взгляд, который Мэддокс бросил на меня при этих словах, должно быть, по его мнению, выражал и

мую степень его расположенности ко мне. Если это [illegible] так, то мне бы чертовски не хотелось, чтобы он хоть раз посмотрел на меня с неприязнью.

Вульф сказал:

— Я не предпочитаю отвечать вам с глазу на глаз. Предпочитаю не отвечать вообще.

Если внешне Мэддокс не изменился, услышав это, то лишь потому, что физиономия у него и без того постная — дальше некуда.

— Вам известно, что на этот счет говорит закон, мистер Вульф?

— Нет.

— В таком случае вам не помешало бы проконсультироваться. Если вы не докажете, что миссис Фромм получила от вас нечто, эквивалентное по ценности указанной сумме, я через суд заставлю вас вернуть эти деньги, как присвоенные незаконно. Даю вам возможность доказать это.

— Доказывать нечего. Она от меня ничего не получала. Я уже говорил сегодня мистеру Хорану по телефону, что намерен заработать эти деньги.

— Каким образом?

— Я приложу все усилия к тому, чтобы убийца был найден и понес заслуженное наказание.

— Но это же просто смешно. Ведь этим займутся представители закона. По сведениям, которые я навел о вас сегодня по собственным каналам, сомнительными махинациями вы вроде бы не занимаетесь, но ваше поведение сейчас говорит об обратном.

Вульф фыркнул.

— Вы судите предвзято, мистер Мэддокс. Отношение порядочных юристов к мошеннику сродни чувству, которое испытывают добродетельные жены к падшим женщинам. Они их, разумеется, осуждают, но где-то в самой глубине души пусть немного, но все же завидуют им. Причем зависть эта тщательно скрывается, и уж конечно же ни одна из них открыто ни за что в этом не признается. Но вы мне не завидуйте. Мошенники по темным делам — это либо глупцы, либо фанатики, а ни тем, ни другим я себя не считаю. Мне хотелось бы задать вам вопрос.

— Спрашивайте.

— Знаете ли вы, что миссис Фромм собиралась прийти ко мне, прежде чем она сделала это?

— Нет.

— Стало ли вам известно о ее визите ко мне после того, как она ушла отсюда?

— Нет.

Вульф перевел взгляд на Хорана.

— Мистер Хоран, эти же вопросы.

— Не понимаю...— Хоран запнулся.— Я ставлю под сомнение ваше право задавать их.

Мэддокс посмотрел на него.

— Ответьте, Хоран. Вы же сами настояли на том, чтобы прийти сюда. Минуту назад вы утверждали, что миссис Фромм советовалась с вами по важным вопросам. Сейчас мистер Вульф хочет убедиться в этом. Если выяснится, что миссис Фромм сообщила вам или мне только о визите, который либо планировался, либо уже состоялся, а о цели визита — нет, то мистер Вульф станет утверждать, что она сама не пожелала говорить нам об этом, и он, стало быть, не имеет права разглашать ее тайну. Лишите же его такой возможности.

Хоран, однако, оставался непреклонным.

— Я не допущу, чтобы меня подвергали здесь перекрестному допросу,— упрямо возразил он.

Мэддокс начал было опять убеждать Хорана, но Вульф перебил его:

— То, что вы сейчас сказали, свидетельствует о вашей незаурядной проницательности, мистер Мэддокс, однако вы, по-видимому, вполне понимаете, в сколь трудном положении оказался мистер Хоран. Мои вопросы поставили его в тупик. Если на второй вопрос он ответит утвердительно, то, вы правы, у меня в руках окажется сильный козырь, которым я не премину воспользоваться. Но если же ответ будет отрицательным, я спрошу мистера Хорана, откуда ему известно, что миссис Фромм выдала мне чек. Мне будет небезынтересно узнать это, думаю, что и вам тоже.

— Я это уже знаю. Во всяком случае, со слов самого мистера Хорана. Сегодня утром, когда ему стало известно о смерти миссис Фромм, он позвонил к ней домой, и мисс Эстай, секретарь миссис Фромм, сказала ему об этом чеке. Субботу и воскресенье я провел за городом, мистер Хоран связался со мной, и я сразу же приехал в Нью-Йорк.

— Где именно за городом?

От возмущения у Мэддокса задрожал подбородок.

— Это уже вопиющая наглость.

Вульф довольно легко отступился.

Пожалуй, это бесполезно. Прошу прощения, но не за «наглость», а за глупость. Сила привычки, знаете ли. Дело это настолько сложное и запутанное, что мне самому нет смысла пользоваться такими традиционными приемами, как установление алиби — пусть этим занимается полиция. Так что же, мистер Хоран, если на самом деле мои вопросы не поставили вас в тупик, то, может быть, вы ответите на них?

— Нет. Из принципа. Вы не правомочны мне задавать их.

— Однако вы ждете, что на ваши вопросы я отвечу.

— Не на мои, поскольку задавать вам вопросы я тоже неправомочен. А вот у мистера Мэддокса такие полномочия есть — он душеприказчик. Так что вы будете отвечать ему.

— Посмотрим,— рассудительно произнес Вульф. Затем он обратился к Мэддоксу:

— Насколько я понимаю, сэр, вы не настаиваете на том, чтобы я вернул деньги, которые получил от миссис Фромм.

— Мне нужно разобраться. Скажите, на каких условиях и для чего вам был выдан чек, чтобы я мог проанализировать ситуацию. Я не допущу, чтобы частный детектив всячески раздувал и использовал в своих личных или профессиональных интересах смерть столь уважаемого клиента.

— Что ж, подход вполне здравый и заслуживает всяческих похвал,— согласился Вульф.— Замечу только, что дело это уже стало сенсацией и так нашумело, что «раздуть» его еще мне вряд ли удалось бы. И тем не менее не могу не выразить своего восхищения вашей позицией в этом вопросе. Здесь есть лишь одно «но»; о своей вчерашней беседе с миссис Фромм я не скажу вам ни слова.

— В таком случае вы утаиваете улики?

— Фу! Эти сведения я уже передал полиции. В письменном виде за своей подписью.

— Тогда почему вы отказываетесь сказать мне?

— Да просто потому, что я не столь наивен. У меня есть все основания полагать, что эта беседа явится одним из звеньев в той цепи, которая привела к смерти миссис Фромм. А раз так, то человек, которого чрезвычайно интересует, что же именно она сказала мне, возможно, и есть убийца.

— Я не убийца!

Это еще предстоит выяснить.

В какой-то момент мне показалось, что Мэддокс сейчас задохнется от ярости. Горло у него заметно увеличилось в размере. Однако ему, опытному юристу, наверняка не раз приходилось сдерживаться, так что навык у него был, справился он с собою и сейчас.

— Это хуже, чем глупость, это безответственнейший бред!

— Не согласен. Скажите, представители полиции уже говорили с вами?

— Разумеется.

— Сколько их было?

— Двое... нет, трое.

— Вы не могли бы сказать, кто именно?

— Какой-то капитан Бэнди, сержант и помощник комиссара Юманс. И помощник окружного прокурора Мандельбаум.

— Кто-нибудь из них рассказывал вам, зачем миссис Фромм обращалась ко мне вчера?

— Нет. Мы просто не касались этого.

— Так вот, я предлагаю вам обратиться к кому-нибудь из окружной прокуратуры, желательно к вашему хорошему знакомому, и попросить его рассказать об этом. Если он или какое-либо другое официальное лицо это сделает, и без всяких существенных оговорок, я верну деньги, которые получил от миссис Фромм, «незаконно присвоенные мною», как вы выразились.

На лице Мэддокса появилось такое выражение, будто его пытались убедить в том, что на лбу у него вырос второй нос.

— Могу заверить вас,— продолжал Вульф,— что я не настолько глуп, чтобы утаивать от представителей закона улики о тяжких преступлениях, особенно если преступление является таким сенсационным, как это. Более того, тут я чрезвычайно щепетилен. Сомневаюсь, что сейчас в совершении этого преступления полиция подозревает вас, если, конечно, они не располагают известными мне данными. Полиция, однако, может доставить вам немало неприятностей, после того как сообщу им о вашей настойчивой попытке выяснить, почему миссис Фромм говорила со мной. Сообщить об этом — мой долг. Причем на

Вы... — Мэддокс опять чуть бы

— Вы угрожаете мне, что сообщите о нашем разговоре?

— Не угрожаю, а просто ставлю вас в известность, что сделаю это сразу же после вашего ухода.

— Я ухожу,— Мэддокс встал.— Я предъявлю вам виндикационный иск и взыщу с вас эти десять тысяч.

Он резко повернулся и вышел.

Я последовал за ним, чтобы открыть ему входную дверь, но не успел, несмотря на то что перед уходом он еще заскочил в переднюю за шляпой.

Когда я вернулся, Хоран стоял, глядя на Вульфа сверху вниз, в кабинете царило молчание. Вульф сказал мне:

— Арчи, позвони мистеру Крамеру.

— Одну минуту,— высокий тенор Хорана звучал настойчиво.— Вы совершаете ошибку, Вульф, если вы действительно собираетесь расследовать это убийство. Как же вы будете вести расследование? К вам в кабинет сами приходят два человека, которые были тесно связаны с миссис Фромм, они в курсе всех ее дел, а вы фактически выставляете за дверь одного из них. Разумно ли это?

— Чепуха,— неприязненно бросил Вульф.— Вы даже не хотите мне сказать, говорила вам миссис Фромм о своем визите сюда или нет.

— Сама форма вашего вопроса уже оскорбительна.

Ну что же, постараюсь быть вежливее. Не могли бы вы передать мне суть беседы, которая состоялась вчера вечером у вас в доме?

Хоран захлопал своими длинными ресницами.

— Сомневаюсь, имею ли право говорить вам об этом. Разумеется, полиции я сообщил обо всем, но они потребовали от меня хранить это в тайне.

— Естественно. Ну, а мне скажете?

— Нет.

— Могли бы вы подробно и откровенно рассказать мне, что за отношения связывали вас с миссис Фромм и как они развивались?

— Конечно, нет.

— Если я попрошу мистера Гудвина в управление Ассоциации помощи перемещенным лицам, главным юрисконсультом которого вы являетесь, дабы он дал указание персоналу исчерпывающе и откровенно отвечать на любые его вопросы?

— Нет.

— Тогда хватит любезничать. Арчи, соедини меня с мистером Крамером.

Я повернулся и набрал номер А 9-8241. На том конце провода трубку сняли сразу, но потом возникли сложности. Оказалось, что никого: ни наших друзей, ни недругов — на месте не было. В конце концов я решил остановиться на сержанте Гриффине и попросил об этом Вульфа. Он снял свою трубку.

— Мистер Гриффин? Говорит Ниро Вульф. Прежде, чем я вам сейчас сообщу, понадобится мистеру Крамеру, поэтому, пожалуйста, не забудьте передать. Сегодня вечером ко мне приходили мистер Джеймс Альберт Мэддокс и мистер Дэннис Хоран, оба адвокаты. Вы правильно записали фамилии? Да, думаю, что вам они хорошо известны. Они просили рассказать им о моей беседе с миссис Фромм, когда она была здесь вчера, у меня. Я отказался, но они продолжали настаивать. Не берусь утверждать, что мистер Мэддокс намеревался дать мне взятку, однако у меня создалось впечатление, что, если бы я рассказал об этой беседе, он не настаивал бы, как сейчас, чтобы я вернул деньги, которые миссис Фромм мне выдала. Мистер Хоран был явно на его стороне, во всяком случае, он не возражал. Когда мистер Мэддокс рассердился, хлопнул дверью и ушел, мистер Хоран сказал, что я совершаю ошибку. Пожалуйста, не забудьте передать все это мистеру Крамеру. Нет, это все. Если его заинтересуют подробности или понадобится письменное заявление, я к его услугам.

Вульф повесил трубку, посмотрел на Хорана и буркнул:

— Вы еще здесь?

Хоран направился к двери, но, сделав три шага, обернулся и сказал:

— Возможно, вы и не сведущи в области уголовного права, зато вы вполне овладели искусством балансировать на грани закона об ответственности за клевету. После спектакля, который вы здесь сегодня устроили, сомневаюсь, удастся ли вам сохранить свою репутацию.

С этими словами он вышел из кабинета.

Выйдя в прихожую, я успел лишь заметить, как он уже в шляпе покинул переднюю и хлопнул входной дверью.

Закрыв за ним дверь и накинув цепочку, я вошел в кабинет и с восторгом в голосе воскликнул:

— Да, здорово вы их! Выжали, как лимоны, и выбросили. Поздравляю!

— Заткнись,— ответил Вульф и взял со стола книгу, от которой теперь его было уже не оторвать.

9

В субботу днем у меня было намечено поехать в Уэстчестер и приятно провести там два дня с Лили Роуэн в ее лачуге из четырнадцати комнат, но планы эти полетели ко всем чертям, если не дальше. Воскресенье у меня тоже прошло не как у людей. Начну все по порядку.

Рано утром, когда Вульф еще завтракал у себя наверху, заявился сержант Пэрли Стеббинс. Ему нужна была подробная информация о вчерашнем вторжении в наш дом двух адвокатов. И он получил ее от меня. Но все равно ушел он, еще более подозревая нас в обмане, чем когда пришел. Хотя я и доказал ему, что мой шеф — гений и что время покажет, какой блестящий ход он сделал, отшив их, Пэрли так и не поверил, что Вульф не стал расшибаться в лепешку и упустил такой случай, не сумев ничего выведать у этой парочки, которую судьба привела к нему в кабинет. Он, однако, охотно съел пять или шесть рогаликов и выпил пару чашек кофе, но, разумеется, лишь потому, что, если кто-нибудь хоть раз попробует рогалики, которые Фриц печет в воскресенье утром, тот ни за что не откажется отведать их еще раз.

Мы с Вульфом внимательнейшим образом прочли в утренних газетах отчеты и репортажи о ходе расследования. В общем-то, мы и не надеялись напасть на какой-то новый след, но нам теперь стало, по крайней мере, известно, что именно окружной прокурор и Крамер сочли возможным предать гласности, и из этой информации мы отобрали кое-что любопытное, нуждающееся, правда, в дополнительной проверке.

Ответственный секретарь АСПОПЛ Аннабел Райт ранее работала у Дэймона Фромма и это место получила через него. Миссис Фромм оказывала финансовую поддержку более чем сорока благотворительным обществам и всякого рода филантропическим организациям, однако ее любимым детищем был АСПОПЛ.

Редактор журнала Винсент Лип[illegible]

давший на ужине в доме у Хорана, уже опубликовал цикл статей о перемещенных лицах в своем иллюстрированном журнале «Современная мысль» и теперь писал следующий.

Миссис Дэннис Хоран была в прошлом кинозвездой, во всяком случае, снималась в кино.

Пол Каффнер осуществлял связь АСПОПЕЛ с общественностью, что считалось общественной деятельностью и чем он занимался бесплатно. Одновременно он также вел личные финансовые дела миссис Фромм.

Деннис Хоран был экспертом в области международного права, членом пяти клубов, кроме того, он очень любил готовить сам.

В газетах, однако, не упоминалось о том, что в карданном вале машины, на которой сбили Пита Дроссоса, был обнаружен клок материи, выдранный из пиджака Мэтью Берча. Вероятно, полиция и разрабатывала как раз эту версию. Однако поскольку все три преступления были совершены одним и тем же способом, убийство Берча тоже начало привлекать к себе внимание прессы.

Вульф по телефону связался со своим адвокатом Генри Паркером, узнал, как проходят судебные процессы по виндикационным искам, и попросил его подготовиться к возможному участию в таком процессе, в случае если Мэддокс сдержит свое обещание оттяпать у нас эти десять тысяч. Генри Паркера мне пришлось порядком поискать — он оказался в загородном клубе на Лонг-Айленде.

От Джин Эстай не было ни звука.

В течение дня три репортера звонили, а двое приходили сами, правда, им пришлось довольствоваться лишь крыльцом — дальше я их не пустил. Они были весьма недовольны тем, что исключительное право освещать ход расследования убийства Ниро Вульфом получила «Газетт», и я выразил им свое сочувствие.

Когда утром я позвонил в редакцию «Газетт» Лону Козну, я не застал его — было еще слишком рано — и попросил передать ему мою просьбу позвонить мне, что он потом и сделал.

Днем я пришел в редакцию, чтобы [illegible] фотографии интересовавших нас [illegible], что мы не прочь получить [illegible] не опубликованную в прессе, [illegible] хотел иметь ее. По его слова[illegible]

[illegible] известно об этом деле, было напечатано в «Газетт», хотя, разумеется, в самое последнее время [illegible] масса всевозможных слухов. Например, что миссис Хоран как-то запустила в миссис Фромм шейкером * и что один поставщик товаров из-за границы уговорил Винсента Липскома опубликовать статью в поддержку снижения тарифов, оплатив ему за это поездку в Европу.

Мне, однако, эти сведения не показались настолько важными, чтобы немедленно ехать с ними домой, к Вульфу. Да к тому же у меня были еще задания. Прежде всего нужно раздать фотографии. Сол Пэнзер был в редакции «Нью-Йорк Таймс», где он срочно собирал данные о перемещенных лицах и об АСПОПЕЛ. Орри Кэтер сидел в баре на Лексингтон-авеню, в котором подавали мясо, зажаренное по заказу. Он сообщил мне, что человек, которому он когда-то оказал услугу, сейчас играет в гольф в Ван-Кортленд парке и что поэтому встретиться с ним он сможет лишь позже. Фред Дэркин с семьей обедал в ресторане на Бродвее, где по воскресеньям обед для взрослых стоит только доллар восемьдесят пять центов, а для детей — доллар пятнадцать.

Прежде чем отправиться домой, я решил предпринять кое-что уже по собственной инициативе. Не помню, приходилось ли мне когда-либо оказывать услугу торговцам ювелирными изделиями, но как-то раз я здорово выручил одного сотрудника полицейского управления Нью-Йорка. Если бы тогда я поступил так, как надлежит поступать гражданину и детективу, имеющему лицензию, то он получил бы за все сполна и сидел бы за решеткой до сих пор, однако мне удалось кое-что для него сделать. Об этом ничего никому не известно, даже Вульфу. Тот человек однажды дал мне понять, что если бы кто-то вдруг вздумал на улице выяснять со мной отношения, то он охотно подержал бы мои пальто и шляпу. До сих пор, однако, я ни разу ни о чем его не просил. А в это воскресенье я подумал, что парню представляется чертовски хорошая возможность вернуть должок. Я позвонил ему, и мы встретились.

Я сказал, что даю ему пять минут на то, чтобы он сообщил мне, кто убийца миссис Фромм. Он отве-

---

* Шейкер — сосуд, как правило, металлический, для смешивания коктейлей (прим. пер.).

тил, что если расследование будет продвигаться с такой скоростью, как сейчас, то ему понадобится на это не пять минут, а все пять лет, да и то он не может ничего обещать наверняка. Я спросил, учитывает ли он самые последние данные, он ответил утвердительно. Я сказал, что хотел узнать только это и что поэтому снимаю свою просьбу относительно пяти минут, но что если когда-нибудь он сумеет сделать это не за пять лет, а за пять часов, то я буду ему весьма признателен, если он даст мне об этом знать.

Он переспросил:

— Дам знать о чем?

Я ответил:

— О том, что расследование идет к концу. У меня все. В общем, Вульфу я скажу, что сейчас пока надо нырнуть поглубже и не высовываться.

— Для нырянья-то он, пожалуй, толстоват.

— Я зато худой.

— Ладно, договорились. Вам больше точно ничего не нужно?

— Ровным счетом.

— А я уж думал, вы попросите у меня голову самого Роуклифа, да еще с яблочком во рту.

Вернувшись домой, я сказал Вульфу:

— Можете отдыхать. Полиция играет в прятки. Тычутся в разные стороны, как слепые котята. Фактов они насобирали больше нас, но, по сути дела, топчутся на том же месте, что и мы.

— Откуда тебе это известно?

— Разнюхал. Сведения точные, получены только по сугубо личным каналам. Видел всех ребят, отдал фотографии. Есть несущественные подробности, рассказывать?

— Нет.

— Задания будут?

— Нет.

— А указания на завтра?

— Нет.

Все это происходило в воскресенье вечером.

А в понедельник утром меня ожидал сюрприз. Вульф никогда не спускается на первый этаж раньше одиннадцати. Прежде чем появиться в кабинете, он завтракает у себя в комнате, потом поднимается под самую крышу и два часа возится со своими растениями. Утром, если не происходит

[illegible] он разговаривает со мной только по домашнему телефону. В то утро, должно быть, и случилось [illegible] особенное, потому что Фриц, поднявшись с [illegible] наверх, вернулся в кухню и объявил мне торжественно: «Тебе разрешена аудиенция. Levée» *. Привожу этот термин по-французски, поскольку именно на этом языке он его произнес. Я дочитал утреннюю газету, в которой не было ничего, что опровергало бы «раскопанные» мною вчера сведения, допил кофе, поднялся по лестнице на один пролет и, постучав в дверь, вошел в комнату.

Когда утром дождь или просто пасмурно, Вульф завтракает в постели, откидывая черное шелковое покрывало себе в ноги, чтобы не испачкать. Если же светит солнце, он велит Фрицу ставить поднос на столик у окна. В то утро было солнечно, и мне довелось наблюдать зрелище, которое доставило мне истинное удовольствие. Вульф предстал передо мною босой, с всклокоченными волосами, а его ниспадающая волнами невероятного размера пижама переливалась на солнце, напоминая какую-то бесформенную глыбу желтого цвета. Зрелище было потрясающее!

Мы поздоровались, и Вульф предложил мне сесть. Он уже поел и теперь допивал кофе.

— Есть дело для тебя,— сообщил он мне.

— Хорошо. Только в десять я хотел быть в банке, надо получить деньги миссис Фромм.

— Ладно. Займешься сразу после банка. Возможно, тебя не будет весь день. Фрицу скажи, чтобы отвечал на телефонные звонки и принял обычные меры предосторожности на случай, если кто вдруг явится. Время от времени будешь звонить, как идут дела.

— В два часа похороны.

— Знаю. Поэтому можешь зайти домой пообедать. Там видно будет. Теперь задания.

Вульф дал мне необходимые инструкции. Это заняло четыре минуты. В конце он спросил, есть ли у меня вопросы.

Я нахмурился.

— Есть один. Само по себе все вроде бы ясно, но что я должен узнать?

— Ничего.

---

* Levée — (фр.) «Запрет снят». Слово [illegible] мени (прим. пер.).

— Тогда у меня может и выйти «ничего».

Вульф отхлебнул кофе.

— Именно этого я и жду. Тебе надо их расшевелить, только и всего. Выпустишь в толпу тигра из клетки или, если это звучит претенциозно, мышь. Как они отнесутся к этому? Заявит ли кто-нибудь из них в полицию и если да, то кто именно?

Я кивнул.

— Конечно, я вижу, какие тут открываются возможности. Но хотелось бы знать, должен ли я добывать какие-нибудь конкретные сведения или нет?

— Нет, никаких.

И Вульф потянулся за кофейником.

Я спустился в кабинет. В ящике письменного стола у меня целый набор визитных карточек, девять или десять разновидностей, каждая составлена по-особому — на все случаи жизни. Я взял несколько карточек, на которых в середине напечатано мое имя, а в уголке — «Представитель Ниро Вульфа», и под своим именем приписал от руки: «Обсудить то, с чем миссис Фромм обращалась к мистеру Вульфу в пятницу». Карточки я положил в бумажник, чек и банковскую книжку сунул в карман, кобуру с пистолетом надел под пиджак — теперь я был готов. Надев шляпу, я вышел на улицу.

До банка я прошелся пешком — приятная пятнадцатиминутная прогулка ясным майским утром,— а у банка взял такси и поехал на Шестьдесят восьмую улицу.

Не знаю, что может происходить в доме скончавшейся миллионерши в день ее похорон, которые проходят в церкви на Мэдисон-авеню, но на улице перед домом было спокойнее, чем в субботу. Лишь стоявший на тротуаре полицейский в форме, который явно изнывал от безделья, да черный креп на двери указывали, что случилось нечто необычное. Полицейский был тот же, что стоял здесь в субботу, и он сразу меня узнал. Как только я направился к двери, он остановил меня.

— Вам что-нибудь нужно?

— Да, нужно.

— Ты — Арчи Гудвин. Что надо?

— Мне надо нажать кнопку вон того звонка, вручить свою визитную карточку, чтоб [illegible] миссис Фромм, затем войти в дом и поговорить [illegible]

Ладно, ты и верно Гудвин.

...ать вроде не требовалось. ...одолжал стоять на месте, я обошел ... и нажал кнопку звонка. Через ... открыл мне дверь, и хотя нымуштрован... наверное, безукоризненно, все же вид такого ... я поравил даже его. Вместо того чтобы смо... мне прямо в глаза, как и подобает настоящему ...ленному дворецкому, он не сумел скрыть изум... и невольно окинул меня взглядом с ног до голо... летний коричневый шерстяной костюм, светло-коричневая рубашка в полоску, коричневый галстук и коричневые туфли. Однако понять его можно — ведь как-никак это был день похорон.

Я протянул ему визитную карточку.

— Мисс Эстай, пожалуйста.

Пэкхем впустил меня, однако на лице у него было написано явное неудовольствие. Он, должно быть, подумал, что я спятил,— самое простое объяснение, если исходить из фактов так, как они представлялись ему. Он не провел меня в холл, а попросил подождать, сам же прошел в кабинет и затворил за собой дверь. До меня донеслись приглушенные голоса, однако слов я разобрать не мог. Затем Пэкхем вышел.

— Пройдите сюда, мистер Гудвин.

Он посторонился, и я вошел в кабинет.

Джин Эстай сидела за письменным столом, держа в руке мою визитную карточку. Не соблаговолив поздороваться, она отрывисто бросила:

— Закройте, пожалуйста, дверь.

Я притворил дверь и снова повернулся к ней лицом. Она спросила:

— Помните, что я говорила вам в субботу, мистер Гудвин?

Зеленовато-карие глаза смотрели на меня в упор. Кожа у нее под глазами припухла — то ли она не выспалась, то ли, наоборот, спала слишком долго. И хотя я все равно мог бы спеть, пожалуй, назвать ее симпатичной, выглядела она так, будто последний раз мы виделись не два дня, а два года назад. Я подошел к столу и сел на стоявший рядом стул.

Вы имеете в виду, что полиция просила вас встретиться с Ниро Вульфом и передать им все, что он будет с вами говорить?

Да.

И что же

Ничего, просто... ну... если мистер Вульф не передумал, то, думаю, я могла бы встретиться с ним. Не знаю... но полиции наш разговор я передавать не буду. Мне кажется, что расследование они ведут просто из рук вон отвратительно. Прошло больше двух суток с тех пор, как была убита миссис Фромм, пятьдесят девять часов, а они, кажется, вообще ничего и не выяснили. Куда это годится?

Решение надо было принимать в считанные секунды. Дело оборачивалось как нельзя лучше — я мог бы прямо сейчас отвезти ее к нам домой, но вот захочет ли Вульф говорить с ней? И что предпочел бы он сам: чтобы я привез ее к нам или же чтобы выполнил его сегодняшнее задание? Не знаю, на чем бы я остановился, будь у меня хоть две минуты, чтобы пораскинуть мозгами, но времени на раздумья не оставалось, и я решил делать то, что велел Вульф.

Я сказал:

— Я сообщу мистеру Вульфу о вашем согласии, мисс Эстай. Уверен, что он будет рад, но сейчас мне хотелось пояснить вам, что эта надпись на карточке «Представитель Ниро Вульфа» не вполне соответствует действительности. Я пришел к вам по собственной инициативе. В данный момент я представляю только самого себя.

Она удивленно вскинула голову.

— По собственной инициативе? Вы что, больше не работаете на Ниро Вульфа?

— Нет, работаю, конечно. Но случается, что я работаю и на себя, когда выпадает такая возможность. У меня есть к вам одно предложение.

Она бросила взгляд на карточку.

— Тут написано «Обсудить то, с чем миссис Фромм обращалась к мистеру Вульфу в пятницу».

— Верно, именно об этом я и хочу сейчас поговорить. Но только строго между нами.

— Не понимаю вас.

— Сейчас поймете.

Я подался немного вперед и произнес вполголоса.

— Видите ли, я присутствовал при разговоре миссис Фромм и мистера Вульфа. И слышал все. Память у меня превосходная, поэтому я мог бы слово в слово пересказать вам, о чем они говорили, или почти дословно.

— Так, и что же?

Ну... думаю, мое сообщение не оставит вас равнодушной. У меня есть основания считать, что вам это будет небезынтересно. Вы, может, думаете, что я здорово рискую, но я уже не первый год доверенный помощник Вульфа и, поверьте, сделал для него немало, так что уж кому-кому, а мне он верит, об этом я позаботился. Поэтому если после моего ухода вы позвоните Вульфу или сами к нему придете и сообщите о моем предложении, он наверняка сочтет, что вы вздумали сыграть с ним злую шутку и обвести его вокруг пальца. Когда же он спросит меня, в чем дело, я отвечу, что вы нагло лжете, и будьте покойны — поверит он мне. Так что за мою судьбу не волнуйтесь — я не рискую ничем. Короче, я готов вам передать весь их разговор, с начала до конца, за пять тысяч долларов наличными.

У нее вырвалось «О!», или, возможно, это было «Гм», а скорее всего, она просто издала какой-то неопределенный звук. Затем уставилась на меня.

— Естественно,— продолжал я,— я не думаю, что такую сумму вы держите в сумочке, поэтому меня вполне устроило бы, если бы вы заплатили мне сегодня днем. Только учтите: деньги вперед.

— Нет, вы слышали? — воскликнула Джин Эстай.— Да чего ради я вдруг стану давать вам за это даже пять центов? О пяти тысячах уж и не говорю. С какой стати?

Я покачал головой.

— Ответить на такой вопрос значило бы все рассказать. Нет. Сначала вы платите мне деньги, я вам все выкладываю, а там уж судите сами, стоит мой рассказ такой суммы или нет. Я, понятно, не могу гарантировать, что мое сообщение удовлетворит вас, но согласитесь, что я был бы набитым дураком, если бы пришел сюда с какой-нибудь ерундой.

Наконец мисс Эстай отвела от меня глаза. Выдвинув ящик, она достала пачку сигарет, взяла одну и постучав сигаретой по блокноту, лежавшему на столе, потянулась за настольной зажигалкой. Сигарета упрямо никак не раскуривалась. Мисс Эстай [illegible] ее в пепельницу и поставила зажигалку на [illegible]

— Думаю,— начала она, опять переходя [illegible] меня, что мне следовало бы оскорбиться и [illegible] свое возмущение, видимо, я это и сделала. Но [illegible] я слишком потрясена. Я и не предполагала [illegible]

самый заурядный жулик. Будь у меня достаточно денег, чтобы вот так швыряться ими, я бы заплатила вам и послушала, что же вы стали бы мне рассказывать. Очень хотелось бы услышать, какую ложь вы мне пытаетесь подсунуть. Вам лучше уйти.

Она встала.

— Убирайтесь отсюда!

— Мисс Эстай, мне думается...

— Убирайтесь!

Мне приходилось видеть, как ретируются «самые заурядные жулики». Кто невозмутимо, кто суетится — по-всякому «убираются», но только не с таким важным и горделивым видом, как это сделал я.

Взяв свою шляпу, лежащую на краю стола, я вышел из комнаты. В передней я заметил, что Пакхем, который, поклонившись, открыл мне дверь, явно испытывал облегчение при виде того, что этот наверняка ненормальный тип из похоронного бюро, не удосужившийся даже придать своему лицу, как положено, скорбное выражение и одетый совершенно не подобающим для своей профессии образом, наконец-то убирается восвояси.

Когда я вышел на улицу, полицейский хотел было сказать мне что-то, но передумал. В аптеке за углом оказался телефон-автомат, и я, выполняя указание Вульфа, позвонил ему, подробно доложив обо всем. Затем я остановил такси и поехал в центр города.

Второй мой сегодняшний клиент проживал на Грэмерси-Парк. Многоквартирный дом, сложенный из желтого кирпича, был уже не новым: у входа стоял швейцар в ливрее, в просторном коридоре у дверей лежали красивые, но вытертые коврики, а лифт то и дело скрипел и сипел, как старый астматик, задыхающийся от очередного приступа. В конце концов он поднял меня в сопровождении лифтера на девятый этаж, после того как швейцар позвонил по внутреннему телефону в квартиру 88 и пропустил меня. Я нажал кнопку звонка, дверь открыла женщина, которая [illegible] и была одета, как горничная, сложена была как здоровенный армейский сержант. Впустив меня, она приняла мою шляпу и провела меня в другой конец передней к сводчатому проходу.

Я очутился в большой с высоким потолком [illegible] нате, чересчур, пожалуй, заставленной мебелью, [illegible] портьерах, коврах и мебельной обивке преобла[illegible]

основном желтый, лиловый, светло-зеленый и темно-бордовый цвета, во всяком случае такое у меня сложилось впечатление, когда я мельком осмотрелся. В этой гамме вдруг возник еще и черный оттенок — платье шедшей навстречу мне женщины. У нее были пепельного цвета волосы, собранные в пучок на затылке, голубые глаза и бледная тщательно ухоженная кожа — черное ей явно шло. Руки она мне не подала, но и враждебности в ее взгляде тоже не было.

— Вы миссис Хоран? — спросил я.

Она кивнула.

— Муж ужасно рассердится на меня за то, что я говорила с вами. Но меня просто разбирает любопытство. Я, разумеется, должна быть уверена... вы тот самый Арчи Гудвин, который работает с Ниро Вульфом?

Я достал из бумажника свою визитную карточку и протянул ей. Миссис Хоран прочла то, что там было написано, держа карточку так, чтобы на нее падало больше света. Затем она посмотрела на меня широко раскрытыми глазами.

— Но я не... «Обсудить то, с чем миссис Фромм обращалась к мистеру Вульфу в пятницу...» Со мной? Почему именно со мной?

— Потому что вы — миссис Дэннис Хоран.

— Да, конечно, это я.

Судя по ее интонации, ей и в голову не приходило, что это может иметь какое-то отношение к делу.

— Муж страшно рассердится.

Я оглянулся.

— Может быть, мы сядем у окна. Разговор будет доверительный, и я бы хотел вести его с глазу на глаз.

— Разумеется,— она повернулась и пошла к окну, лавируя между нагромождениями мебели. Я последовал за ней. У самого окна она села в кресло, а я придвинул поближе еще одно так, чтобы удобнее было разговаривать.

— Вы знаете,— сказала она,— все это в высшей степени ужасно. В высшей степени! Миссис Фромм была чудесным человеком.

Точно таким же тоном и с таким же выражением лица миссис Хоран могла бы сказать, что ей очень нравится моя стрижка.

Она добавила:

— А вы хорошо ее знали?

— Нет, я видел ее только один раз, в прошлую

пятницу, когда она приходила проконсультироваться с мистером Вульфом.

— Он ведь детектив?

— Да.

— А вы тоже детектив?

— Да, я работаю с мистером Вульфом.

— Восхитительно! Конечно, у нас уже были двое, нет, простите, трое, они задавали всякие вопросы, а в субботу их было еще больше. Меня расспрашивали в прокуратуре, где были полицейские. Но ведь они всего-навсего из полиции. А вот вы — настоящий детектив. Никогда бы не подумала, что детектив выглядит так...

При этих словах она сделала изящный непринужденный жест.

— Ну вот, опять я, как всегда, болтаю о пустяках, а вам ведь, наверное, нужно обсудить со мной что-то серьезное?

— Да, за этим я и пришел. Речь пойдет о том, что миссис Фромм сказала мистеру Вульфу.

— Но в таком случае, сначала вы должны сообщить мне, что же она ему сказала. Разве могу я обсуждать это, пока не узнаю, что именно она сказала?

— Не можете,— согласился я.— Но и я ничего не могу сообщить вам, пока не узнаю, действительно ли вам это интересно.

— О да, очень интересно!

— Хорошо! Так я и думал. Видите ли, миссис Хоран, когда миссис Фромм и мистер Вульф беседовали, я все время находился с ними в комнате, поэтому запомнил весь разговор слово в слово. Вот почему я сразу подумал, что вас это наверняка заинтересует, поэтому и не удивляюсь, что мое предложение не оставило вас безразличной. Но, к сожалению, удовлетворить вашу любознательность даром я не могу. Мне следовало сразу сообщить вам, что сейчас я говорю не от имени Ниро Вульфа, поэтому-то я и сказал, что разговор у нас будет доверительный. Я говорю с вами только от своего имени. Вашу любознательность я смогу удовлетворить лишь в том случае, если вы одолжите мне пять тысяч долларов, которые я верну после дождичка в четверг и когда рак свистнет.

На лице ее ничего не отразилось, только [illegible] глаза немного округлились.

— Забавная мысль,— сказала она,— после[illegible]

рак свистнет. А что, сначала пойдет дождь, а он потом свистнет?

Все равно, что сначала.

А мне бы больше понравилось, если бы сначала рак свистнул. Да, так что вы сказали о деньгах? Простите, у меня внимание как-то переключилось на дождик и на рака.

Что ж, я готов был признать: мне она оказалась явно не по зубам, но выкручиваться как-то надо было. Я оставил и дождичек, и рака.

— Если вы заплатите мне пять тысяч долларов, я сообщу вам, о чем миссис Фромм говорила с мистером Вульфом.

Глаза у нее округлились еще больше.

— Так вот вы что имели в виду! А мне показалось, что я не поняла.

— Я упомянул и дождичек, и рака просто для того, чтобы облечь свое предложение в шутливую форму. Извините. Лучше уж прямо вот так, без обиняков.

Она покачала своей ухоженной головкой.

— Но мне-то ведь от этого не легче, мистер Гудвин. Все это просто невероятно, разве что... а, ну теперь поняла, в чем дело. Вы хотите сказать, что она сообщила ему обо мне нечто ужасное! Меня это ни капельки не удивляет, но что именно?

— Я не сказал, что она говорила о вас. Я только...

— Ну конечно же обо мне! Еще бы! Только что именно?

— Нет,— отчеканил я.— Может быть, я выразился недостаточно ясно.— Я загнул один палец. - Сначала вы даете мне деньги.— Второй палец.— Затем я излагаю вам факты. Я предлагаю вам кое-что купить у меня и ничего больше.

Она кивнула с видимым сожалением.

— Вот в этом-то вся и беда.

— То есть?

- Ведь не может же быть, что вы это серьезно. Если бы вы попросили двадцать долларов — д[illegible] дело. И вообще мне очень об[illegible] она там наговорила... но пять тысяч! [illegible] я думаю, мистер Гудвин?

— Нет. О чем?

— Я думаю, что такому проницательному и [illegible] кому человеку, как вы, не было необходи[illegible] бегать к подобным приемчикам, чтобы [illegible]

любопытство и вызвать меня на разговор. Когда вы вошли, я и вообразить не могла, что вы такой, и особенно, что у вас такие глаза. Я сужу прежде всего по глазам.

Я тоже могу кое-что сказать о человеке по его глазам. Так вот, у миссис Хоран их выражение отнюдь не соответствовало тому, как она вела себя со мной. Мне, правда, доводилось выдерживать взгляды и проницательнее и умнее, однако и этот принадлежал отнюдь не столь легкомысленной особе, за какую пыталась себя выдать его обладательница. Я бы с удовольствием посидел еще часок-другой и потягался бы с ней в остроумии, но мне было велено предложить сделку в самой прямой форме, без всяких околичностей, засечь реакцию и уйти. А кроме того, до похорон мне хотелось нанести таких визитов как можно больше.

Я встал и попрощался. Миссис Хоран весьма огорчилась, что я ухожу, и даже намекнула, что к своим предложенным ранее двадцати долларам она могла бы добавить еще десять, но я дал ей понять, что ее замечание о моих приемчиках в высшей степени задело меня и что теперь я хотел бы побыть один.

Выйдя на улицу, я из автомата позвонил Вульфу. доложил ему о разговоре, затем взял такси и поехал на Сорок вторую улицу.

Лон Коэн говорил мне, что не следует упрекать Ассоциацию помощи перемещенным лицам за то, что она занимает, словно выставляя свое богатство напоказ, первоклассное, выходящее на солнечную сторону помещение, расположенное на двадцать седьмом этаже одного из тех сдаваемых в аренду роскошных зданий, которые понастроили за последнее время в самом центре деловой части города, поскольку это здание принадлежало самой миссис Фромм, и от арендной платы Ассоциация была освобождена. И все-таки, несмотря на это, для организации, которая должна была оказывать помощь несчастным и гонимым судьбой, это помещение было, по-моему, неуместно шикарным и кричащим. Окончательно же я убедился в этом, когда оказался в сверкающей чистотой приемной. На кра[illegible]ке коричневого кожаного дивана сидел типичный [illegible] ситель, совершенно отчаявшийся и изможденный, [illegible] павший в потрепанном, явно с чужого плеча [illegible] костюме. Бросив взгляд на незнакомца, я [illegible] о том, как он относится к окружающему его

но когда я взглянул на него еще раз, это моментально перестало меня интересовать. Передо мной сидел Сол Пэнзер. Как только наши взгляды встретились, он отвел глаза, а я подошел к сидящей за столом секретарше, обладательнице тонкого длинного носа и острого подбородка.

Она сказала мне, что мисс Райт занята и принимает только по предварительной договоренности. Я дал секретарше свою визитную карточку и попросил ее не только сообщить мисс Райт мое имя, но и прочесть ей приписанное от руки. Позвонив, она сказала, что меня примут. Чем-то я ей все же не понравился. Весь ее вид — поджатые губы и каменное выражение лица — недвусмысленно говорил о том, что она предпочла бы вообще не видеть меня здесь.

Секретарша провела меня в большую угловую комнату с двумя окнами, выходящими на юг и на восток, из которых открывался вид на Манхэттен. В комнате стояли два письменных стола, за одним из них восседала шатенка, которая хотя и выглядела чуть ли не такой же изможденной, как Сол Пэнзер, все же держалась в форме и, по всей видимости, отнюдь не собиралась терять ее.

Вместо того чтобы поздороваться, она произнесла требовательным голосом:

— Разрешите вашу визитную карточку.

Все, что там было написано, секретарша уже прочла ей по телефону. Я подошел к мисс Райт и протянул ей карточку. Она взглянула на нее, затем подняла глаза на меня.

— Я очень занята. Это срочно?

— Много времени я у вас не отниму.

— Для чего понадобилось обсуждать это со мной? Что это даст?

— Не знаю. Тут уж не мне, а вам судить, даст это что-нибудь или нет. Я обращаюсь к вам исключительно от своего имени, а не от имени Ниро Вульфа, и ничего...

— Выходит, Ниро Вульф не посылал вас сюда?

— Нет.

— А полиция?

— Нет. Это исходит только от меня. Мне крупно не повезло в одном деле, понадобились деньги, вот я и хочу кое-что продать. Мне известно, что сегодня у вас нелегкий день — похороны миссис Фромм, но

долго я вас не задержу, во всяком случае так я предполагаю, а мне ну просто позарез нужны пять тысяч долларов, причем как можно скорее.

Она улыбнулась краешком рта.

К сожалению, такой суммы у меня с собой нет, нет даже для гангстеров, если бы они ворвались сейчас сюда. Но вы-то ведь детектив, имеете лицензию, человек уважаемый, не так ли?

— Стараюсь, чтобы было так. Я уже сказал, что мне крупно не повезло в одном деле. Я всего-навсего предлагаю вам кое-что у меня купить, решайте сами, согласны вы или нет. Все зависит от того, сколь сильно ваше желание узнать, что миссис Фромм сообщила мистеру Вульфу. Уплатить пять тысяч долларов за такую информацию может оказаться для вас весьма выгодным, а может и нет. Тут уж судить не мне, а вам, но, разумеется, прежде чем судить, вы должны узнать, о чем шла речь.

Она испытующе посмотрела на меня.

— Вот, значит, как?

— Значит, так,— подтвердил я.

Выдержать взгляд ее карих глаз было куда труднее, чем взгляд Джин Эстай или Клэр Хоран. Для меня трудность заключалась в том, чтобы предстать перед ней человеком, который за деньги готов продать отца родного и на которого все же, договорившись с ним, можно в данном случае положиться. Анджела Райт продолжала смотреть на меня в упор, и под ее изучающим взглядом мне стало казаться, будто для исполняемой роли я как-то не так одет. Я делал все, чтобы вдруг возникающая у меня неуверенность в себе никак не отразилась на моем лице, а для этого, подумалось мне, мышцы лица надо бы привести в движение, и я заговорил:

— Видите ли, мисс Райт, с моей стороны это совершенно честное предложение, что называется, bona fide *. Я могу рассказать и я расскажу вам все, о чем они говорили.

— Но ведь сначала вы деньги потребуете, голос у нее был столь же суров, как и взгляд.

Я заявил без обиняков:

— К сожалению, иначе ничего у нас не выйдет

---

* Bona fide (лат.) — честно; без обмана, без

Если бы я сначала рассказал, вы просто могли бы послать меня подальше да и все.

— Могла бы,— мозг ее напряженно работал.— Тогда, может быть, договоримся так.— Она извлекла из ящика стола стопку бумаги и положила на нее ручку.— Придвиньте сюда стул или сядьте вот за тот стол и кратко изложите это свое предложение письменно. Пишите так: «Немедленно после выплаты мне Анджелой Райт пяти тысяч долларов наличными обязуюсь во всех подробностях изложить ей разговор, состоявшийся в прошлую пятницу между Лаурой Фромм и Ниро Вульфом». Поставьте число и подпись. Все.

— И что, отдать это вам?

— Да. Как только вы выполните свое обещание, я тотчас же верну эту бумагу. Разве это не справедливо?

— Помилуйте, мисс Райт,— снисходительно улыбнулся я.— Неужто вы и впрямь думаете, что Ниро Вульф стал бы до сих пор держать меня у себя, будь я так наивен.

Она тоже улыбнулась.

— Хотите знать, о чем я думаю?

— Конечно.

— Мне думается, что если бы вы действительно были способны за деньги выкладывать то, о чем говорится в кабинете Вульфа, ему давным-давно стало бы об этом известно, и он попросту выгнал бы вас вон.

— Я ведь сказал, что сейчас мне нужны деньги.

— Не так уж и серьезно. Я тоже не настолько наивна. Но в одном вы несомненно правы, точнее, прав мистер Вульф, мне очень хотелось бы знать, о чем миссис Фромм говорила с ним. Это действительно так. Интересно, что бы сейчас произошло, если бы я все же смогла достать такую сумму и отдала ее вам?

— Что ж, вы легко можете это выяснить весьма простым способом.

— Есть способ еще проще. Я могу сама поехать к мистеру Вульфу и спросить у него.

— Я скажу ему, что вы говорите неправду.

Она кивнула.

— В этом я не сомневаюсь. Не признаться же ему в самом деле в том, что он подослал вас ко мне с таким предложением.

— Особенно, если он меня не подсылал.

На какое-то мгновение карие глаза Анджелы Райт

сверкнули огнем, затем ее обычно тяжелый взгляд вновь стал тяжелым и сосредоточился на мне.

— Знаете, мистер Гудвин, что я ненавижу больше всего? Когда меня принимают за полнейшую идиотку. Бьет по самолюбию, знаете ли. Передайте это мистеру Вульфу. Одно дело, если он хочет просто пошутить со мной, тут я не возражаю. Но я категорически возражаю против того, что он меня до такой степени недооценивает. Так ему и скажите.

Я улыбнулся.

— Вижу, вас больше устраивает именно такой ход рассуждений.

— Да, мне он весьма импонирует.

— Что ж, как хотите. В этом случае тратиться вам не придётся.

С этими словами я встал и вышел. Проходя через приемную, я опять увидел сидящего на диване Сола. Вот бы предупредить его, что ему предстоит иметь дело с человеком, который читает чужие мысли. Но об этом нечего было и думать.

Внизу, в вестибюле, я позвонил из телефонной будки Вульфу и доложил ему обо всем. Затем я подошел к автомату выпить кока-колы, отчасти потому, что мне действительно хотелось пить, а отчасти потому, что мне нужно было время поразмыслить над случившимся, пусть даже задним умом, так сказать, post mortem *. То ли я в чем-то сплоховал, то ли она оказалась мне просто не по зубам, то ли еще что? Допив кока-колу, я пришел к заключению, что, пожалуй, единственный способ не дать женской интуиции расстроить наши отнюдь не дурно задуманные планы состоит в том, чтобы держаться от женщин подальше, но это, пожалуй, неосуществимо. Так или иначе, Вульф, по всей видимости, не придавал этому особого значения, поскольку то, что требовалось, я сделал, а это и было самым главным.

Моя следующая встреча должна была состояться совсем неподалеку отсюда, всего в нескольких минутах ходьбы.

Здание на Сорок третьей улице к западу от [illegible] именно выглядело отнюдь не таким новым и [illegible] щим, как то, в котором я проживал. [illegible] лифте я поднялся на пятый этаж и в [illegible]

---

* Post mortem (лат.) — после смерти

с табличкой «Современная мысль». И тут я был приятно удивлен.

Еще в воскресенье я купил номер этого журнала, редактором которого был Винсент Липском, и бегло просмотрел его, прежде чем отдать Вульфу. Я подумал, что уж если представительницы прекрасного пола, работающие в редакции такого издания, и могут быть привлекательны, то исключительно с интеллектуальной стороны. Однако сидевшая у коммутатора смазливая обладательница соблазнительной фигурки, стреляющая глазками, взглянула на меня с такой явной благосклонностью и одарила меня такой ослепительной улыбкой, будто она поступила на эту работу с единственной надеждой, что рано или поздно сюда явлюсь я. Мне можно было точно вступить в предложенную ею игру, спросив, какие орхидеи она любит больше всего, но было уже почти двенадцать, поэтому я просто улыбнулся ей в ответ и сказал, что хотел бы видеть мистера Липскома, протянув ей при этом свою визитную карточку.

— Карточка?— спросила она с явным одобрением в голосе.— Все по высшему классу?

Прочтя написанное, она вновь посмотрела на меня, взгляд ее по-прежнему излучал расположение, но теперь уже более сдержанное. Ловкими пальцами она присоединила контакт и через секунду уже говорила в микрофон. Затем она выдернула штекер, вернула мне карточку и сказала:

— Пройдите сюда. Третья дверь налево.

До трех, однако, считать мне не пришлось. Едва я вступил в узкий темный коридор, как распахнулась дверь, из нее показался человек и прогремел, будто мы с ним стояли на разных берегах реки:

— Сюда!— после чего исчез в комнате.

Когда я вошел, он стоял спиной к окну, засунув руки в карманы брюк. Кабинет был небольшим, а находившиеся в нем письменный стол и два стула вполне можно было бы купить где-нибудь на Второй авеню, заплатив не больше, чем за пару туфель от Уорбертона.

— Мистер Липском?

— Да.

— Вы знаете, кто я?

— Да.

Хотя теперь он говорил и не так оглушительно.

все же раскаты его голоса раз в пять превышали количество децибел, необходимое для такой беседы. Возможно, этот громоподобный бас был как раз под стать его росту — Липском был сантиметров на пять выше меня,— а может быть, таким голосом природа наделила его в качестве вознаграждения за чересчур широкий приплюснутый, как лепешка, нос, способный сделать отталкивающим даже самое что ни на есть привлекательное лицо.

— Вопрос этот конфиденциальный,— сказал я.— Частный и сугубо личный.

— Да.

— И только между нами. Предложение я делаю от себя лично и делаю его лично вам.

— О чем речь?

— Предлагаю вам информацию за наличные. Раз вы редактор журнала, такое вам не в диковину. За пять тысяч долларов я передам вам содержание беседы миссис Фромм с мистером Вульфом, которая состоялась в прошлую пятницу. Полностью, слово в слово.

Липском вынул из кармана руку, почесал щеку и опять сунул руку в карман. На этот раз голос его был вполне нормальным.

— Мой милый друг, я ведь не Гарри Люс *. Во всяком случае, таким образом журналы информацию не приобретают. Я предлагаю так: вы мне конфиденциально излагаете, что там у вас есть, а уж потом, если я смогу использовать, мы договариваемся о сумме. Если договориться мы не сможем, то каждый сохранит то, что услышал от другого, в тайне.

Он задумчиво пожал своими широкими плечами и резко опустил их.

— Не знаю. Я, конечно, буду писать статью о Лауре Фромм, статью содержательную и увлекательную. Это была замечательная женщина, настоящая аристократка. Но сейчас я еще не могу судить, пригодится ли ваш материал для статьи. О чем речь?

— Мой материал предназначен не для журнала, он касается вас лично, мистер Липском.

Мой собеседник нахмурился. Что ж, если он действительно лукавил, то играл хорошо.

---

* Генри Робинсон Люс — бывший главный редактор [illegible] журналов «Тайм», «Лайф», «Форчун» [illegible] (прим. пер.).

— Боюсь, я вас не понимаю.

Все проще простого. Я слышал их разговор, весь, целиком. Миссис Фромм в тот же вечер была убита, а вы в этом замешаны. Вот я и...

— Что за чушь! Я в этом не замешан. Слова, мистер Гудвин, моя профессия, и одна из трудностей ее в том и состоит, что употребляет их кто попало и как попало, не отдавая себе отчета в их подлинном значении. Хочу верить, что вы произнесли это слово по незнанию, в противном случае — это клевета. Я в этом не замешан.

— Хорошо. Но какое-то отношение ко всему этому вы имеете?

— Разумеется. Близким другом миссис Фромм я, правда, не был, но очень уважал ее и гордился знакомством с ней.

— В пятницу вечером вы были у Хоранов. Вы один из тех, кто последним видел ее в живых. Полицейские — а слова до некоторой степени и их профессия — уже задали вам порядочно вопросов и зададут еще больше. Но ладно, пусть вы просто «имеете к этому отношение». Так вот, если учесть все, что мне известно, включая то, что я узнал из беседы миссис Фромм с мистером Вульфом — все это дает мне основания полагать, что отношение, которое к этому делу имеете вы, стоит пяти тысяч долларов.

— А вот это уже напоминает шантаж, не правда ли?

— Вы еще у меня спрашиваете! Ведь вы у нас специалист по словам, а я в этом невежда.

Липском резко вынул руки из карманов, и я было подумал, что он полезет в драку, однако он просто потер ладони друг о друга.

— Если это шантаж,— проговорил он, — то тут должна быть и какая-то угроза. Если я заплачу вам, что тогда?

— Я вам не угрожаю. Вы просто получите информацию, больше ничего.

— А если я не уплачу?

— Вы ее не получите.

— А кто получит?

Я покачал головой.

— Я же вам сказал: никакой угрозы здесь нет. Просто я хочу вам кое-что продать.

— Ну естественно. Угроза может и подразумевать

ся. Газеты сообщили, что Вульф расследует убийство миссис Фромм.

— Верно.

— Но она ему этого не поручала, ведь не могла же она предвидеть собственную смерть. Дело, видимо, обстоит так. Миссис Фромм заплатила Вульфу с тем, чтобы он расследовал какое-то дело, связанное с кем-то. Вульф считает, что обязан теперь расследовать обстоятельства ее гибели. Вы не можете предлагать мне сведения, связанные, по мнению Вульфа, с ее убийством, потому что вы вообще не могли бы скрывать такие улики без молчаливого согласия на то Вульфа, да ведь вы этого и не утверждаете, а?

— Нет.

— Тогда то, что вы мне сейчас предлагаете, это те сведения, которые мистеру Вульфу сообщила миссис Фромм, и их нельзя разглашать, поскольку они связаны с ее гибелью. Верно я говорю?

— Ничего не могу вам сказать.

Он покачал головой.

— Так не пойдет. Если вы не ответите, вряд ли мы сможем договориться. Я не обещаю, что мы непременно договоримся, в случае если вы ответите, но без вашего ответа на мой вопрос я на это не пойду.

Липском отвернулся и, должно быть, смотрел в окно, если только он не закрыл глаза. Передо мной маячила лишь его широкая спина. В таком положении он простоял долго — за это время ему вполне можно было бы измерить температуру. Наконец он повернулся ко мне лицом.

— Не знаю, Гудвин, будет ли какой-нибудь толк от того, что я дам оценку вашему поведению. Боже мой! Зарабатывать на жизнь таким путем! Для чего, спрашивается, отдаешь все свое время, способности, энергию, стремясь хоть немного облагородить отношения между людьми, когда на свете есть еще вы и вам подобные? Впрочем, вам это не интересно, ведь деньги для вас — все. Боже мой! Деньги! Я подумаю. Может быть, позвоню, может — нет. Ваш номер есть в справочнике?

Я ответил ему, что там есть номер Ниро Вульфа, и, не желая услышать что-нибудь еще более неприятное о своей персоне в сравнении с ним самим, вы[illegible] знул за дверь.

Моя приветливая знакомая у коммутатор[illegible]

...ок, не возражала бы поболтать со мной, но я подумал, что общение с типом, подобным мне, ничего хорошего ей не сулит, и прошел мимо.

Выйдя на улицу, я отыскал автомат, набрал номер, который я помнил, как никакой другой, и услышал в трубке голос Вульфа.

— С номером четыре готово,— сказал я,— Липском.

— Продолжай, но без вопросов.

«Без вопросов» означало, что Вульф не один. Поэтому я постарался особенно тщательно изложить все и высказать свое мнение о человеке, стремящемся облагородить отношения между людьми. Закончив, я сообщил Вульфу, что сейчас двадцать минут первого, избавляя его от необходимости поднимать глаза на стенные часы. Затем я спросил, можно ли переходить к номеру пять — Полу Каффнеру, специалисту по отношениям с прессой, тому самому, что так ловко отшил меня, прервав нашу беседу с Джин Эстай.

— Нет,— резко ответил Вульф.— Немедленно приезжай домой. Мистер Пол Каффнер здесь, и мне необходимо тебя видеть.

10

По тону, каким Вульф отдал распоряжение, я, разумеется, догадался, что меня ожидает, и поэтому не удивился, что он с такой неприязнью посмотрел на меня, когда я входил в кабинет.

Хотя Пол Каффнер, сидевший в красном кожаном кресле, на сей раз не ослепил меня своей восторженной ободряющей улыбкой, как в субботу, по его лицу я бы не сказал, что настроен он был враждебно. На мой взгляд, уже сама по себе здравая логика работы по связям с общественностью исключает для профессионала открытое проявление неприязни к кому бы то ни было, разве что этот кто-то копает под вас глубокую яму. Если же это всего-навсего ямка, то своему лицу вполне можно придать даже радушное выражение.

Когда я сел за свой стол, Вульф сказал:

— Здесь не садись, Арчи. Пока твое право сидеть за этим столом находится под вопросом.

Он указал на одно из желтых кресел.

Пересядь, пожалуйста, сюда.

Я воскликнул изумленно:

— Что? В чем дело?

— Пожалуйста, пересядь,— сурово повторил Вульф.

Стараясь изобразить на лице не только изумление, но еще одновременно обиду и замешательство, я встал из-за стола, подошел к желтому креслу, сел и встретился глазами с прямо-таки уничтожающим взглядом Вульфа. И тон у него был соответствующий.

— Мистер Каффнер выдвигает против тебя кошмарное обвинение. Я хочу, чтобы ты услышал все от него самого. Пожалуйста, мистер Каффнер.

Говорить Каффнеру было в высшей степени неприятно. Он скривил свой широкий с толстыми губами рот так, что усики, похожие на выщипанные брови, изогнулись. Обратился он не к Вульфу, а ко мне.

— Я располагаю сведениями, что сегодня утром вы говорили с женщиной, в честности которой я абсолютно не сомневаюсь. Она утверждает, что вы предложили ей передать содержание беседы, которая в прошлую пятницу состоялась между миссис Фромм и мистером Вульфом, если предварительно она заплатит вам пять тысяч долларов наличными.

Я не подскочил в кресле от возмущения. Поскольку я опытный детектив, работающий под мудрым руководством Ниро Вульфа, даже самые низкопробные ложные обвинения я мог выслушать с выдержкой и самообладанием. Я выпятил подбородок на сантиметр вперед и спросил Каффнера:

— Как зовут эту женщину?

Он покачал головой.

— Я не сказал и мистеру Вульфу, потому что она просила меня не делать этого. Вам наверняка известно ее имя.

— Забыл. Напомните.

— Нет!

— Да, бог мой! — воскликнул я с умеренной долей отвращения. Будь вы сенатором Соединенных Штатов, я бы не стал, конечно, допытываться, от кого исходит обвинение, но коль скоро вы таковым еще не являетесь, то уж будьте добры, выкладывайте.

Каффнеру стало не по себе, однако он стоял на своем.

Мне все это представляется куда проще [illegible]

спрашиваю только об одном: предлагали ли вы это какой-либо женщине сегодня утром?

— Что ж, допустим, я отвечу. А вы возьмете и заявите, что кто-то сообщил вам, будто минувшей ночью я украл кусок сыра из его мышеловки, и опять спросите меня, так ли это? Потом станете утверждать, что какая-то лошадь пожаловалась вам, что я отрезал ей хвост.

— Довольно! — вмешался Вульф.— В известной степени мистер Гудвин прав, мистер Каффнер. Анонимные обвинения весьма сомнительны с этической точки зрения.

— Для меня оно не анонимное, эту женщину я знаю.

— Назовите же ее.

— Она просила меня не делать этого.

— Ну, раз вы пообещали ей, боюсь, что мы зашли в тупик. Меня ничуть не удивляет, что мистер Гудвин просит вас назвать ее, он поступил бы глупо, если бы не сделал этого. Вопрос исчерпан, и кончим. Заниматься этим больше я не собираюсь. Если уж у вас нет абсолютно никаких оснований надеяться получить ответ на анонимное обвинение, то у меня и подавно.

Каффнер опять скривил рот, и его усы образовали круглые скобки в горизонтальном положении. Он машинально сунул руку в карман и извлек оттуда портсигар. Открыв его, он достал сигарету, пристально посмотрел на нее, и, осознав, наконец, что именно у него в руке, спросил:

— Можно закурить?

— Нет! — отрезал Вульф.

Вообще говоря, правило это не было таким уж незыблемым. Исключения делались не только для некоторых мужчин, но даже для нескольких женщин, причем не обязательно предполагаемых клиентов.

Каффнер растерялся и смутился. Столь категоричный запрет на действие, превратившееся уже в привычку, поставил его еще перед одним затруднением. Чтобы достать сигарету из металлического портсигара с зажимом, достаточно одного резкого движения указательным и большим пальцами, а вот заполкать ее обратно — дело более сложное. Каффнер вышел из положения, сунув портсигар назад, в левый боковой карман, а сигарету – в правый. Он попытался скрыть волнение, но голос все-таки его выдал.

— Это мисс Анджела Райт.

Я встретил это с достоинством, как и подобает мужчине:

— Мисс Райт сказала вам это?

— Да.

— Что я сделал ей такое предложение?

— Да.

Я встал и направился к своему столу.

Вульф спросил:

— Что ты собираешься делать?

— Позвоню мисс Райт и спрошу у нее самой. Если она подтвердит все это, я скажу ей, что она — злостная лгунья и что в подтверждение этого я могу за пять тысяч долларов составить ей соответствующую справку со ссылкой на ее родословную.

— Ее сейчас нет дома,— сказал Каффнер.

— А где же она?

— Хотела пойти обедать, а после собиралась в церковь на похороны.

— Предлагал ли ты,— спросил меня Вульф,— мисс Райт то, о чем говорит мистер Каффнер?

— Нет, сэр.

— Говорил ли ты ей что-либо такое, что она могла бы принять за подобное предложение?

— Нет, сэр.

— Слышал ли кто-нибудь ваш разговор?

— Только если в кабинете установлена аппаратура для прослушивания.

— Тогда садись, пожалуйста, за свой стол.

Вульф обратился к нашему посетителю.

— Если вы верно передали нам то, что вам сообщила мисс Райт, вопрос стоит так: кто из них говорит правду,— она или мистер Гудвин. Я верю мистеру Гудвину. Есть ли у вас, кроме того, что вы уже сказали, еще какие-либо доказательства для обвинения его в этом?

— Нет. Других оснований нет.

— Вы по-прежнему верите мисс Райт?

— Я... да. Да.

— Что ж, тогда все. Вы понимаете, надеюсь, что передо мной не стоит проблема выбора, кого считать лжецом — мистера Гудвина или мисс Райт. Вер[illegible] что она сказала вам, известно мне только [illegible]

Каффнер улыбнулся. Он уже опра[illegible] шести и опять говорил вежливо, вкрадчиво.

— Ход наших с вами рассуждений совпадает, мистер Вульф. Об остальном я не стал говорить, поскольку это всего лишь предположение мисс Райт. По ее мнению, Гудвина с этим предложением к ней послали вы. Так что для меня, как и для вас, альтернатива «Гудвин — Райт» тоже не единственно возможная.

Вульф равнодушно кивнул.

— Раз уж версия есть, накрутить на нее можно что угодно.

Он взглянул на стенные часы.

— До обеда у меня двадцать минут. Мы зашли в тупик и могли бы оставить эту тему, но если вы хотите выдвинуть еще гипотезу — пожалуйста. Мы можем предположить, что либо мисс Райт, либо вы лжете, или же лжет мистер Гудвин, или, наконец, что лжем мы с ним оба. Я вполне согласен исходить и из последнего варианта. По всей вероятности, лучшей отправной точки вам нечего и желать. Что дальше?

Вопрос не застал Каффнера врасплох.

— Дальше я спрошу, как вы объясняете тот факт, что вы сделали мисс Райт столь недостойное предложение, граничащее с шантажом.

— Я отвечу, что у вас нет полномочий квалифицировать мои действия. Что тогда?

— Тогда я счел бы, хотя, вероятно, и не без колебаний, я, возможно, счел бы своим долгом сообщить в полицию о том, что вы вмешались в официальное расследование убийства.

— Ерунда. Я сообщил им о своей беседе с миссис Фромм и не принимал на себя при этом никаких обязательств хранить содержание беседы в тайне. Я не прокурор и вполне имею право разглашать то, что мне сообщает клиент. В следствие я не вмешивался, а в моем положении нет ничего недостойного и уж конечно же нет шантажа и угроз. У меня есть нечто, что принадлежит мне по праву и на законном основании — запись некоей беседы, и эту запись я предложил купить, причем я отнюдь не пытался принудить кого-либо к чему-либо противозаконному. Ваше решение заявить об этом в полицию меня попросту не интересует.

Каффнер улыбнулся.

— Разумеется, вы хорошо подготовились к такому разговору.

— А как же иначе? Ведь эту гипотезу я выдвинул. Что же делать?

Улыбка сошла с лица Каффнера.

— Мне бы хотелось оставить эту гипотезу. Даже если бы я и смог доказать, что предложение было сделано — а я этого доказать не могу, так как располагаю лишь свидетельством мисс Райт,— то, раз вы считаете, можете его опровергнуть, я готов допустить, что с точки зрения выдвигаемых вами доводов вы правы, но к чему это меня приведет? Времени у нас остается немного, мне еще нужно успеть на похороны, а потом я хочу заняться делами.

— Своими или моими?

— Теми и другими,— Каффнер подался вперед.— Мои служебные обязанности, мистер Вульф, заключаются в том, чтобы давать консультации клиентам и в известной степени вести их дела с тем, чтобы сами клиенты и их действия выглядели бы в наиболее благоприятном свете. Миссис Фромм была одним из моих клиентов. К моей же клиентуре относилась и относится в настоящее время Ассоциация помощи перемещенным лицам. К миссис Фромм я испытываю искреннее чувство благодарности, которое с ее смертью не стало менее глубоким — напротив, я приложу все силы, чтобы ее память и доброе имя не пострадали. В равной степени я продолжаю заниматься делами Ассоциации. Насколько мне известно, между смертью миссис Фромм и деятельностью Ассоциации нет связи, однако, возможно, такая связь и существует. Вам об этом что-нибудь известно?

— Продолжайте, мистер Каффнер.

— Продолжаю. Возможно, скорее даже вполне вероятно, что между смертью миссис Фромм и ее разговором с вами в пятницу существует взаимосвязь. То, о чем она советовалась с вами, является, по всей видимости, тайной, поскольку, как мне известно, о своем визите к вам она не сообщила никому. Было бы вполне естественно, если бы она посоветовалась со мной, однако она этого не сделала. Дело это, должно быть, важное; миссис Фромм, наверняка, не стала бы обращаться к частному детективу, особенно к вам, по пустякам. А если оно связано с кем-либо или чем-либо, что явилось причиной ее гибели, тогда оно должно быть не просто важным, а весьма и весьма существенным. Я хочу это знать, я должен это знать. Я имею

справки в полиции, однако там мне отказались что-либо сообщить. Вы сейчас сказали, что запись этой беседы принадлежит вам по праву и на законном основании и что продажа этой записи не была бы противозаконной. Я заплачу вам за нее пять тысяч долларов. Деньги вперед. Если хотите наличными, принесу сегодня же вечером.

Вульф с неодобрением посмотрел на него.

— Что же, мистер Каффнер, черное или белое? Выбирайте уж что-то одно. Только что вы собирались заявлять в полицию о некоем совершенно чудовищном предложении, а сейчас сами делаете его. Ваши нравственные убеждения меняются прямо-таки с невероятной быстротой.

— Не быстрее, чем ваши,— возразил Каффнер.— Вы сами сначала осуждали Гудвина за это, даже приказали ему выйти из-за стола, а затем оправдали его.

— Разумеется. Ведь утверждалось, будто Гудвин предлагал продать нечто, принадлежащее не ему, а мне,— Вульф слегка пристукнул ладонью по столу.— Однако ваше умение изворачиваться с такой казуистической ловкостью хотя и производит впечатление, отношения к делу не имеет. Вопрос стоит так: принимаю я ваше предложение или нет? Мой ответ: нет. Я должен его отклонить.

Каффнер ударил кулаком по подлокотнику кресла.

— Отклонить его вы не можете! Не можете!

— Не могу?

— Нет. Я имею право требовать этого как представитель интересов миссис Фромм! Отклонять мое предложение у вас нет права. Это вопиющее посягательство на осуществление моих законных полномочий адвоката.

Вульф покачал головой:

— Даже если бы у меня не было других причин отказывать вам, вполне достаточно уже того, что я опасаюсь иметь с вами дело. Для меня вы слишком проворны. Минуту назад «вопиющим посягательством» вы окрестили мое предложение продать информацию, а теперь уже «вопиющим посягательством» является мой отказ продать ее. Вы сбили меня с толку, и теперь мне нужно собраться с мыслями. Как бы там ни [illegible], мне известно,— Вульф взглянул вверх [illegible] — Вы опоздаете на похороны.

Так оно и было. Каффнер посмотрел на свои часы и встал. По его лицу было видно, что он намерен удалиться, непременно сохранив хорошую мину. Он улыбнулся мне, затем Вульфу.

— Я приношу свои извинения,— сказал он,— за то, что выдвинул чересчур много обвинений. Надеюсь, вы примете во внимание все сложившиеся обстоятельства и простите меня. В жизни не приходилось попадать в столь неприятное положение. Ни разу. Буду надеяться и ждать от вас известий.

Когда я проводил Каффнера и вернулся, Вульф уже шествовал по гостиной, направляясь в столовую.

11

Вечером того же дня в половине седьмого я сидел на жестком деревянном стуле в крохотной комнатке, именовавшейся кабинетом помощника окружного прокурора Манделбаума, и произносил целую речь. Для трех человек, внимательно слушавших меня, кабинет был явно тесноват.

За письменным столом сидел сам Манделбаум, полный мужчина средних лет, которого года через два можно было бы назвать совершенно лысым. Сбоку сидел сыщик из отдела по расследованию убийств, некто Рэндел, высокий и худой малый, кожа да кости. В кресле у противоположного от меня края стола сидела Джин Эстай в темно-сером платье, не очень-то идущем к ее карим с зеленоватым отливом глазам, но, видимо, у нее в гардеробе это было наиболее подходящее платье, в котором можно пойти на похороны.

Совещание наше, состоявшее главным образом из вопросов Манделбаума и моих с мисс Эстай ответов на них, шло уже минут десять, когда я, почувствовав, что пришла пора держать речь мне, стал говорить:

— Я не ставлю вам в вину,— начал я, обращаясь к Манделбауму,— то, что вы напрасно тратите свое и даже мое время, поскольку мне хорошо известно, что при расследовании любого убийства девять версий из десяти ведут по ложному следу, но не слишком ли далеко мы зашли по такому следу? К чему мы пришли? Каковы бы ни были факты, я должен повторить... Если мисс Эстай все это сочинила, то вам [illegible]

нему, чтобы я сидел здесь и помогал вам выяснить, [illegible] она это сделала. Если же она говорит правду и я действительно сделал ей такое предложение от себя лично, то вы по телефону уже сообщили Вульфу об этом, и шкуру с меня спускать будет он, а не вы. Если же с таким предложением к мисс Эстай меня послал Вульф, — вариант, который нам больше всего по душе, — тогда при чем тут я? Вульф мог просто дать объявление в газету о том, что за такую-то сумму продается запись его беседы с миссис Фромм. Вам это, возможно, не нравится, но какое тут предъявишь обвинение? Я пришел сюда по вашей просьбе, а сейчас мне хотелось бы вернуться домой и постараться убедить своего шефа, что он не пригрел у себя на груди змею.

Правда, все оказалось не совсем так уж просто, но минут через пять я получил, тем не менее, разрешение уйти, так что применять силу, для того чтобы вырваться из них, мне не пришлось. А вот Джин Эстай так и не изъявила желания поцеловать меня на прощание.

Мне и в самом деле нужно было домой — я хотел пообедать пораньше, чтобы успеть встретиться с Орри Кэтером, как мы с ним условились.

Дело в том, что около пяти он пришел с сообщением, которое показалось мне достаточно серьезным, чтобы побеспокоить Вульфа прямо в оранжерее.

Мы поднялись наверх. Вульфа это рассердило, однако он нас выслушал. Торговец из фирмы «Будэ» в жизни не видал сережек в форме пауков, ни золотых, никаких. Однако он назвал Орри тех, кто связан с ювелирами, импортерами, оптовыми и розничными торговцами. Орри связался с ними главным образом по телефону. В четыре часа он уже собрался было доложить, что в Нью-Йорке никогда не было ни одной серьги в форме паука, как вдруг постоянный покупатель одного из оптовиков сказал, что он поговорит с мисс Краммон, сотрудницей их фирмы, которая следит за ценами и ассортиментом других фирм. Мисс Граммон ответила, что однажды она видела пару таких серег, но что больше видеть их не желает. Несколько недель тому назад она шла по Сорок шестой улице и остановилась у одной витрины, внимательно изучая выставленные изделия. Там они и лежали — два золотых паука в футляре, выложенном изнутри зеленым бархатом. Мисс Граммон сочла, что вид у них просто отвратительный

и что рекомендовать подобные серьги своей фирме, разумеется, невозможно.

Кроме того, ее поразило то, что серьги были выставлены именно в витрине магазинчика Джулиуса Герстера, а он торгует украшениями, сделанными, как правило, с большим вкусом.

До сих пор все шло как нельзя лучше. Но Орри сразу же отправился в этот магазинчик, и вот тут-то он наткнулся на препятствия. По его словам, подход он выбрал верный, сообщив Герстеру, что как-то видел серьги в витрине, а теперь решил купить их, однако тот уклонился от разговора с самого начала. Он, правда, не отрицал, что такие серьги вообще продавались у него в магазине, но и не признавал этого. Короче говоря, позиция его сводилась к тому, что серег этих он не помнит и что даже если они выставлялись в витрине, он уже забыл, за какую цену или кому они были проданы. Позиция же Орри, которую он весьма пространно и довольно энергично изложил нам с Вульфом, сводилась к тому, что Герстер врет, как сивый мерин, и что не мешало бы получить разрешение обливать таких типов бензином и сжигать их заживо.

Таким образом, Орри и мне было велено зайти к Герстеру домой сегодня же вечером без предварительной договоренности.

В тот день больше ничего особенного не произошло, так, разные мелочи, на которых и останавливаться-то не стоит: звонили Сол Пэнзер и Фред Дэркин — им еще не удалось ничего выяснить, да Лон Коэн подкинул одну мысль. А вот об одном упомянуть, пожалуй, стоит, это уже не мелочь: ни о каком виндикационном иске, который Вульфу собирался предъявить Джеймс Альберт Мэддокс, до сих пор ничего не было слышно. Наш адвокат Паркер чувствовал себя даже уязвленным.

В восемь часов мы встретились с Орри на углу Семьдесят четвертой улицы и Колумбуса и сквозь уныло моросящий дождик, который зарядил к вечеру, пошагали к дому на западной стороне, почти до Центрального парка. Если все многоквартирные дома в Нью-Йорке разделить на две группы в зависимости от того, с навесом они или нет, то этот дом нельзя было бы отнести ни к той, ни к другой. Опоры, правда, были установлены от самого входа до проезжей части улицы, но навес натянут не был. Войдя в дом, мы [illegible] швейцару: «К Герстеру!» — и, не останавливаясь

[illegible] к лифту. Лифтер сообщил нам, что это квартира 11.

Дверь нам открыл, должно быть, ученик восьмого класса, почти ровесник Пита Дроссоса и примерно такого же сложения, только очень опрятный и ухоженный. Едва я его увидел, как тотчас же решил изменить тактику, которой мы договорились придерживаться. Я сказал Орри:

— Спасибо, что проводил меня. До свидания.

Прошла целая секунда, прежде чем он понял в чем дело,— что ж, в конце концов это не так уж много. Он ответил:

— Не стоит благодарности,— и пошел к лифту.

Мальчик поздоровался со мной первым, я назвал свое имя и сказал, что пришел к мистеру Джулиусу Герстеру. Он ответил:

— Сейчас скажу ему, сэр,— с этими словами он убежал.

Я так и остался стоять за дверью. Вскоре появился мужчина, о котором у меня сразу же сложилось довольно полное представление, хотя я еще и не говорил с ним. Он был пониже меня ростом и старше. У него было благообразное с мелкими чертами лицо, а черные волосы были гладко зачесаны назад, словом, весь такой же опрятный и ухоженный, как и его сын, я, во всяком случае, подумал, что мальчик — его сын.

Мужчина спросил вежливо, но холодно:

— Вы хотели видеть меня?

— Да, если вам сейчас удобно. Меня зовут Гудвин, я работаю у детектива Ниро Вульфа. Мне хотелось бы задать вам несколько вопросов относительно убийства одного мальчика — двенадцатилетнего мальчика, по имени Питер Дроссос.

На его лице не дрогнул ни один мускул. Выражение лица у него вообще никогда не менялось, позднее мне это еще предстояло узнать.

— Об убийстве мальчика мне ничего не известно,— заявил он.

Я возразил:

— Известно, просто пока вы сами этого не знаете. То, что вам известно, может оказаться весьма важным для разоблачения убийцы. Так считает мистер Вульф. Вы мне позволите войти на несколько минут и все вам объяснить?

— Вы из полиции?

Нет, сэр. Частный детектив. Мальчика сбили машиной умышленно. Это зверское убийство.

Он посторонился.

— Входите.

Герстер повел меня не туда, откуда только что вышел сам, а вдоль по коридору в другую сторону. Мы оказались в небольшой комнате, все стены которой были сплошь заставлены книгами и увешаны картинами. В углу стоял не очень большой письменный стол, у окна — шахматный столик и два обитых простой материей кресла. Гарстер указал мне на одно из них и, после того как я сел, сам опустился в другое.

Я рассказал ему о Пите, не вдаваясь в подробности, но вполне исчерпывающе для того, чтобы у него сложилось полное представление о случившемся. Рассказал, о чем Пит говорил с Вульфом и мною, о том, что на другой день он еще раз забегал к нам всего за несколько часов до того, как явился Стеббинс с известием о его смерти, и наконец, о миссис Дроссос, которая передала нам последние слова сына и его копилку с четырьмя долларами тридцатью центами.

Все это я изложил спокойно, без всякой ложной аффектации. Затем взялся за самого Герстера.

— В связи с этим делом возникли осложнения,— сказал я,— но, если позволите, я не стану останавливаться на этом. Ну, например, в пятницу вечером, когда миссис Фромм была убита, на ней были золотые серьги в виде пауков. Я же прошу вас лишь об одном: помочь нам найти убийцу мальчика. Полиции ничего не удалось выяснить. Мистеру Вульфу — тоже. Он считает, что расследование лучше всего начать с этих самых серег, которые, по словам Пита, были на той женщине в машине. Мы так и не смогли найти никого, кто хоть раз видел бы такие серьги на какой-либо женщине, за исключением миссис Фромм, разумеется, поэтому мистер Вульф решил попытаться начать с другого конца. Он поручил своему помощнику, по имени Кэтер, во что бы то ни стало разыскать того, кто когда-либо торговал такими серьгами. Сегодня днем Кэтер уже было пришел к выводу, что в Нью-Йорке подобные нет ни торговца, ни фирмы, которые когда-либо предлавали подобные серьги, и вдруг он напал на след. Одна женщина, которой мы вполне доверяем [illegible] если понадобится, я могу назвать, [illegible] что несколько недель назад видела [illegible]

в витрине вашего магазина. Кэтер обратился к вам, а вы сказали, что ничего о них не помните.

Я сделал паузу, чтобы дать Герстеру возможность как-то прореагировать на сказанное, но он молчал. Его благообразная физиономия оставалась совершенно непроницаемой.

Я продолжал:

— Разумеется, я мог бы сейчас повысить голос и начать разговаривать с вами иначе. Я мог бы прямо заявить, что если совсем недавно у вас в магазине было продано столь необычное изделие, то просто невозможно поверить, будто вы ничего о нем не помните. Вы могли бы возразить, что хотя поверить, может быть, и трудно, но тем не менее это — так. На это я мог бы ответить, что вашу память не помешало бы подстегнуть, но поскольку возможности использовать хлыст у меня нет, я буду вынужден передать это дело тому, у кого такая возможность наверняка есть — инспектору Крамеру из отдела по расследованию убийств, хотя обращаться к нему мне было бы в высшей степени неприятно.

Я непринужденно откинулся на спинку кресла.

— Поэтому всего этого я вам не говорю. Мне хотелось бы просто изложить вам существо дела. Мальчик был убит преднамеренно, причем ни малейшего вреда убийце он не причинил. Произошло это пять дней назад, и до сих пор у нас ни одной зацепки. Вполне вероятно, что зацепиться вообще будет не за что, если нам не удастся найти женщину, которая была за рулем. В ушах у нее были серьги в виде пауков. Похоже на то, что серьги, подобные этим, во всем Нью-Йорке видели лишь однажды и как раз в витрине вашего магазина менее месяца назад. Потому-то я и спрашиваю вас, мистер Герстер: это никак не поможет вам вспомнить что-нибудь?

Мой собеседник кончиком языка облизнул губы.

— Вы все так осложняете, мистер Гудвин.

— Не я. Все осложнил тот, кто убил Пита.

— Да, конечно. Об этом я ничего не знал. Я обычно не читаю, что пишут в газетах об убийствах. Но об убийстве миссис Фромм кое-что я все же читал и знаю даже о такой подробности, что в ушах у нее были серьги в виде пауков. Вы совершенно правы, они единственные в своем роде. Один человек из Парижа, он отбирает для меня причудливые ювелирные изделия.

прислал эти серьги с партией товара, которую я получил в конце апреля. Их сделал Леркари.

— И вы выставили их в витрине?

— Совершенно верно. Сегодня днем, когда этот человек... как вы сказали, его зовут?

— Кэтер.

— Да. Когда он спросил меня об этих серьгах, я подумал, что лучше сказать, будто я забыл о них. Мне показалось, что он один из тех полицейских, которые расследуют убийство миссис Фромм, хотя мне было и неясно, при чем тут серьги, да к тому же мне претит всякого рода скандальная репутация. Мне было бы чрезвычайно неприятно увидеть свою фамилию в каком-нибудь кричащем газетном заголовке. Я буду вам весьма признателен, если вы сможете сделать так, чтобы мое имя не попало в газеты, впрочем, обещаний я от вас не требую. Если понадобится дать показания, я, конечно, выступлю. Серьги были проданы в понедельник одиннадцатого мая, днем. Мимо магазина проходила женщина, увидела их в витрине, зашла и купила. Уплатила сто сорок долларов, выписала чек. Это была миссис Дэймон Фромм.

Да, играть с этим стреляным воробьем в покер лучше и не пытаться. Я спросил:

— Вы уверены в этом?

— Абсолютно. Чек был подписан «Лаура Фромм», к тому же я узнал ее по фотографиям в газетах. Я считаю себя просто обязанным сказать вам все это, мистер Гудвин, после того, что я услышал от вас об убийстве мальчика, хотя мне ясно, что теперь это не поможет, раз миссис Фромм была той самой женщиной в машине и раз ее убили.

Можно было сказать Герстеру, что миссис Фромм вовсе не была «той самой женщиной в машине», однако еще своей бабушке я дал обещание никогда не болтать только ради того, чтобы похвастаться осведомленностью, поэтому я промолчал. Поблагодарив его, я выразил мнение, что необходимость упоминать его имя в газетах вряд ли возникнет, и поднялся, чтобы идти. Когда, уже стоя у двери, я протянул Герстеру руку, которую он учтиво пожал, на лице у него застыло точь-в-точь такое же выражение, как тогда, когда я пришел.

На лестнице ко мне подошел Орри. О[illegible] говорить, и лишь когда мы вышли на [illegible]

— Расколол его?

— Конечно. Пара пустяков. Он сказал, что еще таким был бы рад выложить тебе все, да вот застукал тебя, когда ты пытался стянуть с прилавка браслет. Миссис Фромм купила серьги одиннадцатого мая.

— Черт побери! Что это нам дает?

— Вопрос не по адресу. Все обмозговывает Вульф. А я просто выполнил задание, которое ты провалил.

Мы остановили такси у Центрального западного парка, и Орри поехал со мной в центр города.

Вульф сидел в кабинете и смотрел телевизор, который доставляет ему массу удовольствия. Однажды мне довелось наблюдать, как за вечер он включал его целых восемь раз, смотрел одну-две минуты, выключал и опять углублялся в книгу. Когда мы с Орри вошли, Вульф щелкнул клавишей выключателя.

Я изложил ему все. В конце добавил:

— Вполне возможно, что я рисковал. Если бы мальчишка оказался ему не сыном, а племянником, мне бы из него вообще слова не удалось вытянуть: что бы я тогда делал — ума не приложу. Хочу вам посоветовать, что, если будем передавать эти данные в полицию, надо бы не называть его имени. А вот Орри хочет знать, что нам все это дает.

Вульф пробормотал:

— Я тоже хочу. Звонил Сол. Он там напал на что-то, сам не знает, на что.

— Я говорил вам, что видел его в приемной АСПОПЕЛ.

— Да. У меня тут записано, что зовут его Леопольд Хэйм и что сейчас он живет в дешевой гостинице на Первой авеню. Он поговорил сначала с мисс Райт, а потом с одним из ее сотрудников, неким мистером Чэйни. Умолял помочь ему. В Штаты он въехал якобы незаконно и теперь боится, что его арестуют и вышлют из страны. Они ответили ему, что быть соучастниками в каких-либо незаконных действиях не могут, и посоветовали обратиться к адвокату. Когда Сол сказал, что ни одного адвоката здесь не знает, те назвали ему имя Дэнниса Хорана. Эту копченую треску явно пересолили, пить хочется. Орри, будешь пиво?

— Да, спасибо, выпью.

— Арчи?

— Нет, благодарю. Пиво-то меня любит, а вот я его — нет.

Вульф нажал кнопку звонка, вмонтированную в край стола, и продолжал:

— Сол направился в контору Хорана и рассказал ему, в какой он попал переплет. Хоран подробнейшим образом расспросил его обо всем, многое записал, а потом сказал, что займется этим при первой же возможности и что сам даст Солу знать о себе.

Сол направился к себе в гостиницу и пробыл в номере до вечера. В шесть часов он вышел поесть и сразу же вернулся. Около восьми к нему в номер пришел мужчина. Имя свое не назвал. Сказал, что недавно узнал о положении, в котором оказался Сол, посочувствовал ему и предложил помочь. Раз, мол, дело предстоит иметь с полицией и с ФБР, стоить это будет недешево. По его словам, сумма, необходимая для того, чтобы избежать разоблачения и вообще всевозможных беспокойств, может составить десять тысяч долларов.

Вульф выдвинул ящик стола, достал золотой пробочник с выгравированной надписью, подарок бывшего клиента, откупорил одну из принесенных Фрицем бутылок, налил себе стакан. После того, как Фриц открыл бутылку для Орри, Вульф продолжал:

— Сол, разумеется, пришел в отчаяние и стал возражать, что достать такую сумму он никак не сможет. Мужчина, однако, готов был кое в чем уступить. Он сказал, что необязательно платить сразу все, а что, дескать, вполне можно вносить деньги постепенно — раз в неделю или в месяц. Добавил, что на размышления у Сола только сутки и что, если Сол вздумает наводить о нем какие-либо справки, это может кончиться для Сола весьма плачевно. Сказал, что придет завтра в это же время, и ушел. Сол последовал за ним. Отважиться на такое, идти по пятам за этим человеком в подобных обстоятельствах, конечно же безрассудство для самого опытного профессионала. Даже для Сола я счел бы это чересчур рискованным, однако он справился. Он проследил, как тот зашел в ресторан на Третьей авеню неподалеку от Четырнадцатой улицы. Сейчас этот человек в ресторане ужинает.

Вульф отпил пива. Я уже собрался было после того, как он кончит говорить, тоже налить себе чего-нибудь покрепче, чтобы поскорее и думать забыть о холодном дожде на улице, однако теперь об этом не могло быть и речи.

Я воочию представил себе Сола и сразу

...забился от промозглой сырости ...ль и дыру на Третьей авеню и через всю ...мимо опор надземки напряженно смотрит на ...ход ресторана, не сводя с нее глаз, и молит бога, ...обы этот тип не позвонил одному из своих дружков и не попросил подъехать за ним к ресторану на машине. Правда, коль скоро это был Сол, то вовсе не исключено, что он уже поймал такси и велел шоферу ждать себя где-нибудь за углом, но все-таки...

— Я возьму нашу машину,— предложил я,— и подброшу Орри прямо к Солу, а сам буду держаться неподалеку. Уж втроем-то мы его не упустим.

Орри залпом осушил свой стакан, встал и громко выпалил:

— Пошли.

— Наверно, придется идти,— мрачно произнес Вульф.

Когда кто-нибудь намеревается выйти из дому, чтобы смело устремиться в сутолоку и водоворот огромного города, и не просто намеревается, а делает это с большой охотой, Вульфу всякий раз становится не по себе. Тем более когда это происходит ночью, а если ночью да еще в такую непогоду — тут уж и говорить нечего.

Он вздохнул:

— Идите.

Зазвонил телефон. Вульф не стал брать трубку поэтому ее снял я, с аппарата, стоявшего на моем столе.

— Дом Ниро Вульфа. Арчи Гудвин слу...

— Арчи, это я, Фред. Шеф пусть тоже возьмет трубку.

— Ты можешь покороче?

— Нет, мне нужно несколько минут, и потом без тебя мне, наверно, не обойтись. Я напал на...

— Подожди немного,— я повернулся к Орри.— Это Фред. Похоже, у него там здорово закрутилось. Поезжай один. Такси быстрее всего поймаешь на Десятой авеню. Если увижу, что Солу моя помощь нужнее, чем Фреду, сразу же еду к вам. Если нет — я приеду.

Вульф сказал Орри, куда ехать, и тот быстро ушел. Затем Вульф снял трубку своего телефона. Я сказал:

— Порядок, Фред. Мистер Вульф тоже слушает.

Вульф спросил:

— Ты где сейчас?

— В аптеке на Девятой авеню, звоню из автомата. Я вроде на что-то напал. Сегодня утром я был у этого из редакции, Арчи меня к нему посылал, и он дал мне кучу материала о Мэтью Берче. Привычек у него было хоть отбавляй, не знаешь, за что уцепиться, но чаще всего он ошивался в одной закусочной, притоне, называется «У Дэнни». Это на Девятой авеню между Пятьдесят четвертой и Пятьдесят пятой улицами. Фамилия этого Дэнни — Пинкус, он букмекер. Забегаловка открылась только в одиннадцать, и часов до двенадцати посетителей вообще не было, а сам Дэнни пришел уже после часа. Рассиживаться я там не стал, просто то и дело входил, выходил и спрашивал всех и каждого о Берче. Ясно, что эти дни там полно полицейских околачивалось, и все, наверное, думали, что я тоже из полиции, ну я в конце концов взял и решился: черт с ним, будь что будет. Подошел к одной теплой компании, сказал, что зовут меня О'Коннор и терзаюсь я из-за того, что мне шепнули, будто мою жену видели с Берчем в машине в прошлый четверг днем, за несколько часов до того, как его убили. В темно-сером «кадиллаке» с коннектикутским номером. Сказал, что эта машина стояла в тот день перед этой самой закусочной.

Вульф проворчал:

— Слишком уж подробно.

— Я тоже так подумал, но я играл на повышение, вы ведь мне вашу версию разрабатывать велели. И эта игра принесла результат. Большинству все, что я говорил, было безразлично, мне только посоветовали обо всем забыть и подыскать себе другую жену. Но потом один из них отвел меня в сторону и стал подробности выпытывать. Малый явно не дурак, и я постарался не сплоховать. Когда я закончил, он сказал, что меня, похоже, просто надули и пустили по ложному следу, но что если кто и может выложить мне о Берче всю подноготную, так это только один человек. И если, мол, я хочу с ним встретиться, то самое подходящее время было бы сегодня вечером между половиной десятого и десятью здесь, «У Дэнни». Того человека зовут Липс Игэн.

— Сейчас девять двадцать восемь.

Знаю. Я уж было собрался пойти туда ровно

[illegible] потом стал думать. Арчи, ты вообще-то слыхал когда о Липсе Игэне?

— Нет, такого не помню.

— А я вроде припоминаю. Кажется, он работал в свое время на Джо Слокума в районе порта. Если это он, то я, наверно, выложил слишком много своих карт, и они заинтересуются мною. Я подумал, что ты, может, захочешь рядом быть, но если нет, я могу пойти один и сыграть всю партию сам.

— Пойди и сыграй.

— Ладно,— особой радости в его голосе не прозвучало.

— Только подожди, пока я не приеду. На какой стороне авеню эта забегаловка?

— На западной.

— Хорошо. Выезжаю прямо сейчас. На нашем седане. Как увидишь, что я остановился на той стороне, заходи туда и действуй. Буду ждать в машине, пока не услышу, что ты кричишь, или не увижу, как твое тело выносят. Если выйдешь не один, буду следовать за вами. Если один, то иди к центру, и как только я увижу, что «хвоста» за тобой нет, я догоняю тебя и сажаю в машину. Ясно?

— Да, что мне ему говорить?

— Как сказал мистер Вульф, ты выложил все чересчур подробно. Сам себе взвалил на плечи ношу, мистер О'Коннор. Сам теперь и держись. Я подыщу тебе новую жену.

— Еще будут какие-нибудь указания, мистер Вульф?

— Нет. Действуй.

Мы положили трубки. Я достал пистолет и кобуру из ящика, в который положил их, придя домой, и приладил оружие под мышкой. Вульф смотрел на меня с недовольным видом. Перестрелки, рукопашные и подготовка к ним раздражали его, но как детектив-практик он вынужден был считаться с необходимостью ставить людей — меня, к примеру — в такие ситуации, когда их могут запросто подстрелить, зарезать или столкнуть в пропасть. И если учесть его отвращение к подобным вещам, неслыханным расположением ко мне с его стороны было уже то, что он вообще смотрел на меня. Я достал из шкафа в передней старую шляпу и плащ и вышел на улицу.

Выведя машину из гаража за углом, [illegible] Десятую авеню и направился [illegible]

Моросить стало еще сильнее, туман стал гуще, но благодаря тому, что уличные фонари на Десятой авеню все-таки давали расплывающийся тусклый свет, кое-как ехать было можно. Повернув вправо на Пятьдесят шестую улицу, а затем опять на Девятую авеню, я проехал на левую сторону и притормозил. На углу Пятьдесят пятой была аптека. Впереди через дорогу светилась неоновая надпись «Закусочная «У Дэнни». Я подъехал к обочине тротуара и остановился, не доезжая до того места, на котором я был бы как раз напротив закусочной. Заглушив мотор, я опустил правое стекло, чтобы разглядеть сквозь моросящий дождь, что происходит на улице.

Через полминуты на противоположной стороне появился Фред, он направился к закусочной и вошел в нее. Было девять часов сорок девять минут. Удобно откинувшись на сиденье, я хорошо видел в открытое окно закусочную, правда, машины, проезжавшие время от времени мимо, загораживали ее, но их было немного. Я решил ждать полчаса, до девятнадцати минут одиннадцатого, а потом идти прямо в закусочную и убедиться, что Фред цел и невредим. Однако так долго ждать мне не пришлось. На часах было только две минуты одиннадцатого, когда Фред вышел на улицу с человечком, меньше его раза в два. Правая рука у этого типа была в кармане, и шел он слева от Фреда, поэтому сначала мне показалось, что они просто играют в старую игру, один конвоирует другого, держа палец на спусковом крючке, но тут Фред вдруг остановился и стал прохаживаться взад и вперед по тротуару, а тот человек пошел дальше. Фред стоял у обочины тротуара, не подавая мне никаких знаков, и я замер в напряженном ожидании. Человек свернул влево на Пятьдесят пятую улицу. Прошло три минуты, Фред по-прежнему топтался на месте, а я сидел и ждал, затем с Пятьдесят пятой выехала машина, повернула на авеню и остановилась рядом с Фредом. За рулем сидел спутник Фреда, он был в машине один. Фред сел рядом с ним, и они поехали.

Мотор у меня еще не остыл, поэтому поехать за ними сразу же никакого труда для меня не составило. В темноте я вижу хорошо, так что несмотря на моросящий дождь я ехал за ними, выдерживая дистанцию в квартал, а поскольку на Девятой авеню проезжая часть широкая и движение одностороннее, то я [illegible]

машину ближе к тротуару, чтобы меня не было видно из их машины в зеркале заднего обзора. Однако едва я успел подумать обо всем этом и мысленно похвалил себя, как машина впереди резко свернула вправо, на Сорок седьмую улицу. Я тоже срезал угол и, проскочив перед самым капотом огромного, многотонного грузовика, вывернул направо. Их машина маячила впереди. На Десятой авеню она остановилась на красный свет, я тоже притормозил и поехал медленнее. Когда зажегся зеленый, машина свернула на Десятую авеню, и я едва успел вовремя сделать поворот, еще немного, и я бы не заметил, как она прямо на середине квартала повернула и въехала в гараж. Когда я проезжал мимо гаража, машины в нем уже не было видно. Я проехал мимо, свернул на Сорок восьмую улицу, остановился у стены гаража, вышел из машины и перешел на западную сторону авеню.

Надпись на гараже гласила «Гараж Нанна». Это было старое четырехэтажное кирпичное здание, ничем не примечательное ни с той стороны, ни с этой. Обогнув гараж, я вошел через въездные ворота и осмотрелся. Освещение было совсем тусклое, и в полутьме я не мог разглядеть, что находится внутри. На двух верхних этажах света вообще не было. Более или менее светло было только в комнатушке с двумя окнами справа от входа. Там стояли два письменных стола и стулья, но никого не было. Подождав минут десять и никого не заметив, я пришел к выводу, что все это мне совсем не нравится и что было бы неплохо выяснить, по какой причине.

Я завернул за угол, пересек авеню и опять подошел к противоположной стороне гаража. Остановившись прямо посреди въездного пути, я стал вглядываться. Никого не было видно, хотя, разумеется, в этом скопище машин и автобусов мог замаскироваться не один взвод. Я проскользнул внутрь, сразу же подался влево за машину для доставки продуктов, замер и прислушался. Было чуть слышно, как кто-то идет, затем где-то в глубине кто-то начал напевать «Что за прекрасное утро». Когда этот человек подошел ближе, с правой стороны, я, прижимаясь к машине вплотную, перешел к другому ее концу. Он кончил петь, но было слышно, как он идет по бетонному полу. Шел он справа от меня, то есть держался левой стороны, дошел почти до самого входа, затем дверь открылась и закрылась. Он вошел

в комнатку. Я двигался быстро, но бесшумно, сначала почти по самой стене, а затем в глубь гаража, пробираясь через автомобили. Если я видел, что бамперы соприкасались, то вообще обходил машины, боясь, чтобы какой-нибудь слабо затянутый болт не загремел под тяжестью моего тела. Пройдя полгаража, я увидел то, что мне было нужно: деревянные ступеньки в самом углу, ведущие наверх, к ним-то я и направился. Однако, подойдя туда, я обнаружил нечто, заслуживающее большего внимания. Там были еще ступеньки, ведущие вниз, и снизу через отверстие доносились голоса. Один из них принадлежал Фреду. Я подошел и встал у самой верхней ступеньки, однако слов разобрать не мог.

В таком положении существует лишь один способ разведать обстановку, если не хочешь демонстрировать свои руки и ноги, прежде чем сам увидишь что-либо. Я лег на левый бок так, чтобы плечо выступало за первую ступеньку, правой рукой ухватился за лестничную стойку и стал осторожно наклоняться, пока мой глаз не оказался на уровне потолка этого полуподвальчика. Сначала я увидел только еще одно скопище автомобилей и запасных частей с расплывающимися в темноте очертаниями. Но когда я буквально вывернул голову, чуть не сломав себе при этом шею, то я увидел и услышал, что голоса доносятся из дверного проема в перегородке, которая, очевидно, была одной из стен встроенной комнаты. Дверь была открыта, но находившиеся в комнате могли обозревать лестницу, только если бы подошли к самой двери.

Я встал и начал спускаться по лестнице как можно медленнее. Когда спускаешься по деревянной лестнице, единственное, что остается, это держаться подальше от середины, ближе к перилам, осторожно ставя ноги, постепенно перенося вес тела на очередную ступеньку в надежде, что плотник в свое время поработал на совесть. Пол в подвале оказался бетонным. Я почти бесшумно подошел к первой машине справа, спрятался за нее, потом скользнул к другой машине, затем к следующей. Притаившись в темноте, я видел теперь всю комнату и слышал, о чем там говорили. Они сидели за деревянным, ничем не покрытым столом посреди комнаты, человечек лицом ко мне, а Фред слева, я видел его профиль. Руки у Фреда лежали на столе. У человечка — тоже, только в одной он держал револьвер.

«Интересно,— подумал я,— как это удалось Фре-

...ерить Фреда». Однако это можно было выяснить и по-...ом. Я вынул из кобуры пистолет, который мне как раз ...ю руке, и не без удовольствия ощутил его приятную ...яжесть. Опираясь на машину, я легко мог держать ...того типа на мушке. Тем временем он говорил:

— Нет, я не из таких. Человек, который делает в людях дырки только потому, что ему нравится спускать курок, наверняка рано или поздно попадется. Ей-богу, я еще никого не подстрелил. Но я же тебе сказал, Липс Игэн терпеть не может беседовать, когда на него пушку наставляют, это уж его право. Думаешь, чего я эту речь толкаю? — Не двигать руками! — Сейчас ты встанешь, а ведь ты у нас вон какой громила, запросто мне все кости переломаешь, так что лучше выбрось из головы, что я вообще не могу курок спустить. В этом подвальчике свободно можно целый тир устроить. Может, мы и устроим.

По тому, как этот тип держал в руке револьвер,— крепко и твердо, но вместе с тем свободно, не слишком его сжимая, было видно, что он нагло врет. Спускать курок он наверняка любил. Продолжая твердо держать револьвер, он оттолкнул стул, встал и подошел к Фреду сзади. Когда стоишь у человека за спиной, не очень-то удобно доставать у него из левой подмышки пистолет левой же рукой, но он проделал это ловко и быстро. Я видел, как у Фреда на коже появились мурашки, в остальном он воспринял происшедшее, как джентльмен. Малый шагнул назад, взглянул на пистолет Фреда, одобрительно кивнул, засунул его в боковой карман, после чего вернулся на свое место и сел.

— Ты бывал в Питтсбурге, штат Пенсильвания? — спросил он.

— Нет,— ответил Фред.

— Я там встречал как-то одного парня, он самодельными патронами стрелял. Чудно, сроду такого не видел. Говорил, что клал в патрон какую-то свою пороховую смесь, от нее выстрел громче. Только брехня все это. Просто он был маньяк грахнутый, больше ничего. Мне бы если такая ерунда в башку взбрела, я сразу бы смотал удочки, уж лучше бы на прополку ...калывать пошел. Ну и, ясное дело, через пару лет ...слышу, он здорово на этом подзалетел в Сент-Луисе, ...лат Миссури. Нагерняка генерь забыл и ...

...

Он захохотал. До сих пор личной ...

я не испытывал, но вот этот хохот был уже в высшей степени неприятен.

— В Сент-Луисе, Миссури, бывал?

— Нет,— ответил Фред.

— Я тоже. Он вроде на Миссисипи. Вот бы на эту чертову реку взглянуть. Мне один парень как-то сказал, что там крокодилы водятся. Но черта с два я ему поверю, пока сам не увижу. Лет восемь назад я...

Раздался звонок, в самой комнате, как мне послышалось. Сначала длинный, затем один за другим два коротких и опять длинный. Собеседник Фреда боком подошел к стене, не сводя с него глаз и держа его на прицеле, нащупал большим пальцем кнопку и нажал на нее. Похоже было, что он дал один короткий звонок, два длинных и опять короткий. После этого он, обойдя стол, подошел к двери и встал у порога, широко расставив ноги, лицом к лестнице, но не упуская из виду Фреда. Через минуту наверху послышались шаги, а вскоре на лестнице показались ноги спускавшегося человека. Я низко пригнулся, спрятавшись за машиной. Вполне естественно, что вновь прибывший мог оглянуться, а я еще был не совсем готов присоединиться к этой теплой компании.

— Здорово, Морт.

— Привет, Липс. Вот ждем тебя.

— У него все чисто?

— Сейчас-то чистенький. А то держал под мышкой одну штуковину, температуру мерил.

Я оставался в полусогнутом положении до тех пор, пока вновь прибывший не приблизился к двери и не вошел в комнату, только после этого я медленно выпрямился так, чтобы один глаз поравнялся со стеклом дверцы автомобиля. Морт опять обошел стол и занял прежнее положение. Липс Игэн стоял у стола напротив Фреда. Это был рослый детина с покатыми плечами, весь какой-то серый, если не считать синюю рубашку: серый костюм, серый галстук, серое землистое лицо и несколько седых волос в темной шевелюре. Немного курносый.

— Тебя зовут О'Коннор? — спросил он.

— Да,— ответил Фред.

— Так что там насчет Мэта Берча и твоей жены?

— Мне сказали, что ее видели с ним в машине во вторник днем. Вот я и думаю, что она, может, изменяет мне. А потом его убили ночью.

— Ты убил?

Фред покачал головой.

— Я только вчера услышал, что ее с ним видели.

А где их видели?

— Машина стояла перед закусочной Дэнни. Я потому и пошел туда.

— Какая машина?

— Темно-серый «кадиллак», седан с коннектикутским номером. Вы поймите, я хочу узнать только о своей жене. Мне просто нужно проверить ее. Вот он, Морт, или как его, сказал, что вы могли бы помочь мне.

— Да, могу. Что у него в карманах, Морт?

— Я его не обыскивал, Липс. Тебя ждал. Только пушку у него вытащил.

— Давай-ка посмотрим, что там у него.

Морт приказал Фреду:

— Лицом к стене. Руки на стену.

Фред сел.

— Во-первых,— сказал он,— насчет этой фамилии О'Коннор. Я назвал вам ее потому, что не хотел называть настоящую, раз у жены такая же. Моя фамилия — Дэркин, Фред Дэркин.

— Сказано, к стене. Вон туда.

Фред направился к стене. Он сделал три шага, и теперь, чтобы он не исчез у меня из поля зрения, мне нужно было бы податься вправо и смотреть поверх капота, однако вряд ли сейчас стоило так рисковать. Морт тоже исчез. До меня доносились слабые звуки, а потом я услышал голос Морта:

— Стой здесь.

Затем, пятясь назад, Морт опять попал в поле моего зрения, и, достав из кармана Фреда кучу разных предметов, выложил их на стол. Там было то, что обычно находится в карманах у мужчин, но среди прочего я разглядел и желтый конверт с фотографиями, которые я передал Фреду вчера.

Липс Игэн, перебрав все, что лежало на столе, сосредоточил внимание на фотографиях, бумажнике и записной книжке. Особенно долго он изучал фотографии и заговорил уже совершенно другим голосом. Правда, нельзя сказать, что голос его и до этого ласкал слух, но сейчас он звучал просто отталкивающе.

— Его Фред Дэркин звать. Частный сыщик.

— Ну да? Вот сволочь!

Можно подумать, что Игэн назвал Фреда торговцем наркотиками. Он произнес:

— Пусть сядет.

Морт скомандовал, и Фред опять появился в поле моего зрения. Он сел и начал говорить.

— Послушай, Игэн, и у частного детектива есть своя личная жизнь. Я услышал, что моя жена...

— Заткнись. На кого работаешь?

— Я же тебе говорю. Я хотел проверить...

— А я сказал, заткнись. Где взял эти карточки?

— Это совсем по другому делу. По моей работе.

— Тут карточка Берча есть. Откуда они у тебя?

— Я думал, что, может, как-то выйду на убийство этой миссис Фромм и за что-нибудь ухвачусь.

— На кого ты работаешь?

— Ни на кого. Я же говорю. На себя.

— Вранье. Дай-ка сюда револьвер, Морт, и найди мне веревку с плоскогубцами.

Морт протянул ему револьвер, подошел к тумбе с ящиками, выдвинул один и вернулся с коричневым мотком прочного шнура и плоскогубцами. Они были средней величины, и губки у них были чем-то обмотаны, мне только было не видно, чем. Морт подошел к Фреду сзади.

— Руки назад.

Фред не пошевелился.

— Ну что, собственной пушкой по башке получить захотел? Лапы назад!

Фред повиновался. Морт отмотал кусок шнура. Отрезал его ножом, встал на колени, тщательно связал Фреду запястья, затем обмотал концы шнура вокруг стула и завязал их. После этого он взял плоскогубцы. Я не видел, что он делал ими, но мне этого и не требовалось.

— Так больно? — спросил он.

— Нет,— ответил Фред.

Морт захохотал.

— Вообще-то ты с этим поосторожней. Тебе придется на пару вопросиков ответить. Если разволнуешься и вздумаешь дергаться, легко без пальцев можешь остаться. Так что смотри сам. Готово, Липс.

Игэн уселся напротив Фреда, положив руку с револьвером на стол.

— На кого работаешь, Дэркин?

— Я же тебе сказал, Игэн, на себя самого. Ты и

только скажи, видел ты мою жену с Берчем или нет, больше мне ничего не нужно.

Эту фразу он закончил, но где-то на середине дыхание у него стало прерывистым, а к концу он застонал.

Я подумал, что мне можно было бы подождать еще немного, скажем, минуты две: было бы небезынтересно узнать, сколько Фред в состоянии выдержать. Но если бы ему сломали палец, Вульфу пришлось бы оплачивать счет за лечение, а я привык блюсти финансовые интересы шефа. Поэтому я подвинулся вправо, установил руку с пистолетом на капот и, прицелившись в руку Игэна, в которой тот держал револьвер, выстрелил. Затем со всей силой быстро перепрыгнул через капот и после второго прыжка оказался у двери. Я хорошо запомнил, что пистолет Фреда Морт засунул в свой левый карман, и, конечно, при условии, что он не умел стрелять с обеих рук, это, по моим расчетам, давало мне примерно три секунды, если учесть, что стоял он на коленях. Но вставать Морт не стал. Когда я оказался у двери, он метнулся в сторону, спрятавшись за Фреда. Упав навзничь и глядя под стул, на котором сидел Фред, я увидел, как Морт вынимает левую руку из кармана, держа в ней пистолет. Когда я падал, моя рука с пистолетом была вытянута, и сейчас, лежа на полу, я нажал на спусковой крючок. Затем я опять вскочил на ноги, вернее прыгнул, и оказался за стулом, на котором сидел Фред. Морт, по-прежнему стоя на коленях, правой рукой пытался дотянуться до пистолета, валявшегося в полуметре от него. Я ударил его ногой в живот и, увидев, как он корчится от боли, бросился к Игэну. Тот был метрах в трех от меня и, наклонившись, пытался поднять револьвер. Знай я, в каком Игэн состоянии, я бы остановился и понаблюдал за ним. Как мне стало известно чуть позже, пуля не задела его. Она попала в барабан револьвера, выбив его из руки Игэна, который держал его настолько крепко, что от удара у него онемела кисть. Подлетев к Игэну, я схватил его, с размаху припечатал к стене, подобрал револьвер и, услышав позади какой-то шум, резко обернулся. Фред каким-то чудом вместе со стулом добрался до того места, где валялся его пистолет, и уселся, поставив на него обе ноги. Морт корчился на полу. Я стоял, тяжело дыша, меня била дрожь.

— Пресвятой боже! — только и вымолвил Фред.

Я не мог выговорить ни слова. Игэн стоял, прива-

лившись к стене, потирая правую руку левой. У Морта левая рука кровоточила. Когда меня перестало колотить, я сунул револьвер Морта в карман, достал свой нож и, подойдя к Фреду, перерезал шнур. Фред убрал ноги с шестолета, поднял его, встал, и несмелая улыбка появилась на его лице.

— Приляг, отдохни.

— Сейчас.— Я уже почти восстановил дыхание.— Тот птенчик наверху, поди, уже интересуется, что тут у нас. Схожу-ка я, проверю. Смотри, чтобы эта парочка смирно себя вела.

— Дай я схожу. Ты свое уже отработал.

— Нет, взгляну сам. Следи за этими крошками.

— Можешь не беспокоиться.

Я вышел из комнаты, подошел к нижней ступеньке лестницы и прислушался. Тишина. С пистолетом в руке, закинув голову назад, я начал медленно, не торопясь, подниматься.

Вряд ли сторож гаража представлял собой какую-то опасность, но он вполне мог позвать кого-нибудь на помощь по телефону, да и Липс Игэн мог прийти не один. Только что показав себя этаким отчаянным смельчаком, да еще при свидетеле, я теперь рассчитывал остаться в живых, хотя бы ради того, чтобы выслушать потом восторженные похвалы в свой адрес. Поэтому, когда мои глаза оказались на уровне пола, я опять остановился и прислушался. По-прежнему ни звука. Я вылез наверх и встал на бетонный пол. Путь, которым я добрался от въезда в гараж до этого полуподвала, был мне знаком, так что я опять направился по нему в самую гущу тесно стоявших легковых машин и грузовиков. Постоянно останавливаясь и прислушиваясь, я уже прошел примерно половину пути до выхода из гаража, как вдруг почувствовал, что неподалеку справа кто-то стоит. Так часто бывает. Может быть, иногда присутствие человека определяешь и по запаху, я же склонен скорее думать, что оно воспринимается либо на слух, либо зрительно, причем, по-моему, роль этих ощущений, даже вместе взятых, в подобных ситуациях все же настолько ничтожна, что тут, видимо, срабатывает какое-то шестое чувство. Во всяком случае, рядом кто-то был. Я остановился и пригнулся. Потом я прислонился к какому-то грузовику и [illegible] и слух. Прошло десять часов, [illegible] пять минут. Этого было вполне [illegible]

двигался со скоростью полметра в минуту к задней части грузовика, чтобы посмотреть, не стоит ли кто за ним. Пока я крался, прошла, наверное, вечность, но наконец я добрался. Остановился, прислушался, затем, вытянув шею, одним глазом заглянул за угол кузова. На расстоянии вытянутой руки там стоял человек и смотрел прямо на меня. Не успел он пошевелиться, как я высунул всю голову.

— Привет, Сол,— прошептал я.

— Привет, Арчи,— ответил он тоже шепотом.

Я обогнул кузов грузовика.

— Где сторож? — шепотом спросил я.

— Орри связал его как раз за служебной комнатой. А сам у входа караулит.

Я перестал шептать.

— Ура! Буду ходатайствовать о твоем повышении. Ты, значит, проследил, как Липс Игэн пришел сюда?

— Не знаю, как его зовут, но мы шли за ним и выследили, как он вошел в гараж. Потом мы решили войти, от дождя укрыться, а сторож нас засек, ну и пришлось его скрутить. Затем услышали два выстрела, я побежал выяснить, в чем дело, почуял, что здесь ты, и остановился, чтоб все обмозговать. Да, ходишь ты, конечно, как медведь.

— Ты тоже хорош. Я такого шума в жизни не слыхал. Говоришь во весь голос, как вздумается. Игэн внизу, в подвале с одним своим дружком. Фред следит, как бы они там не натворили чего.

Удивить Сола невозможно, но на этот раз он был просто поражен.

— В самом деле?

— Пойди взгляни.

— Да как же ты все провернул? У тебя что, локатор в кармане?

— Таков уж этот Гудвин. Просто он всегда оказывается там, где всего нужнее. Ладно, все расскажу потом, а сейчас нам надо кое-что сделать. Давай-ка с Орри поговорим.

Я двинулся первым, Сол за мной. Орри стоял неподалеку от въезда в гараж. При виде меня у него глаза на лоб полезли.

— Что за черт! Ты как здесь?

— Потом. Фред внизу, держит там двух молодчиков. Мы с Солом идем туда, в картишки с ними переки-

немся. Сюда могут явиться не вполне дружелюбные ребята, так что будь начеку. Сторож в порядке?

— В порядок его мы с Солом привели.

— Отлично. Наши жизни в твоих руках, так что можешь немного вздремнуть. Пошли, Сол.

В подвале хозяином положения был Фред. Он сидел лицом к двери на стуле, на котором недавно располагался Морт. Теперь Морт растянулся на спине слева у стены, ноги у него были связаны в щиколотках. Точно так же ноги были связаны и у Игэна, этот сидел рядом на полу. Наше с Солом появление явно привлекло всеобщее внимание.

— А-а, вот почему ты так долго,— проворчал явно недовольно Фред.— Зачем нам целая армия?

Липс Игэн что-то пробормотал.

— Нет,— сказал я Фреду,— я его не звал. Он уже был наверху, его Игэн привел. Орри тоже там, так что гараж в нашем распоряжении.

— Черт бы меня побрал. Дай-ка на его револьвер взгляну.— Вытащив револьвер Морта из кармана, я протянул его Фреду, и он внимательно осмотрел его.— Ну да, так я и подумал — в барабан. Игэна ты не задел. У Морта там с рукой что-то, но я ему платком замотал — пока сойдет. Ты ему ногой так двинул, что желудок у него, наверно, к самому горлу прилип, я ему потом и посоветовал посидеть, чтоб желудок на место опустился, а он все-таки полежать захотел.

Я подошел к Морту и, присев на корточки, осмотрел его. Цвет лица был не очень здоровым, но глаза были открыты, причем они отнюдь не остекленели. Я слегка потыкал его в живот, осведомившись, не больно ли ему. Даже не поморщившись, он сказал, чтобы я шел куда-то очень далеко и делал там нечто не вполне приличное, поэтому я поднялся, подошел к Игэну и встал рядом, глядя на него сверху вниз. Сол тоже подошел.

— Меня зовут Арчи Гудвин,— представился я.— Я работаю на Ниро Вульфа. Мои друзья, которые находятся здесь, тоже. Именно это ты хотел узнать у Фреда Дэркина. Так что сейчас тебе все известно, и задавать вопросы теперь наша очередь. На кого работаешь ты?

Игэн не ответил. Даже взглянуть на меня не соблаговолил, а уставился на свои щиколотки. Я сказал Солу:

— Этого обыщу я, а ты займись тем.

Мы приступили к делу. Я выложил все на стол, то же самое сделал и Сол. Среди вещей Морта не оказалось ничего, заслуживающего внимания, разве что водительские права на имя Мортимера Эрвина. А вот среди предметов, которые я извлек из карманов Игэна, один явно представлял интерес. Толстая записная книжка с вынимающимися листками размером примерно десять на двадцать сантиметров, причем на каждой из ста страниц было записано больше десятка фамилий с адресами. Я просмотрел ее. Все фамилии были какие-то странные, а адреса только городские. Передав книжку Солу, я, пока он перелистывал страницы, подошел к комоду с выдвижными ящиками, кроме которого здесь не было другой мебели, где можно было бы что-то спрятать, и тщательно проверил все ящики. Ничего интересного я не нашел. Сол сказал мне:

— Последним здесь записан Леопольд Хэйм, и адрес есть.

Я подошел и взглянул на запись.

— Вот это любопытно. А я и не заметил.— Сунув книжку в боковой карман, не в тот, где лежал револьвер Морта, а в другой, я подошел к Игэну. Он посмотрел на меня снизу вверх — взгляд у него был весьма неприветливый — и опять принялся изучать свои щиколотки.

Я обратился к нему:

— Если в этой книжке тысяча фамилий и если каждый из них выкладывал по десять тысяч, то всего выходит десять миллионов. Скорее всего, эта цифра несколько завышена, но даже если ее сократить на девяносто процентов, все равно у тебя остается кругленькая сумма. Что на это скажешь?

Ответа не последовало.

— Мы не собираемся здесь всю ночь торчать,— сказал я,— но все же должен пояснить тебе, что, хотя мы и не одобряем шантаж, особенно такого рода, сейчас мы расследуем совсем другое. Нас интересует убийство, вернее — три убийства. Поэтому если я тебя и спрашиваю о ваших денежных делишках, то только затем, чтобы узнать хоть что-нибудь об одном из этих убийств. Ответь, например, на такой вопрос: Мэтью Берч занимался шантажом вместе с тобой?

Игэн выпятил нижнюю челюсть и рявкнул на Сола:

— Ух ты, проныра паршивый!

Я кивнул.

— Ну вот, отвел душу, теперь тебе полегчает. Так Бёрч работал с тобой?

— Нет.

— Кто тебя навел на Леопольда Хэйма?

— Никто.

— Сколько денег причитается тебе и кому остальное достанется?

— Каких денег?

Я пожал плечами.

— Та-ак, ты, значит, об этом у меня спрашиваешь? Сол, возьми-ка его за руки.

Сам я взял Игэна за ноги, мы перенесли его к противоположной стене и опустили рядом с небольшой тумбочкой, на которой стоял телефон. Игэн стал было извиваться, пытаясь сесть, прислонившись к стене, но я сказал Солу:

— Пусть полежит, я пока проверю, работает ли телефон.

Сняв трубку, я набрал номер. Уже после второго гудка в трубке послышалось: «Ниро Вульф слушает».

— Это я — Арчи. Проверяю телефон.

— Уже двенадцать ночи. Откуда, черт возьми, ты звонишь?

— Мы все четверо здесь, в гараже на Десятой авеню. Нас тут клиенты ждут, поэтому времени говорить с вами у меня нет. Дадим о себе знать позже.

— Я уже спать ложусь.

— Да, да, хорошо. Приятных сновидений.

Положив трубку, я приподнял аппарат, отодвинул тумбочку, чтобы не мешала и, поставив телефон на пол у плеча Игэна, сказал Фреду:

— Возьми-ка этот шнур.

Фред подошел ко мне с мотком в руке и спросил:

— Крест-накрест?

— Точно. Метра два с половиной.

Пока Фред отрезал шнур, я разъяснял Игэну:

— Не знаю, знаком ты с этим или нет. Есть такой научный метод стимулирования функций голосовых связок. Если у тебя будут какие-либо возражения против этого метода, то вот телефон. Можешь набрать номер либо главного полицейского управления, CA 7-1000, либо шестнадцатого участка, CI 6-0416, они [illegible] рядом. Не вздумай только какой-нибудь другой номер набирать. Если позвонишь в полицию, мы [illegible] чиваем всю свою научную деятельность [illegible]

Как расскажешь, мешать тебе никто не станет — даю гарантию. Ну все. Сол, держи его за плечи. Фред, давай сюда.

Мы опустились на корточки по обе стороны от ног Игэна.

Сложного тут ничего нет, однако это довольно чувствительно, особенно если у вашего подопечного хрупкие косточки. Сначала вы складываете веревку вдвое, делаете петлю и затягиваете ее на его левой ноге, у щиколотки. Затем скрещиваете ему ноги так, чтобы правая оказалась сверху, и заводите переднюю часть правой ступни под левую пятку. Для этого нужно непременно согнуть колени. Теперь тяните правую ногу вниз так, чтобы правая щиколотка оказалась как можно больше вровень с левой. Три раза туго обмотайте обе ноги сложенной вдвое веревкой, слегка подзатяните ее, и все готово. Если теперь взять веревку за концы и сильно рвануть вниз, то ваш клиент, вероятнее всего, потеряет сознание, поэтому лучше не делать этого. Даже если вы осторожно потянете веревку вниз, и то работа будет слишком грубая. Достаточно просто держать веревку так, чтобы она оставалась туго натянутой, и следить, чтобы натяжение не ослабевало. Тем временем ваш ассистент держит объект научного исследования за плечи, но и без этой помощи вы полностью контролируете положение. Если сомневаетесь, можете попробовать.

В то время как Сол придерживал Игэна за плечи, а Фред держал шнур, я взял стул, сел и стал наблюдать за выражением его лица. Игэн явно сдерживался, стараясь, чтобы на лице у него ничего не отражалось.

— Тебе сейчас больнее, чем мне,— сказал я ему,— поэтому как только захочешь позвонить в полицию, дай знать. Если со связанными ногами тебе будет не совсем удобно поворачиваться и набирать номер, я перережу шнур. Чуть потуже, Фред, самую малость. Берч тоже занимался этим вместе с тобой?

Я ждал ответа десять секунд. Лицо его исказила гримаса, а дыхание участилось.

— Ты видел Берча в той машине во вторник днем?

Игэн закрыл глаза и попытался оторвать плечи от пола. Еще десять секунд.

— Кто навел тебя на Леопольда Хэйма?

— Дай в полицию позвоню, — произнес Игэн охрипшим голосом.

— Хорошо. Режь шнур, Фред.

Резать Фред не стал, а просто ослабил шнур, размотал его и отвел переднюю часть левой ступни назад, под пятку. Игэн начал медленно и осторожно сгибать и разгибать колени.

— Гимнастикой займешься потом,— сказал я ему.— Набирай номер.

Он перевалился на бок и стал набирать. Мы с Солом следили за его рукой. Номер он набрал правильно — СА 6-2000. Мне было слышно, как ему ответили, и он спросил:

— Главное управление полиции?

После этого он бросил трубку и произнес, обращаясь ко мне:

— Ах ты, сукин сын, так, значит?

— Ну конечно,— ответил я,— я же тебе дал гарантию. Но прежде чем мы вновь приступим к стимулированию функций, запомни вот что: в полицию ты сможешь позвонить только еще раз, не больше. А то ты нас так всю ночь здесь проканителишь. Второе. То, что мы напали на эту запись сейчас, просто здорово. Если ты думаешь, что эта твоя книжка с адресами в любом случае непременно попадет в полицию, то ты ошибаешься. Я отдам ее мистеру Вульфу, он сейчас расследует убийство, и, думаю, вряд ли ему захочется передавать всех, кто тут записан, в руки правосудия. Ни к чему ему все это. Я тебе ничего не обещаю, просто ставлю в известность. Ну все, Фред. Прижмика его, Сол.

На этот раз мы не стали спешить. Заведя ему левую ногу за правую, шнур мы затянули чуть потуже. Фред взял в руки концы, а я опять сел на стул. Результат не заставил себя ждать. Ответная реакция последовала куда быстрее. Через десять секунд лицо Игэна исказилось от боли. Еще через десять на лбу и на шее у него выступили капли пота. Лицо его посерело еще больше. Он выпучил глаза, которые чуть не вылезали из орбит. Я уже хотел было сказать Фреду, чтобы он немного ослабил шнур, как Игэн вдруг произнес, задыхаясь:

— Отпусти.

— Чуть послабее, Фред. Просто держи. Берч занимался вымогательством вместе с тобой?

— Да.

— Кто у вас главный?

— Берч был. Развяжите шнур

Минутку. Шнур все же лучше плоскогубцев. Кто за рулем сейчас?

— Не знаю.

— Врешь. Шнур, видно, развязывать еще рано. Ты видел Берча в машине с женщиной в прошлый вторник днем?

— Да, но машина не стояла у закусочной Дэнни.

— Чуть потуже, Фред. А где ты их видел в машине?

— Они ехали к центру по Одиннадцатой авеню в районе Пятидесятых улиц.

— В темно-сером «кадиллаке» с коннектикутским номером?

— Да.

— Это была машина Берча?

— До этого я ни разу ее не видел. Но Берч был связан с шайкой по угону машин, так что наверняка тот «кадди» был краденый. Вообще, все, к чему Берч ни прикасался, было краденым.

— Ну правильно, раз он мертв, на него все можно валить. А что за женщина с ним была?

— Не знаю, я по другой стороне шел и не разглядел. Развяжите шнур! Пока не развяжете, ни слова больше.— Игэн вновь задышал учащенно, а лицо у него стало совсем серым, поэтому я велел Фреду дать ему передохнуть. Когда ноги Игэну развязали, он захотел было сначала согнуть их, потом выпрямить, но в конце концов передумал, решив, видимо, пока никаких движений ногами вообще не производить. Я продолжал:

— Ты не знаком с ней?

— Нет.

— Мог бы узнать ее?

— Вряд ли. Они просто мимо проехали, и все.

— В каком часу это было?

— Примерно в половине седьмого, может, чуть позже.

Этому, пожалуй, можно было верить, во всяком случае, исходя из уже известных мне данных. Пит Дроссос сказал нам, что, когда женщина в машине попросила его позвать полицию, было без пятнадцати семь. Задавать следующий вопрос мне было в высшей степени неприятно из-за боязни, что Игэн, ответив неверно, уронит себя в моих глазах.

— Кто сидел за рулем? Берч?

— Нет, женщина. Я тогда еще удивился. Берч был не из тех, кто позволяет женщине сидеть за рулем когда и машине он сам

Я готов был расцеловать этого подонка. Фактически он подтверждал версию, которую Вульф выдвинул вчера, ценную, и подтверждал ее так здорово, что сейчас я готов был поставить двадцать против одного в ее пользу. Я хотел было достать фотографии Джин Эстай, Анджелы Райт и Клэр Хоран из конверта Фреда и спросить у Игэна, похожа ли хоть одна из них на женщину, сидевшую в машине, но не стал делать этого. Раз он заявил мне, что не сможет узнать ее, то теперь конечно же он не станет раскрывать передо мной остальные карты, кроме тех, которые ему уже пришлось раскрыть.

Я задал Игэну вопрос:

— Кому ты отдавал деньги?

— Берчу.

— Он мертв. Сейчас кому?

— Не знаю.

— Сдается мне, что шнур мы развязали рановато. Если бы Леопольд Хэйм заплатил тебе десять тысяч или какую-то часть этой суммы, что бы ты стал делать с деньгами?

— Держал бы у себя до тех пор, пока не получил бы распоряжения.

— Распоряжения от кого?

— Не знаю.

Я встал.

— Шнур, Фред.

— Обождите,— взмолился Игэн.— Вы меня спрашивали, как я напал на след Леопольда Хэйма. Так вот, о таких вещах я узнавал двумя путями: от самого Берча и по телефону. Звонила женщина и все мне сообщала.

— Что за женщина?

— Я не знаю. Ни разу ее не видел.

— А как ты узнавал, что это не ловушка? Только по голосу?

— Я знаю ее голос, но есть еще пароль.

— Какой?

Игэн сжал губы.

— Больше тебе не придется им пользоваться,— заверил я его,— так что выкладывай.

— «Сказал мухе паучок» *.

---

* Строчка из известного в англоязычных странах стихотворения Мэри Ховетт (1799—1888):

«Заходите ко мне в гости,—
Сказал мухе паучок...» (прим. пер.).

— Как?

Это и есть пароль. Так же мне сообщили о Леопольде Хэйме. Вы спрашиваете, кому я должен отдавать деньги теперь, когда Берч мертв. Я думал, она позвонит и скажет.

— Почему она не сказала, когда сообщала тебе о Хэйме?

— Я у нее спросил, а она ответила, что скажет потом.

— Как ее зовут?

— Не знаю.

— По какому номеру ты ей звонил?

— Ей я ни разу не звонил. Связь у меня была только с Берчем. Сейчас я даже не знаю, как ее найти.

— Ерунда. Мы еще поговорим об этом, если опять придется приступить к стимулированию функций. Зачем ты убил Берча?

— Я его не убивал! Убийствами я не занимаюсь.

— Кто же убил?

— Не знаю.

Я сел на стул.

— Я тебе уже сказал, что меня интересует только убийство. Этим шнуром мы могли бы из тебя все внутренности выдавить, но нам это ничего не даст. Нам нужны только факты, а факты мы могли бы проверить. Если ты Берча не убивал и не знаешь, кто убийца, то отвечай прямо, как ты пронюхал об этом и не ...

Раздался звонок. Я встал. Сначала два коротких звонка, потом один длинный и один короткий. Я бросил отрывисто:

— Заткните им рты.

Сол ладонью зажал рот Игэну, а Фред направился к Морту. Я подошел к стене, где была вмонтирована кнопка, на которую, как я видел, нажимал Морт, и надавил на нее. Может быть, дав на этот раз один короткий звонок, два длинных и опять один короткий, я ответил и неправильно, но этот вариант был, видимо, не хуже любого другого ad lib *. Затем с пистолетом на взводе я вышел из комнаты и встал в трех шагах от подножия лестницы. Сверху донесся чей-то голос, говорили довольно тихо, затем наступила тишина, после этого раздались шаги, сначала чуть слышно, потом громче. Наконец я услыхал голос Орри:

* Ad lib (лат.) — неподготовленный, импров[illegible]

— Арчи?

— Да, здесь.

— Пополнение прибыло.

— Отлично. Веселее будет.

Я услышал, как кто-то начал спускаться по лестнице. Сначала показались черные начищенные туфли, затем отутюженные синие брюки, затем подобранный им в тон пиджак, и довершило картину лицо Дэнниса Хорана. Холеное лицо преуспевающего человека. Сзади стоял Орри, в руке у него тускло поблескивал револьвер.

— Привет,— сказал я.

Хоран не ответил, поэтому я обратился к Орри.

— Откуда он взялся?

— Один, в машине. Въехал в гараж, я сделал вид, что не обратил на него внимания. Он посмотрел на меня, ничего не сказал, подошел к стойке и нажал кнопку. Когда раздались ответные звонки, я решил, что пора действовать, ну, показал ему свою пушку и велел идти. Тот, кто ему в ответ позвонил, может ...

— Все в порядке, это я был. Обыскал его?

— Нет.

Подойдя к Хорану, я ощупал его не только в наиболее, но и в наименее вероятных для ношения оружия местах.

— Порядок. Лезь обратно наверх и смотри, не явится ли кто еще.

Орри ушел, а я крикнул:

— Сол, вынимай кляп, связывай ему ноги, а сам давай сюда.

Хоран вдруг направился к двери. Я схватил его за руку выше локтя и с силой развернул лицом к себе. Он сделал попытку вырваться, тогда я вывернул ему руку чуть сильнее.

— Вы не думайте, я ведь не шучу,— сказал я.— По какому номеру вызывать «скорую помощь», я знаю.

— Да, это действительно серьезно,— согласился Хоран. Тенор у него был настолько скрипучий, что гортань явно не мешало бы смазать.— Достаточно серьезно, чтобы покончить с вами, Гудвин.

— Как знать. Но сейчас хозяин положения я, так что раз уж речь зашла о моей голове, берегитесь вы.

К нам вышел Сол.

— Знакомьтесь, это мистер Пэнзер. Сол, познакомьтесь, мистер Дэннис Хоран. На наше совещание мы пригласим его чуть позже, а пока мне нужно позвонить

...и что вон в той стене. Да смотри, ничего не сломай ему, если он, конечно, сам не будет на этом настаивать. Оружия при нем нет.

Я направился к двери, вошел в комнату и закрыл за собой дверь. Фред сидел за столом, массируя палец, а Игэн и Морт находились все в том же положении. Передвинув телефонную тумбочку на место, я поднял аппарат с пола, поставил его, сел и начал набирать номер. На этот раз пришлось подождать, прежде чем в трубке послышалось наконец раздраженное бормотанье.

— Говорит Арчи. Нужен совет.

— Я сплю.

— Пойдите умойте лицо холодной водой.

— Боже мой! Ну что там еще?

— Как я уже докладывал, мы в гараже, все четверо. В подвальчике у нас тут два субъекта. Один — двуногое животное, звать его Мортимер Эрвин, никакого интереса для нас он, видимо, не представляет. Другого зовут Липс Игэн. В водительских правах у него написано не Липс, а Лоуренс. Тот самый тип, что заходил к Солу в гостиницу. Вот этому просто цены нет. У него была записная книжка, сейчас она у меня в кармане, а в ней чуть не тысяча фамилий и адресов, причем последним записан Леопольд Хэйм, так что выводы делайте сами. С Игэном нам пришлось обойтись не очень вежливо, чтобы развязать ему язык, и он стал утверждать, что всем этим делом заправлял Мэтью Берч. Однако я ему не верю. Зато верю, что во вторник днем он видел Берча в том «кадиллаке», а за рулем сидела женщина. Не верю, что Игэн совершенно не знаком с ней и не может ее узнать. Да и...

— Ну так и продолжал бы. Меня-то зачем было беспокоить, раз не кончил еще?

— Потому, что нам здесь помешали. В гараж при[illegible] Дэннис Хоран и дал условный [illegible], в под[illegible]. Орри остановил его и привел вниз. Хоран меня сейчас не слышит, а эти двое тут, рядом. Хочу узнать ваше мнение относительно способа стимулирования функций голосовых связок одного из членов [illegible] адвокатов.

Синяков мистеру Хоран [illegible] заставили?

— Мы до него почти не [illegible]

— [illegible] его уже допраши[illegible]

— Тогда все очень хорошо. Не клади трубку, мне нужно окончательно проснуться.

Прошла минута, а то и больше, прежде чем в трубке опять послышался его голос:

— Как вы там расположились?

— Фред и я — в подвальной комнате с Эрвином и Игэном. Сол держит Хорана за дверью. А Орри наверху, поджидает возможных гостей.

— Пусть мистер Хоран войдет, а ты извинись перед ним.

— Сжальтесь бога ради!

— Понимаю, но он — адвокат, и карты в руки мы ему не дадим. Эрвин или Игэн угрожали кому-то из вас оружием?

— Оба. Фреду. Они отняли у него пистолет, привязали его к стулу и начали было ему пальцы плоскогубцами выкручивать, но я им помешал.

— Отлично. У тебя против них два обвинения: преднамеренное вымогательство денег у Сола и нападение на Фреда с применением оружия. Слушай теперь мои указания.

Я все внимательно выслушал. Кое-что мне было не совсем ясно, и я попросил Вульфа уточнить. Наконец я сказал, что, кажется, все понятно. После этого он приказал мне беречь записную книжку Игэна как зеницу ока, никому о ней не рассказывать и спрятать ее в сейф сразу же, как приду домой.

Положив трубку, я подошел к двери, распахнул ее и сказал Солу, чтобы он привел Хорана. Лицо у Хорана сейчас ничего не выражало. Видимо, он уже решил придерживаться какой-то определенной линии поведения, согласно которой выражение лица у него должно быть совершенно непроницаемым. Безропотно сев, внешне он не проявил абсолютно никакого интереса ни к Эрвину, ни к Игэну, лежавшим на полу, если не считать взгляда, который он мельком бросил в их сторону, входя в комнату.

Я обратился к нему со словами:

— Мистер Хоран, извините меня, я должен сказать кое-что этим людям. Ты слушаешь, Эрвин?

— Нет.

— Ну, как знаешь. Ты совершил преднамеренное вооруженное нападение на Фреда Дэркина и нанес ему телесное повреждение плоскогубцами. Ты слушаешь, Игэн?

Я вас слушаю.

— Ты тоже совершил вооруженное нападение посредством револьвера, который я выстрелом выбил у тебя из руки. Кроме того, ты пытался вымогать крупную сумму денег у Сола Пэнкера, это второе уголовное преступление. Будь моя воля, я позвонил бы прямо сейчас в полицию, чтобы они приехали и забрали вас, птенчиков, да вот только я работаю на Ниро Вульфа, а он, вполне возможно, захочет поступить иначе. Ему нужно спросить вас кое о чем, и он велел мне привезти вас обоих к нему. Если вы предпочитаете иметь дело с полицией, скажите об этом мне, но учтите, третьего выбора у вас нет. Если вздумаете скрыться, это кончится для вас плохо.

Я повернулся к Хорану.

— Что же касается вас, мистер Хоран, то я приношу вам наши искренние извинения. Мы были несколько возбуждены после стычки с этими субъектами, поэтому Орри Кэтер был чуточку резковат, да и я тоже. Только что я говорил по телефону с мистером Вульфом, он велел выразить вам свое сожаление о том, что его помощники так обошлись с вами. Думаю, что мне следует извиниться еще за один пустяк: когда там, за дверью, я знакомил вас с мистером Солом Пэнзером, я совсем забыл, что сегодня он уже был у вас в конторе, назвавшись Леопольдом Хэймом, и это могло вызвать у вас недоумение. Вот и все, если только вы сами не хотите что-нибудь добавить. Можете заниматься своими делами, и, надеюсь, вы не будете держать на нас зла за случившееся... хотя нет, одну минуту, мне пришла одна мысль.

Я обратился к Игэну:

— Мы хотим быть честными до конца, Игэн, и мне пришло сейчас в голову, что тебе там, у мистера Вульфа, могли бы понадобиться услуги адвоката, а этот человек по случайному стечению обстоятельств как раз и есть адвокат. Его зовут Дэннис Хоран. Я, правда, не знаю, согласится ли он помогать тебе, но, если хочешь, можешь попросить его об этом сам.

Я подумал тогда, да и теперь думаю, что это была одна из самых хитроумных ловушек, расставленных Вульфом, и я готов был отдать свое недельное жалованье за удовольствие наблюдать в тот момент за выражениями их лиц. Игэн изогнул шею, чтобы видеть Хорана, желая, вероятно, получить от него намек или

какой-то совет. Но Хорану самому позарез требовался советчик. Мое предложение застало его врасплох. Согласиться было бы рискованно, потому что это связало бы его с Игэном, а ведь Хоран не знал, сколько нам удалось выжать из Игэна. Отказаться тоже было опасно, опасно вдвойне, во-первых, потому, что Игэн мог тогда подумать, что его бросают в беде одного, а во-вторых, потому, что Игэном займется сам Ниро Вульф, и еще неизвестно, как Игэн поведет себя с ним. Вопрос этот был дьявольски сложный и важный, чтобы на него можно было ответить вот так, с ходу, и нужно было видеть, как Хоран хлопал своими длинными ресницами, пытаясь сохранить невозмутимое выражение на лице и лихорадочно перебирая в голове всевозможные варианты.

Первым молчание нарушил Игэн.

— У меня есть при себе немного денег, мистер Хоран, и я мог бы уплатить вам предварительный гонорар. Я так понимаю, что, если человек попал в беду, долг адвоката помочь ему.

— Совершенно верно, мистер Игэн,— голос у него сбивался на писк.— Но в данный момент я очень занят.

— Угу, я тоже занят по горло.

— Несомненно. Да. Разумеется,— Хоран пожал плечами.— Ну, хорошо. Я подумаю, чем я смогу вам помочь. Нам нужно будет поговорить.

Я усмехнулся ему в лицо.

— О чем бы вы ни говорили, наедине вы не останетесь. Пошли, ребята. Развяжите их. Фред, прихвати-ка плоскогубцы на память.

13

Чтобы нормально выспаться, мне нужно восемь с половиной часов, а еще лучше — девять. Каждое утро, когда в семь тридцать будильник на тумбочке, которая стоит у кровати, включает радио, я поворачиваюсь на другой бок, спиной к нему. Через минуту я поворачиваюсь обратно, дотягиваюсь до репродуктора, выключаю его и уютно устраиваюсь под одеялом, пытаясь представить, что сегодня — воскресенье. Но, увы, мне прекрасно известно, что Фриц приготовит мне завтрак в восемь десять. Две-три минуты я борюсь с желанием позвонить ему по домашнему телефону и ска[illegible]

немного задержусь, но, в конце концов одолев себя, сбрасываю одеяло, ставлю ноги на пол и начинаю смотреть на вещи реально.

Перед тем как лечь, будильник я поставил на час раньше, на полседьмого, и когда он щелкнул, а из репродуктора полилась очередная слащаво-бодренькая утренняя передача, я выключил радио, и сделав отчаянный, почти бессознательный рывок, сел на кровати, свесив ноги на пол. В горизонтальном положении я провел всего-навсего два часа.

Я принял душ, побрился, причесался, оделся и, спустившись по лестнице, вошел в гостиную.

Картинка была не из веселых. Мортимер Эрвин растянулся на ковре, под головой у него была одна из подушек с кушетки. Липс Игэн лежал на кушетке. Дэннис Хоран сидел в мягком кресле, одежда на нем была измята, очевидно, он так и не спал. Сол Пэнзер сидел на стуле спиной к окну, чтобы, не напрягая зрения, видеть всех своих подопечных как на ладони.

— Доброе утро,— мрачно произнес он.— Сейчас завтрак подадут.

— Это просто невыносимо,— пропищал Хоран.

— А вы не выноси́те. Кто вас заставляет? Десятый раз вам повторяю: можете идти на все четыре стороны. А что до этой парочки, так они здесь устроились не хуже, чем в люксе. Один вон на кушетке разлегся, другой — на мягком ковре. А мне вот доктора Фолмера в два часа ночи пришлось будить только из-за того, чтобы Морту ручку перевязать: не успели сюда явиться — им уже и доктор на блюдечке. Мы ударяемся в другую крайность. Мистер Вульф подумал, что вы, чего доброго, сочтете, будто он закон нарушит, если станет допрашивать их, прежде чем сообщит обо всем в полицию, поэтому он даже взглянуть на них не вышел. Всю ночь провел в комнате у себя, может, спал, может, из угла в угол ходил — я уж там не знаю. В час сорок семь ночи я при вас звонил в Манхэттенское отделение полиции по расследованию убийств и сказал дежурному, что мистер Вульф хочет сообщить нечто важное инспектору Крамеру лично и будет Крамеру весьма признателен, если тот позвонит ему как можно скорее. Что же касается вашего желания остаться со своим клиентом наедине, то разве мы могли оставить такого негодяя, как Игэн, без присмотра? Да Крамер бы нам за это головы снес. Сол, ты как себя чувствуешь?

— Отлично. Поспал три часа, а в полшестого Фреда сменил.

— Что-то не похоже. Ну ладно, пойду посмотрю, как там завтрак.

Когда я разговаривал с Фрицем на кухне, вошел уже успевший одеться Фред с поразительной новостью. Они с Орри спали как убитые на односпальных кроватях в комнате, выходящей окнами на юг, и вдруг проснулись от стука в пол, стучали из комнаты Вульфа, этажом ниже. Фред спустился выяснить, в чем дело, и Вульф велел тотчас же прислать к нему Орри. Мне пришлось бы довольно долго рыться в памяти, если бы я захотел припомнить другой такой случай, когда Вульф с утра принялся бы за дела, не успев даже позавтракать.

Фриц совсем было сбился с ног — ему надо было приготовить и подать завтрак для восьми человек, не считая себя самого,— но мы с Фредом помогли ему, перенеся в гостиную стол, накрыв его, расставив еду и разложив приборы. Сами же мы устроились на кухне и вовсю расправлялись с кукурузными оладьями, жареной ветчиной и медом, когда, торжественно неся себя, вошел Орри и важно скомандовал Фрицу:

— Оставь-ка этих обжор и немедленно обслужи меня. Мне на задание идти, а я еще ничего не ел. Арчи, сбегай и принеси мне пятьсот долларов, а я пока сяду на твое место. Да скажи мне, как называется вся эта затея, когда на такие деньги надо звонить по телефону самым разным типам, чуть ли не тысяче?

Я не встал со стула, пока не кончил завтракать, выпив вторую чашечку кофе, так что Орри пришлось примоститься на табурете. Только после этого я выполнил его приказания. Гадать, что он собирался делать с пятью сотнями, было бесполезно, но раз большая часть этих денег предназначалась для оплаты телефонных разговоров, то можно было попробовать разгадать эту загадку, просто так, чтобы попрактиковаться. Поскольку Вульфу я докладывал обо всем прямо у него в комнате ночью, разместив предварительно наших почетных гостей внизу, он знал только то, что я ему сообщил, но не больше. Что же это за тысяча человек, которым надо было звонить? Это не могли быть те, что был перечислен в записной книжке [illegible] книжка была заперта в сейфе, [illegible] по-прежнему на месте, когда брал о[illegible]

Орри и не просил ее у меня. В общем, я решил еще поразмыслить над этим, только потом, если смогу выкроить несколько свободных минут в такой суматохе (две минуты и впрямь нашлись). Впрочем, Вульф не впервые давал одному из своих помощников задание, не посоветовавшись предварительно со мной.

К восьми часам Фриц сошел от Вульфа вниз с пустым подносом, Орри ушел. Мы с Фредом принесли в кухню всю посуду после завтрака и помогали Фрицу мыть ее, как вдруг в дверь позвонили. Швырнув на стол полотенце, которым вытирал тарелки, я бросился в парадную. На крыльце стояли инспектор Крамер и сержант Пэрли Стеббинс, но мне не пришлось заставлять их ждать, пока я получу указания. Указания у меня уже были, поэтому, метнув взгляд на дверь в гостиную и убедившись, что она плотно прикрыта, я распахнул входную дверь и поздоровался с ними. Они не двинулись с места.

— Мы идем мимо по своим делам,— бросил Крамер.— Что вы мне хотели сказать?

— Ничего. Говорить будет мистер Вульф. Входите.

— У меня нет времени ждать.

— Ждать и не нужно. Он вас сам ждет с нетерпением целых шесть часов.

Они вошли в дом и направились в кабинет. Я пропустил их вперед, и когда мы оказались в кабинете, Крамер прорычал:

— Но его здесь нет.

Я ничего не ответил, а, предложив им сесть, позвонил Вульфу по внутреннему телефону и сообщил, кто к нам пришел. Крамер достал из кармана сигару, покатал ее между ладонями, внимательно посмотрел на кончик с таким видом, будто проверял, не намазали ли ему сигару каким-нибудь редким, малоизвестным ядом и наконец сунул ее в рот, крепко прикусив зубами. Я еще ни разу не видел, чтобы он закуривал. Стеббинс тоже сел, прищурившись, поглядывая на меня. Ему было в высшей степени неприятно, что его начальник, офицер, вынужден приходить сюда в то самое время, когда расследование дела об убийстве в самом разгаре. Досадно ему было бы, пожалуй, и в том случае, если бы он знал, что убийцу мы уже разыскали, собрали против него неопровержимые улики и держим его сейчас готовенького в соседней комнате.

Послышался шум спускающегося лифта, и через

секунду вошел Вульф. Он вяло поздоровался со всеми, подошел к своему столу и, прежде чем сесть, спросил:

— Почему вы так задержались? Мистер Гудвин звонил вам более шести часов назад. У меня в доме полно подозрительных типов, и я хочу, чтобы их убрали отсюда.

— Хватит,— грубо отрезал Крамер,— мы спешим. Что еще за типы?

Вульф сел за стол и неторопливо устроился поудобнее.

— Во-первых,— сказал он,— можете ли вы что-нибудь сказать относительно заявления мисс Эстай, будто бы мистер Гудвин предлагал ей за деньги изложить содержание моей беседы с миссис Фромм?

— Нет. Это пусть решает окружной прокурор. Вы тянете время.

Вульф пожал плечами:

— Во-вторых, об этих серьгах-пауках. Миссис Фромм купила их в одном магазинчике в понедельник, одиннадцатого мая, днем. Как вы уже наверняка выяснили, в Нью-Йорке таких серег больше нет и никогда не было.

Стеббинс достал свою записную книжку. Крамер строго спросил:

— Откуда вам известно?

— Навел справки. Я привожу вам факт, а откуда он у меня, это уж мое дело. Серьги она увидела в витрине, выписала за них чек и ушла. Поскольку у вас есть доступ к корешкам ее чековой книжки, вы найдете этот магазин и все проверите, хотя мне трудно придумать для вас более бессмысленную трату времени. За достоверность этого факта я вам ручаюсь, и если вы поразмыслите над ним, вы поймете, что он чрезвычайно важен.

— Чем именно?

— Нет, нет. Истолковывайте уж его сами. Я привожу вам только факты. Вот еще один. Вы Сола Пэнзера знаете?

— Да.

— Вчера он пошел в Ассоциацию помощи перемещенным лицам, сказал, что его зовут Леопольд Хэнм и что остановился он в дешевой гостинице на Первой авеню. Говорил он как с мисс Анджелой Рапп, так и с неким мистером Чэйни. Сообщил им, что в Соединенные Штаты он въехал незаконно, боится,

не разоблачили и не выслали из страны. И просил их о помощи. Они ответили ему, что людям в такоч положении помочь они ничем не могут, посоветовали ему обратиться к какому-либо адвокату и назвали имя Дэниса Хорана. Сол сходил к мистеру Хорану, побеседовал с ним и вернулся к себе в гостиницу. Около восьми вечера к нему в номер явился человек и предложил помочь за десять тысяч долларов. Мистер Пэнзер сообщит вам все подробности. Ему были даны сутки на то, чтобы он наскреб денег, сколько сумеет, и когда этот человек ушел, мистер Пэнзер последовал за ним. В этом ему нет равных.

— Знаю, что нет. Ну, а потом?

— Дадим слово мистеру Гудвину. Пока он не начал, должен вам объяснить, что я выдвинул предположение относительно того мужчины, который ехал в машине с женщиной, когда она послала мальчика за полицией. Я предположил, что это был Мэтью Берч.

Крамер широко раскрыл глаза.

— Почему Берч?

— Не стану разъяснять, поскольку это мое предположение полностью подтвердилось. Это был Берч. Вот вам еще один факт.

— Докажите. Это еще нужно обосновать.

— Это сделает мистер Гудвин. Арчи, начни с того, как Фред позвонил вчера вечером, и рассказывай все подряд.

Я начал говорить. Мне и раньше было известно, что когда-то все это придется выкладывать, поэтому во время своего ночного дежурства в гостиной я почти битый час, с половины четвертого до половины пятого, тщательно перебирал в голове все подробности и решил тогда, что опустить нужно лишь два существенных момента: способ, которым мы вызвали Игэна на откровенность, и его записную книжку. О книжке говорить не следовало, и я ничего не сказал. Еще когда мы совещались у Вульфа в комнате, он подчеркнул, что если окажется, что книжка эта является важной уликой, то заявить о ней нам придется, но только при этом условии и ни при каком другом. Опустив эти два момента, я подробно рассказал обо всем. Стеббинс начал было записывать, но оставил это занятие где-то на середине моего повествования. Для него все это было чересчур. Я передал ему револьвер Морта и продемонстрировал плоскогубцы, губки которых были обмотаны

черной изоляционной лентой, чтобы не повредить кожу и не оставить на ней кровоподтеков.

После того как я кончил говорить, Крамер и Стеббинс долго смотрели друг на друга. Затем Крамер обратился к Вульфу:

— Тут надо еще кое в чем разобраться.

— Да,— согласился Вульф, — действительно, надо.

Крамер спросил Стеббинса:

— У нас этот Игэн проходил?

— О таком не слыхал, хотя в отделе по расследованию убийств всю жизнь работаю.

— Позвони Роуклифу, скажи, пусть немедленно проверит его.

Я поднялся из своего кресла, Пэрли сел на мое место и набрал номер. Пока он говорил, Крамер сидел, хмуро разглядывая зажатую в руке сигару и задумчиво водя по зубам костяшками пальцев другой руки. Со стороны это выглядело так, будто он пытался окончательно решить — бросить ему жевать сигары или нет. Когда Пэрли кончил говорить по телефону и вернулся на свое место, Крамер перевел взгляд на Вульфа.

— Хоран запутан по уши в этой истории, но пока мы не имеем права задерживать его здесь.

— Я его и не держу. Он сам не желает расставаться со своим клиентом.

— Ну да, знаю. Должен признать, вы все это ловко придумали. Сразу стало видно, что за штучка этот Хоран. Если Игэн у нас заговорит, то дело будет закончено.

Вульф покачал головой:

— Игэн может и не назвать убийцу. Вполне возможно, что об этих убийствах ему известно так же мало, как и вам.

Колкость была, пожалуй, слишком язвительной, но Крамер пропустил ее мимо ушей.

— Возможность сознаться мы ему предоставим, — заявил он.- Даже не одну. Мне еще нужно во всем этом разобраться. Пока ведь не доказано окончательно, что в машине рядом с женщиной сидел Берч. А если предположить, что это был не он? Если допустить, что это один из тех бедолаг, которые у них на крючке. А женщина как раз была членом их шайки и [illegible] звонит Игэну и наводит его на очередн[illegible] что этот мужчина хотел ее убить. [illegible] полицию позвать. От

каким-то образом отделались, но в тот день вечером ей удалось захватить Берча, который и стоял во главе всей шайки, и он убил его. Но теперь он понимает, что мальчик может его опознать — он, кстати, вполне мог и эту женщину потом убить, но тело ее пока не найдено, — и на следующий день убивает мальчика. Потом, раз он знает, что Ассоциацию возглавляет миссис Фромм, он убивает и ее. Бог мой, теперь же все становится ясней ясного — эта шайка вымогателей и участвует в ней Хорана. А люди, подобные тем, от отчаяния пойдут на все, в Нью-Йорке их тысячи, въехали сюда незаконно, боятся, что из страны их вышвырнут в два счета. Для вымогателей они просто клад. Где-то должен быть список тех, кого эти подонки надували, вот бы достать его. Готов побиться об заклад, что имя убийцы в том списке. Согласны?

— Нет.

— Что-нибудь не так? Почему нет?

— Вы недостаточно во всем разобрались, мистер Крамер. Но коль скоро вы так ухватились за версию, что преступником является якобы жертва вымогателей, то вы явно в затруднительном положении. Совершено три убийства. Даже если предположить, простоты ради, что действовал только один убийца, то разве со всех остальных, кто мог быть замешан, подозрения уже сняты?

— Нет.

— А с кого сняты?

— Окончательно ни с кого. Тут, конечно, свои трудности. К примеру, миссис Хоран утверждает, что в пятницу вечером ее муж вернулся домой через десять минут после того, как он вышел проводить миссис Фромм до машины, что он лег спать и всю ночь провел дома. Но ведь это свидетельство жены о своем муже. Если вы уже можете назвать предполагаемого преступника, не стану вам мешать, я весь внимание. Вы кого-нибудь подозреваете?

— Да.

— Черт подери! Назовите же его.

— Вопрос был поставлен: подозреваю ли я кого-нибудь, а не могу я назвать преступника или нет. Возможно, через час или через неделю я смогу назвать его, но только не сейчас.

Крамер проворчал:

— Одно из двух. Либо вы здесь на публику рабо

...есть, мною что-то скрываете. Я признаю, что улов у вас
...ольшой: эта шайка вымогателей. Итэн да и с Хораном
...тоже здорово подвезло — премного вам обязан. Отлично.
Но среди них убийцы нет. Хотите честную игру, пожа-
луйста, я к вашим услугам. Я рассказываю вам все,
что мы раскопали, спрашивайте, что угодно, — мне ясно,
вам нужно именно это, — а вы в свою очередь тоже
выкладывайте мне все, что есть у вас.

При этих словах Стеббинс скрипнул креслом, но тут же попытался сделать вид, что это не он.

— Теоретически,— сказал Вульф,— это честное и откровенное предложение, но фактически оно бессмысленно. Потому что, во-первых, я уже и без того рассказал вам обо всем, что у меня есть, а во-вторых, у вас нет ничего такого, что могло бы понадобиться мне или что я хотел бы знать.

Крамер и Стеббинс уставились на Вульфа, в их взглядах сквозило удивление и подозрение одновременно.

— Вы уже сказали мне,— продолжал Вульф,— что сейчас, спустя более трех дней после убийства миссис Фромм, подозрение ни с кого не снято. Для меня этого вполне достаточно. На сегодняшний день у вас накопилась масса всевозможных донесений и показаний — десятки тысяч слов. И я охотно допускаю, что там можно обнаружить факт или фразу, которые представили бы для меня интерес, но даже если вы принесете все эти бумаги сюда, рыться в них я не стану. Ну, например, сколько страниц у вас накопилось в деле мисс Анджелы Райт,— что она собой представляет, ее знакомства, связи, последние контакты.

— Хватит,— проворчал Крамер.

— Разумеется. Не стану утверждать, что все это ни к чему. Такие груды справок часто помогают получить тот или иной ответ на вопросы, которые возникают в ходе следствия. Однако очевидно, что в данном случае ни к какому ответу они вас не приблизили ни на йоту, иначе сейчас вы попросту не сидели бы здесь. Нашел бы я в ваших досье ответ на такой вопрос: почему человек, который убил мальчика среди бела дня, когда на улице было полно народу, пошел на такой риск, не опасаясь, что кто-то из прохожих может запомнить его, а потом опознать? Или на такой: как объяснить эту историю с серьгами — миссис Фромм потеряла их одиннадцатого мая, девятнадцатого мая они

женщине, а двадцать второго — их опять надевает миссис Фромм? Кроме этого, нам о серьгах что-нибудь известно? Носил их кто-нибудь когда-нибудь?

— Нет.

— Вот и ответы на все мои вопросы, но, поскольку я не могу сказать вам, какие это ответы, если не назову предполагаемого преступника, с этим придется подождать. А пока...

Вульф умолк, потому что дверь из передней вдруг приоткрылась ровно на столько, чтобы Фреду Дэркину просунуть голову и подать мне знак выйти. Я встал, но Вульф спросил его:

— В чем дело, Фред?

— Сообщение для Арчи от Сола.

— Говори. От мистера Крамера у нас секретов нет.

— Слушаюсь, сэр. Хоран хочет поговорить с вами, прямо сейчас. Срочно.

— Знает он, что здесь мистер Крамер и мистер Стеббинс?

— Нет, сэр.

Вульф обратился к Крамеру:

— Этот тип Хоран — гиена на двух ногах. Меня он просто раздражает. Думаю, что вы предпочли бы допросить его у себя, да и тех двоих тоже. Почему бы вам не забрать их отсюда?

Крамер испытующе посмотрел на Вульфа. Затем он вынул сигару изо рта и, подержав ее с полминуты в руке, опять прикусил зубами.

— Я уже было считал,— начал он не совсем решительно,— что собственными глазами видел, как вы расставили здесь все свои мудреные сети, которые только можно расставить. И вот нате вам, еще одна. Будь я проклят, если я хоть что-нибудь понимаю! Хоран и этот адвокат Мэддокс сидели у вас вот здесь, а вы их выставили, Пола Каффнера тоже. Сейчас Хоран и те двое у вас в гостиной, а вы даже не желаете их видеть и все равно утверждаете, что напали на след убийцы. Я слишком хорошо вас знаю, потому и не спрашиваю, почему, но мне бы чертовски хотелось это выяснить.

Он повернул голову в сторону Фреда.

— Давай Хорана сюда.

Не двигаясь с места, Фред смотрел на Вульфа. Тот тяжело вздохнул.

— Выполняй, Фред.

Какое-то мгновение мне казалось, что Дэннис Хоран действительно повернется и уйдет. Он вошел быстрым уверенным шагом, как человек, имеющий какую-то определенную цель, резко остановился, увидев, что мы не одни, сделал еще четыре шага и, узнав Крамера, встал как вкопанный. Тут-то я и подумал, что он собирается удрать.

— О-о! — воскликнул он.— Не стану вам мешать.

— Вы не помешаете,— успокоил его Крамер.— Присаживайтесь. Речь как раз шла о вас. Если хотите что-то сказать, выкладывайте. Мне уже известно, как вы очутились здесь.

Учитывая обстановку, в которую он попал, и все обстоятельства, а также нелегкую бессонную ночь перед этим, надо сказать, что владел он собой довольно хорошо. В считанные секунды ему пришлось решать, следует ли как-то менять тщательно разработанный план своего поведения из-за непредвиденного присутствия здесь представителей закона, и, по всей вероятности, он справился с этой задачей за то время, пока ставил между Стеббинсом и Крамером кресло и усаживался в него. Усевшись, он перевел взгляд с Крамера на Вульфа, потом опять на Крамера.

— Я рад, что вы здесь,— сказал он.

— Я тоже,— заявил Крамер.

— Потому что,— продолжал Хоран,— вы, возможно, считаете, что мне следует извиниться перед вами, а я с этим согласиться не могу.— Тенор у него упал тона на два ниже.— Вы, вероятно, полагаете, что мне следовало бы рассказать вам о беседе, которая произошла в пятницу вечером между миссис Фромм и мной.

Взгляд Крамера стал еще тяжелее.

— Вы ведь уже рассказывали нам об этом.

— Да, но не все. Мне пришлось принимать чрезвычайно трудное решение, и я думал, что поступаю правильно, но сейчас такой уверенности у меня уже нет. Миссис Фромм сообщила мне, что могло бы повредить Ассоциации помощи перемещенным лицам в случае, если бы это получило огласку. Она была президент, а я — юрисконсульт Ассоциации, поэтому то, что она сообщила мне, огласке не подлежало. Разумеется, как правило, юристу не полагается держать подобные [illegible] в тайне, но мне пришлось решать [illegible]

...го случай, когда на первое место выступают интересы общественности. И я пришел тогда к заключению, что в этом вопросе Ассоциация вполне может положиться на мое благоразумие.

— Думаю, если мы сейчас заглянем в протокол, то увидим, что вы тогда ни единым словом не намекнули на то, что утаиваете какие-то сведения.

— Да, пожалуй,— согласился Хоран.— Скорее всего, я в тот раз заявил, что рассказывал обо всем, о чем у нас с ней шла речь, но ведь теперь вы знаете, как все получилось.— Хоран решил было улыбнуться, но тут же передумал.— Я принял тогда одно решение, только и всего, а сейчас считаю, что оно было неверным. Во всяком случае, в настоящее время я хочу свое прежнее решение изменить. В тот вечер, после ужина миссис Фромм отвела меня в сторону и рассказала мне нечто потрясающее. По ее словам, она получила информацию о том, что некто, связанный с Ассоциацией, снабжает какого-то вымогателя или шайку вымогателей фамилиями людей, которые проживают в стране нелегально; что людей этих преследуют, что вымогателем или главарем этой шайки является некий Мэтью Берч, которого убили во вторник ночью, что в этих делах замешан человек по имени Игэн и что...

— Вы разве не адвокат Игэна? — строго спросил Крамер.

— Нет. Это ошибка. Я поддался минутному порыву. Потом я все обдумал и уже поставил Игэна в известность, что быть его адвокатом я не смогу. Миссис Фромм сообщила мне также, что вымогатели встречаются в гараже на Десятой авеню, она сказала, как называется гараж, и дала мне адрес. Ей хотелось, чтобы я пошел туда той же ночью, в пятницу к двенадцати часам. Она сказала еще, что в гараже на второй колонне слева есть кнопка и что я должен нажать на нее и подать сигнал: два коротких звонка, один длинный и еще один короткий, а после этого пойти в конец гаража и спуститься по лестнице в подвал. Она предоставила мне самому решать, как вести себя с теми, кого я застану там, но она настаивала, что главное — не допустить скандала, который мог бы скомпрометировать Ассоциацию. Это так на нее похоже! Всегда думала только о других, о себе — никогда.

Хоран замолчал, сделав вид, будто на него нахлынули воспоминания.

Крамер спросил:

— И вы пошли?

— Вы же знаете, что нет, инспектор. Как вам уже говорила моя жена и я сам, я проводил миссис Фромм до машины, вернулся домой и лег спать. Я обещал миссис Фромм обдумать все это. Возможно, я и пошел бы в гараж на следующий вечер, в субботу, но утром пришло известие о смерти миссис Фромм, и этот страшный удар...

Хоран опять выдержал паузу. Затем продолжил:

— Откровенно говоря, я надеялся, что вы найдете убийцу и установите, что между этим преступлением и деятельностью Ассоциации не было никакой связи. Поэтому я и не стал ничего вам рассказывать о нашей с ней беседе. Но прошло воскресенье, понедельник, и у меня возникли опасения, что я совершил ошибку. Вчера вечером я решился кое-что предпринять. Около двенадцати ночи я поехал в этот гараж, завел машину прямо внутрь и там на второй стойке отыскал кнопку. Я нажал ее, дал точно такой сигнал, как мне сказала миссис Фромм, и услышал ответный сигнал, звонок. Только я направился в глубь гаража, как какой-то человек, прятавшийся поблизости, навел на меня револьвер и приказал мне идти, куда он укажет. Я подчинился. Он довел меня до лестницы и приказал спускаться. Внизу стоял другой человек с пистолетом, его я узнал — это был Арчи Гудвин.

Движением головы он показал на меня, но я никак не отреагировал на это. Он продолжал:

— Я видел его в субботу вечером в этом кабинете. Поскольку больше мне нечего было бояться за свою безопасность, я, естественно, возмутился тем, что на меня наведено оружие, и выразил по этому поводу протест. Гудвин позвал из какой-то комнаты еще одного человека, тоже с оружием, меня поставили лицом к стене и велели стоять так. Этого мужчину я уже видел раньше. Он приходил ко мне на прием вчера утром, назвался Леопольдом Хэймом, и я...

— Знаю,— отрывисто бросил Крамер. - Кончайте с гаражом.

— Конечно, инспектор, как вы хотите. Через некоторое время Гудвин велел этому человеку, он называл его Сол, привести меня в комнату. Там уже были трое, один явно тоже с Гудвином, а еще двое [illegible] на полу со связанными ногами. Гудвин сказа[illegible]

Час назад он позвонил Ниро Вульфу, и извинился передо мной. Затем он начал говорить с теми двумя на полу, сказал, что они совершили уголовное преступление и что он повезет их к Вульфу на допрос. После этого Гудвин сообщил одному из них, тому, которого он называл Игэн, что я адвокат и, возможно, дам согласие представлять интересы Игэна. Когда этот человек попросил меня об этом, я согласился, а теперь должен признать, что мое решение было необдуманным. Я объясняю это, хотя и не оправдываюсь перед вами за случившееся, тем, что я не совсем владел собой в тот момент. Мне отдавали приказы вооруженные люди, и, кроме того, меня возмутило самовольное решение Гудвина везти этих двоих в дом к своему шефу, тогда как согласно закону полагалось уведомить обо всем представителей власти. Как бы то ни было, я согласился и приехал с ними сюда, где меня и продержали всю ночь. Я...

— Нет,— возразил я.— Вношу поправку. Не продержали. Я вам несколько раз говорил, что вы можете уйти, как только захотите.

— Но вы задерживали их, а меня удерживало глупое обязательство, которое я дал раньше. Признаю, что оно было неразумным, и сожалею о нем. Я проанализировал все эти события и вынужден был прийти к заключению, что смерть миссис Фромм все же могла быть как-то связана с деятельностью Ассоциации, а в этом случае рассказать обо всем — мой прямой долг. Именно его я сейчас и выполняю — полностью и искренне, и надеюсь, что тем самым помогаю вам.

Хоран достал из кармана платок и вытер лоб, лицо и шею.

— У меня не было возможности совершить утренний туалет,— произнес он извиняющимся голосом.

Он нагло лгал. У нас была отлично оборудованная ванная, двери из которой выходили как в коридор, так и в кабинет, и Хоран в ней побывал. Если же тогда он, не решив еще, что «выполнит свой долг полностью и искренне и поможет тем самым полиции», не захотел упускать Игэна из виду даже на такое короткое время, которое требуется, чтобы умыться, то это уж его дело.

Взгляд Крамера отнюдь не смягчился.

— Мы всегда благодарны за помощь, мистер Хоран,— сказал он, однако в голосе его благодарности

явно не прозвучало.— Даже когда она несколько запоздала. Кто слышал ваш разговор с миссис Фромм?

— Никто. Как я сказал, она отвела меня в сторону.

— Кому-нибудь вы это рассказывали?

— Нет. Она велела мне молчать.

— Кого именно она подозревала?

— Я сказал вам. Мэтью Берча и человека по фамилии Игэн.

— Нет. Я имею в виду, кто из людей, которые имеют отношение к Ассоциации.

— Она не сказала. У меня создалось впечатление, что никого конкретно она не подозревала.

— От кого она получила эти сведения?

— Не знаю. Она мне не сказала.

— В это трудно поверить,— Крамер явно сдерживался.— Она все описала с такими подробностями: имена Берча и Игэна, название и адрес гаража, даже кнопку на столбе и как подавать сигнал. Что же, и она не сказала вам, откуда все это стало ей известно?

— Нет.

— А вы у нее спрашивали?

— Разумеется. Но она ответила, что не может ничего сказать мне, так как сообщили ей об этом строго конфиденциально.

Мы не сводили с Хорана глаз, все четверо. Его же глаза с воспаленными красными веками и длинными ресницами остановились на Крамере. Всем нам, включая и самого Хорана, ситуация была предельно ясна. Мы знали, что он врет напропалую, и ему было отлично известно, что мы это знаем. Он увяз в этом деле по уши и теперь старался выкарабкаться. Ему пришлось срочно выдумывать, точнее высасывать из пальца нечто такое, чем можно было бы объяснить и свою поездку в гараж, и особенно то, почему он нажал кнопку и подал условный сигнал — и надо сказать, в целом со своей задачей он справился. Миссис Фромм была мертва, и ссылаться на нее теперь можно было как угодно, а раз Берч тоже мертв, Хоран ничем не рисковал, называя его имя. Вся трудность заключалась в Игэне. Совершенно не принимать его в расчет Хоран не мог, тот был за стенкой, в соседней комнате. Но и допрашивать Игэна он тоже никак не мог, ведь это означало бы стать адвокатом вымогателя, чья преступная деятельность изобличена, причем разоблачение могло затронуть Ассоциации, юрисконсультом которой являлся

Хоран, — нет, разумеется, об этом нельзя было вести и речи. В общем, Игэна приходилось бросать волкам на растерзание. Мне, во всяком случае, все представлялось именно так, и поскольку кто-кто, а уж я-то отлично знал остальных троих и наблюдал за выражением их лиц, когда они смотрели на Хорана, мне ясно было — точно такая же картина рисовалась и им.

Крамер посмотрел на Вульфа, вопросительно подняв брови. Вульф покачал головой. Крамер сказал:

— Пэрли, приведи Игэна.

Пэрли встал и вышел. Хоран удобнее расположился в кресле, став как-то внушительнее, и сел прямо. Пружина закручивалась все туже, но он сам напросился на это.

— Вы же понимаете,— обратился он к Крамеру,— что этот человек, по всей вероятности, отпетый уголовник и терять ему нечего. Вряд ли его показания могут заслуживать доверия.

— Да-да,— только и сказал Крамер, ничего больше не ответив.— Гудвин, не могли бы вы поставить кресло для Игэна вон там, рядом с вами, чтобы он сидел лицом ко мне?

Я выполнил его просьбу. Выходило, что Стеббинс теперь окажется между Игэном и Хораном. А Вульф сможет видеть Игэна только в профиль, но раз он не стал возражать, я поставил кресло, как просил Крамер. Пока я занимался этим, Стеббинс уже привел Игэна.

— Давайте его сюда,— сказал я Стеббинсу, и он подвел Игэна к креслу.

Усаживаясь, «отъявленный уголовник» пристально смотрел на Дэниса Хорана, но тот не удостоил его взглядом. Хоран не сводил глаз с Крамера.

— Ты Лоуренс Игэн? — осведомился Крамер.— А зовут тебя Липс Игэн?

— Да, это я.— Голос у Игэна был хриплый, и он откашлялся.

— Я инспектор полиции. Это - Ниро Вульф. Скоро мне о тебе доложат. Приводы в полицию у тебя есть?

Игэн помешкал с ответом, потом буркнул:

— Вот доложат и узнаете.

— Узнаю, а пока я тебя спрашиваю.

— Пускай лучше доложат. А то, может, я забыл.

Крамер не стал настаивать.

— Вот этот человек, рядом с тобой, Арчи Гудвин, рассказывал мне все, что произошло вчера, начиная

с того, как ты зашел к одному человеку в гостиницу на Первой авеню — думал, что его Леопольд Хэйм зовут,— и кончая тем, как тебя привезли сюда. Обо всем этом я с тобой после поговорю, а пока хочу сказать, как обстоят твои дела. Ты, может, думаешь, что тут сидит твой адвокат, который выгораживать тебя станет, так вот — не думай. Мистер Хоран говорит, что уже сказал тебе, что не может, да и не намерен представлять тебя в качестве адвоката. Сказал он тебе об этом?

— Да-а.

— Не мямли. Громче отвечай.

— Да!

— Когда?

— Примерно полчаса назад.

— Значит, тебе известно, что тебя здесь никто не представляет, как адвокат. Тебе будут предъявлены два обвинения: вооруженное нападение и преднамеренное вымогательство. По первому есть два свидетеля — Фред Дэркин и Арчи Гудвин, так что с этим все ясно. Но ты, наверно, думаешь, что по второму — свидетель только один, Сол Пэнзер, он же Леопольд Хэйм, так вот здесь-то ты и ошибаешься. Его показания мы теперь можем подкрепить другими. Мистер Хоран говорит, что в пятницу вечером один вполне надежный человек, который по своему положению был в курсе дела, сообщил ему, что ты замешан в вымогательстве денег у людей, которые въехали в страну нелегально. Он говорит, что обещание представлять тебя в качестве адвоката было дано им необдуманно, это был порыв, о котором он теперь сожалеет. Он говорит, что не станет адвокатом такого отпетого уголовника, как ты. Он

— Этого я не говорил,— взвизгнул Хоран. Я только...

— Молчать! — рявкнул Крамер.— Еще одно слово, и я удалю вас отсюда. Говорил, он тебе сообщил, что Игэн в шайке вымогателей? Да или нет?

— Да.

— Говорил, что не желаете быть его адвокатом?

— Да.

— Называли его отпетым уголовником?

— Да.

— Тогда помолчите, пока нас не выставили.

Крамер опять обратился к Игэну. — Думаю, тебе небезынтересно знать, что нам порассказал тут мистер Хоран, чтобы уличить тебя в вымогательстве, нам его пока-

...Леопольд Хэйм был не первым, ...доберемся и до остальных. Так что меня ...нтересует. Хочу кое о чем спросить тебя в присутствии мистера Хорана. Встречался ты с ним когда-нибудь раньше, до того, как вы увиделись этой ночью?

Игэн ритмично задвигал челюстью, язык он свой жевал что ли, во всяком случае, что-то он точно жевал. В углу рта у него выступила слюна, которую он вытер тыльной стороной ладони. По-прежнему работая челюстью, он сцепил пальцы рук и крепко сжал их. Раздумывал он чертовски долго.

— Ну? — осведомился Крамер.

— Мне надо подумать,— буркнул Игэн.

— Шевелись быстрее. Не будь дураком. Ты у нас вот где сидишь,— Крамер поднял руку и сжал ее в кулак,— за нападение и вымогательство. Вопрос простой: встречался ты с мистером Хораном до того, как вы увиделись этой ночью?

— Ну, кажется. Слушайте, может, мы с вами сумеем договориться?

— Нет. Договариваться не будем. Вот если окружной прокурор и судья пожелают от тебя какие-нибудь сведения получить — это их дело. Часто они на такое идут, сам знаешь.

— Ну, знаю.

— Тогда отвечай на вопрос.

Игэн глубоко вздохнул.

— Да, черт подери, вы правы, я встречался с ним раньше. Много раз. Десятки раз.— Он злобно посмотрел на Хорана.— Верно, приятель? Продал, сволочь, гад ползучий!

— Это ложь,— хладнокровно произнес Хоран, глядя Игэну прямо в налитые злобой глаза. Он обратился к Крамеру: — Вы сами подвели его к этому, инспектор. Вы спровоцировали его на такое заявление.

— Тогда,— съязвил Крамер,— спровоцирую-ка я его еще кое на что. Как имя мистера Хорана?

— Дэннис.

— Где его адвокатская контора?

— В Восточном районе, на Сорок первой улице, дом 121.

— Где он живет?

— Грэмерси-Парк, 315.

— Какая у него машина?

— «Крайслер», седан, модель пятьдесят первого года.

— Какого цвета?
— Черного.
— Его служебный телефон?
— Р-34141.
— Домашний?
— Р-86307.

Крамер обратился ко мне:

— Была у этого человека хоть какая-то возможность получить эти сведения минувшей ночью?

— Не было.

— Тогда этого нам пока достаточно. Мистер Хоран, вы задержаны как важный свидетель по делу об убийстве. Пэрли, отведи его в соседнюю комнату... кто там сейчас?

— Дэркин и Пэнзер с этим Эрвином.

— Скажи им, пусть подержат там Хорана, и приходи назад.

Хоран поднялся. Он был спокоен и преисполнен достоинства.

— Предупреждаю вас, инспектор, вы совершаете грубую ошибку, о которой еще пожалеете.

— Посмотрим, мистер Хоран. Проводи его, Пэрли.

Хоран, а за ним Пэрли вышли. Крамер встал, подошел к мусорной корзине у моего стола и, выбросив в нее остатки своей сигары, опять уселся в красное кожаное кресло. Он хотел было что-то сказать Вульфу, но, увидев, что тот сидит, откинувшись в кресле, с закрытыми глазами, передумал. Вместо этого он спросил у меня, слышно ли его в соседней комнате, на что я ответил отрицательно — стена была звуконепроницаема. Вернулся Пэрли и направился к своему креслу Крамер обратился к Игэну:

— Ладно, давай напрямик. Хоран в вашей шайке?

— Сначала договориться надо, — упрямо возразил Игэн.

— Какого дьявола! — с отвращением рявкнул Крамер. — Ты же сидишь по уши! Да будь у меня этих договоров полные карманы, ни один бы не стал на тебе изводить. Нужны тебе смягчающие обстоятельства, так их еще заработать надо. Вот давай быстрей и выкладывай. Хоран у вас в шайке?

— Да.

— Чем именно он занимается?

— Говорит мне, как и что лучше обмозговать с этими ну, которые хотят, чтоб у них все в норме было. Он

... черт бы его подрал! А то и сам наведет ... ого. Вот и на этого Леопольда Хэйма навел, про... он пропадом.

— Деньги ты ему отдавал?

— Нет.

— Никогда?

— Нет, ему кусок от Берча идет. Шел, то есть.

— А тебе откуда это известно?

— Берч говорил.

— Как ты начал этим заниматься?

— Да Берч все. Пару лет назад предложил мне, я согласился, ну и все завертелось. Месяца через три-четыре в Бруклине с одним там что-то не заладилось, ну, Берч тогда и устроил мне в этом гараже встречу с адвокатом, чтоб разузнать у того, кто и что. Адвокат был Хоран. Так я с ним и встретился впервые, а уж потом-то мы виделись, не знаю, раз двадцать.

— И все время в гараже?

— Все время. Кроме как в гараже, я его вообще нигде не видел, но по телефону разговаривал.

— Есть у тебя что-нибудь, его рукой написанное? Может, посылал тебе что или сам давал?

— Нет.

— Ни одного клочка? Ничего?

— Говорю нет. Ублюдок вонючий!

— Присутствовал кто хотя бы на одной из твоих встреч с Хораном?

— Ясное дело, Берч сколько раз был.

— Он мертв. А еще кто-нибудь?

Игэн стал вспоминать.

— Нет.

— Ни разу?

— В подвале вместе с нами нет. Ночной сторож в гараже, Бад Хэскинс, уж он-то точно видел, всякий раз, как тот приходил.— Глаза Игэна загорелись.— Бад его видел, точно!

— Без сомнения,— на Крамера это сообщение Игэна не произвело особого впечатления.— К этому Хоран уже подготовился или думает, что подготовился. Скажет, как можно не верить ему, всеми уважаемому представителю закона, и верить какому-то отъявленному уголовнику вроде тебя, которого дружок выгораживает, да еще добавит, что ты этого Хэскинса подговорил. Не скажу, конечно, что Хэскинс для нас тут совсем бесполезен... Вы куда?

Вульф поднялся, отодвинул кресло, встал и уже сделал шаг в сторону. Он посмотрел на Крамера сверху вниз.

— Наверх. Девять часов.

Пройдя между своим столом и Крамером, он двинулся дальше. Крамер возмутился:

— Вы, в самом деле... Вы уходите сейчас, когда...

— Когда что? — спросил Вульф. На полпути к двери он обернулся: — Вы загнали этого негодяя в угол и теперь вытягиваете из него показания, чтобы доказать участие другого негодяя, этого отвратительного Хорана, в самом бесчестном и подлом из известных доселе предприятий. Признаю, что это необходимо, в самом деле вы замечательно провели допрос, но я вам уже помог и больше вам не нужен. Да и потом, я не вымогателей разыскиваю, а убийцу. Мой режим вам известен. В одиннадцать часов я к вашим услугам. Был бы вам весьма признателен, если бы вы очистили мой дом от этих ничтожеств. С неменьшим успехом вы можете заняться ими в другом месте.

— Да уж будьте уверены, займусь! — Крамер встал.— Я забираю с собой и ваших людей, всех четверых: Гудвина, Пэнзера, Дэркина и Кэтера, и не знаю пока, когда мы сможем их отпустить.

— Первых троих можете забирать, а мистера Кэтера — нет. Его нет здесь.

— Мне он нужен. Где он?

— Он не может пойти с вами. Он на задании. Неужели вам мало всего того, что я дал вам за одно только утро? Арчи, ты не помнишь, Орри куда отправился?

— Нет, сэр. Не могу вспомнить, хоть убейте.

— Хорошо. Тогда и не вспоминай. Он повернулся и вышел из кабинета.

15

Мне еще ни разу не приходилось видеть столько всякого начальства за один день, сколько за эти восемь часов с девяти утра до пяти вечера во вторник, спустя ровно неделю после того, как Пит Дрессер прибежал к Вульфу посоветоваться насчет своего дела. В десятом участке — не кто иной, как заместитель начальника полиции. На Центральной улице, дом 240 —

...комиссар. На улице Леонардо, 155 — ...ский прокурор, собственной персоной, а по ...стороны от него сидели его помощники и среди них ...вельбаум.

Голову мне это, однако, не вскружило, ведь я-то понимал, что заварилось все не из-за моей выдающейся личности. Во-первых, расследование убийства миссис Фромм, связанного, как выяснилось, еще с двумя убийствами, топталось на месте вот уже целых четыре дня. Одного этого с избытком хватило бы на десятки литров чернил в день, не говоря уже о громогласных сотрясениях воздуха. Во-вторых, в связи с приближающимся избранием мэра всякого рода предвыборные махинации к тому времени были в самом разгаре, поэтому и Боуэн, и Скиннер, и Нири, что называется, землю рыли, стараясь довести расследование до конца как можно скорее. По-настоящему сенсационное убийство, убийство по высшему разряду открывает кое-какие, отнюдь не малые возможности перед тем, кто отдает всего себя служению обществу, кто готов взвалить на свои плечи дополнительную ответственность уже на другом, более широком поприще.

В Манхэттенском отделении по расследованию убийств, в десятом полицейском участке нас развели по отдельным кабинетам, но в этом не было ничего страшного. Единственное, о чем надо было держать язык за зубами, это способ, которым нам удалось разговорить Игэна, и его записная книжка, но Сол и Фред это прекрасно знали. Целый час я просидел в каком-то кабинете со стенографисткой, прежде чем было напечатано мое заявление, которое я прочел и подписал, после чего меня проводили в кабинет Крамера на допрос к заместителю комиссара Нири. Ни Крамера, ни Стеббинса там не было. Нири говорил, пожалуй, немного грубовато, но вполне дружелюбно. Вел он себя так, будто хотел сказать, что, если бы нас с ним оставили наедине минут на сорок, мы бы это дело распутали сами, но вся беда заключалась как раз в том, что не прошло и двадцати минут, как ему позвонили, и он был вынужден отпустить меня. Когда в сопровождении целой свиты я шествовал по коридору, спускался по лестнице к выходу, городские служащие, с которыми я был едва знаком и незнаком совсем, любезно приветствовали меня. Со стороны, вероятно, могло показаться, что мою фотографию обязательно напечатают в

вечерних газетах, а там, кто знает, может, я выставлю свою кандидатуру и на пост мэра. Приветствия я принимал с видом человека, который понимает, в чем дело, какой энтузиазм он вызывает у населения, но который страшно занят.

На улице Леонардо сам окружной прокурор Боуэн держал у себя на столе копию моего заявления и в течение всей нашей беседы то и дело прерывал меня, сверяясь с текстом, находя нужное место и кивая мне с таким видом, будто ему хотелось сказать: «Ну, ладно. Может быть, вы и не лжете, в конце концов». Он не стал поздравлять меня с тем, что нам удалось задержать Эрвина и Игэна и так ловко раскрыть Хорана. Напротив, он даже намекнул на то, что, поскольку я отвез их к Вульфу в дом, а не вызвал полицию в гараж, меня вполне можно было бы засадить на пять лет за решетку, если бы только у него было время основательно заняться всем этим самому. Зная Боуэна, я не придал последним словам особого значения и постарался не выводить его из душевного равновесия. Бедняге и без того приходилось в тот день нелегко. В субботу и воскресенье отдых у него наверняка полетел ко всем чертям, глаза покраснели от недосыпания, телефон трезвонил, не переставая, помощники вбегали и выбегали, а одна из утренних газет в списке наиболее вероятных претендентов на пост мэра напечатала его фамилию четвертой. Ко всему сказанному надо добавить, что, поскольку Сол, Фред и я разоблачили шайку вымогателей, к делу Фромм — Берч — Дроссос теперь наверняка подключается еще и ФБР, которое, как ни больно это было сознавать, могло раскрыть убийства. Не удивительно поэтому, что окружной прокурор не предложил мне пойти с ним куда-нибудь пообедать.

И вообще никто не предложил. Казалось, никому и в голову не приходило поинтересоваться, ел я или нет. А между тем завтракал я еще рано утром. Когда беседа в кабинете Боуэна кончилась, был уже первый час. Мысленно я уже облюбовал один известный мне ресторанчик, где подавали свиные ножки с кислой капустой, но Майзелбаум сказал, что хочет задать мне несколько вопросов, и повел меня за собой в кабинет. Там он уселся за стол, предложил сесть мне и начал:

— Насчет того, что вы вчера предложили мисс Эстай?

Что-нибудь еще?

— Все выглядит иначе. Мой коллега Бонино в данный момент у Вульфа и как раз наводит об этом справки. Давайте не будем ломать комедию и предположим, что Вульф посылал вас к ней с таким предложением. Вы же сами говорите, что противозаконного тут ничего нет, так почему бы нам и не предположить такое?

Мне хотелось есть.

— Ну ладно, давайте предположим, что тогда?

— Тогда можно допустить, что Вульф знал об этой шайке шантажистов до того, как он послал вас к ней с этим предложением. Он считал, что для мисс Эстай будет жизненно важным узнать, что же именно миссис Фромм рассказала об этом Вульфу. Я не жду от вас такого признания, мы подождем, что Вульф сообщит Бонино. Но мне нужно знать, какова была реакция мисс Эстай, что она сказала, дословно.

Я покачал головой:

— Если мы будем и дальше беседовать только в свете ваших предположений, у вас сложится просто неверное представление обо всем. Можно я выскажу другое предположение?

— Давайте.

— Допустим, что ни о каком вымогательстве Вульф ничего не знал, а просто захотел расшевелить их. Допустим, что он не выделял именно мисс Эстай, а просто она оказалась первой в списке. Допустим, что такое же предложение я сделал не только ей, но также миссис Хоран, Анджеле Райт, Винсенту Липскому и сделал бы его еще кое-кому, если бы мистер Вульф не приказал мне вернуться домой, поскольку у него в кабинете сидел Пол Каффнер и обвинял меня в том, что я будто бы вымогал деньги у мисс Райт. Разве такое предположение не выглядит куда интереснее?

— Да, наверняка. Так, так... Ясно. В этом случае я хочу знать, что все они ответили вам. Начинайте с мисс Эстай.

— Мне придется все самому выдумывать.

— Ясное дело, у вас это неплохо получается. Давайте.

Так прошел еще почти целый час. Когда я кончил выдумывать и изобретать ответы на массу закоперщистых вопросов, Мандельбаум собрался уходить, попросив [illegible] его в этом кабинете. Я сказал, что

хотел он поэтому пообедать, но он не разрешил, сказав, что я ему вскоре понадоблюсь. Я согласился ждать. Так прошло еще двадцать минут. Наконец он вернулся, но сказал, что Боуэн опять хочет меня видеть, и вежливо попросил меня пройти к нему в кабинет. У самого же Манделбаума были какие-то другие дела.

Когда я вошел в кабинет к Боуэну, там никого не было. Опять пришлось ждать. Я посидел немного, размышляя о свиных ножках, как вдруг дверь распахнулась и вошел молодой человек с подносом — и возликовал: хоть одна чуткая душа нашлась в этом соломе. Он, однако, подошел к столу Боуэна, даже не удостоив меня взглядом, поставил поднос на промокательную бумагу и вышел. Едва за ним закрылась дверь, я подошел к столу и, приподняв салфетку, увидел весьма аппетитный сандвич с горячей солониной и увесистый кусок вишневого пирога. Там стояла также поллитровая бутылка молока. Создавшееся положение требовало присутствия духа, которого мне было не занимать. У меня ушло секунд восемнадцать на то, чтобы опять сесть в кресло, установить поднос на колени и откусить порядочный кусок сандвича. Я уже было собрался проглотить его, как вдруг дверь открылась, и в кабинет вошел окружной прокурор.

Чтобы не поставить его в затруднительное положение, я сразу же заговорил:

— Благодарю вас, мистер Боуэн, за то, что вы позаботились обо мне и приказали принести это. Не то чтобы я очень проголодался, но знаете, как говорят, подкрепиться никогда не мешает. Да здравствует будущий мэр Боуэн!

И вот тут он показал, из какого он был сделан теста. Какой-нибудь мелкий человек либо отнял бы у меня поднос, либо подошел бы к столу, снял трубку и сказал, что какой-то невежа слопал его обед и что ему в кабинет нужно подать еще один. Он же только неприязненно посмотрел на меня, повернулся и вышел. Вернулся Боуэн через три минуты с другим подносом, который он поставил себе на стол. Не знаю уж, у кого он его конфисковал.

Боуэну нужно было выяснить восемьдесят пять или девяносто вопросов в отчете, которые ему только что представил Манделбаум.

Таким образом, [illegible] три часа, когда меня [illegible] в сопровождении целой свиты доставили на Цент-

...ду, 240; а когда меня ввели в личный ка-
...комиссара полиции Скиннера, было уже около че-
...ти. Если вы думаете, что, вызвав для беседы столь
...ную персону, как я, Скиннер приказал, чтобы его
не отвлекали, разве что произойдут какие-то серьезные
беспорядки, то вы ошибаетесь. Урывками ему все же
удалось задавать мне весьма существенные для след-
ствия вопросы, такие, к примеру, как шел ли дождь,
когда я входил в гараж, обменивались ли Хоран и
Игэн взглядами, как давние знакомые, но по большей
части, когда он не отвечал на звонки четырех стоя-
щих у него на столе телефонов, когда не звонил сам,
не разговаривал с какими-то постоянно входившими
в кабинет личностями или не просматривал принесен-
ные только что бумаги, он расхаживал взад и вперед
по своему просторному, обставленному красивой ме-
белью кабинету с высокими потолками.

Около пяти явился окружной прокурор Боуэн в со-
провождении каких-то двух помощников с набитыми
портфелями. Видимо, у них было намечено совещание
на высоком уровне. Послушать стоило, оно могло ока-
заться весьма поучительным, если только меня не соби-
рались выставить из кабинета, поэтому как можно не-
заметнее я поднялся со стула рядом со столом Скин-
нера, отошел в сторонку и примостился в кресле у
стены. Скиннер был слишком занят и не заметил меня,
остальные же, видимо, полагали, что он приберегает
меня на десерт. Они расселись вокруг стола, и сове-
щание началось. Память у меня хорошая от природы,
да к тому же я ее неплохо натренировал за годы ра-
боты с Вульфом, так что я мог бы полностью воспро-
извести все, что услышал в течение следующего полу-
часа, да только делать этого я не собираюсь. Иначе
в следующий раз, если мне придется вот так же канто-
ваться у стены при переговорах столь мудрых голов,
меня просто-напросто выведут. Да и в конце концов,
кто я такой, чтобы мешать доверительной беседе всеми
уважаемых людей во время их работы на своих столь
ответственных государственных постах?

И все же кое-что такое, о чем надо рассказать, про-
изошло. В самый разгар бурного обсуждения, что им
следует и что не следует сообщать ФБР, их прервали.
Сначала зазвонил телефон и Скиннер что-то проговорил
в трубку, затем открылась дверь и вошел еще один
человек. Это был инспектор Крамер. Подходя круп-

перед шагами к столу, он бросил взгляд на меня, но мысли его витали в более важных сферах. Приблизившись к столу шлотную, он выпалил, не переводя дыхания:

— Этот Уитмер, который сказал, что сумеет опознать водителя той самой машины, что мальчишку Дроссоса сбила, только что на опознании из целой группы мужчин выбрал Хорана. Клянется, что это тот самый.

Все в растерянности уставились на Крамера. Боуэн пробормотал:

— Черт подери!

— Ну так что? — с раздражением спросил Скиннер.

Крамер, нахмурившись, смотрел на него сверху вниз.

— Не знаю. Мне об этом известно стало только минуту назад. Если мы это показание примем, у нас опять все кувырком полетит. Во вторник в машине с женщиной Хоран быть никак не мог. Его алиби во вторник нам и бульдозером не сдвинуть, да и потом мы же предполагаем, что это Берч был. Дальше, зачем Хорану убивать мальчишку? Сейчас, когда он у нас только в вымогательстве обвиняется — тут-то он крепко засел,— из него еще кое-что можно, конечно, выкачать, но если на нем и в самом деле убийство висит, нам его ни в жизнь не расколоть. Мы, понятно, должны учесть показания Уитмера и разобраться до конца, но нам это так все запутает — хуже некуда. Я вам точно говорю, комиссар, нужен какой-то закон против свидетелей-очевидцев, пусть тоже ответственность несут.

С лица Скиннера не сходило недовольное выражение.

— Полагаю, что вы преувеличиваете, инспектор. Очевидцы нередко оказывают существенную помощь следствию. Возможно, это как раз то самое недостающее звено, которого нам так не хватало. Садитесь, и давайте все обсудим.

Крамер только стал пододвигать себе стул, как вдруг зазвонил телефон. Скиннер снял трубку с красного аппарата, первого слева, произнес несколько слов и посмотрел на Крамера.

— Это вас. Ниро Вульф. Говорит, что очень важно.

Я возьму трубку в приемной.

— Нет, говорите здесь. Голос у него ужасно сла[бый].

Обогнув стол, Крамер подошел к Скиннеру сбоку и взял трубку.

Крамер слушает. Что вам нужно?

...ого Крамер почти не говорил, а в основ... слушал. Остальные сидели, наблюдая за выраже... его лица, я — тоже. Видя, как красное лицо Кра... постепенно багровело, а глаза все сужались и су... жались, пока не превратились в щелочки, я уже хотел было вскочить со стула и мчаться прямо на Тридцать пятую улицу, но счел не вполне разумным привлекать к себе внимание. Я сдержался до конца. Когда Крамер положил наконец трубку, зубы у него были стиснуты, а ноздри нервно подрагивали.

— Этот толстый сукин сын,— произнес он, шагнув назад.— Самодовольный, это уж точно. Заявляет, что ему все же удалось отработать гонорар миссис Фромм. Ему нужны сержант Стеббинс и я. Ему нужны шесть человек, которые замешаны больше всего. Ему нужны и Гудвин, и Пэнзер, и Дэркин. Ему нужны три или четыре женщины-полицейские в возрасте от тридцати пяти до сорока лет. Гудвин ему нужен немедленно. Больше ему не нужно ничего.— Крамер обвел всех глазами.— Он сказал, что привезет убийцу. Так и подчеркнул: «Убийцу!»

— Он просто маньяк,— со злостью произнес Боуэн.

— Ради бога, да каким же это образом? — спросил Скиннер.

— Это невыносимо,— сказал Боуэн.— Немедленно доставьте его сюда!

— Он не поедет.

— Примените силу.

— Только если будет ордер.

— Я выпишу вам.

— Тут он рта не раскроет. Внесет залог и все. Потом вернется домой и пригласит их всех сам, но уже без нас.

Все они переглянулись, и каждый увидел на лице другого то же, что видел я. Выбора не было.

Поднявшись с кресла, я радостно произнес:

— До скорой встречи, джентльмены! — и вышел.

16

В близких отношениях с женщинами-полицейскими я никогда не был, однако время от времени они попадались мне на глаза, и должен отметить, что тот, кто

подбирал этих трех для спектакля у Вульфа, имел недурной вкус. Не то чтобы они были сногсшибательными красотками, нет, но я все-таки был бы готов пригласить любую из них в забегаловку на углу и угостить стаканчиком кока-колы. Правда, что немного мешало, так это их профессиональное выражение глаз (которыми они стреляли по сторонам), но поставить это им в вину было бы несправедливо, ведь они находились на службе, да еще и в присутствии инспектора, и вполне естественно, что им надлежало выглядеть собранными, подтянутыми и вообще, что называется, на высоте. Все три пришли в штатском, а на одной отлично сидело какое-то особенно красивое голубое платье в мелкую белую полоску, выглядевшее очень элегантно.

Домой я вернулся еще до того, как начали прибывать приглашенные, и успел сделать Вульфу краткий отчет за минувший день, который его, судя по всему, не очень заинтересовал, а Фрицу и Орри — успел помочь принести и расставить кресла и стулья. Когда первые приглашенные позвонили в дверь, Орри скрылся в гостиной, плотно закрыв за собой дверь. Я только что заходил туда за стульями и видел, кого он там прячет,— это был пожилой мужчина в очках, с покатыми плечами, пояс у него был затянут чересчур туго. Орри представил нас друг другу, и я узнал только, что зовут его Бернард Левин, больше ничего.

Как рассаживать людей, еще раньше указал сам Вульф. В первом ряду сидели шесть женщин. Анджела Райт, Клэр Хоран и Джин Эстай, а между ними — женщины из полиции. Инспектор Крамер сидел в красном кожаном кресле, а слева от него, рядом с Джин Эстай — Пэрли Стеббинс. За спиной Джин Эстай посадили Липса Игэна так, чтобы Стеббинс мог схватить его, в случае, если тот разволнуется и начнет пытать кого-нибудь плоскогубцами. Слева от Игэна во втором ряду сидели Хоран, Линеком и Каффнер. Сол Пэнзер и Фред Дэркин расположились сзади.

Я сказал, что Крамер сидел в красном кожаном кресле, но в действительности пока оно лишь предназначалось для него. Он настоял на том, чтобы поговорить с Вульфом с глазу на глаз, и они ушли с ним в столовую. Не знаю уж, что Крамер хотел от Вульфа, но судя по выражению его лица, когда он входил в кабинет, шагая впереди Вульфа, вряд ли ему удалось добиться своего. Зубы у Крамера были стиснуты, губы поджаты, а лицо

... глядя на собравшихся, и начал ... после того, как Вульф подошел к своему ... ел и него.

... чтобы всем было ясно: вся эта процедура является официальной только до определенной степени. ... приглашены сюда управлением полиции с согласия ...ного прокурора, и это придает встрече оттенок ...циальности, но сейчас Ниро Вульф будет действовать уже исключительно от своего имени, и у него нет права настаивать на том, чтобы присутствующие отвечали на вопросы, которые он захочет задать. Это всем понятно?

Раздались утвердительные голоса. Крамер распорядился:

— Приступайте, Вульф,— и сел.

Вульф посмотрел слева направо, затем — справа налево.

— Мне несколько неловко,— сказал он просто.— До этого я видел только двоих из присутствующих — мистера Хорана и мистера Каффнера. Список мне мистер Гудвин дал, но я хотел бы уточнить, кто есть кто. Вы ... мисс Джин Эстай.

— Да.

— Мисс Анджела Райт.

Та кивнула.

— Миссис Дэннис Хоран?

Да, это моя фамилия. Думаю, что не...

— Пожалуйста, миссис Хоран,— резко оборвал ее Вульф,— если вы хотите что-то сказать, чуть позже. Вы — мистер Винсент Липском?

— Верно.

Вульф опять обвел всех взглядом:

— Спасибо. Пожалуй, мне впервые в жизни прихо... выявлять убийцу из группы людей, с большинством из которых я совершенно не знаком. Возможно, звучит это чересчур самоуверенно, но давайте посмотрим сами. Мистер Крамер вам сообщил, что у меня ... полномочий настаивать на том, чтобы на мои во... были даны ответы, но относительно этого могу вас ... Вопросов я задавать не буду. Ни одного. ...ько, как я буду продолжать, необходимость ... другой может возникнуть, однако я сомне... в этом.

...ер издал звук, отдаленно напоминающий гром... ие. Все посмотрели на него, однако он этого ... Он глаз не сводил с Вульфа.

— Вообще-то я буду задавать вопросы,— продолжал Вульф,— но самому себе, и сам же буду на них отвечать. Дело это настолько запутанное, что вопросов могла бы набраться не одна сотня, но я ограничусь минимумом. К примеру, я знаю, почему миссис Фромм надела эти золотые пауки, когда пришла ко мне в пятницу днем,— они, в числе прочего, должны были помочь ей преднамеренно ввести меня в заблуждение. Но вот для чего она надела их в пятницу вечером, когда поехала на ужин к Хоранам? Очевидно, в надежде, что кое-кто будет поражен при виде этих серег. Еще один пример: зачем мистер Хоран поехал минувшей ночью в гараж? Потому что он понял, что из-за своей жадности поступил глупо, дав Игэну фамилию и адрес Леопольда Хэйма в сложившихся обстоятельствах, и он был встревожен — не без оснований. Полагаю, что...

— Я протестую! — Тенор Хорана срывался на писк.— Это клевета! Инспектор Крамер, вы заявили, что Вульф говорит от своего имени и за свои слова отвечает сам, но за то, что нас привезли сюда, ответственны вы.

— Можете подать на него в суд за клевету,— отрывисто бросил Крамер.

— Мистер Хоран,— Вульф показал на него пальцем,— на вашем месте я не стал бы кипятиться из-за обвинения в вымогательстве. Вы увязли по уши и отлично знаете это, а вот сейчас вам угрожает куда большая опасность — вас могут опознать как убийцу Питера Дроссоса. Избежать тюремной решетки вам, скорее всего, уже не удастся, но с моей помощью вы можете сохранить себе жизнь. Когда мы покончим со всем этим, вы мне будете кое-чем обязаны.

— Это уж точно!

— Прекрасно. Только не пытайтесь возвращать мне свой долг ни в моем, ни в вашем понимании этого слова. Итак, я хотел сказать, что, по моему мнению, большинству из нас ничего не известно о целом предприятии мошенников, вымогавших деньги, что повлекло за собой гибель троих человек, поэтому вы не сможете следить за ходом всех моих рассуждений. Однако с этим можно обождать. Но вот один из нас наверняка сможет это сделать.

Вульф подался немного вперед, локти его остались лежать на подлокотниках кресла, а всеми десятью пальцами он уперся в стол.

Так вот. Не хочу сказать, что я могу назвать преступника без какой бы то ни было помощи, кое-что мне уже подсказали. На днях одному из вас было весьма трудно рассказать мистеру Гудвину о своих действиях в пятницу вечером и во вторник днем, без всякой к тому необходимости. Этот же человек сделал странное замечание, что, мол, прошло пятьдесят девять часов с того времени, как была убита миссис Фромм,— точность необыкновенная! Но все это хотя и имело для меня значение, главным отнюдь не являлось.

Вульф сложил пальцы рук на своем большом животе.

— Однако есть еще два момента, которые свидетельствуют о куда более существенном. Прежде всего — серьги. Миссис Фромм купила их одиннадцатого мая. Какая-то другая женщина носила их девятнадцатого мая. Она, должно быть, либо получила их от миссис Фромм в подарок или на время, либо взяла их тайком. В любом случае, они вновь оказались у миссис Фромм, и та надела их спустя три дня, двадцать второго, в пятницу,— а для чего? Чтобы выдать себя за женщину, на которой эти серьги были во вторник! Следовательно, миссис Фромм знала, кто эта женщина, она в чем-то подозревала ее, и, наконец,— что свидетельствует о самом главном — у нее была возможность либо открыто, либо тайком получить свои серьги обратно.

— И о чем же это свидетельствует? — требовательно спросил Крамер.

— О том, кто эта женщина. Вывод, правда, не окончательный, но дающий пищу для размышлений. Это должна быть женщина, к вещам которой, равно как и к ней самой у миссис Фромм был свободный доступ, независимо от того, как миссис Фромм брала назад свои серьги, тайно или явно. Разумеется, в ваших расчетах, мистер Крамер, все это было, и вы разработали эту версию самым тщательным образом, но безрезультатно. То, что вы накопили огромное количество отрицательных результатов в этом деле, оказало мне неоценимую услугу. Ваши способности помножить два на два бесспорны. Вы знали, что мое объявление о женщине с серьгами в виде пауков появилось в газете в пятницу утром, и что, когда миссис Фромм пришла ко мне снова в пятницу днем, серьги были на ней, и что [illegible] что она вернула себе серьги за столь короткий промежуток времени — два или самое большее три [illegible] собой хорошую рабочую гипотезу.

Вот если бы ей пришлось ехать за ними куда-то далеко, вы бы обнаружили это и сделали соответствующие выводы, тогда здесь бы вы сейчас не сидели. Разве не так?

— Могли бы и не говорить этого,— прорычал Крамер,— о том, что их купила миссис Фромм, я узнал только сегодня утром.

— Но все равно вы знали, что они, по всей видимости, единственные в своем роде. Миссис Фромм купила серьги, когда случайно увидела их в витрине. Мистер Игэн сказал, что женщина, которая звонила ему, называла пароль «Сказал мухе паучок». Возможно, и даже вполне вероятно, что миссис Фромм невзначай услышала, как кто-то пользовался этим необычным паролем, и фактически это могло быть одной из основных причин, которые вызывали у нее подозрение. А когда она увидела серьги в виде пауков, что-то толкнуло ее использовать их в игре.

Вульф глубоко вздохнул, что при его габаритах, если бы проверить на спирометре, наверняка составляло литров восемь, и с шумом выдохнул.

— Продолжаю. Тот, кто задавил мальчика, Пита Дроссоса, странный человек, поступки его труднообъяснимы, а понять мотивы его поведения прямо-таки невозможно. Самое простое предположение, что это тот самый мужчина, который днем раньше ехал в машине с женщиной и который якобы опасался, что мальчик мог бы опознать и наверняка опознал бы его, отпало сразу же, как только я узнал, что в машине сидел Мэтью Берч, которого убили во вторник вечером; но как бы там ни было, поведение этого человека было необычным. Я поставил себя на его место. Допустим, мне почему-то понадобилось убить этого мальчика. Для [illegible] мне нужно подъехать к перекрестку среди [illegible] и когда мальчик появится, если он вообще появится, и если представится возможность, сделать это. [illegible] я могу надеяться, что мое [illegible] и [illegible] считывать мне следует на то, что этот перекресток [illegible] раз. Вокруг будут люди. У них, конечно, не будет повода специально обращать на меня внимание, до того [illegible] случу момент и задавлю мальчика, и тем не [illegible] случайно меня могут заметить многие.— Вульф

сделал вопросительный жест. Что же мне нужно делать? Маску я, разумеется, надеть не могу, но есть ведь и другие средства. Скажем, вполне можно было бы приклеить бороду. Но все возможные средства я отвергаю и изменить внешность даже не пытаюсь. В коричневом костюме и фетровой шляпе я осуществляю свой предельно рискованный замысел — убиваю мальчика. В этом случае очевидно, что я — либо тупица, каких мало... либо женщина! Я склонен считать себя женщиной, хотя бы в качестве рабочей гипотезы. Ведь если я — женщина, все сразу упрощается, поскольку в большинстве ролей могу выступать именно я. Я участвую в вымогательстве, возможно, даже главарь. До миссис Фромм доходят об этом какие-то слухи, их недостаточно для того, чтобы немедленно что-то предпринять, но вполне достаточно, чтобы возбудить в ней подозрение. Она осторожно задает мне вопросы. Дарит мне серьги в виде пауков. Во вторник днем я встречаюсь с Мэтью Берчем, одним из своих сообщников. Он велит мне садиться за руль, что совершенно необычно, потом вдруг достает револьвер и тычет в меня дулом. Какова бы ни была причина такой враждебности, я хорошо знаю, что это за человек, и опасаюсь за свою жизнь. Он приказывает мне ехать куда-то. На перекрестке, где мы останавливаемся на красный свет, к машине подбегает какой-то мальчик и начинает протирать стекло с моей стороны. Его лицо оказывается совсем рядом, и я говорю одними губами: «Помоги! Позови полицию!» Загорается зеленый свет, Берч тычет револьвером мне в бок, и мы уезжаем. Я оправляюсь от испуга, потому что я — тоже сильная натура. Мы куда-то едем, потом каким-то образом в какой-то момент я хватаю его [illegible] и нападаю. Мое оружие — молоток, гаечный ключ, дубинка, его собственный револьвер, но я в него не стреляю. Я оставляю Берча с собой в машине, беспомощного, без сознания, и [illegible] в отдаленный глухой переулок, [illegible] мостовую, переезжаю его, [illegible] машину и отправляюсь домой.

Крамер проговорил отрывисто:

— Все это я и сам мог рассказать. А доказательства?

— [illegible] получите. Назавтра я осознаю, [illegible] представляет для меня опасность, которую [illegible] устранить. Если подозрения миссис

Фромм каким-либо образом укрепится и моя связь с Берчем будет установлена, мальчик сможет меня опознать и подтвердить, что с Берчем в машине была я. Я очень жалею о том, что поддалась минутной слабости, когда попросила мальчика позвать полицию и заставила его тем самым пристально посмотреть на нас. Существования такой опасности допустить я не могу. Поэтому днем, переодевшись мужчиной, я беру машину с того места, где я ее оставила, и проделываю все, как уже говорилось только что. На этот раз машину я ставлю подальше от центра города, а домой добираюсь на метро.

После всего этого я уже, разумеется, представляю собой ущербную личность, этакую самовлюбленную свинью, однако с клыками разъяренного кабана. В пятницу утром миссис Фромм берет серьги-пауки и уходит в них из дому. К вечеру она возвращается, разговаривает со мной и среди прочего сообщает, что поручила Ниро Вульфу провести расследование. Вот это уже в высшей степени неосмотрительно с ее стороны, ей следовало хотя бы догадываться, насколько я опасна. Подтверждение этому она получила в тот же вечер, хотя узнать об этом ей было так и не суждено. Я отыскиваю ее машину, которая стоит неподалеку от дома Хоранов, и прячусь за спинкой переднего сиденья, в руке я сжимаю гаечный ключ. Хоран спускается проводить ее, но..

— Остановитесь! — Крамер резко оборвал Вульфа. — Вы обвиняете Джин Эстан в убийстве бездоказательно. Я уже сказал, что вы несете ответственность за свои слова, но всех присутствующих приплели в это дело, и должен же быть какой-то предел. Приведите хотя бы один факт, иначе я лишаю вас слова.

Вульф поморщился.

— У меня есть такой факт, мистер Крамер, но он еще не проверен окончательно.

— Давайте послушаем.

— Отлично. Арчи, позови их.

Направляясь по [illegible] ведущей в гостиную, я увидел, что Нэрли Стеббинс [illegible] либо получал в своей жизни. Он повернул голову и, опустив глаза, пристально смотрел на руки Джин Эстан. Вульф-то ведь всего-навсего высказал голословное [illegible] Как заявил Крамер, ни единого, даже кр[illegible]

...ного доказательства Вульф не привел. И на лице Джин Эстан не отразилось никакого испуга. И тем не менее Перли, сидевший рядом с нею, не сводил глаз с ее рук.

Распахнув дверь, я позвал:

— Давай, Орри.

Когда они входили, одни из присутствующих повернули головы и посмотрели на них, другие же никак не прореагировали. Орри остался у входа, а я провел Левина между рядами стульев, на которых сидели приглашенные, и предложил ему сесть на специально приготовленный для него стул рядом с моим письменным столом, откуда ему отлично был виден весь первый ряд. Левин старался скрыть волнение, но чуть было не сел мимо, едва задев за самый краешек стула, поэтому мне пришлось предложить ему устроиться поудобнее.

Вульф задал вопрос:

— Ваше имя Бернард Левин?

— Да, сэр,— Левин облизнул губы.

— Вот этот человек у моего стола — инспектор Крамер из Нью-Йоркского управления полиции. Он здесь по долгу службы, но в качестве наблюдателя. Вопросы я задаю от себя лично, и вы можете отвечать по своему усмотрению. Вам все понятно?

— Да, сэр.

— Меня зовут Ниро Вульф. Вы когда-нибудь видели меня раньше?

— Нет, сэр. Я, конечно, слышал о вас...

— Чем вы занимаетесь, мистер Левин?

— Я совладелец частной фирмы «Б. и С. Левин». У нас с братом магазин мужской одежды в Нью-Йорке* на улице Филлмор, 514.

— Почему вы оказались здесь? Как это произошло? Просто расскажите нам.

— Ну, к нам в магазин позвонил человек и сказал...

— Извините, пожалуйста. Когда?

— Сегодня днем, около четырех часов. Он сказал, что на прошлой неделе, в среду, купил в нашем [illegible] синий костюм и коричневый костюм, и спро[illegible] на мое имя? Я ответил, что, разумеется, [illegible] Тогда он спросил, чтобы не [illegible] списать ее, и я сделал

* Нью-Йорк. Входит в городскую агло[illegible] с около 500 тысяч (прим. пер.)

— Извините, пожалуйста. Он сам описал жену или попросил вас описать ту покупательницу?

— Как я уже сказал. Он никого не описывал. Он попросил сделать это меня, и я описал ее.

— Продолжайте.

— После этого он сказал, что хочет прийти и, возможно, обменять шляпу и спросил, буду ли я в магазине. Я ответил, что буду. Примерно через полчаса, может чуть больше, он явился. Показал мне удостоверение нью-йоркского детектива со своей фотографией, в котором стояло его имя, Орвалд Кэтер, и сказал, что женщина, которая купила костюм, не его жена, а он расследует одно дело. Сказал, что работает на Ниро Вульфа, знаменитого детектива, что сейчас все дело у них уперлось в костюм и шляпу и что он просит меня поехать с ним в Нью-Йорк. Вот с этим сложнее было. Мы с братом не любим во всякие неприятности попадать. Мы не «Братья Брукс», но у нас свой честный небольшой бизнес...

— Да-да. Но вы все-таки решили приехать?

— Мы с братом решили. Мы все решаем вдвоем.

— Оказывал ли на вас мистер Кэтер давление? Предлагал ли он вам деньги?

— Нет, он просто уговорил нас. Уговаривать — это у него здорово получается. Из него бы хороший коммивояжер вышел. Ну, мы сели с ним в метро, и он привел меня сюда.

— Вы знаете, для чего?

— Нет, точно он мне не сказал. Сказал только, это что-то весьма важное насчет костюма и шляпы.

— Он не намекал, что вас попросят опознать женщину, которая купила костюм и шляпу?

— Нет, сэр.

— И никого вам не описывал?

— Нет, сэр.

— В таком случае вам ничто не должно помешать, мистер Левин. Я спрашиваю вас о той самой женщине, которая купила в вашем магазине коричневый костюм и фетровую шляпу в прошлую среду. Похож ли на нее кто-нибудь из находящихся в этой комнате?

— Конечно. Я сразу же узнал ее, как только сел. Вот та женщина с краю.— Он указал на Джин Эстай.— Это она.

— Вы уверены?

— На все сто процентов.

Вульф повернул голову.

— Это устроит вас в качестве доказательства, мистер Крамер?

Конечно же у Джин Эстай, сидевшей между сержантом и женщиной из полиции, было четыре или пять минут на размышления. Увидев Левина, она сразу же поняла, что с покупкой одежды влипла крепко, поскольку С. Левин наверняка подтвердит показания Б. Левина. Так что она успела подготовиться и не стала ждать, пока Крамер ответит на вопрос Вульфа.

— Все верно,— произнесла она,— доказательство налицо. Я была круглой дурой. Костюм и шляпу я купила для Клэр Хоран. Она попросила меня, и я это сделала. Я принесла пакет...

Мы все-таки правильно поступили, посадив между приглашенными дамами женщин-полицейских. Сейчас это сработало на славу. Когда миссис Хоран рванулась со своего стула к Джин Эстай, ее остановили так быстро и так бесцеремонно, что она уселась прямо на колени сидевшей рядом женщине из полиции, которая профессионально применила особый прием. Несколько мужчин, сидевших в следующем за этим ряду, вскочили, раздались громкие голоса, среди них бас инспектора Крамера. Пэрли Стеббинс, который, естественно, был немного озадачен, оставил Джин Эстай на попечение своей очаровательной коллеги и сосредоточил все внимание на Дэннисе Хоране, который вскочил со стула, намереваясь высвободить жену из железной хватки блюстительницы порядка, поймавшей ее, как муху на лету. Почувствовав на своем плече тяжелую руку Пэрли, Хоран резко подался назад, затем рывком выпрямился и обратился к тому, кого это непосредственно касалось.

— Это ложь! — пропищал он. Дрожащим пальцем он указал на Джин Эстай.— Она лгунья и убийца! — Он повернулся и перевел палец на Липса Игэна.— Ты знаешь это, Игэн. Знаешь, что Берчу стало известно о том, что она его надувала и обсчитывала, знаешь, что Берч имел в виду, когда говорил, что возьмется за нее. Дурак он был, что понадеялся справиться с ней. А сейчас она шьет мне убийство и тебя хочет примазать. Неужели ты допустишь это?

— Нет! — буркнул Игэн.— Я и так уже втянут по уши. Пусть теперь сама попрыгает, стерва бешеная.

Хоран повернулся лицом к Вульфу.

— Вы раскололи меня, Вульф, будьте вы прокляты! Уж я-то знаю, что моя игра кончена. Обо всем этом моей жене ничего не было известно, ровным счетом ничего, а я ничего не знал об убийствах. Кое-что подозревал, но знать — ничего не знал. Теперь я могу рассказать вам все, что мне действительно известно.

— Мне это ни к чему,— мрачно проговорил Вульф.— Для меня эта игра тоже окончена. Мистер Крамер, пожалуйста, освободите мой дом от этой мерзости.— Уже другим тоном он добавил, обращаясь к собравшимся: — Этот эпитет, леди и джентльмены, относится только к тем, кто его заслужил.

Я полез в нижний ящик своего стола за фотоаппаратом. Лон Коэн, по-моему, вполне заработал хороший снимок Бернарда Левина, сидящего в кабинете Ниро Вульфа.

17

Спустя три дня, в пятницу, в одиннадцать часов утра я сидел за своим столом и печатал письмо одному садоводу, любителю орхидей, когда из оранжереи спустился Вульф и вошел в кабинет. Однако вместо того чтобы направиться к своему столу, он подошел к сейфу, открыл его и что-то достал. Изогнувшись, я посмотрел, что он делает — терпеть не могу, когда своим неумелым обращением он портит вещи. То, что Вульф взял, было записной книжкой Липса Игэна. Он запер сейф и направился к двери.

Я встал, намереваясь пойти следом, но Вульф обернулся и сказал:

— Нет, Арчи. Не хочу, чтобы ты стал соучастником преступления, или это всего лишь судебно наказуемый проступок?

— Вот еще! Был бы рад разделить с вами тюремную камеру.

Вульф прошел на кухню, достал из шкафа большую сковороду, положил ее на стол и аккуратно застелил дно алюминиевой фольгой. Я сел на табурет и стал наблюдать за ним. Вульф раскрыл книжку с вынимающимися листками, вынул один, смял его и положил на сковороду. Когда образовалась кучка из десяти или более листков, он поднес к ней спичку, после чего стал добавлять к этому маленькому костру листок за листком, пока от книжки не осталась одна обложка.

— Ну вот,— удовлетворенно произнес он и направился к раковине мыть руки. Я бросил обложку в корзину для мусора.

Тогда я подумал, что Вульф несколько опережает события, поскольку могло вдруг оказаться, что полиции понадобятся еще дополнительные сведения. Но это было несколько недель назад, а сейчас, когда Хорана и Игэна уже судили, вынесли им обвинение и огласили приговор и когда присяжным заседателям — семерым мужчинам и пяти женщинам — потребовалось всего-навсего четыре часа, чтобы приготовить к смерти Джин Эстай, какого черта волноваться из-за этого сейчас.